e 107
6 147
XXVI

801-05
1679

ARCHIVES DU PRINCE WORONZOW.

АРХИВЪ
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XXVI

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

МОСКВА.

—

1882.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Личныя бумаги императрицы Елисаветы.—Дневная записка Коллегіи Иностр. дѣлъ 1742 г.—Письма кн. Кантемира къ гр. М. Л. Воронцову.—Письма принцессы Цербской Іоанны Елисаветы къ гр. М. Л. Воронцову.—Дѣло о Шетарди (Перлюстрація депешъ). *Со снимками.*

КНИГА ВТОРАЯ. Переписка графа А. П. Бестужева-Рюмина съ графомъ М. Л. Воронцовымъ.—Перлюстрація писемъ о заговорѣ маркиза Ботты.—Письма Миниха.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ императрицѣ Елисаветѣ.—Бумага о побѣгѣ въ чужіе края Д. В. Волкова.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Служебный журналъ гр. М. Л. Воронцова.—Письма Ѳ. Д. Бехтѣева къ гр. М. Л. Воронцову. — Коржавины. — Объ арестѣ Лестока.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ гр. А. Г. Головкинымъ.—Бумаги о покушеніи на жизнь императрицы Елисаветы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Дѣло о студентѣ Маріамскомъ.—Секретная посылка Веймарна и Шпрингера 1752.—Записка гр. М. Л. Воронцова о Семилѣтней войнѣ 1759.—Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ съ отзывами имп. Елисаветы.—Письма гр. М. Л. Воронцова и его супруги къ ихъ дочери.—Письма Ломоносова къ гр. М. Л. и Р. Л. Воронцовымъ.—Письмо герцога Голштинскаго къ Елисаветѣ Петровнѣ.

КНИГА ПЯТАЯ. Автобіографическая записка графа А. Р. Воронцова.—Письма гр. М. Л. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову.—Письма княгини Дашковой, Радищева и Вольтера къ гр. А. Р. Воронцову.

КНИГА ШЕСТАЯ. Доклады Коллегіи Иностр. Дѣлъ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ, И. И. Шуваловымъ и пр. — О взятіи Берлина Русскими войсками, *съ планомъ.*

КНИГА СЕДЬМАЯ. Доклады Елисаветинской конференціи.—Бумаги объ измѣнѣ гр. Тотлебена.—Переписка гр. Воронцова съ Н. И. Панинымъ.—Бумаги о тайной перепискѣ имп. Елисаветы съ Людовикомъ XV-мъ.—Конференціи при Петрѣ III-мъ и въ перв. полугодіе при Екатеринѣ.—Переписка гр. М. Л. Воронцова съ Екатериною II-ю.—Замѣчанія кн. Дашковой на книгу Рюльера. *Съ портретомъ графа М. Л. Воронцова.*

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

XXVI.

АРХИВЪ

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

КНИГА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

БУМАГИ РАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

1747 — 1791.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ
1882.

БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА О.С.С.Р. УзССР

2007089588

*

Свѣтлѣйшій князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ, родившійся въ Одессѣ 23 Октября 1823 года, скончался въ Санктъ-Петербургѣ, 6 Мая сего 1882 года. Онъ не дожилъ до окончанія предпринятаго по его мысли и на его средства историческаго изданія. Его личное, постоянное участіе, широта обще-историческаго взгляда въ выборѣ подлежавшихъ обнародованію бумагъ и всегда разумный совѣтъ служили великимъ облегченіемъ многолѣтняго и многотомнаго труда. „Архивъ Князя Воронцова“, безъ котораго нынѣ не льзя обойтись историку Россіи и Европейскихъ государствъ останется вѣчнымъ памятникомъ государственной мысли и общенароднаго, не показнаго, а дѣятельнаго усердія, которыми отличался покойный князь С. М. Воронцовъ. П. Б.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ КНИГИ АРХИВА

КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Стр.

Докладъ императрицѣ Екатеринѣ Второй объ учрежденіи Совѣта. (Неизвѣстнаго сочинителя). 1763. съ примѣчаніемъ на проектъ манифеста. Москва, 7 Февраля 1763 1

*

Изъ бумагъ графа П. В. Завадовскаго:

О Даниловскомъ 7
О Семенѣ Сулимѣ 8
Завадовскій къ А. В. Олсуфьеву. Августа 16 дня (1775). 9
Завадовскій неизвѣстному лицу. Августа 16 дня 1775 года... 9
Завадовскій П. В. Бакунину, Сентября 5 дня (1775)..... ... 9
Завадовскій Николаю Ивановичу Маслову. Сентября 19 дня 1775. 10
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Сентября 19 дня 1775 г. 10
Завадовскій П. И. Салтыкову. 25 Сентября 1775 г. Москва... 11
О Воскобойниковѣ и Бѣлоусовичѣ..... 11
Завадовскій Н. И. Маслову. Октября 10 дня 1775 г..... 12
Завадовскій П. В. Бакунину. Октября 21 дня 1775 г..... 13
Завадовскій къ оберъ-прокурору Синода. Октября 24 дня 1775 г. 13
Заводовскій къ князю А. А. Вяземскому. Октября 24 дня 1775 г. 14

Стр.

Завадовскій оберъ-прокурору Синода. Октября 31 дня 1775 г. 14
Завадовскій къ неизвѣстному лицу. Ноября 5 дня 1775 г..... 15
Завадовскій къ князю А. А. Вяземскому. Ноября 7 дня (1775). 15
Завадовскій Н. И. Маслову. Ноября 9 дня 1775 г. 15
Завадовскій Н. И. Маслову. Декабря 2 дня (1775) 16
Завадовскій неизвѣстному лицу. Декабря 3-го 1775 16
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Декабря 7 дня (1775)... 17
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Декабря 7 дня (1775)... 17
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Декабря 10 дня 1775... 18
Завадовскій Н. И. Маслову. Декабря 10 дня 1775 года..... 18
Завадовскій А. В. Олсуфьеву. Декабря 10 (1775) 19
Завадовскій князю А. А. Вяземскому. Декабря 15 (1775)..... 19
Завадовскій князю А. А. Вяземскому, Декабря 19 дня 1775 г.. 19
Марья Павловна Нарышкина Завадовскому.
1. Безъ числа и года 20
2. Въ Москвѣ, 22 Декабря 1775..... 21
Оберъ-камергеръ князь А. М. Голицынъ Завадовскому:
1. Изъ Москвы, 4-го Генваря 1776 года..... 22
2. Изъ Москвы, 4-го Августа 1776 года 23
3. Изъ Москвы, 5-го Генваря 1777 года..... 24
Завадовскій неизвѣстному лицу..... 25
Завадовскій графу Броуну..... 25
В. Карачинскій Завадовскому. 17 Марта 1776 года..... 25
И. Туманскій Завадовскому. Мая 16 дня 1776 г., С.-Петербургъ. 26
Наталья Пассекъ Завадовскому. 4 Іюля 1776 года, Москва. . . 27
Я. Нордбергъ графу Завадовскому. 28
Солдатъ Перепелкинъ Завадовскому. 29

*

Бумаги графа Н. И. Панина:

Копія съ секретнаго рескрипта, отправленнаго къ камергеру Панину въ Стокгольмъ 33
Переводъ секретнаго рескрипта къ тайному совѣтнику Корфу. . 35
Переводъ съ приложенія къ секретной реляціи камергера Панина. 38
Экстрактъ изъ реляцій министерскихъ, полученныхъ въ 18-й день Ноября 1758 года. 44
Изъ писемъ Н. И. Панина къ графу М. Л. Воронцову. 1747 г.

Стр.
Изъ Риги, 1-го Августа 56
Изъ Мемеля, 7 Августа 56
Изъ Берлина, 22 Августа 56
Изъ Дрездена, 5 Сентября 56
Изъ Лейпцига, 26 Сентября 57
Изъ Гамбурга, 6 Октября н. ст. 57
Изъ Гамбурга 8 (19) Октября 57
Изъ Копенгагена, 24 Октября 57
Оттуда же, 3 (14) Ноября 57
Оттуда же, 14 (25) Ноября 57
Оттуда же 12 (23) Декабря 53

1748.

Изъ Стокгольма, 11 (22) Ноября 58

1749.

7-го (18) Февраля 59
Изъ Стокгольма. Апрѣля 14 (25) дня 59
26 Апрѣля (7 Мая) 61
26 Іюня (7 Іюля) 61

1750.

11 (22) Февраля 61
26 Октября 61
22 Ноября 61

1751.

16 Декабря 61

1756.

5 Сентября 61
Изъ Стокгольма, 16 Сентября 1757 62

1758.

16 Ноября 65
10 Декабря 66

1759.

4 Генваря 66
17 Сентября 66
23 Ноября 66
18 Декабря 67
Изъ Стокгольма 3 Сентября 67

1760. Стр.

13 Генваря 69
7 Февраля. 69
Изъ Абова, отъ 11 Апрѣля 70
Фридрихсгамъ, 30 Апрѣля 1760 г. 70

Переписка канцлера графа М. Л. Воронцова съ графомъ Н. И. Панинымъ, въ Екатерининское царствованіе.

1. 30 Іюня 1762. 72
2. 19 Іюля 1762. 73
3. Въ 8 часовъ съ половиною 74
4. Изъ Риги, Августа дня 1763 74
5. Изъ Кимры, 30 Іюня 1766. 75
6. Безъ числа. 75
7. Безъ числа. 76
8. 1766 г. Іюля 27 дня, въ селѣ Кимрѣ 77
9. С.-Петербургъ, 8 Августа 1760 г. 78
10. 1766 г. Августа 20 дня, въ селѣ Кимрѣ. 79
11. Изъ Москвы, 21 Сентября (безъ года). 80

Два письма графа Н. И. Панина къ князю В. М. Долгорукову-Крымскому:

1. С.-Петербургъ, 28 Марта 1772 81
2. С.-Петербургъ, 8 Декабря 1772 92

Исчисленіе издержекъ, при отпускѣ калги-салтана. 99

Письма графа Н. И. Панина къ императрицѣ Екатеринѣ Великой.

1. Въ С.-Петербургѣ, 28 Апр. 1776 года. 103
2. С.-Петербургъ, 11 Маія 1776. 104
3. С.-Петербургъ, 13 Маія 1776. 105
4. С.-Петербургъ, 16 Маія 1776 106
5. С.-Петербургъ, 18 Маія 1776 107
6. С.-Петербургъ, 21 Іюня 1776 108
7. С.-Петербургъ, 23 Іюня 1776. 109
8. Ульянка, 12 Іюля 1776 111
9. Ульянка, 15 Іюля 1776 113
10. Ульянка, 20 Іюля 1776 г. 113
11. Ульянка, 23 Іюля 1776 г. 114
12. Ульянка, 28 Іюля 1776 г. 115
13. Ульянка, 31 Іюля 1776 г. 115

Стр.
14. Ульянка, 6 Августа 1776 116
15. Ульянка, 9 Августа 1776 118
16. Ульянка, 10 Августа 1776. 119
17. Ульянка, 14 Августа 1776. 119
18. Ульянка, 16 Августа 1776. 119
19. Ульянка, 20 Августа 1776 121
20. Въ С.-Петербургѣ, 27 Августа 1776 г. 122
Собственноручное письмо Екатерины Великой. 124
21. С.-Петербургъ, 29 Августа 1776. 124
22. С.-Петербургъ, 1 Сент. 1776 126
23. 18-го Сент. 1776. 127
24. 23-го Сент. 1776 128
Note. A Petersburg, le 15 Septembre 1776 129
25. 25-го Сент. 1776 г. 130
26. Окт. 14-го 1776 г. 131
27. Окт. 18-го дня 1776 г. 132
28. Окт. 26-го дня 1776 г. 133
29. Ноября 28-го дня 1776 137
30. Февр. 3-го дня 1777 г. 138
31. 1777. 156
32. Безъ числа. 157

Письма графа Н. И. Панина къ П. В. Бакунину.
1. С.-Петербургъ, Апр. 19-го 1776 158
2. С.-Петербургъ, 13-го Мая 1776 г. 160
3. Въ Ульянкѣ, 16-го Іюля 1776 г. 161
4. Въ Ульянкѣ, 20-го Іюля 1776 г. 162
5. Безъ числа. 163
6. Ульянка, 13-го Августа 1776. 163
7. Ульянка, 17-го Августа 1776 164
8. Безъ числа. 165

Два письма графа А. Р. Воронцова къ графу Н. И. Панину.
1. Безъ числа. 166
Приложеніе. Завѣщаніе барона Ферзена 19 Іюля 1763 . . 170
2. Безъ числа. 173

*

Копія съ письма, писаннаго собственною Ея Императорскаго Величества рукою къ фельдмаршалу графу Салтыкову изъ Санктъ-Петербурга, отъ 8-го Ноября 1768 года. 179

Стр.

Записка Швейцарца Ваньера о Вольтерѣ и объ его кончинѣ 181

О весьма нужно-спасительномъ огражденіи дворянскихъ родовъ отъ примышляемаго отъятія у нихъ земель и деревень изъ спокойнаго ихъ владѣнія. 225

Мнѣніе графа Миниха о Русской торговлѣ съ Пруссіею. 237

Записка о разныхъ способахъ, какъ ввозимые сюда товары избѣгаютъ платежа положенныхъ пошлинъ 241

О приведеніи ассигнаціоннаго банка въ лучшее состояніе 249

Копія всеподданнѣйшей записки, поданной отъ князя Потемкина. 251

Дворцовый приказъ. Сентября дня 1779 г. 254

Приказъ состоящимъ часовымъ кавалергардамъ, кого Ея Императорское Величество повелѣть изволитъ пропускать за оный постъ 255

Два донесенія Екатеринѣ Великой адмирала Грейга 1783.

1. Кронштадтъ, Генв. 12 дня 1783 года 261
2. Генв. 20 дня 1783 года 270

Размышленія, относящіяся ко овладѣнію Дарданельскими крѣпостями. 271

*

Дѣло о разводѣ генералъ-поручика Сиверса съ женою Елисаветою. 1779.

1. 21 Августа 1779 277
2. Переводъ письма господина Сиверса, писаннаго имъ къ дядѣ его, Карлу Ѳедоровичу Крузу, прежде начатія третейскаго суда. 278
3. Переводъ другаго письма, писаннаго господиномъ Сиверсомъ къ дядѣ жъ его, его превосходительству Карлу Ѳедоровичу Крузу . 278
4. Переводъ уполномочія господина Сиверса, даннаго его высокопревосходительству Адаму Васильевичу Олсуфьеву. С.-Петербургъ, Октября 25 дня 1778 года 279
5. Письмо князя А. М. Голицына къ г-жѣ Сиверсъ. 280
6. Пункты, на которыхъ основанъ разводъ господина Сиверса съ супругою его 281
7. Состояніе дѣла о Сиверсовомъ разводѣ 286
8. Опредѣленіе Юстицъ-Коллегіи. 299

*

Стр.

Всеподданнѣйшее прошеніе помѣщицы Воейковой. Марта 17-го дня 1786 г. 308

Краткое изъясненіе о вольности Французскаго дворянства по пользѣ третьяго чина 315

Разсужденіе о третьемъ чинѣ. 320

Записка подпорутчицы Веселовской объ увозѣ графомъ Каховскимъ дочери ея и причиненіи ей безчестія. 325

Копія съ письма къ вице-канцлеру графу Остерману отъ князя Долгорукова, изъ Берлина, отъ 20 Апр. (1 Мая) 1784 года (О вывозѣ Русскаго серебра въ Пруссію) 330

Письмо отъ пріятеля къ пріятелю о томъ, съ какимъ варварствомъ Турки иностранныхъ министровъ частто трактуютъ. 332

Письма князя Потемкина къ великому Суворову:

1. Писано 9-го Окт. 1789. 345
2. 24-го Окт. 346
3. 8-го Генв. 346
4. 25-го Генв. 1790 347
5. 20-го Февр. 1790. Яссы. 347
6. 9-го Марта 1790 347
7. 27-го Марта 1790. Яссы 348
8. Безъ числа. 348

Стихи на Екатерининскія учрежденія. 349

Копія съ письма Екатерины Великой къ графу Самойлову. (О вымогательствѣ денегъ Воейковымъ у Львовой). Царское Село, 23-го Іюня 1794 года. . . 351

Петербургское приключеніе прошлаго вѣка 353

Подлинныя донесенія графа Захара Григорьевича Чернышова Екатеринѣ Великой объ открытіи Московской-губерніи 355

1. Въ Москвѣ, Октября 5-го 1782 г. 356
2. Въ Москвѣ, Октября 10-го дня 1782 г. 357

Списокъ выбранныхъ въ уѣздные предводители. 358

3. Въ Москвѣ, Октября 3-го дня 1782 г. 359

Списокъ назначенныхъ въ депутаты. 362

Стр.

4. Въ Москвѣ, Октября 31-го дня 1782 г. 363

5. Въ Москвѣ, Октября 31-го дня 1782 г 394

Письмо архіепископа Казанскаго Амвросія къ графу А. Р. Воронцову. Августа 23-го дня 1787, въ Казани. . . . 365

Копія съ письма архіепископа Амвросія къ императрицѣ Екатеринѣ Великой (О новокрещенскихъ школахъ). Августа дня 1787 г., въ Казани 366

Письмо неизвѣстнаго Француза къ графу А. Р. Воронцову, изъ Парижа, 2 Января 1781. 369

Копія съ рапорта Екатерины Великой отъ генералъ-аншефа Гудовича, 7 Ноября 1791 (Описаніе Кавказа). . . 377

Случаи изъ жизни фельдмаршала Ласси, разсказанные графомъ Ю. Ю. Брюномъ. 397

*

1790 годъ.

Переписка Саксонскаго резидента въ Петербургѣ Гельбига съ Лоссомъ.

1. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 12-го (23) Іюля 1790. 403

2. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 24 Іюля 1790. 406

3. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С. Петербурга, отъ 16 (27) Іюля 1790. 410

4. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 19 (30) Іюля 1790 414

5. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 30 Іюля (10 Августа) 1790. 417

6. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 2 (13) Августа 1790. 420

7. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 14-го Августа 1790. 423

8. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 6 (37) Августа 1790. 627

9. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 9 (20) Августа 1790 429

Стр.

10. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 13 (24) Августа 1790 431
11. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 16 (27) Августа 1790 434
12. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 23 Августа (3 Сентября) 1790 437
13. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 4 Сентября 1790. 440
14. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 27 Августа (7 Сентября) 1790 443
15. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 30 Августа (19 Сентября) 1790. 445
16. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 3 (14) Сентября 1790 447
17. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 6 (17) Сентября 1790 449
18. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 13 (24) Сентября 1790 451
19. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 17 (24) Сентября 1790. 452
20. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 20 Сентября (1 Октября) 1790, ... 482
21. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 2 Октября 1788. 457
22. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 24 Сентября (5 Октября) 1790. 460
23. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 24 Сентября (8 Октября) 1790. 463
24. Отъ Лосса къ Гельбигу, изъ Дрездена, отъ 14 Октября 1790. 465
25. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 4 (15) Октября 1790. 471
26. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 11 (22) Октября 1790. 474
27. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 15 (26) Октября 1790. 576
28 Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 22 Октября (2 Ноября) 1790 479
29. Отъ Гельбига къ Лоссу, изъ С.-Петербурга, отъ 25 Октября (5 Ноября) 1790 482

Стр.
Подѣлу барона Армфельда 485
Notices sur les Martinistees, drésentees en 1811 par le poc-te Réstopchine à le grande-duchesse Catherine 497
Дополненіе. Копія съ письма къ государственному канцлеру графу М. Л. Воронцовуотъгенералъ-поручика Пеннна, изъ Стокгольма отъ 9 Іюля, полученнаго въ 20-й день Іюля же 1759 г. 509

Докладъ императрицѣ Екатеринѣ Второй объ учрежденіи Совѣта.

(Неизвѣстнаго сочинителя.)

1763.

Всемилостивѣйшая Государыня.

Довѣренность, съ каковою Ваше Императорское Величество изволили мнѣ вчера повелѣть представить Вамъ всенижайшее мое мнѣніе о проектѣ манифеста, касающагося до учрежденія Совѣта, служа мнѣ отличнымъ опытомъ монаршей Вашего Императорскаго Величества милости и благоволенія, обязываетъ меня сугубо къ исполненію вѣрноподданнической моей должности.

Слѣдуя сему правилу, осмѣливаюсь я всенижайше донести Вашему Императорскому Величеству, что по совѣсти и лучшему разумѣнію моему признаю пользу и нужду въ учрежденіи Совѣта, который бы служилъ къ облегченію трудовъ Вашего Величества.

Вы изволите, всемилостивѣйшая Государыня, для пользы ввѣреннаго державѣ Вашей народа исполнять во всемъ пространствѣ должности истинной матери отечества. Но чѣмъ больше жертвуете Ваше Величество собственнымъ Вашимъ спокойствіемъ, тѣмъ паче и должны мы, для продолженія златаго въ жизни нашей вѣка, желать, дабы Ваше Величество не переставали помышлять о соблюденіи драгайшаго Вашего здравія.

Счастлива будетъ Россія, если Ваше Величество, низлагая бремя подробностей на достойныхъ повѣренности Вашей сы-

новъ отечества, изволите только обратить главное Ваше попеченіе на сохранность, или, лучше сказать, на исправленіе приведенныхъ въ безпорядокъ законовъ, на справедливое признаніе заслугъ и преступленій, на общую государственную экономію, которая по сю пору толь худо учреждена, и на утвержденіе того благодетельствія, которымъ начали уже мы наслаждаться подъ мудрымъ Вашего Императорскаго Величества государствованіемъ.

Согласуя такимъ образомъ въ главномъ намѣреніи учрежденіе Совѣта, позволите мнѣ, всемилостивѣйшая Государыня, сослаться на подносимыя при семъ всенижайшія примѣчанія, въ разсужденіи разныхъ пунктовъ проектуемаго манифеста.

Примѣчанія на проектъ манифеста.

1. Положеніе или основаніе манифеста можетъ нѣкоторымъ образомъ сокращено быть, потому что учрежденіе Совѣта само по себѣ не соотвѣтствуетъ всѣмъ тѣмъ намѣреніямъ, которыя (Ея Императорское Величество изволитъ объявлять) *) объявляются въ пользу народа (своего). Напглавнѣйше потребно къ тому исправленіе законовъ (установленіе новыхъ и непремѣнныхъ, при соблюденіи самодержавной власти, въ случаѣ преемничества престола) и истребленіе всѣхъ понынѣ въ правительствѣ усмотрѣнныхъ недостатковъ.

Мнѣ кажется нужно и о именованіи *Императорскаго Совѣта* и членовъ онаго *императорскими совѣтниками* въ примѣчаніи упомянуть: хотя сіе наименованіе само въ себѣ и невинное, но можетъ отъ кого-нибудь истолковано быть въ предосужденіе сего полезнаго учрежденія и опредѣляемыхъ къ

*) Поставленное здѣсь въ скобкахъ въ подлинникѣ замѣнено другими выраженіями, или совсѣмъ уничтожено. П. Б.

тому персонъ. Довольно и того, когда просто сказано будетъ, что Ея Императорское Величество учреждать изволитъ Совѣтъ, а Сенатъ на прежнемъ основаніи въ своемъ преимуществѣ ненарушимо оставляется.

2. Число членовъ Совѣта опредѣлять, кажется, излишно; потому что выборъ и опредѣленіе оныхъ должны зависѣть отъ высочайшей воли Ея Императорскаго Величества.

Если Ея Величеству не угодно уменьшать оное ниже шести, ни умножать выше восьми персонъ, то и безъ опредѣленія числа можетъ то всегда по одной ея волѣ быть (напротивъ чего, о будущемъ времени не можно ничего полагать съ точностію, и для того не къ чему дѣлать такой законъ, котораго нарушеніе невредительно для народа, ибо инако привычкою къ невредному нарушенію можно пріобыкнуть и къ противному), а при нынѣшнемъ опредѣленіи довольно только именовать тѣхъ персонъ, которыя въ Совѣтѣ быть полагаются.

3. Должности статскихъ секретарей должны не въ манифестѣ, но въ регламентѣ Совѣта, сочиняемомъ для избѣжанія всякихъ недоразумѣній прежде учрежденія онаго, точно и подробно опредѣлены быть, дабы изъ неопредѣленія всѣхъ подробностей не могло произрасти споровъ и притѣсненія въ правахъ (президентовъ) трехъ главныхъ коллегій, кои по сю пору имѣли честь сами, безпосредственно, Ея Императорскому Величеству по дѣламъ докладывать и кои потому и въ Совѣтѣ должны пользоваться ихъ преимуществомъ, независимо отъ статскихъ секретарей.

4. Объ учрежденіи канцеляріи Совѣта нѣтъ, кажется, нужды упоминать въ манифестѣ; потому что принадлежитъ оное до регламента, который для народнаго свѣдѣнія особливо публикованъ быть можетъ.

5. Въ регламентѣ, видится, еще быть нужно различить должности статскихъ секретарей и правителя канцеляріи; потому что натуральнѣе оставить первымъ сочиненіе именныхъ указовъ, каждому по дѣламъ департамента его, а правителю канцеляріи только тѣ, кои не касаются до департаментовъ.

6. О справкахъ, изъ Совѣта въ другія государственныя управленія посылаемыхъ, кажется, нѣтъ потому же нужды упоминать въ манифестѣ, ибо сіе обстоятельство приличнѣе въ регламентѣ истолковано быть можетъ.

7. Раздѣленіе Сената, кажется, надобно оставить на собственное его разсмотрѣніе, ибо тамъ по сопряженію дѣлъ составленіе департаментовъ лучше учинено быть можетъ въ случаѣ неудобности отмѣнять именной указъ (которые указы долженствовали бы всегда свято и непарушимо сохраняемы быть, а не такъ часто отмѣняться и одинъ другому преословить, какъ прежде бывало), нежели упомянуть, что раздѣленіе дѣлъ въ Сенатѣ на департаменты признавалось всегда за наилучшій способъ къ скорѣйшему произведенію дѣлъ, и всемѣрно нужно, чтобъ большинство голосовъ для рѣшенія узаконено было, и сіе можетъ Ея Императорское Величество въ присутствіи своемъ въ Сенатѣ объявить (къ чему можно примѣрную записку сочинить).

Если усердіе мое къ службѣ Вашего Императорскаго Величества преступаетъ въ семъ случаѣ предѣлы, то надѣюсь, что Вы, всемилостивѣйшая Государыня, не изволите осудить источника моихъ мнѣній, которыя основаны единственно на посвященной Вашему Императорскому Величеству вѣрности.

До гроба пребуду я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

Въ Москвѣ
7 Февраля 1763 года.

ИЗЪ БУМАГЪ

ГРАФА

П. В. ЗАВАДОВСКАГО.

Тѣсная дружба, соединявшая графа С. Р. Воронцова съ графомъ П. В. Завадовскимъ (котораго письма наполняютъ собою почти всю XII книгу этого изданія) служитъ объясненіемъ, почему въ Воронцовскомъ архивѣ сохранились черновыя бумаги графа Завадовскаго, нѣкоторое время жившаго въ Петербургѣ въ домѣ графовъ Воронцовыхъ. Бумаги эти относятся къ тремъ самымъ замѣчательнымъ годамъ въ его жизни (1775—1777), когда онъ пользовался особенною близостью къ Екатеринѣ II-й, былъ ежедневнымъ ея собесѣдникомъ, и къ нему съ разныхъ сторонъ обращались съ просьбами; а самъ онъ, по ея приказанію, письменно сносился со многими правительственными лицами. Здѣсь помѣщаются извлеченія изъ этихъ бумагъ. Письма Завадовскаго (тогда еще не графа) сохранились въ черновыхъ подлинникахъ. П. Б.

О Даниловскомъ.

Дѣдъ мой изъ Евреевъ Андрей *Даниловской*, зашедши Малороссійскаго Стародубскаго полку сотни Шептаковской въ село Камень, крестился въ Грекокаѳолическую вѣру и оженясь прижилъ четырехъ сыновей, въ томъ числѣ и отца моего Ефима Даниловскаго. Изъ сихъ одинъ и нынѣ казакомъ выборнымъ, а другой, женившись на священнической дочери, дьячкомъ находятся. Отецъ же мой, равно какъ и старшій его братъ, а мой дядя, исправляетъ казачью службу и всѣ указныя до того принадлежащія подати платитъ, о чемъ значится и въ данномъ ему изъ сотенной Шептаковской канцеляріи свидѣтельствѣ.

За всѣмъ же онымъ, его сіятельства графа Кирила Григорьевича Разумовскаго управитель Шептаковской волости Михайло Бабурскій, въ нарушеніе высочайшихъ указовъ и Малороссійскихъ правъ, дѣлаетъ его посполитымъ по ревизіи 764 года, въ произведеніе которой служилъ онъ прикащикомъ только съ одного жалованья, какъ свободной, а не яко посполитой. И потому насланнымъ отцу моему сего 1775 года Іюня 29 дня приказомъ незаконно повелѣваетъ исполнять под-

данническія повинности, а между тѣмъ все его имѣніе, какъ-то разнаго рода скотъ, хлѣбъ и сѣно, къ себѣ забралъ и тѣмъ привелъ его въ разорительное состояніе.

*

О Семенѣ Сулимѣ.

Надворной совѣтникъ Семенъ *Сулима*, будучи сего 775-го года Апрѣля 8 дня отосланъ изъ Шляхетнаго Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, въ силу высочайшей конфирмации, въ Сенатъ къ разсмотрѣнію о награжденіи его чиномъ за пятилѣтнее отправленіе при корпусѣ должности главнаго казначея, опредѣленъ отъ Сената въ прошедшемъ же Апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Московскую Губернскую Межевую Канцелярію членомъ на вакансію колежскаго совѣтника.

Какъ по уставу Корпуса положено полицеймейстера и главнаго казначея награждать чинами по пропестіи трехъ лѣтъ, проситель же Сулима служилъ въ должности главнаго казначея безпорочно болѣе пяти лѣтъ, а по нынѣшнему его въ Межевой Канцеляріи мѣсту манифестомъ отъ 8 Октября 1765 года повелѣно всѣхъ опредѣленныхъ въ члены межевыхъ канцелярій и конторъ, также и въ землемѣры, по ихъ радѣтельной и безкорыстной службѣ чинами не оставлять, а кто изъ нихъ отличное усердіе и труды покажетъ, такой имѣетъ отличнаго себѣ повышенія и высочайшаго Ея Императорскаго Величества благоволенія ожидать, въ бытность же его Сулимы и въ Межевой Канцеляріи рѣшено дѣлъ разнаго содержанія болѣе двухъ тысячъ четырехъ сотъ: то проситъ, сколько въ силу устава Корпуса, равно и въ сходство манифеста

для межевыхъ дѣлъ, объ оказаніи надъ нимъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости и о награжденіи его чиномъ.

*

Завадовскій къ А. В. Олсуфьеву.

Ея Императорское Величество соизволила указать выдать изъ Кабинета тысячу червонныхъ господину подполковнику Михаилѣ Кутузову *), ѣдущему для лѣченія къ водамъ. Я честь имѣю увѣдомить о томъ ваше высокопревосходительство.

Августа 16 дня (1775).

*

Завадовскій неизвѣстному лицу.

Ея Величество соизволила указать отобрать справку отъ Коллегіи Экономіи, сколько вступаетъ и имѣется таковой суммы сверхъ штатныхъ расходовъ, которая погодно къ ассигнованію иногда въ расходъ употребляема бываетъ, какъ только по именнымъ указамъ?

Августа 16 дня
1775 г.

*

Завадовскій П. В. Банунину.

Ея Императорское Величество соизволила указать, чтобы ваше превосходительство сдѣлали вспоможеніе, по вашему

*) Славному впослѣдствіи князю Смоленскому.

разсмотрѣнію, крестьянамъ деревни Мостовой, принадлежащей Коллегіи Экономіи по случаю пожара, истребившаго всѣ безъ остатка ихъ домы.

Сентября 5 дня (1775).

*

Завадовскій Николаю Ивановичу Маслову.

Честь имѣю препроводить симъ къ вашему превосходительству челобитную Екатерины Авдѣевой дочери, жены Московскаго купца Ѳанасья Семенова сына Сырейщикова, изъявляющую неудовольствіе на рѣшеніе Московскаго и главнаго магистратовъ, также и Сената, по дѣлу ея съ Московскимъ купцомъ Рыбаковымъ о несправедливомъ отнятіи Рыбаковымъ владѣнныхъ лавками и лавочными мѣстами, ей по наслѣдству послѣ умершаго отца ея принадлежащими, какъ слѣдующую къ докладу Ея Величеству по учиненіи выправки въ Сенатѣ.

Сентября 19 дня
1775.

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Во исполненіе высочайшаго повелѣнія я честь имѣю просить ваше сіятельство приказать выправиться о Лифляндской мызѣ Айденгофъ, сколько въ ней гаковъ и на арендѣ ли и за кѣмъ состоитъ? И о томъ меня увѣдомить.

Сентября 19 дня
1775 г.

*

Завадовскій Н. И. Салтыкову.

Вельдствіе уже сообщеннаго отъ меня вамъ повелѣнія Ея Императорскаго Величе́ства въ разсужденіи дѣла с. маіора Бутурлина, я провождаю симъ его прошеніе, чтобъ въ свое время соизволили доложить по оному, какъ равномѣрно и челобитную Бѣлозерскаго полку адъютанта Василія Вавыкина, просящаго на рѣшеніе Сената.

25 Сентября 1775 г.
Москва.

*

О Воскобойниковѣ и Бѣлоусовичѣ.

1775 года Сентября 25 дня по изустному Ея Императорскаго Величества высочайшему указу, коимъ дѣйствительному тайному совѣтнику Олсуфьеву повелѣть изволила армейскихъ капитановъ Павла *Воскобойникова* и Кирила *Бѣлоусовича*, бывшихъ прежде у дѣлъ при походной канцеляріи господина генерала-фельдмаршала и кавалера графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, числить у дѣлъ же при полковникѣ Заводовскомъ, въ коихъ они съ опредѣленія его самаго, то есть съ 10 Іюля сего года, уже и обращаются, и жалованья опредѣлить имъ съ прибавкою противъ того, какое они, будучи при оной походной канцеляріи, получали, примѣняясь къ окладамъ находящихся при Кабинетѣ секретарей. И какъ въ справкѣ сообщенной отъ полковника Завадовскаго показано, что оные капитаны въ той походной канцеляріи получали жалованья съ раціонами, деньщичьими и столовыми по четыреста двадцати четыре рубли, по тридца-

ти шести копѣекъ съ четвертью, кабинетскіе же секретари получаютъ въ годъ по четыреста пятдесятъ рублевъ: то во исполненіе выше прописаннаго высочайшаго повелѣнія и по словесному Ея Императорскому Величеству всеподданѣйшему докладѣ, въ Кабинетѣ опредѣлено.

Какъ оныимъ капитанамъ Воскобойникову и Бѣлоусовичу, считая съ 10 Іюля сего года, и приведя ихъ въ вѣрности службы по указу къ присягѣ, такъ и находящимся при Кабинетѣ секретарямъ Ивану Протопопову, Ильѣ Желѣзнову и Никифору Кангородову производить съ того же времени жалованья каждому по пяти сотъ рублевъ въ годъ изъ комнатной суммы, а Желѣзнову отъ комнатной экспедиціи

Подлинной подписанъ тако:

Адамъ Олсуфьевъ.

Надворной совѣтникъ Иванъ Желѣзновъ.

Завадовскій Н. И. Маслову.

Симъ препровождаю къ вашему превосходительству 1): Челобитную отставнаго премьеръ-маіора Демяна Оболонскаго, поданную Сентября 29 дня сего года, объ отправленіи учиненнаго въ третьемъ правительствующаго Сената департаментѣ рѣшенія по дѣлу его съ Иваномъ Кодынцемъ о завладѣнныхъ симъ въ селѣ Горошинѣ дворахъ и хуторѣ, къ оному селу принадлежащемъ. 2) Прошеніе Александра Жданова, поданное Сентября 30 дня, о взятіи дѣла его съ Осокинымъ о состоящей въ Казани суконной фабрикѣ, бывшей во владѣніи Дряблова изъ Главнаго Магистрата и Мануфактуръ-Коллегіи въ Сенатъ для рѣшенія. 3) Прошеніе Юрьена

Флинта и Василія Шкаразина о повелѣніи генералу-маіору Павлу, камеръ-юнкеру Михайлу, да полковнику Петру Потемкинымъ заплатить по векселямъ, данным какъ матерью ихъ за поручительствомъ оныхъ Потемкиныхъ, такъ и отъ нихъ самихъ сумму восьмнадцать тысячъ девятьсотъ восемдесятъ три рубли.

Какъ всѣ сіи просьбы требуютъ выправокъ и чрезъ ваши руки быть потомъ доложены Ея Императорскому Величеству, то на исполненіе такое я ихъ сообщаю.

Октября 10.
1775 г.

*

Завадовскій П. В. Бакунину.

По приложенной челобитной Михайла Ѳедотова сына Павлуцкаго о оставшемся по смерти Воронежскаго епископа Іоаникія имѣніи, прошу покорнѣйше ваше превосходительство, учиня выправки, увѣдомить меня обстоятельно.

Октября 21 дня.
1775 г.

*

Завадовскій къ оберъ-прокурору Синода.

Московскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря находящаяся съ 1772 года въ бѣлицахъ ключарница Параскева Ѳедорова дочь, также Мавра дѣвица, дочь порутчика Ивана Бражникова, находящаяся въ искусѣ въ Московскомъ дѣвичьемъ Никитскомъ монастырѣ, поданными на высочайшее

Ея Императорскаго Величества имя челобитными просятъ о постриженіи ихъ въ тѣхъ же монастыряхъ въ монахини, чего для прошу покорнѣйше вашего превосходительства увѣдомить меня, есть ли въ оныхъ монастыряхъ праздныя мѣста для постриженія ихъ въ иноческій чинъ.

Октября 24 дня.
1775 г.

*

Завадовскій къ князю А. А. Вяземскому.

Потребна для донесенія Ея Императорскому Величеству поданная въ шестой Правительствующаго Сената департаментъ сего года отъ оберъ-егермейстера Семена Кирилловича нарышкина челобитная о укрѣпленіи вдовы Дарьи Посниковой, бывшей въ замужствѣ за крѣпостнымъ его человѣкомъ и кое учинено въ Сенатѣ опредѣленіе: чего ради прошу вашего сіятельства приказать меня о томъ увѣдомить.

Октября 24 дня.
1775 г.

*

Завадовскій оберъ-прокурору Синода.

Ея Императорское Величество, снисходя на всеподданнѣйшія просьбы находящейся въ бѣлицахъ въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ ключарницею Парасковьи Ѳедоровой дочери и обрѣтающейся въ искусѣ въ Московскомъ дѣвичьемъ Никитскомъ монастырѣ дѣвицы Мавры, дочери порутчика Ивана Бражникова, всемилостивѣйше указала постричь ихъ въ монахини въ тѣ монастыри, гдѣ они находятся.

Октября 31 дня.
1775 г.

*

Завадовскій къ неизвѣстному лицу.

По приложенной при семъ челобитной жены надворнаго совѣтника Анны Григорьевой потребно для донесенія Ея Императорскому Величеству извѣстіе *о находящемся при строеніи* Нарвскаго фарватера надворномъ совѣтникѣ Иванѣ Никофоровѣ *Григорьевѣ*, какимъ образомъ онъ денежную казну утратилъ, и что̀ съ нимъ послѣдовало.

Ноября 5 дня.
1775 г.

*

Завадовскій къ князю А. А. Вяземскому.

Ея Величество соизволила повелѣть, чтобъ присоединенное къ сему прошеніе г. генералъ-маіора Суворова разсмотрѣно было въ Сенатѣ, гдѣ и дѣла, имъ воспоминаемыя, извѣстны. И ежели проситель заслуживаетъ воздаянія, то вслѣдствіе ихъ и докладъ Ея Величеству внесть.

Ноября 7 (1775).

*

Завадовскій Н. И. Маслову.

Поданная сего года Ноября 3 дня отъ отставнаго секундъ-маіора Ильи Иванова сына Веревкина, приносящаго жалобу на второй Правительствующаго Сената департаментъ, по дѣлу его съ коллежскимъ совѣтникомъ Дмитріемъ Ѳедоровымъ сыномъ Алѳимовымъ о недвижимомъ съ людьми и съ крестьяны Нижегородскомъ и Пензенскомъ имѣніи, состоящемъ по дачамъ за умершимъ братомъ просителевымъ, аппеляціонная

челобитная требуетъ выправки съ дѣломъ, имѣющимся въ Сенатѣ: то для того какъ и для доклада, буде слѣдуетъ, Ея Императорскому Величеству, я оную вашему превосходительству сообщаю.

Ноября 9 дня
1775 г.

*

Завадовскій Н. И. Маслову.

Поданная Ноября 27 дня сего 1775 года отъ отставнаго секундъ-маіора Аѳанасья Никитина сына Зыбина, приносящаго жалобу на шестой Правительствующаго Сената департаментъ по дѣлу его о заложенномъ въ 1728 году отца его отъ подполковника Никиты Клементьева сына Зыбина Берггъ Коллегіи совѣтника Василью Никитину сыну Татищеву и потомъ отъ него проданномъ маіору Карпу Зыбину имѣніи апелляціонная челобитная требуетъ выправки съ дѣломъ, имѣющимся въ Сенатѣ: то для того какъ и для доклада, буде слѣдуетъ, Ея Величеству, я оную вашему превосходительству сообщаю.

Декабря 2 дня.

*

Завадовскій неизвѣстному лицу.

Ея Императорское Величество, увѣдомлена будучи, что отъ Камеръ-Коллегіи имѣніе г. Полянскаго описано за долги его казнѣ и имѣетъ быть продано, высочайше указала таковую продажу остановить до полученія впредь отъ Ея Величества повелѣнія: а между тѣмъ я прошу вашего превосходительства

при семъ мнѣ увѣдомленія для донесенія Ея Величеству обстоятельствъ дѣла, по которому конфискація воспослѣдовала на имѣніе упомянутаго должника.

Декабря 3.
1775.

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила производящееся надъ бывшимъ въ Новой Ладогѣ воеводою подполковникомъ Васильемъ Поповымъ слѣдствіе оставя, опредѣленіе его къ дѣламъ по способности предать разсмотрѣнію вашего сіятельства.

Декабря 7 дня.

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Ея Императорское Величество всевысочайше указать соизволила, въ силу конфирмованнаго въ прошломъ 1773-мъ году отъ Правительствующаго Сената доклада, вдовѣ Шарлотѣ Іогановнѣ Ренкевичевой, женѣ бывшаго въ Ригѣ плацъ-маіора, дать (по истеченіи арендnаго срока на обыкновенную аренду), состоящую въ Венденскомъ уѣздѣ, Аррашскомъ кирхъ-шпилѣ мызу Замски или Спарентофъ, срокъ коей по взнесенной изъ Камеръ-конторы Лифляндской справкѣ минетъ будущаго 1777 года.

Декабря 7 дня.

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Препровождая симъ къ вашему сіятельству прошеніе надворнаго совѣтника Ивана Михайлова сына Бабина, прошу всепокорнѣйше увѣдомить меня о существѣ прописываемаго имъ въ прошеніи его дѣла, за что онъ отъ мѣста отрѣшенъ и Правительствующимъ Сенатомъ 774 года не велѣно его опредѣлять къ дѣламъ?

Декабря 10 дня
1775.

*

Завадовскій Н. И. Маслову.

Поданная сего года Ноября 27-го дня отъ отставнаго поручика князя Льва Иванова сына Егупа Черкасскаго, приносящаго жалобу на второй Правительствующаго Сената департаментъ по рѣшенному въ ономъ департаментѣ сего года въ Генварѣ мѣсяцѣ дѣлу его съ титулярнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Ѳедоровымъ сыномъ Юрьевымъ о взыскиваемыхъ съ проспителя по даннымъ отъ него Юрьеву векселямъ деньгахъ, челобитная требуетъ выправки съ дѣломъ, имѣющимся въ Сенатѣ: то для того какъ и для доклада, буде слудуетъ, Ея Императорскому Величеству, я оную вашему превосходительству сообщаю.

Декабря 10 дня
1775 года.

*

Завадовскій А. В. Олсуфьеву.

Препровождая симъ къ вашему высокопревосходительству прошеніе кабинетъ-курьера Михайла Рышкова о увольненіи его отъ должности съ чиномъ и съ денежнымъ награжденіемъ для опредѣленія къ другому мѣсту, за долгъ почитаю симъ одобрить, что онъ въ бытность свою у меня, при честномъ поведеніи, исправлялъ должность добропорядочно и ревностно, чего ради и прошу всепокорнѣйше по прошенію его сдѣлать ему милость.

Декабря 10 (1775)

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Препровождая симъ къ вашему сіятельству прошеніе Анны жены прапорщика Любима Похвиснѣва, прошу всепокорнѣйше извѣстить меня, было ли высочайшее Ея Императорскаго Величества повелѣніе отдать наслѣдникамъ описное недвижимое имѣніе артиллеріи цехвахтера Никифора Колокольцова и секретаря Алексѣя Нелидова? Къ недвижимому же состоящему нынѣ въ описи имѣнію Парасковьи Михайловой дочери, жены секундъ-маіора Богдана Норова, имѣетъ ли по наслѣдству право просительница Похвиснева?

Декабря 15 (1775).

*

Завадовскій князю А. А. Вяземскому.

Ея Императорское величество изволила высочайше указать отослать къ вашему сіятельству приложенное при семъ про-

шеніе Анны Кушниковой, чтобы разсмотрѣно было, зачѣмъ дѣло, прописываемое въ ея прошеніи, толь долго оставлено въ Сенатѣ.

Декабря 19 дня
1775 года.

*

Марья Павловна Нарышкина къ Завадовскому.

1.

Государь мой Петръ Васильевичъ.

Сегодняшнее утро общее письмо я подала къ Ея Императорскому Величеству съ племянниками своими оберъ-камергеромъ и тайнымъ совѣтникомъ съ князьями Голицынными полюбовное въ раздѣлѣ тѣхъ душъ, которыя покойный мой мужъ *) намъ пожаловалъ. Мы оныя, согласясь, назначили въ деревняхъ къ однимъ мѣстамъ; то, государь мой, какъ сіе наше прошеніе всемилостивѣйшая Государыня приказать соизволила вамъ, государь мой, оное принять и чтобъ чрезъ васъ доложено было, то и прошу покорно чрезъ предстательство ваше скорѣе исходательствовать затѣмъ, что я для сего только нѣсколько дней пробыть отъѣздомъ моимъ въ С.-Петербургъ остановилась. При томъ прилагаю вамъ, государь мой, копію съ той милостивой конфирмаціи на поданное всеподданнѣйшее прошеніе покойнаго мужа моего. Впрочемъ остаюсь навсегда обязанною ваша, государя моего, покорная услужница

Марья Нарышкина.

*

*) Извѣстный богачъ, Семенъ Кириловичъ (ум. 27 Ноября 1775). Супруга его родомъ Балкъ-Полева. П. Б.

2.

Горестныя мои обстоятельства принуждаютъ меня просить васъ, государя моего, чтобъ вы остановились до прибытія моего въ Санктъ-Петербургъ докладомъ Ея Императорскому Величеству по общему моему письму съ оберъ-камергеромъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ о раздѣлѣ деревень. Сколь мое снисхожденіе ни велико было въ уступкѣ, какъ ему, такъ и по требованію его брату его лучшихъ деревень покойнаго моего мужа, послѣ оставленныхъ мною въ Нарышкинскомъ родѣ главныхъ Казанскихъ его большихъ вотчинъ; но къ несносному моему оскорбленію я вижу, что князь Александръ Михайловичъ не довольствуется симъ однимъ, а паче болѣе еще распространяетъ разныя притязанія на оставшее имѣніе мужа моего къ моему вящему притѣсненію, и какъ подъ именемъ душеприкащика, такъ и подъ именемъ наслѣдника пожалованнымъ ему отъ покойнаго мужа моего деревнямъ, толкуетъ содержаніе духовной совсѣмъ вопреки истиннаго ея разумѣнія и воли моего мужа, такъ что еслибъ мнѣ теперь во всѣхъ его требованіяхъ ему повиноваться, то осталась бы я безъ всякаго движимаго имѣнія и совсѣмъ безъ доходовъ, пожалованныхъ мнѣ по смерть мужемъ моимъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ я должна буду прибѣгнуть къ монаршему правосудію и для того, сколь мое здоровье ни слабо, я поспѣшу отсюда выѣхать; а васъ, государь мой, и паки прошу обождать до моего прибытія въ Санктъ-Петербургъ докладомъ по вышеупомянутому нашему общему дѣлу, чѣмъ меня наичувствительнѣйшимъ образомъ одолжить изволите, яко пребывающую къ вамъ навсегда, государь мой, покорную къ услугамъ

Марью Нарышкину.

Въ Москвѣ.
22 Декабря 1775.

*

Оберъ-камергеръ князь А. М. Голицынъ Завадовскому.

I.

Государь мой Петръ Васильевичъ.

Искреннее благодареніе приношу вамъ за письмо ваше отъ 27-го Декабря и за скорое исходатайствованіе высочайшей Ея Императорскаго Величества резолюціи по поводу нашего общаго всеподданнѣйшаго прошенія въ разсужденіи завѣщанія покойнаго дяди моего Семена Кириловича Нарышкина. Остается мнѣ теперь увѣдомить васъ о наслѣдникахъ его. Онъ имѣетъ двухъ родныхъ племянниковъ и одну племянницу. Первый уже въ совершенныхъ лѣтахъ и служитъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку подпоручикомъ и теперь живетъ въ Лейденѣ для наукъ. Второй племянникъ находится въ Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ кадетомъ; а племянница у двора Ея Императорскаго Величества. У сихъ послѣднихъ по именному Ея Величества указу опредѣленъ опекуномъ Михайло Михайловичъ Измайловъ. Къ старшему же племяннику писалъ я въ свое время о кончинѣ общаго дяди нашего, увѣдомя его при томъ объ учиненномъ имъ и Ея Императорскимъ Величествомъ всемилостивѣйше конфирмованномъ завѣщаніи. Теперь же, въ исполненіе Ея Императорскаго Величества высочайшаго и вами мнѣ объявленнаго соизволенія, должно намъ ожидать сюды или пріѣзда его, или присылки отъ него полномочія. Съ стороны же малолѣтныхъ, опекунъ ихъ Михайло Михайловичъ Измайловъ можетъ приступить потомъ къ оному раздѣлу. Впрочемъ долженъ я думать, что опый положенъ Марьею Павловною и нами на такомъ справедливомъ основаніи, что

Нарышкины, наслѣдники покойнаго Семена Кириловича. могутъ своимъ жребіемъ довольны быть.

При семъ приложенное письмо мною изъ Гамбурга, на высочайшее Ея Императорскаго Величества имя, вчера же полученное, прошу Ея Величеству при повержении меня къ монаршимъ стопамъ ея поднести. Пребуду и пр., государь мой, вашъ покорный и вѣрный слуга князь Александръ Голицынъ.

Изъ Москвы.
4-го Генваря 1776 года.

*

2.

Велѣдствіе письма вашего превосходительства отъ 27-го Декабря минувшаго года касательно общаго нашего полюбовнаго раздѣла съ Марьею Павловною, дожидался я возвращенія изъ иностранныхъ земель Михайла Петровича Нарышкина. А какъ онъ теперь здѣсь находится, и я какъ ему, такъ и опекуну малолѣтнаго его брата Михайлу Михайловичу Измайлову оный нашъ раздѣлъ сообщилъ: то разсматривая они оный нашли для наслѣдниковъ Нарышкиныхъ полезнымъ, почему они и свидѣтельствуютъ сами предъ Ея Императорскимъ Величествомъ свое въ томъ согласіе. Я же прошу васъ, милостивый государь мой, поднести Ея Императорскому Величеству, при повержении меня къ монаршимъ ея стопамъ, всеподданнѣйшее наше общее прошеніе, которое Марья Павловна имѣетъ вамъ вручить и соблаговолите исходатайствовать намъ всемилостивѣйшую конфирмацію.

Впрочемъ позвольте мнѣ, милостивой государь мой, при семъ случаѣ принести вамъ мое искреннее поздравленіе съ

Ея Императорскаго Величества къ вамъ оказанною милостію пожалованіемъ васъ въ генералъ-маіоры.

Изъ Москвы.
4 Августа 1776 года.

*

3.

Почитая ваше превосходительство за человѣка преисполненнаго честію и добродѣтелями, я въ той надеждѣ осмѣливаюсь васъ утруждать о моемъ для меня важномъ дѣлѣ и въ которомъ покорно прошу подать мнѣ руку помощи.

Слабое здоровье мое пришло теперь въ такое изнуренное и разстроенное состояніе, что къ особливой печали моей необходимо принуждаетъ меня всеподданнѣйше просить у Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго отъ службы увольненія.

Мое просительное о томъ письмо къ всемилостивѣйшей нашей Государынѣ отдалъ я князь Александру Михайловичу *) и просилъ его низложить оное къ стопамъ Ея Величества. Онъ меня видѣлъ и можетъ васъ обстоятельно увѣдомить о всемъ томъ, что́ до меня касается и сколь велики причины, которыя побуждаютъ меня просить о моей отставкѣ.

Получа сію высочайшую милость отъ Ея Императорскаго Величества всему свѣту извѣстнаго великодушія, единственное желаніе мое состоитъ въ томъ, чтобъ Ея Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть всемилостивѣйше опредѣлить мнѣ ежегодно по смерть мою настоящее по чину

*) Фельдмаршалу Голицыну Н. В.

моему жалованіе, въ разсужденіи моего недостатка и моей долговременной и безпорочной службы.

Изъ Москвы.
5 Генваря 1777.

*

Завадовскій къ неизвѣстному лицу.

Мызу Витценгофъ, которой вы просили себѣ на аренду, Ея Императорское Величество соизволила пожаловать дѣйствительному камергеру Пушкину, и я васъ увѣдомляю о семъ для того, чтобы вы подали свое прошеніе о другой.

*

Завадовскій къ графу Броуну.

Отставной бригадиръ Карлъ Бухгольцъ, поданною Ея Императорскому Величеству челобитною представлялъ, что состоявшіе въ Ригѣ собственные его два дома съ садомъ, по учиненному плану сломаны подъ крѣпостное строеніе, да и въ Шлосъ-графѣ его же домы назначены къ ломкѣ, за что онъ не получалъ никакого себѣ удовлетворенія. Я прошу по сему ваше сіятельство увѣдомить меня, для доклада Ея Величеству, подлинно ли взяты подъ крѣпостное строеніе помянутаго бригадира Бухгольца домы и земля, и ради какихъ причинъ онъ не удовлетворенъ за оные.

*

В. Карачинскій къ Завадовскому.

Примаю смѣлость васъ, милостиваго государя моего, всепокорнѣйше просить Ея Императорскому Величеству доложить, чтобъ дозволено было въ селѣ Царицынѣ построить

трактиръ, о постройкѣ котораго и желаніе имѣетъ Московской первой гильдіи купецъ Василій Козелкинъ, который строилъ въ ономъ селѣ деревянной дворецъ, и ежели позволено будетъ, чтобъ оной, какъ онъ проситъ, былъ подъ вѣдѣніемъ онаго села и безъ акцизу, тотъ трактиръ во удовольствіе пріѣзжающимъ можно построить, что̀ никакого помѣшательства не учинитъ, близъ зимней дороги, въ деревнѣ Черной Грязи.

Вашего высокородія всепокорнѣйшій слуга

Василій Карачинской.

17 Марта
1776 г.

*

И. Туманскій Завадовскому.

На сихъ дняхъ получилъ я отъ госпожи Приклонской пакетъ на имя ваше подписанной, и при ономъ прошеніе въ пакетѣ незапечатанномъ къ Ея Императорскому Величеству.

Милостивый государь, я бы не осмѣлился утруждать васъ посылкой при семъ тѣхъ пакетовъ, если бы многія одолженія, кои я имѣлъ отъ дому господина Приклонскаго, къ тому меня не обязывали. Ваше жъ добросердечіе и доказанная склонность помогать прямо несчастнымъ людямъ причиною, что къ вамъ больше въ несчастіяхъ и прибѣгаемъ. Разные несчастные случаи довели госпожу Приклонскую до жалкаго состоянія: при старости, въ болѣзняхъ, претерпѣваетъ и нищету.

Ежели возможно вамъ будетъ испросить для нея какую-либо въ бѣдности ея помощь, то тѣмъ одолжите не только ее, но и многія фамиліи, родствомъ съ нею связанныя.

Иванъ Туманскій.

Мая 16 дня 1776 г.
С.-Петербургъ.

*

Наталья Пассекъ Завадовскому.

Я увѣрена въ милости*) его сіятельства, которую по вѣкъ мой свято хранить должна: недовольно, что пожаловалъ мнѣ письмо къ вамъ, еще и человѣку моему безъ меня просьбу къ его превосходительству Маслову послать изволилъ. А дѣло мое лежитъ безъ исполненія четвертый мѣсяцъ, что̀ принудило меня взять смѣлость повторить мою нижайшую просьбу и васъ, милостивой государь, утруждать, чтобъ Бога одного ради вступились въ мое бѣдственное состояніе и безпомощное одиночество. Моя одна надежда какъ на Бога, тожъ на графа Петра Александровича. Онъ изволилъ обѣщать быть моимъ покровителемъ, что̀ прямо и доказывать изволитъ. Теперь же съ той надеждою къ вамъ прибѣгаю; помилуй, батюшка, показавъ свою милость въ сущей справедливости: не дай обиженной быть отъ злодѣйки-дочери, чего еще въ свѣтѣ не бывало, чтобъ нагло отнять у матери собственныя мои деревни. Человѣкъ мой ко мнѣ писалъ, что за дѣломъ моимъ указъ посланъ 5-го Мая, да Бахметевъ отсюдова не посылалъ. Я посылала къ нему шесть разъ просить: отвѣтъ все одинъ: справлюсь. Я приказала моему человѣку просить, чтобъ послать на моемъ коштѣ за дѣломъ, прогоны взять гдѣ изволятъ: у меня или у человѣка. Я у ногъ вашихъ прошу помилованія; заставь, батюшка, вѣкъ обожать свое имя; будь мое воскресеніе; дай остатошные мои дни дожить въ покоѣ и съ пропитаніемъ. Моя жизнь вѣкъ негодна прошла, и я сама себѣ въ тягость; одну имѣю отраду, меньшую дочь. И той безумно влюбилась и ее погубила; объ ней сама просить поѣду, какъ соберусь хотя мало силою; а теперь буду

*) Т.-е. графа Румянцова.

ждать вашего помилованія и съ особливымъ моимъ почитаніемъ нахожусь, милостивой государь, покорная слуга

Наталья Пассекова.

4 Іюля 1776 года
Москва.

*

Я. Нордбергъ графу Завадовскому.

Находясь я нѣсколько лѣтъ безпорочно при высочайшемъ Ея Императорскаго Величества дворѣ и по разнымъ степенямъ происходя, ввѣренную мнѣ должность, по мѣрѣ силъ моихъ, и донынѣ неупустительно и неусыпно исполнять всячески старался. Будучи же безотважнымъ, и ни отъ кого рукою помощи таковою, какая ваша есть, неподкрѣпленнымъ, тѣхъ выгодъ, которыми прочіе равнаго со мной званія, по высочайшей Ея Императорскаго Величества матерней къ вѣрноподданнымъ своимъ милости, со изобиліемъ пользуются, по жребію моему имѣть не удостоился. Посему глубокое молчаніе всегда предметомъ моимъ и было. Но увидя, позвольте сказать, въ особѣ вашего превосходительства по истинѣ милостиваго безпомощныхъ предстателя, наконецъ несомнѣнно рѣшился счастія своего въ вашемъ покровительствѣ искать, и посредства вашего всепижайше просить о исходатайствованіи у великія Монархини въ пользу мою высочайшей императорской милости, о пожалованіи и мнѣ на покупку прінсканнаго по близости для жительства съ моимъ семействомъ, за тысячу шесть сотъ рублей, способнаго двора; поелику самъ собою, не только онаго, по недостатку моему, не могу оплатить, но и бѣднаго для себя экипажу содержать не въ состояніи, за платежемъ наемныхъ дворовъ, и то въ даль-

номъ разстояніи отъ императорскаго двора, цѣною всегда вдвое. Когда природное вашего превосходительства дарованіе крайнимъ себѣ удовольствіемъ добротвореніе почитаете, то такимъ благодѣяніемъ много осчастливите человѣка, которой съ восхищенною радостію и воздыхая, за высочайшее Ея Императорскаго Величества и ихъ императорскихъ высочествъ здравіе къ Всевышнему непрестанно усердныя возсылать молитвы, вашего жъ превосходительства дражайшую фамилію неумолкно прославлять будетъ

Всенижайшій и преданнѣйшій слуга

Яковъ Нордбергъ.

*

Солдатъ Перепелкинъ Завадовскому.

Чувствуя вашего превосходительства великодушіе и неизрѣченныя, когда еще находились въ городѣ Глуховѣ при его сіятельствѣ графѣ Петрѣ Александровичѣ Румянцовѣ оберъ-аудиторомъ, ко всѣмъ бѣднымъ, прибѣгающимъ подъ кровъ вашъ, милости: то и нынѣ, падъ предъ стопы вашего превосходительства, о своемъ злоключеніи всенижайше имѣю доложить.

Службу продолжалъ въ Украинской дивизіи и, находясь въ Глуховѣ для караула при его сіятельствѣ графѣ Петрѣ Александровичѣ съ гренадерскими ротами, въ 769-мъ году, его сіятельствомъ отставленъ въ Архангелогородскій гарнизонъ порутчикомъ, гдѣ и находился. И въ 774 году учинилъ долгу своему преступленіе хожденіемъ въ питейные домы съ солдатами ради питья вина, за что Іюня 4-го государственною Военною Коллегіею написанъ въ солдаты, въ коемъ званіи

нахожуся третій годъ; а въ нынѣшнемъ году по прошенію моему переведенъ въ здѣшній 2-й батальонъ.

Въ таковомъ бѣдственномъ и прискорбнѣйшемъ обстояніи, взпрая на изливаемыя изобильно ко всѣмъ страждущимъ и помощи ищущимъ вашего превосходительства прещедрыя милосердія, и я дерзаю повергнуть себя къ милостивѣйшимъ вашего превосходительства стопамъ и слезно просить отеческаго на бѣдность мою призрѣнія: стараніе приложить о возвращеніи прежняго порутчичьяго чина, за который уже трети годъ страдаю, дабы я вашего превосходительства милости удостоился.

Бѣдно-страждущій рабъ и богомолецъ

Ѳедоръ Перепелкинъ.

БУМАГИ

ГРАФА

Н. И. ПАНИНА.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ служилъ всю жизнь на дипломатическомъ поприщѣ и нѣкоторое время, будучи посланникомъ въ Швеціи, находился подъ начальствомъ государственнаго канцлера графа М. Л. Воронцова, находился въ близкихъ отношеніяхъ къ его дочери, графинѣ Строгановой, и былъ сослуживцемъ старшаго его племянника.

Въ числѣ нижеслѣдующихъ бумагъ находятся и собственноручныя письма его къ императрицѣ Екатеринѣ. Можно думать, что они поступили въ Воронцовскій архивъ черезъ третьяго члена Иностранной Коллегіи Петра Васильевича Бакунина, близкаго родственника и друга графовъ Воронцовыхъ: графъ Александръ Романовичъ хоронилъ Бакунина и опекалъ его дѣтей. П. Б.

Копія съ секретнаго рескрипта отправленнаго къ камергеру Панину въ Стокгольмъ *).

Для всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія.

Секретныя ваши реляціи по нумеръ третій сего года исправно здѣсь получены.

Изъ сей послѣдней усмотрѣны обстоятельства, какъ будто въ Стокгольмѣ о принцѣ Іоаннѣ Беверномъ чрезъ Финляндскаго генерала губернатора Розена извѣстны, а именно: яко бы онъ въ отдаленномъ Архангельской губерніи мѣстѣ содержится подъ воспитаніемъ одного маіора-Нѣмчина, старика, который будто ему рожденіе его хранить имѣетъ, и для того нѣсколько равнолѣтнихъ ему младенцевъ съ нимъ вмѣстѣ воспитываются, дабы толь больше замѣшательства о немъ сдѣлать.

Но понеже изъ вашей же секретной реляціи, нумера двадцать втораго прошлаго года, здѣсь усмотрено, яко бы въ Швеціи намѣрены до ста тысячъ червонныхъ употребить, чтобъ сего принца скрасть, дабы при случаѣ, объявя его

*) Года не означено. Графъ Н. И. Панинъ былъ посланникомъ въ Швеціи 12 лѣтъ (1748—1760). Попытка Фридриха Великаго освободить Іоанна Антоновича относится къ 1755 году.

претендентомъ, имъ пользоваться: а при томъ не меньше извѣстно, что Шведы толикой суммы и безъ толь шимерическихъ проектовъ едвалъ и на другія существительнѣйшія надобности употребить могутъ. слѣдовательно оная въ случаѣ такого дѣйствительнаго ихъ предпріятія не инако, какъ развѣ отъ Франціи или Пруссіи дана быть имѣла-бъ: то мы запотребно находимъ вашему радѣнію вновь подтвердить стараться объ ономъ дѣлѣ далѣе прилежно развѣдывать, паче же смотрѣть, не есть ли учиненная вамъ о сей вѣдомости откровенность такою Французско-Прусскою интригою, чтобъ доношеніями вашими о томъ намъ токмо нѣкоторой омбражъ причинить, и такимъ ложнымъ внушеніемъ насъ въ сумнительство, а поступки наши (по причинѣ перемѣны Шведской формы правительства) во ослабленіе привесть, а еще паче предупредить, чтобъ по поводу Шведскихъ дѣлъ мы ничего противу короля Прускаго предпріять не осмѣлились: ибо вѣрить можно. что они, опасаясь нашей въ томъ дѣлѣ серіозности, всѣ способы придумывать станутъ насъ воздерживать или упражнить.

Вы, чувствуя важность сего, не оставите ваше раченіе къ тому приложить, чтобъ насъ о всѣхъ подробностяхъ того точно увѣдомить, фальшиво ли означенное внушеніе, или и подлинно въ Швеціи такими замыслами упражняются и такимъ образомъ, дабы мы по тому потребныя мѣры воспріять могли.

Приложенный при семъ пакетъ, со вложеніемъ, въ которомъ прилагается для вашего извѣстія копія къ тайному совѣтнику Корфу *), имѣете вы отъ себя съ нарочнымъ чело-

*) Нашему посланнику въ Даніи. П. Б.

вѣкомъ отправить, а употребляемые на то расходы поставите на счетъ секретныхъ, о коихъ въ Коллегіи извѣстно быть не имѣетъ.

Переводъ секретнаго рескрипта къ тайному совѣтнику Корфу.

Для всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія.

Изъ реляціи вашей, въ Коллегію адресованной, мы усмотрѣли, что въ вашемъ мѣстѣ слухъ происходитъ, якобы король нынѣшнимъ лѣтомъ въ Гольштинію и въ прочія его Германскія области путь воспріеметъ, и потому вы спрашиваете, слѣдовать ли вамъ въ такомъ случаѣ за дворомъ, прося при томъ отъ насъ наставительныхъ о томъ указовъ. Отрещися не можно, что небезполезно было бъ за королемъ туда слѣдовать, ежели бъ только обстоятельства нынѣ въ такомъ же состояніи находились, въ какомъ оныя при послѣдней поѣздкѣ въ Норвегію были. Но вамъ извѣстно, что оныя послѣ того времени весьма отмѣнились, и дѣла совсѣмъ иной видъ получили. Въ то время Датской дворъ усердіе свое оказывалъ съ нами о Шведскихъ дѣлахъ негоцировать, и о томъ конвенцію заключить. А послѣ того сей дворъ Французскія и Шведскія предложенія Аглинскимъ предпочелъ, трактованную съ нами и ему самому выгодную секретную негоціацію вдругъ прекратилъ, и въ такія нѣнатуральныя обязательства вступилъ, которыя съ нашею и прочихъ нашихъ союзниковъ системою, особливо же въ разсужденіи Швеціи, никако не сходствуютъ. На какомъ же поползновеніомъ пути Датской дворъ находится, и какой очевидной опасности оной себя для переду подвергнулъ, сіе само собою явнымъ дѣломъ есть. Довольно того, что мы резолюцію воспріяли о пріобрѣтеніи оного двора болѣе не стараться, но собствен-

ной его судьбѣ оставить; ибо мы предусмотрѣніемъ Всевышняго въ такихъ вождѣленныхъ обстоятельствахъ находимся, что мы, и безъ вспоможенія Датскаго двора, всякія противныя происшествія съ силою встрѣтить можемъ. Но можетъ ли Датской дворъ равномѣрное же сказать, оно время покажетъ. А ежели оной къ прежнимъ предложеніямъ первой поступокъ паки учинить похощетъ, то онъ всегда у насъ склонность и готовость найдетъ на все то, еже къ пользѣ общаго дѣла и соблюденію тишины въ Сѣверѣ касаться могло бъ, дѣйствительно поступить и съ оными общее дѣло учинить. Посему сіе дѣло отъ собственнаго поступка тамошняго двора зависитъ, мы же не намѣрены когда либо первой къ тому поводъ подавать. А между тѣмъ рѣшеннымъ дѣломъ есть, что наша индиферентность и скрытность о нашихъ дальнѣйшихъ сентиментахъ и принимаемыхъ мѣрахъ, въ разсужденіи Шведскихъ дѣлъ, Датской дворъ въ такое безпокойство приведутъ, что онъ напослѣдокъ принужденъ будетъ прекращенную нынѣ секретную негоціацію собою начать и прежнія предложенія возобновить. Но дабы оной дворъ о такой нашей индиферентности толь наквяще удостовѣрить, и его безпокойство еще болѣе умножить, то по видимости нынѣшнее состояніе дѣлъ требуетъ оное такимъ образомъ распорядить, чтобъ вы за дворомъ въ Гольштинію не ѣздили и себя бы съ Французскимъ и Шведскимъ министрами въ равное состояніе не приводили, особливо же когда тамошній дворъ ихъ предложенія предъ всѣми другими справедливыми призналъ и натуральнымъ уваженіямъ предпочелъ.

И потому мы вамъ повелѣваемъ въ такомъ случаѣ въ Копенгагенѣ остаться, и ежели тамошній дворъ васъ спрашивать станетъ, повелѣно ли вамъ за королемъ въ Гольштинію слѣдовать, то вы отвѣтствовать имѣете, что хотя вы нашихъ

наставительныхъ указовъ о томъ испрашивали, однакожъ никакого отвѣта не получили, яко же вы оберъ-маршалу Мольтке въ конфиденціи, равно какъ бы собою, сказать можете, что вы и нужды не предусматриваете за дворомъ слѣдовать: ибо ваши предложенія мало и весьма ничего не уважаются, да и сіе можетъ быть причиною есть, что наши о томъ къ вамъ присылаемые наставительные указы донынѣ замедливаются.

Переводъ съ приложенія къ секретной реляціи камергера Панина.

Репортъ барона Рейтерольма о имѣвшемся у него съ сенаторомъ барономъ Окергильмомъ въ деревнѣ разговорѣ.

По приказу вашему, я старался сенатору барону Окергильму чувствовать дать, коль надобно, чтобъ оной какъ на искорѣе въ городъ пріѣхалъ, предетавляя ему тѣ резоны, о которыхъ вы меня инструировать изволили, слѣдующимъ образомъ.

Что по держанному послѣ послѣдней войны поведенію. Россійскій дворъ причину имѣлъ увѣренъ быть, что благоразумнѣйшая часть Шведской націи, а наипаче его превосходительство господинъ Окергильмъ, яко лучше вѣхъ другихъ о дѣлахъ свѣдующій, совершенно удостовѣрены будутъ о искренности дружественныхъ его къ сему королевству намѣреній.

Что дѣла будучи приведены въ толь критическое какъ нынѣ есть состояніе, вы не сумнѣвается, чтобъ вашъ дворъ, сколь скоро возможно, не принялъ всевозможныхъ способовъ къ предупрежденію бѣдственнаго сѣверному покою, а еще паче Шведской націи, злоключенія.

Что Россійской дворъ, желая паче великодушно къ пользѣ сей націи примѣриться, нежели единственно собственныхъ своихъ выгодностей искать, хотя никто не могъ бы справедливо ему въ томъ прекословить, можетъ однакожъ отъ

благонамѣренныхъ ожидать искренняго изъясненія о планѣ, по которому-бъ хотѣли съ благопристойностью признаніе свое ему оказать.

Что такова есть Россійскаго двора довѣренность къ проницанію и справедливости его превосходительства господина Окергильма, что оной совѣты его пріятнѣе всѣхъ другихъ приметъ и имъ послѣдовать будетъ.

Что несостоятельныя размышленія, деликатности или стращливости, персону его ранга и его искуства не имѣютъ воздержать отъ показанія отечеству своему такой услуги, которая можетъ быть необходимо надобна, а по меньшей мѣрѣ наибольшею и при извѣстныхъ ему самому обстоятельствахъ крайне нужною есть.

Что его и отечества его непріятели ни малѣйшаго впредъ зазрѣнія себѣ не сдѣлаютъ его самаго первою жертвою ихъ самодержавной власти принести.

Что каждая минута изъ дня въ день драгоцѣннѣйшею становится, сколь больше годовое время, опасаемое отъ злонамѣренныхъ и полезное къ благополучію королевства, къ своему концу приближается.

Отвѣтъ г-на Окергильма почти отъ слова до слова слѣдующій былъ.

Я наиглубочайшимъ почитаніемъ преисполненъ къ показуемымъ мнѣ отъ Россійско-императорскаго двора милостямъ, и крайнѣйшее почтеніе и признаніе имѣю къ довѣренности, коею господинъ посланникъ меня удостоиваетъ, и уповаю слѣдующими сентиментами оную заслуживать.

Ускоряющее злоключеніе бѣднаго моего отечества, о которомъ господинъ посланникъ предъ осмью днями мнѣ обстоятельное сообщеніе сдѣлалъ, приключило мнѣ сокрушенія

больше, нежели я изобразить могу. Я чувствовалъ тягость самодержавной власти въ Швеціи, и респектъ, каковъ я ей долженствовалъ, когда она была освященною, не препятствовалъ мнѣ спознать ея несходствія; нынѣ же резонъ, учиненная мною присяга и моя должность, повелѣваютъ мнѣ оную ненавидѣть, къ чему я всегда склоненъ былъ. Всѣ Россійскаго двора поступки о благости и справедливости его къ отечеству моему намѣреній меня удостовѣрили. Я къ оному довѣренность и преданность имѣю, будучи всегда глубочайшимъ почтеніемъ къ нему преисполненъ, и сколь долго въ дѣлахъ участіе имѣлъ, я всегда всевозможные способы употреблялъ, дабы моимъ сопатріотамъ чувствовать дать, колико добрая дружба съ толь почитаемымъ сосѣдомъ намъ существительна. Сія вина отлучила меня отъ дѣлъ, но не токмо о томъ не раскаяваюсь, а паче за славу себѣ поставляю въ достойной честному человѣку твердости пребывать. Союзъ Франціи и Пруссіи не можетъ инако какъ несчастье намъ приносить, а напротивъ того соединеніе Россіи, морскихъ державъ и Австрійскаго дома существительную мою и всѣхъ тѣхъ систему составляютъ, кои замѣшательствъ, коварствъ, и пролитія неповинной крови ужасаются; мнѣ же справедливость и милость отдастся, вѣря, что я въ сихъ мнѣніяхъ твердъ и непоколебимъ.

Что до внутренности королевства принадлежитъ, то вольность націи, самодержавство законовъ, ненарушимость королевской власти, должное и пристойно установленное право Сената, въ надлежащихъ предѣлахъ опредѣленная власть сеймовъ, есть то, еже я для блага королевства, яко единственнаго предмета моихъ желаній, наиглавнѣйшимъ поставляю. Къ достиженію же всѣхъ сихъ пунктовъ иного средства нѣтъ, какъ добрый сеймъ и достойное начальникамъ зла наказаніе.

кои толь безчестнымъ образомъ очечество свое предали. Ежелибъ съ моей стороны я когда-либо могъ къ толь полезному дѣлу чѣмъ-либо способствовать, то ни имѣніе, ни малой остатокъ жизни толь драгоцѣнными для меня не будутъ, чтобъ я не похотѣлъ повиноваться сей должности. Теперь же, одинъ какъ перстъ, съ одной головой и двумя руками, я не могу больше какъ токмо желать, а прочее на волю Божію полагать; ибо видится, что Онъ хощетъ сосѣдственную державу употреблять, дабы нашу бѣдную, проведенную и подкупленную націю образумить. Сего происшествія я съ такимъ респектомъ ожидаю, каковъ къ повелѣніямъ Всевышняго имѣть должно. Я же чаю, что и всѣ добрые Шведы равнаго со мною мнѣнія суть; но понеже при томъ усматривается, что сія перемѣна не можетъ въ дѣйство произведена быть какъ скорѣйшими и сильнѣйшими способами, нежели понынѣ употреблены были (ибо злость нѣкоторыхъ измѣнниковъ дѣла до крайности привела): то я по совѣсти не чаю, чтобъ доброму подданному позволено было мнѣнія свои примѣшивать въ такія распоряженія, кои отъ иностраннаго двора зависятъ и кои натурально не могутъ во всемъ такъ точно пріятны и порядочны быть, какъ того любовь вѣрнаго подданнаго къ своему отечеству инако требовала-бъ.

Мы прочіе Шведы, находясь въ утѣсненіи, отчасти раззорились, отчасти же молчать принуждены до открытія сейма. Буде невозможно оной безъ какого насильства произвести и распорядить, какъ то я и чаю, а наши совѣты или предпріятія къ такому намѣренію пристанутъ, каковое способностью обстоятельствъ и сходствомъ интересовъ у сосѣдственныхъ державъ воспричинствовано будетъ: то измѣнники и сущіе возмутители покоя отечества не получатъ ли довольно имовѣрный претекстъ всей націи объ насъ такіе титулы внушить,

кои, слава Богу, они только одни заслуживаютъ? Они безъ сумнѣнія не оставятъ всевозможнѣйше стараться о пріобрѣтеніи сей надъ нами поверхности; но добрая совѣсть, доброе дѣло и правила чистосердечія, всегда точно наблюдаемыя, подъ покровомъ Всемогущаго, оградятъ меня бульваркомъ, или по меньшей мѣрѣ подадутъ мнѣ существительное утѣшеніе, ежели допустить, чтобъ я еще далѣе неправедно гонимъ былъ. Сей токмо одинъ способъ могу я примыслить къ безопасности честнаго человѣка въ толь злоключительное время, какъ нынѣ. Впрочемъ, я о себѣ столько не думаю, чтобъ въ резолюціи Россійско-императорскаго двора мѣшаться; но я себя ласкаю, что оныя всегда таковыми будутъ, что благонамѣренныхъ болѣе не утѣснятъ, какъ-то они уже свирѣпостью и клеветами такой шайки порабощены, коя съ наималѣйшимъ претекстомъ почитаетъ себѣ все позволеннымъ.

Я увѣренъ, что по сему господинъ посланникъ о моихъ намѣреніяхъ въ разсужденіи внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ моего отечества разсудить изволитъ. Я себя ласкаю, что онъ, честный и прозорливый человѣкъ, оныя запротивно не приметъ, но паче въ оныхъ найдетъ, чѣмъ свой дворъ обнадежить, что я никогда не пристану должнѣйше признавать и почитать показуемыя ко мнѣ особливо милости и къ моему отечеству благосклонности. Единой интересъ Швеція и нынѣшнее утѣсненіе благонамѣренныхъ достаточными ему суть поруками, что его благодѣянія неблагодарностію возданы быть не могутъ.

И тако, сверхъ предъявленной мною болѣзни жены моей, яко справевливаго извиненія, господинъ посланникъ мнѣ милость покажетъ, за благо пріемля тѣ резоны, кои меня лишаютъ того счастія, котораго я инако съ крайнѣйшею нетерпѣливостію желалъ, чтобъ съ нимъ видѣться.

Сему учиться невозможно, чтобъ мои непріятели о томъ не свѣдали; ибо ихъ шпіоны и въ моей комнатѣ паходятся. Да сіе по моему малому мнѣнію и излишне есть, потому что я уже упомянулъ, что я себѣ позволеннымъ не поставляю наималѣйшее участіе принять въ дѣйствительныхъ объ отечествѣ моемъ распоряженіяхъ; да и всѣ другія при нынѣшней кризѣ не служилибъ, какъ токмо пустымъ способомъ все перепортить. И понеже впрочемъ я надеждою себя ласкаю, что мои сентименты и намѣренія извѣстны, и коль болѣе время приближается, толь больше доброму дѣлу вредительно былобъ, ежели бы я или кто изъ знатныхъ и противною партіею ненавидимыхъ съ господиномъ посланникомъ сообщался: то онъ удостоитъ продолжать мнѣ свою милость, сохранить мнѣ благоволеніе своего двора, соизволитъ увѣренъ быть, что ежели когда-либо время окажется мнѣ дѣйствовать, я никогда не упущу должности, каковую отъ меня требуютъ честь и признаніе къ доброму дѣлу.

Экстрактъ изъ реляцій министерскихъ полученныхъ въ 18-й день Ноября 1758 года.

№ 95. Отъ генерала-поручика Панина, изъ Стокгольма, отъ 6-го Ноября.

Ожидая обѣщаннаго мнѣ отъ сенатора барона Гепкена формальнаго отвѣта на предложеніе всевысочайшаго двора Вашего Императорскаго Величества о Стетинской осадѣ, я пропустилъ послѣднюю почту безъ доношенія. Но что же помянутой сенаторъ и по сей часъ сего не исполнилъ, оное не можно ничему другому приписать, какъ развѣ соглашенію его въ Сенатѣ мнѣній и обстоятельствъ: ибо всѣ сіи дни весьма примѣтно особливое упражненіе всего министерства, и я имѣю подлинную причину думать, что прежде нежели дѣло поставить на твердое основаніе, правительство, можетъ быть, хочетъ опредѣлить рѣшительное средство, какъ привести свою армію въ такую силу, чтобъ съ помощью Вашего Императорскаго Величества надежно достигнуть общаго устремленія. Оно на то два способа имѣетъ: умножить наличное число арміи рекрутскимъ комплектованіемъ порожнихъ мѣстъ, или командировать отсюда изъ оставшихъ баталіоновъ новой корпусъ. При первомъ алтернативѣ несомнѣнно представляются затрудненія, въ разсужденіи общаго, а особливо крестьян-

скаго негодованія противъ правленія дѣлъ; потому что покупка рекрутъ и ихъ экипажъ, налагая на крестьянъ новую безпосредственную тягость военныхъ слѣдствій, можетъ воспричинствовать еще въ землѣ дѣйствительное смятеніе, или по послѣдней мѣрѣ такое непослушаніе. *что еще болье нежели рекрутъ въ прошедшую зиму. сыщется погостовъ*, кои совсѣмъ не исполнятъ правительскаго повелѣнія *). Напротивъ чего, способомъ втораго алтернатива, Шведское министерство, можетъ быть, въ намѣреніи имѣетъ исходатайствовать отъ Франціи прибавокъ субсидій, подъ предлогомъ отправленія новаго корпуса, причемъ обнадеживаніе привести въ комплектъ прежде опредѣленное число арміи съ такою слабостію и попущеніемъ исполняться можетъ, какъ прошедшею весною.

Сколько я подлиннаго открыть могъ (въ дополненіе моихъ прежнихъ доношеній) изъ послѣднихъ рапортовъ отъ Шведской арміи, генералъ Гамильтонъ извиняетъ свой ретретъ тѣмъ, что онъ не имѣетъ при арміи ни печей, ни хлѣбниковъ, и принужденъ былъ изъ Стралзунда привозить печеной хлѣбъ, откуда, наконецъ, непріятель ему пресѣкъ дорогу, и не имѣвъ надежнаго мѣста, гдѣ учредить лазаретъ, онъ при арміи таскалъ слишкомъ двѣ тысячи больныхъ, въ разсужденіи чего и вслѣдствіе генералитетскаго совѣта онъ съ арміею назадъ пошелъ, для освобожденія коммуникаціи съ Стралзундомъ и для своихъ больныхъ, которыхъ обозъ въ маршѣ на двѣ мили простирался.

*) По реляціямъ господина Панина весьма опасныхъ происшествій въ Швеціи ожидать должно; токмо, по счастію, многія прежнія обстоятельства въ самомъ дѣлѣ своего дѣйства не имѣли. Чаятельно и нынѣшнія сумнительныя равномѣрно не исполнятся. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

Вчерашняго числа, на стафетѣ изъ Гамбурга, получена здѣсь радостная вѣдомость, что 30-го числа минувшаго мѣсяца н. шт. фельдмаршалъ графъ Даунъ подъ Герлицомъ вновь разбилъ Прускую армію и что король Пруской съ остаткомъ своей разбитой арміи ретируется въ Нижнюю Селезію, а принцъ Генрихъ съ особливымъ корпусомъ Австрійцами окруженъ, какъ и коммуникація съ Саксоніею ими же совсѣмъ пресѣчена: о другихъ же ни о какихъ подробностяхъ сего великаго дѣла еще неизвѣстно.

№ 104. Посланника князя Голицына, изъ Лондона, отъ 29 Сентября.

Полученныя съ прибывшимъ сюда изъ Лизбона 23-го сего Сентября пакетботомъ письма хотя и упоминаютъ, яко бы его Португальское величество, находяся въ своей каретѣ, имѣлъ несчастіе отъ приключившихся на дорогѣ нѣсколькихъ персонъ изъ фузеи ранену быть, однако же находящійся здѣсь Португальскій министръ оные разсѣянные слухи, яко совсѣмъ неосновательные, опровергаетъ, объявляя, что полученныя имъ отъ статскаго секретаря письма гласятъ, что король, государь его, прогуливаясь въ апартаментахъ дворца своего, столь жестоко на правую руку упалъ, что отъ того убою, будучи не въ состояніи отправляющіяся депеши самъ подписывать, ту должность ея величеству королевѣ поручилъ.

№ 105. Его жъ князя Голицына. отъ 2-го Октября.

Изъ Америки полученныя извѣстія отъ 21 Сентября н. шт. изъ Бостона упоминаютъ, что генералъ Амгерстъ, которой при осадѣ Люисбурга командовалъ, туда съ нѣсколькими

баталіонами сухопутнаго войска прибылъ и имѣетъ, соединясь съ корпусомъ генерала Аберкромбія (котораго армія Французами предъ нѣсколькимъ временемъ тому назадъ тамъ побита была) противъ Французовъ дѣйствовать, которыхъ силы почти всѣ въ той части Америки, по здѣшнимъ извѣстіямъ, нынѣ собраны.

Сего утра полученныя чрезъ пакетботъ изъ Лизбона отъ находящагося тамъ Аглинскаго министра отъ 2-го Октября и. шт. письма гласятъ, что король Португальской хотя и продолжаетъ въ постелѣ находиться, однакоже его величества здоровье въ лучшее состояніе приходитъ. Сіе приключеніе хотя еще надлежащаго объясненія и понынѣ въ публикѣ не получило, однакоже, не взирая на внушенія Португальскаго министерства, которое болѣзнь королевскую единому его величества паденію приписуетъ, всѣ здѣсь генерально думаютъ, что король злонамѣренными людьми раненъ.

№ 106. Его жъ князя Голицына. отъ того жъ числа.

Хотя и никакого письменнаго отвѣта на мои письма и представленія отъ статскаго секретаря графа Гольдернеса, о извѣстныхъ трехъ корабляхъ, я не имѣлъ, однакожъ, при послѣднемъ моемъ съ нимъ свиданіи, онъ мнѣ, по образу отвѣта, въ кратцѣ словесно далъ знать, а именно: 1-е) что онъ съ прискорбіемъ увѣдомился отъ меня о приключившемся несчастіи Любскому кораблю именуемому *La dame Élizabeth-Christine*, которой Аглинскими пиратами въ здѣшнемъ каналѣ ограбленъ былъ; что ежели я въ состояніи какія-либо изъясненія и способы подать, чрезъ которыя бы помянутые разбойники остановлены и пойманы были, то безъ сумнѣнія оные надлежащее наказаніе получатъ. 2-е) что касательно

Гданскаго корабля *L'été*, онъ надлежащія и приватныя старанія приложилъ, дабы капера склонить принадлежащія Вашего Императорскаго Величества двору вещи освободить: ибо онъ въ подобныя дѣла, яко министръ его Британскаго величества, мѣшаться по здѣшнимъ правамъ не можетъ, имѣя оныя въ судахъ гражданскихъ разсмотрѣны и рѣшены быть. что по его рекомендаціи и учинено; что въ прочемъ онъ долженъ мнѣ дать примѣтить, что Россійской министръ никакого права не имѣетъ, чтобъ иностранные корабли, подъ иностраннымъ флагомъ мореплавающіе, каково есть Гданское помянутое судно *L'été*, окромѣ находящихся на ономъ Вашего Императорскаго величества подданнымъ принадлежащихъ вещей рекламировать, какъ я то, какъ чрезъ мои письма, такъ и словесно, чиню. 3-е) что захваченной Аглинскими каперами Россійской корабль *С. Петръ*, графу Петру Ивановичу *) принадлежащій, безъ сумнѣнія освобожденъ будетъ.

О моихъ графу Гольдернесу, на его мнѣ рѣчи, отвѣтахъ излишно бы было Ваше Императорское Величество утруждать; довольствуюся только въ кратцѣ слѣдующее донести, а именно: касательно перваго пункта, принадлежащаго до грабежа Любскаго корабля, имянуемаго *Дама Елизабета-Кристина*, что такихъ подобныхъ образцовъ въ теченіи настоящей войны здѣсь весьма много есть, и чаятельно, что такое злое и вредительное употребленіе здѣшней вольности и правъ Англійское министерство вдругъ поправить не въ состояніи, и слѣдовательно графъ Гольдернесъ на мои принесенныя ему въ томъ жалобы иного теперь учинить не можетъ какъ только въ семъ случаѣ съ товарами, Вашего Императорскаго Величества подданнымъ принадлежащими,

*) Шувалову.

равно какъ и съ вещами Гишпанскими поступить, а именно чтобъ чрезъ публикацію пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ награжденія тому обѣщать, кто сіе воровство объявитъ и донесетъ, какъ то учинено было въ случаѣ грабленія экипажей Гишпанскаго въ Копенгагенѣ министра Пиніателя и на Голландскомъ кораблѣ находящихся; чего я причину и имѣлъ ожидать. Однакоже по сіе время, не видя чтобъ то графомъ Гольдернесомъ учинено было, не премину, при первомъ моемъ съ нимъ свиданіи, о томъ ему пристойнымъ образомъ дать выразумѣть. Касательно же вышеозначенныхъ 2-го и 3-го артикуловъ, принадлежащихъ до кораблей *Льто* и *С. Петра*, не взирая на обѣщанія какъ графа Гольдернеса, такъ и господина Пита въ томъ дѣлѣ старанія употребить и оные корабли чрезъ приватныя ихъ домогательства освободить, мало я надежды видѣлъ, чтобъ, полагаяся на оныя, помянутые корабли чрезъ одни старанія означенныхъ министровъ еще симъ позднимъ временемъ освободиться и, симъ годомъ не зимовавъ здѣсь, въ С.-Петербургъ прибыть могли. Также, по примѣру нѣкоторыхъ здѣсь находящихся иностранныхъ министровъ будучи удостовѣренъ, что при сихъ обстоятельствахъ ничего знатнаго чрезъ здѣшній дворъ въ семъ дѣлѣ учинено не будетъ, старался я приватно, какъ съ адвокатами, въ каперахъ интересующимися, такъ и съ другими разными персонами договориться, и наконецъ чрезъ неописанные хлопоты и труды къ крайнему моему удовольствію получилъ отъ оныхъ увѣреніе, что часто помянутые корабли *С. Петръ* и *Льто* *) *позволеніе имѣютъ свой путь* до С.-Петербурга

*) Онъ, *князь Голицынъ*, послѣ того, въ особливой своей реляціи отъ 13-го Октября, доноситъ, что корабль *С. Петръ* за противнымъ вѣтромъ оставленъ зимовать въ рѣкѣ Тамсѣ. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

продолжать. И тако не сумнѣваюсь, что штурмана оныхъ кораблей надлежащее стараніе приложать еще прежде истеченія сей недѣли въ море отправиться.

Въ прочемъ же небезнужно при семъ случаѣ Вашему Императорскому Величеству и о томъ въ кратцѣ донести, что въ теченіи настоящей войны по сіе время захвачено Аглинскими каперами и военными кораблями разныхъ торгующимъ неутральнымъ націямъ принадлежащихъ кораблей, а именно: двѣсти сорокъ Голанскихъ, пятьдесятъ восемь Датскихъ, четырнадцать Испанскихъ, чѣтыре Португальскихъ, не упоминая о Шведскихъ и другихъ прочихъ. Всѣ помянутые призы составляютъ весьма знатныя суммы, изъ которыхъ одни Голандцы больше милліона фунтовъ стерлинговъ по сей разъ своихъ считаютъ.

№ 107. Его жъ посланника князя Голицына, отъ 6-го Октября.

Чрезъ нѣкоторое время тому назадъ, видѣлъ я какъ здѣсь у Голандскаго посланника Гопа, такъ и имѣлъ изъ другихъ надежныхъ мѣстъ разныя достовѣрныя копіи съ писемъ находящагося при Вашего Императорскаго Величества дворѣ Голандскаго посланника Шварца къ Генеральнымъ Штатамъ, изъ которыхъ довольно я усмотрѣлъ, сколько оной министръ, позабывая, какъ Вашего Императорскаго Величества, такъ и высокихъ Вашего Величества предковъ, къ себѣ чрезъ многихъ лѣтъ высочайшія милости, старается о всѣхъ при Вашего Императорскаго Величества дворѣ происхожденіяхъ худыя и превратныя мнѣнія подавать, и оному своими лживыми и наполненными желчью доношеніями всевозможное

предосужденіе чинить *). А понеже будучи оныя дѣла съ одной стороны не касающіяся до мѣста моего пребыванія, а съ другой въ разсужденіи, что такія увѣдомленія прямо до Вашего Императорскаго Величества двора доставляются, опасался я въ томъ мнѣніи такимъ повтореніемъ до дѣлъ здѣшняго двора не принадлежащимъ доношеніемъ Ваше Императорское Величество излишно утруждать; нынѣ же больше въ молчаніи остаться вѣрноподданнической моей должности противно быть разсуждалъ, увѣдомляяся, что помянутой неблагонамѣренной Голандской министръ не довольствуяся выше объявленнымъ, нынѣ вновь двору своему опасно предлагаетъ, а именно: ежели бы было возможно Англію склонить будущею весною флотъ въ Балтику послать, для учиненія по берегамъ онаго моря, а особливо въ Померанніи, десанта. Велѣдствіе такого поступка не можно инако, какъ ожидать знатной перемѣны въ дѣлахъ въ Сѣверѣ. Хотя такія и подобныя тожъ внушенія и никакого справедливаго основанія имѣть не могутъ, однакоже повторяя такія злонамѣренныя толкованія, какъ своему двору (отъ котораго всѣ такія извѣстія сюда доставляются), такъ и находящемуся при Вашего Императорскаго Величества дворѣ Аглинскому министру, могутъ наконецъ какія-либо вредительныя импрессіи здѣсь учиня, Аглинской дворъ склонить подущеніямъ въ томъ короля Прускаго послѣдовать, которой непрестанно объ отправленіи Аглинскаго флота въ Балтику и понынѣ сильно старается, что при сихъ настоящихъ и счастливыхъ

*) Объ отзывѣ Шварца многократные указы къ графу Головкину отправлены, токмо никакого успѣха донынѣ не получено, и недавно строгой рескриптъ посланъ, что графъ Головкинъ будетъ отозванъ. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

для Англіи надъ Французскими морскими силами въ Америкѣ успѣхахъ, здѣшнему двору и учинить безъ большаго труда возможно будетъ: ибо завладѣніемъ почти всѣми лежащими въ Сентъ-Лоранскомъ заливѣ островами и взятіемъ Люнебурга, а особливо завладѣніемъ въ другихъ Европейскихъ моряхъ въ теченіи настоящаго года многими военными Французскими кораблями, помянутыя Французскія морскія силы крайнее предосужденіе и уменьшеніе получая. оставляютъ здѣшнему двору свободныя руки эскадры свои въ другихъ сторонахъ употребить и тѣмъ сильно споспѣшествовать видамъ и намѣреніямъ короля Прускаго, которой по здѣшнимъ мнѣніямъ въ добромъ состояніи находится еще сію настоящую войну единственнымъ вспоможеніемъ Англіи долго продолжать. Въ прочемъ же Вашему Императорскому Величеству безвѣстно быть не можетъ, что часто вышепомянутой посланникъ Шварцъ до пріѣзда господина Кейта въ Санктъ-Петербургъ дѣла Англіи при Вашего Императорскаго Величества дворѣ подъ рукою отправлялъ и, какъ слышу, и нынѣ въ случаѣ нужды съ позволенія и согласія господина Кейта продолжать то временемъ не оставляетъ, равно какъ и Голандской министръ Мартевиль то въ Стокгольмѣ чинитъ, имѣя въ прочемъ причину разсуждать, что кореспонденція Шварцова проходитъ чрезъ Стокгольмъ и чрезъ руки сего послѣдняго. Сіи же оба Голандскіе министры, разсуждая по ихъ письмамъ, всѣмъ тѣломъ и душею королю Прускому преданы.

Имѣвшія вѣдомости о состояніи младшаго брата короля Прускаго принца Фердинанда, хотя какъ симъ монархомъ, такъ и нынѣ здѣсь рачительно таятся, однакоже совсѣмъ тѣмъ извѣстно, что помянутый принцъ совсѣмъ ума своего рехнулся, и столь обезумѣлъ, что, для предупрежденія ка-

кого либо себѣ самому или находящимся при немъ персонамъ вреда, принуждены были его цѣпями обложить; всѣ же доктора объявляютъ, что сіе приключившееся его королевскому высочеству несчастіе, будучи въ его крови, безъ всякой надежды совершеннаго выздоровленія до нынѣ остается.

№ 110. Его же посланника Голицына отъ 9-го Октября.

7-го числа сего Октября графъ Гольдернесъ далъ мнѣ знать, что онъ съ крайнимъ удовольствіемъ чрезъ находящагося при Вашего Императорскаго Величества дворѣ здѣшняго министра Кейта извѣстился, что къ Высочайшему Вашего Императорскаго Величества удовольствію служили малыя услуги, которые обрѣтающійся при Прусскомъ королѣ Великобританской министръ Мичель имѣлъ случай оказать, взятымъ въ полонъ во время баталіи 14 (25) Августа Россійскимъ офицерамъ и о чемъ Вашего Императорскаго Величества вице-канцлеръ помянутому посланнику Кейту съ благодареніемъ далъ знать.

Графъ Гольдернесъ къ тому присовокупилъ, что его Британскому величеству весьма всегда пріятно будетъ частые случаи имѣть, какъ свою дружбу, такъ и все то, что къ удовольствію Вашего Императорскаго Величества служить можетъ, оказывать.

При засвидѣтельствованіи же пристойнаго въ томъ графу Гольдернесу увѣренія, что Вашему Императорскому Величеству не могутъ инако какъ весьма пріятно быть такія съ стороны его Британскаго величества дружескія обнадеживанія получать, принялъ я при томъ случай надлежащимъ образомъ статскому секретарю внушить, чтобъ небезнужно было къ удовольствію Вашего Императорскаго Величества

подданныхъ, чтобъ въ дворовыхъ газетахъ публиковать награжденіе тому или тѣмъ, которые объявятъ тѣхъ пиратовъ, которые извѣстное Любское судно, называемое *la Dame Elizabeth-Christine*, нагруженное вещами Вашего Императорскаго Величества подданнымъ принадлежащими, идущаго изъ Руана въ Санктъ-Петербургъ, въ здѣшнемъ каналѣ ограбили, что̀ графъ Гольдерпесъ немедленно учинить охотно мнѣ и обѣщалъ.

№ 113. Его жъ посланника Голицына отъ 13-го Октября.

Имѣвшія здѣсь къ крайнему удовольствію изъ Саксоніи извѣстія о ретирадѣ изъ сего послѣдняго курфиршества Австрійской арміи подъ командою графа Дауна, подаетъ здѣсь надежду ожидать, что король Пруской довольное время тѣмъ имѣть будетъ свои уроны въ теченіи наступающей зимы исправить, что̀ Его Величеству столь при настоящихъ обстоятельствахъ больше нужно, что его армія, требуя многаго числа рекрутовъ, немалую нужду, какъ въ мундирѣ, такъ и въ деньгахъ претерпѣваетъ. Дозволенныя жъ съ здѣшней стороны сему монарху субсидіи еще не совсѣмъ всѣ ему вручены, и по сіе время только около трехъ сотъ сорока тысячъ фунтовъ стерлинговъ переведено, будучи при томъ слышно, якобы остальныя суммы оныхъ субсидіевъ за скудостію наличныхъ денегъ его Прускому величеству доставить было еще невозможно.

Съ поспѣшеніемъ здѣсь приготовляющаяся экспедиція, которая безъ сумнѣнія не можетъ имѣть въ виду, какъ Французскіе острова въ Америкѣ, а именно Мартинику, имѣетъ въ непродолжительномъ времени въ море выдти.

№ 114. Его жъ посланника Голицына отъ 16-го Октября.

Здѣшняго двора удовольствіе о мнимой ретирадѣ фельдмаршала Дауна изъ Саксоніи, какъ я о томъ доносилъ, весьма короткаго продолженія было; ибо прибылъ сюда отправленной 16-го сего текущаго новаго штиля изъ Дрездена курьеръ отъ находящагося при Прускомъ королѣ Англійскаго министра Мичеля, съ весьма для здѣшняго двора непріятною вѣдомостью, а именно: что помянутой искусной генералъ, дая непріятелю думать, что его ретирада изъ Саксоніи будучи неизбѣжна, въ то самое время нечаянно возвратясь, вдругъ армію короля Прускаго 12-го сего новаго штиля атаковалъ и совсѣмъ правое крыло оной разбилъ.

Изъ писемъ Н. И. Панина къ графу М. Л. Воронцову *).

1747.

Изъ Риги, 1-го Августа. Задержка въ дорогѣ отъ починки экипажа. Ласковый пріемъ, особенно отъ генералъ-фельдмаршала.

Изъ Мемеля, 7-го Августа. Дурная дорога въ Нѣмецкой землѣ до Мемеля. Почти не вѣрится, чтобъ тамъ была такая *злая* дорога.

Изъ Берлина, 22-го Августа. Пріѣхалъ въ Берлинъ въ горячкѣ (19-го Августа). Отъ пусканія крови легче стало, однако съ постели еще встать не можетъ. Графомъ Кейзерлингомъ принятъ съ крайнею учтивостію; лежитъ въ его домѣ. Римско-императорскій министръ графъ Бернесъ былъ у него и обошелся учтиво. Проситъ похлопотать въ коллегіи о надлежащемъ его опредѣленіи.

Изъ Дрездена, 5-го Сентября. Отъ самой Риги не получаетъ ни отъ кого ни строки, кромѣ графа Воронцова. Ѣхалъ день и ночь отъ Берлина, чуть опять не заболѣлъ. Жалѣетъ объ абшидѣ врача Саншеса. Какъ только всталъ на ноги,

---

*) Изъ менѣе важныхъ писемъ приводится только ихъ содержаніе. П. Б.

представлялся у двора Прусскаго. по причинѣ Мардефельдова комплимента, и потомъ оставилъ Берлинъ.

Изъ Лейпцига. 26-го Сентября. Исполняетъ коммиссію нашего двора, т. е. велѣно ему заѣхать въ Саксонію для поздравленія короля Польскаго Августа III-го по случаю бракосочетанія дочери его Маріи съ дофиномъ Французскимъ. Дешевизна товаровъ и много драгоцѣнныхъ. Трудолюбіе жителей и умѣренный образъ жизни.

Изъ Гамбурга, 6-го Октября н. с. Глубоко чувствуетъ высочайшую милость—пожалованіе его въ камергеры. не смотря на молодость (р. въ 1718), чрезъ четырехмѣсячное разстояніе.

Изъ Гамбурга, 8-го (19) Октября. Отъ скорой ѣзды чрезъ Нѣмецкую землю почти ничего внутренняго замѣтить въ ней не могъ; сначала неумѣренно чиновное обхожденіе. Не входитъ въ подробности о красотѣ мѣстностей и пр. Забавляетъ его обхожденіе здѣшнихъ маленькихъ министровъ между собою; ими наполненъ городъ. Разные церемоніалы.

Изъ Копенгагена, 24-го Октября. Чрезъ цидулу увѣдомляется о потерянной почтѣ, которою онъ особенно интересовался.

Оттуда же, 3-го (14) Ноября. Проситъ извиненія въ погрѣшностяхъ при исполненіи возложенныхъ на него дѣлъ. Дома для помѣщенія своего еще не нашелъ; пока живетъ въ обержѣ. Платитъ за мѣсяцъ, кромѣ пищи, дровъ и свѣчъ, по 56-ти талеровъ. Домъ предмѣстника его Пушкина дорогъ (1100 талеровъ въ годъ). Городъ очень многонароденъ.

Оттуда же, 14-го (25) Ноября. Хотя онъ и не любитъ зимы, которой здѣсь нѣтъ и начала, однакоже завидуетъ, что она уже появилась въ Петербургѣ. Копенгагенскіе вѣтры, дожди и густота *воздуха, чрезъ которой по нѣсколько недѣль сряду*

и солнца не видно, гораздо всякаго мороза чувствительнѣе.— Домъ нанятъ.

Оттуда же, 12-го (23) Декабря. Пишетъ, что онъ очень доволенъ рѣшенною женитьбою графа Пв. Лар. Воронцова *), называетъ своимъ другомъ. Онъ избралъ средину между двухъ крайностей, слѣпой любви и неумѣреннаго интереса. Описываетъ полутора-мѣсячныя свои наблюденія при дворахъ Почтительно принимаются тамъ многіе заслуженные знатныхъ фамилій старики, что̀ придаетъ внѣшнее величество сему двору. Молодые люди имѣютъ успѣхи по службѣ сколько по достоинству, столько же и по знатности отеческой. Приводитъ примѣры тому въ фамиліяхъ Ранцау и др. Два королевскіе утренніе куртаги и всякой разъ обѣды за оберъ-гофмаршальскимъ столомъ, а вечеромъ танцы у королевы, оперы: все это отрываетъ его отъ занятій. За ложу платитъ по 10 талеровъ, а въ партерѣ 2 талера.

1748.

Изъ Стокгольма, 11-го (22) Ноября. Замедлилъ отвѣтомъ на письмо графа Воронцова отъ 21-го Октября, по причинѣ жестокой боли въ ногахъ. Благодаритъ за присылку книги сочиненія Третьяковскаго (разговоръ между чужестранц. и Русскимъ объ орѳографіи). Онъ интересованъ матеріею, изложенною въ этомъ сочиненіи. Рефлекція графа Воронцова объ сей книгѣ справедлива. Первый выходъ королевской принцессы послѣ родовъ.

Оттуда же, 30-го Декабря. Каменныя вещи для строенія дома лучше выписывать совѣтуетъ изъ Италіи, чѣмъ изъ

*) На дочери казненнаго Волынскаго, Маріѣ Артемьевнѣ, которая наслѣдовала послѣ отца подмосковную Вороново (впослѣдствіи прославленную графомъ Растопчинымъ), гдѣ пруды рыты еще при Волынскомъ. П. Б.

Швеціи. Образцы каменные уже въ Ревелѣ. *Ода Ломоносова* (вѣроятно, на восшествіе на престолъ императрицы Елисаветы: *Заря багряною рукою*): *есть чѣмъ въ нынѣшнее время наше отечество поздравить.*

1749.

7-го (18) Февраля. Дорожные сборы графа Воронцова въ Москву были причиною нѣкотораго замедленія сего письма. До начала Февраля безснѣжье въ Швеціи; за то дожди, а потомъ великіе снѣга, и за ними жестокіе морозы.

Изъ Стокгольма, Апрѣля 14 (25) дня, 1749.

Вашего графскаго сіятельства почтеннѣйшее писаніе отъ 23-го послѣдняго Февраля имѣлъ честь получить исправно. Какъ же искренно вамъ угодно было въ ономъ мнѣ знать дать о тѣхъ причинахъ, которыя отъ меня отняли удовольствіе вѣдать ранѣе о благополучномъ въ Москву прибытіи, я оныя конечно съ наичувствительнѣйшимъ признаніемъ и благодарностію пріемлю; къ тому же сердечно сожалѣю о болѣзненныхъ вашихъ отъ простуды припадкахъ, сколько много усердствую о благоповеденіи вашего сіятельства. Что же до постной пищи касается, несумнѣнное есть дѣло, что вѣкъ нашъ отъ Творца всѣхъ зависитъ, ежели токмо мы отступленіемъ отъ человѣческаго смысла, которой Его первѣйшимъ намъ даромъ есть, оной не сократимъ безумно. Но невозможно сказать, чтобъ здравіе человѣческое столько же безпосредственно одною Его святою десницею сохраняемо было; и тогда бы Калвинское предопредѣленіе между вами внѣдрилося неизбѣжно, догматъ всѣхъ другихъ ересей опаснѣйшій! Изъ чего само собою заключается, что

необходимо надлежитъ и должно намъ самимъ о здоровьѣ имѣть попеченіе: въ чемъ, ежели мнѣ такъ сказать дозволено, вы, милостивый государь мой, много погрѣшили, употребляя такую пищу, отъ которой вы страдаете. Спасительное есть дѣло закону повиноваться, но онъ токмо требуетъ не здоровья, но нашихъ страстей разоренія, еже одними грибами и рѣдькою едва ли учинить возможно. А чтобъ пища и прочій въ жизни непорядокъ не касался до цѣлости человѣческаго здравія, мы тому противные примѣры ощутительно видимъ. Ваше сіятельство, несумнѣнно, во время своего вояжа въ чужіе края, примѣтить изволили, какое здравіе и бодрость знатные старики въ тамошнихъ мѣстахъ имѣютъ. И можно безъ малѣйшей прикрасы такъ сказать, что у нихъ шестидесяти, то у насъ пятидесяти лѣтъ. Я тоже и въ Швеціи нахожу, гдѣ климатъ несравнительно хуже нашего; и множество стариковъ отъ семидесяти и до осмидесяти лѣтъ знаю, кои кромѣ старости никакихъ господствующихъ болѣзней не имѣютъ. Видимая причина, что порядошная жизнь и умѣренная здоровая пища тому поспѣшествуетъ. Нѣтъ намъ примѣра съ простымъ народомъ: они, будучи такъ воспитаны и всегда въ тѣлесномъ трудѣ и движеніи, конечно безъ вреда сносятъ грубую пищу; да намъ по нихъ слѣдовать невозможно, развѣ всѣмъ сдѣлаться слугами; и въ такомъ случаѣ остается запросъ, коимъ образомъ народное общество сохраняемо быть можетъ? На что я отвѣту не имѣю.

Когда сіи слабыя рефлекціи ваше сіятельство забавить могутъ, я въ томъ себѣ найду великое удовольствіе; а ежели же въ читаніи принесуть скуку, то нижайше прошу, извиня меня, приписать той ревности и сущей преданности, съ чѣмъ, такъ какъ и съ наибольшимъ почтеніемъ, завсегда пребываю

И. Панинъ.

26-го Апрѣля (7 Мая). Мать его въ печали отъ потери любимой внуки. Отдаленность его кровныхъ и рефлекція объ этомъ.

26 го Іюня (7 Іюля). Благодаритъ за участіе въ смерти его племянницы. Радуется о выздоровленіи Анны Михайловны отъ оспы. Недостатокъ зелени для прогулокъ Майскихъ. Голые камни повсюду. Королевскій садъ съ придворную залу. Отдыхомъ отъ дѣлъ — охота, если нѣтъ болѣзненныхъ припадковъ. Здоровье его слабѣетъ.

1750.

11-го (22) Февраля. Благодаритъ за милостивое письмо и желаетъ продолженія и умноженія веселыхъ случаевъ.

26-го Октября. Просимыя маіоромъ Нащокинымъ капли по сей почтѣ не посылаетъ; докторъ Альштримъ не успѣлъ приготовить.

22-го Ноября. Посылаетъ посылку для Нащокина. Жестокая зима и большіе снѣга въ Швеціи. Считаетъ чрезвычайнымъ дѣломъ, что во всѣхъ провинціяхъ Швеціи терпятъ нужду въ водѣ. Сухая осень и потомъ жестокіе морозы до того довели, что крестьяне гонятъ поить свой скотъ къ озерамъ за двѣ или три мили, и горные заводы терпятъ отъ такой суши.

1751.

16-го Декабря. Глазной врачъ Тейлоръ въ Стокгольмѣ. Его извѣстность во всей Европѣ. Король Шведскій сдѣлалъ его своимъ окулистомъ.

1756.

5-го Сентября. Подателя письма барона Стакельберга рекомендуетъ какъ испытаннаго, образованнаго человѣка, желающаго поступить на службу.

Изъ Стокгольма. 16 Сентября 1757.

Здѣшній мѣщанинъ Петръ Ротштейнъ, которой представилъ вамъ свои услуги *), самъ собою никакого торгу не производитъ, а служитъ въ конторѣ своего отца, которой также бывъ мало знатнымъ льнянникомъ, нынѣ произведенъ въ Стокгольмскіе рацгеры больше въ разсужденіи обращенія внутреннихъ мѣщанскихъ дѣлъ, нежели по знатности своего торгу.

Изъ сего ваше сіятельство сами усмотрѣть изволите, что онъ не можетъ здѣсь почитаться знатнымъ купцомъ и такимъ, на кредитъ котораго положиться было возможно: почему я еще меньше осмѣлюсь совѣтовать вашему сіятельству избрать своимъ комисіонеромъ его сына, чтобъ онъ здѣсь на вашъ счетъ продавалъ хлѣбъ; да почти столько же сказать надобно и о всѣхъ Шведскихъ купцахъ, выключая изъ того двѣ или три конторы. Врядъ естьли другая такая нація, гдѣ бъ мѣщане безъ собственнаго капитала, однимъ своимъ торговымъ провореством, могли такъ скоропостижно достигать класса знатнаго купечества, да и съ такою же скоростію упадать и дѣлаться банкрутами. Сія циркуляція имѣній партикулярныхъ столько здѣсь въ обычаѣ, что по большой части частые въ торгу упадки и до суда не доходятъ, но всегда добровольно съ должниками договариваются, гдѣ натурально чужестранной кредитъ предосужденіе претерпѣвать долженъ; почему и настоящій онаго недостатокъ есть несумнѣнно

*) По его собственному ко мнѣ адресу, и что онъ г. Панинъ изъ откѣтнаго моего къ сему купцу письма самъ усмотрѣть могъ. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова на подлинникѣ.*

главнѣйшая причина разорительному государственному унтеръ-балансу въ комерціи съ посторонними областями.

Правда, милостивой государь мой, учрежденіе у насъ такого хлѣбнаго торгу, чтобъ мы его сами сюда отправляли, и слѣдовательно его цѣну всегда же въ своей власти имѣли, принесло бъ дѣйствительную пользу и приращеніе коммерціи съ ея мореплаваніемъ; но для сего необходимо надобно здѣсь порядочно основать наши собственныя конторы, или по послѣдней мѣрѣ содержать безпрестанно также собственныхъ комисіонеровъ, которые бъ о походѣ, числѣ и времени всякаго хлѣба исправно увѣдомлять могли *).

Что касается, милостивой государь мой, до поставки въ наши порты изъ Украйны разнаго хлѣба по присланной ко мнѣ о цѣнѣ ея записки, о томъ я въ отвѣтъ получилъ отъ Ротштейна, что его отцу теперь до ста ластовъ онаго надобно, которые бъ онъ и могъ купить по предъявленной цѣнѣ, ежелибъ ваше сіятельство при томъ же требовать не изволили сверхъ нея преміумъ по 15 рублевъ за ластъ, о чемъ онъ обстоятельно самъ хотѣлъ письмомъ представить вашему графскому сіятельству. Мнѣ же сіе обстоятельство преміума хотя совсѣмъ неизвѣстно, но при сношеніи моемъ для вашей услуги, о договорѣ сего торгу со всѣми знатнѣйшими здѣшними хлѣбными купцами, я нашелъ ровное у нихъ предувѣреніе, которымъ теперь вся публика исполнена, что будто въ слѣдствіе полученнаго вашимъ сіятельствомъ изъ Сената поз-

*) Я весьма съ симъ разсужденіемъ его согласенъ; токмо заводить свои конторы въ Швеціи и туды отправлять свои товары на собственныхъ судахъ есть дѣломъ прямаго купечества, и желательно бъ было, чтобъ наши купцы въ состояніи были такой торгъ производить: но по безсилію своему и наипаче по робости не отваживаются сего чинить. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

воленія о вызовѣ опредѣленнаго числа хлѣба, ваше сіятельство постановить изволили такое для себя преміумъ на всякой ластъ каждаго хлѣба, кѣмъ бы онъ проданъ и вывезенъ ни былъ. При семъ тѣ купцы еще примѣчаютъ, да и конечно съ основаніемъ и справедливо, что нынѣшняго лѣта здѣсь жатва была свыше посредственной, и недостатокъ въ хлѣбѣ до будущаго лѣта быть не можетъ; цѣну же его теперь установить тѣмъ меньше они въ состояніи, ибо время молотьбы прежде зимы не начинается. И потому они заподлинно предусмотрѣть не могутъ, по чему къ будущей веснѣ хлѣбъ продаваться будетъ. Также ихъ усмотрѣніе простирается на слѣдствія настоящей войны, лаская себя, что скорое возстановленіе мира въ Германіи имъ отворитъ разные чужестранные порты, слѣдовательно и сбавитъ цѣну на хлѣбъ *).

Я сердечно сожалѣю, милостивой государь мой, что въ семъ дѣлѣ еще не могъ сыскать способа съ пользою служить вашему сіятельству; въ дальнѣйшемъ о томъ стараніи моей ревности и трудовъ истинно недоставать не будетъ, и мнѣ остается навѣдаться у тѣхъ двухъ купцовъ, которымъ здѣшняя корона дала привилегію закупить отъ нея дозволенныя четыре тысячи ластовъ, не захотятъ ли они вступить въ торгъ прямо съ вашимъ сіятельствомъ, хотя на нѣкоторую часть числа сего. Но какъ и они, сколько мнѣ извѣстно, будучи также предувѣрены о вышепомянутомъ преміумъ, не со многимъ жаромъ даютъ теперь свои комисіи въ нашихъ портахъ, и немного еще тамъ хлѣба закупили: то и для сего всепокорнѣйше прошу ваше графское сіятельство приказать меня увѣдомить и тѣмъ привести въ состояніе давать пря-

*) Ротштейнъ донынѣ ко мнѣ не писалъ, а что до преміума надлежитъ, сіе подлинно, что Русскіе купцы 4000 ластовъ на выпускъ въ Швецію взи-

мое изъясненіе, въ семъ точію состоитъ такое преміумъ и будетъ ли оно подлинно простираться и до того хлѣба, которой по предписанной мнѣ цѣнѣ ваше сіятельство сами изъ Украйны въ наши порты становить изволите *).

Впрочемъ имѣю честь быть съ глубочайшимъ респектомъ и съ совершенною преданностію, всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга

Н. Панинъ.

1758.

16-го Ноября. Сенаторъ Гепкенъ сказывалъ ему, что въ слѣдствіе сдѣланнаго графомъ М. Л. Воронцовымъ барону Поссе внушенія о неудовольствіи гр. Фермора на находящагося при немъ Шведскаго маіора барона Армфельдта, онъ писалъ, чтобъ сей офицеръ возвратился въ Швецію, а на его мѣсто пришлется баронъ Сандельгельмъ, поручикъ: онъ

ти, и съ ласта по 15 рубл. заплатить обѣщался, кромѣ всѣхъ другихъ харчей и платежа пошлины по новому тарифу. Правда, что, въ разсужденіи великой пошлины на хлѣбъ и протчихъ при покупкѣ хлѣба и найму судовъ, расходы немалы; однакожъ надобно въ разсужденіе взять, что въ Швеціи хлѣбъ весьма дорогъ и нуженъ, равномѣрно какъ и въ Голландіи, въ Гамбургѣ, Любекѣ, Бременѣ и Англіи, цѣна хлѣбу по прейс-курантамъ весьма высока: то, въ сравненіи покупки въ Россіи, хлѣбъ могъ бы еще съ прибылью въ оныхъ мѣстахъ проданъ быть. *Примѣчаніе гр. М. Л. Воронцова.*

*) Наконецъ, ежели онъ можетъ съ Шведскими купцами договориться на все число дозволеннаго мнѣ вывоза, и именно 300 т. четвертей: то я не болѣе 10 рублевъ съ ласта преміумъ требую: Токмо покупку разнаго хлѣба и платежъ пошлинъ они имѣютъ на себя принять и нѣкоторую часть денегъ напередъ дать. На семъ основаніи прошу его съ лутчими Шведскими купцами контрактовать. А при семъ къ нему посылаю полученное съ послѣдней почты отъ купца Давыда Кейта письмо, и прошу по вышеписанному съ нимъ изъясниться и меня дружески увѣдомить. *Примѣчаніе графа М. Л. Воронцова.*

въ Шведской арміи волонтеромъ съ комиссіею отъ Саксонскаго двора, для отсылки куда надлежитъ дезертеровъ Саксонцевъ изъ непріятельской арміи. Шведскій дворъ уволилъ генерала графа Гамильтона и его команду поручилъ ген. Лантингаузену.

10 Декабря. Поздравляетъ съ полученіемъ должности Верховнаго Канцлера и съ симъ соединяетъ искреннія желанія, дабы въ сей части столь важнаго государственнаго управленія Всевышній Богъ изобильно благословилъ успѣхомъ мудрыя его предпріятія.

*

1759.

4 Генваря. Чрезъ Стахіева просилъ почтдиректора Аша о покупкѣ и присылкѣ въ Стокгольмъ 300 четвертей овса, но по причинѣ запрещенія вывоза хлѣба не могъ самъ Ашъ исполнить сіе порученіе, а обратился къ графу М. Л. Воронцову, и тоже безуспѣшно. Извиняется, что напрасно безпокоили его сіятельство.

17 Сентября. Извиняется, что не успѣлъ написать реляцію къ Императрицѣ: перебирался въ свое новое помѣщеніе. Да и писать нечего объ операціяхъ Шведской арміи, а объ охотѣ королевской прилагаетъ экстрактъ изъ газетъ.

23 Ноября. Благодаритъ за предстательство предъ Императрицею о выѣздѣ изъ Стокгольма въ Петербургъ, по случаю назначенія его воспитателемъ Павла Петровича. Ничего не пожалѣетъ къ скорѣйшему исполненію высочайшей воли; развѣ зимній путь задержитъ. Экипажъ—самыя малыя сани; ибо глубокіе снѣга, тѣсная дорога чрезъ лѣса и земли почти

необитаемыя. И провизію возьметъ съ собою. Длина дороги около 3000 верстъ.

18 Декабря. Благодаритъ за увѣдомленіе о позволеніи брату его быть въ Петербургѣ. Отъ лихорадки столько обмогся, сколько по всегдашней его слабости здоровья можно ему того требовать въ зимнюю погоду. Надѣется выѣхать въ концѣ Генваря 1760 г. Письмо графа Воронцова въ Шведскую армію завтра отправитъ.

Изъ Стокгольма, 3 Сентября 1759 г.

Сколько чувствительно мнѣ ни представляются уваженія о обезпокоеваніи вашего высокографскаго сіятельства моими партикулярными нуждами, но крайность доскональнаго истощенія всѣхъ другихъ ресурсовъ меня, наконецъ, привела во оскорбительную мнѣ необходимость преѣчь должное почтеніе къ молчанію и утрудить ваше высокографское сіятельство моею всенижайшею просьбою о милостивомъ доставленіи заслуженнаго мнѣ Ея Императорскаго Величества жалованья. Столь милостивое участіе, кое ваше высокографское сіятельство принять изволили въ доскональномъ моемъ разореніи, и при томъ поданное щедрое обѣщаніе о вашей сильной помощи въ семъ моемъ несчастіи, даютъ мнѣ къ облегченію надежду, что просьба моя тронетъ ваши нѣжные сентименты.

Я послѣ пожара, какъ вашему высокографскому сіятельству извѣстно, живу по сіе время въ домѣ и на коштѣ у господина Финлея; теперь время пришло перебираться на свой дворъ и совсѣмъ новымъ домомъ заводиться: ибо по разсмотрѣніи спасенныхъ отъ огня пожитковъ нашлось, что не только двѣнадцатилѣтнимъ употребленіемъ изношенныя мои

мебли много претерпѣли и требуютъ великаго исправленія и починки, но и вся домашняя поваренная, погребная, гардеробная и людская деревянная сбруя пропала и погорѣла съ домомъ, такъ что ни я, ни люди мои ни кровати, ни единаго стола, на чемъ блюда поставить, не имѣемъ, умалчивая о всемъ поврежденномъ и переломанномъ въ конюшенномъ экипажѣ, и изъ посуды поваренной и порцелиновой. Сверхъ сего, невозможно было сохранить множества другой домашней мелочи и мелкой столовой провизіи, коею теперь вновь запасаться долженъ.

Впрочемъ, милостивой государь, осмѣливаюсь предать на ваше собственное высокое разсмотрѣніе, можно ли, будучи въ чужой землѣ съ моимъ званіемъ, обойтись, чтобъ при выѣздѣ изъ настоящаго жительства мнѣ не оставить знаковъ признанія и благодарности въ домѣ г. Финлея, которой подлинно, такъ сказать, нашедъ меня безъ кровли, взялъ въ свой домъ, и сверхъ кредита прежняго моего ему долга ссудилъ на первой часъ деньгами столько, сколько я взять хотѣлъ, гдѣ онъ, яко торговой человѣкъ, конечно немного прибыли имѣетъ изъ шести процентовъ, кои я ему плачу. Но еще, милостивой государь, чувствительнѣе меня грызетъ мелочной долгъ въ лавкахъ и у провизіонныхъ купцовъ, кои, нашедъ меня въ новой растроицѣ, усугубили теперь требованіе себѣ платежа. А что мои домашнія обстоятельства и кромѣ пожара стали мнѣ въ нынѣшнемъ году совершенно несносными, тому причина легко представиться природному правосудію вашего высокографскаго сіятельства, ежели здѣсь съ милостію памятовать изволите, что восемь мѣсяцевъ живу безъ жалованья со всѣми при мнѣ находящимися, коихъ по возможности снабдѣвать долженъ, занимая самъ съ процентами.

По чести увѣряю, что, и писавъ сіе, столько чувствую оскорбленія трудить собственною нуждою ваше высокографское сіятельство, чтобъ истинно и теперь на то не поступилъ и ожидалъ бы съ почтительнымъ и должнымъ терпѣніемъ благополучнаго часа монаршаго милосердія и вашего высокографскаго сіятельства милостиваго обо мнѣ ходатайства, ежели бъ обстоятельства брата моего дозволяли ему теперь такъ скоро помочь мнѣ, какъ крайность нуждъ моихъ того требуетъ, продажею части отцовскаго хлѣба, которой, будучи по указамъ еще между нами не раздѣленъ, мнѣ невозможно одному имъ диспонировать. При семъ однакожѐ нахожу одну отраду въ той надеждѣ, что извинитъ предъ вами мою смѣлость достойная собственной славы вашего высокографскаго сіятельства консидерація, чтобъ сохранить отъ стыда въ здѣшней публикѣ характеръ мнѣ всемилостивѣйше ввѣренной отъ Ея Императорскаго Величества.

Всенижайшій и обязаннѣйшій слуга
Н. Панинъ.

1760.

13 Генваря (шифрованое). Въ запискѣ конференціи при размѣнѣ ратификаціи на возобновленный союзный трактатъ съ Швеціею въ 1758 г., присланной въ Стокгольмъ къ Панину, сказано было, что Воронцовъ предъ посланникомъ Поссе отозвался объ отмѣнѣ навсегда взаимныхъ подарковъ министрамъ, трудившимся о заключеніяхъ публичныхъ актовъ. Объ этомъ сообщаетъ мнѣніе Шведской канцеляріи, которое видится прекословнымъ намѣренію графа Воронцова.

7 Февраля. Благодаритъ за увѣдомленіе о прибытіи брата его въ Петербургъ. Объ адресныхъ письмахъ чужестранныхъ офицерамъ къ командующему нашею арміею фельдмаршалу. Сообщаетъ, что въ здѣшней публикѣ еще длится впечатлѣ-

ніе удовольствія о военномъ успѣхѣ Шведскихъ войскъ въ Помераніи, особенно о плѣненіи Прускаго генерала. Шведы нѣкоторые думаютъ, что возвращается прежнее время Шведскаго оружія. Разумная политика требуетъ оное распространять, и потому публичные соціететы на-перерывъ награждаютъ тотъ отрядъ, которой атаковалъ Анкламской мостъ. Желѣзная Контора дала ему изъ своего ларца 4000 плотовъ (Шведская моneта около 2 франковъ). Удерживаетъ отъѣздъ Панина движеніе съ кашлемъ крови вслѣдствіе послѣдней лихорадки.

Изъ Абова, отъ 11-го Апрѣля. Благодаритъ за письма и за увѣдомленіе объ отъѣздѣ брата его на встрѣчу.—Покупаетъ въ Абовѣ коляски и телѣги; на саняхъ насилу дотощился до сего города. Братъ уже пріѣхалъ.

*

Выѣхавъ изъ Абова, я имѣлъ счастіе собрать по дорогѣ вашего высокографскаго сіятельства четыре милостивыя письма, отъ 17, 18 и 23 Марта и отъ 22 Апрѣля. Принесенныя вами извиненія Ея Императорскому Величеству о медленности моей злополучной дороги, покровительское поспѣшествованіе въ отправленіи мнѣ на встрѣчу брата моего, и наконецъ милостивое участіе въ наимилосерднѣйшемъ обо мнѣ попеченіи нашей всемилостивѣйшей Самодержицы, въ чемъ всѣ оныя письма обращаются, суть такія благодѣянія вашего высокографскаго сіятельства, кои истинно превосходятъ всю силу словъ моихъ, и на вѣки обязываютъ къ совершенному признанію и благодарности, и сію должность ей-ей наипріятнѣйше чувствую во всемъ пространствѣ.

Можетъ быть, до извѣстія вашего высокографскаго сіятельства уже дошло, что я между Абовомъ и города Луизою опять

занемогъ; сей припадокъ состоитъ въ растрясеніяхъ колесами моихъ геморроидовъ, кои, напрягшись по прежнему въ нижнюю часть живота, такую жестокую боль приключили, что, пріѣхавъ въ Луизу, насилу на рукахъ изъ кареты въ камору втащить могли жива, и тамъ лежалъ четыре дни, бывъ въ несостояніи сбоку на бокъ поворотиться, а потомъ перенесли меня на носилкахъ до сего мѣста. Ей-ей, милостивой государь, человѣчески нельзя-бъ мнѣ надѣяться жизнь спасти, ежели-бъ монаршескимъ милосердіемъ Ея Величества снабденъ не былъ, и не имѣлъ при себѣ господина штабъ-лекаря Паульсона: а онъ же теперь разсудилъ за необходимое, чтобъ мнѣ здѣсь безъ движенія и въ покоѣ еще дни на два остаться и употреблять нѣкоторыя лекарства для облегченія моего судорожнаго боля, отъ котораго я еще на клюкѣ изъ каморы въ камору насилу ноги таскаю; движеніе же на носилкахъ какъ ни тихо, но боль чувствительно бередило и приводило въ великую слабость.

Я должностію почитаю о такихъ моихъ злосчастныхъ обстоятельствахъ всепокорнѣйше предувѣдомить ваше высокографское сіятельство; и для того съ симъ отправляю господина переводчика Шевіуса. Онъ всему очевидецъ,—будетъ имѣть честь лутче донести, что̀ я тутъ претерпѣлъ и претерпѣваю, и что́ чрезъ всю дорогу сносить и преодолѣвать былъ долженъ. Я же, болѣе и болѣе увѣряся о его сентиментахъ, усердной и истинной преданности къ вашему высокографскому сіятельству, не могу, по справедливости, о нихъ умолчать, и его въ вашу высокую милость и протекцію всепочтеннѣйше препоручить.

Фридригсгамъ,
30 Апрѣля 1760 г.

Переписка канцлера графа М. Л. Воронцова съ графомъ Н. И. Панинымъ.

Въ Екатерининское царствованіе.

1.

Милостивый государь мой Никита Ивановичъ!

Минувшаго вечера былъ я весьма долго при дворѣ въ ожиданіи счастливаго Ея Императорскаго Величества туда со славою возвращенія *), съ такимъ при томъ намѣреніемъ, чтобъ доложить Ея Величеству, когда изволитъ указать повѣстить чужестраннымъ министрамъ о пріѣздѣ ихъ ко двору для принесенія всенижайшихъ ихъ поздравленій. Но какъ теперь всѣмъ повѣстка учинена, дабы въ 9 часовъ ко двору съѣзжаться, то думаю я, что до прибытія всемилостивѣйшей Государыни остается еще довольно времени и министрамъ равномѣрную учинить; почему ваше превосходительство покорно прошу, доложивъ о томъ Ея Императорскому Величеству, увѣдомить меня, хотя словесно, чрезъ посланнаго съ симъ письмомъ нарочнаго постиліона о высочайшей Ея Величества резолюціи.

---

*) Изъ Петергофа. П. Б.

Вамъ извѣстны давно тѣ мнѣнія преданности и высокопочитанія, съ коими я пребывать честь имѣю и пр.

Графъ М. Воронцовъ.

30 Іюня 1762.

2.

Милостивый государь!

Покорно прошу ваше высокографское сіятельство приказать, какъ возможно поскорѣи, отправить еще одинъ паспортъ, по приложенной запискѣ, для свиты принца Жоржа. Со мною сбылась пословица, что *съ дураками нашей не раздѣлишь.*

Такъ пожалуй, милостивой государь, сдѣлайте сіе съ поспѣшностію, чтобъ мнѣ ихъ сію ночь съ рукъ сжить.

Пребываю со всеглубочайшимъ респектомъ и истинною преданностію

Вашего высокографскаго сіятельства

всенижайшій слуга

Н. Панинъ.

19 Іюля 1762.

3.

Милостивый государь!

При искреннѣйшемъ сожалѣніи о болѣзни вашего высокографскаго сіятельства, я не преминулъ всемилостивѣйшей Государынѣ доложить о желаніи вашемъ. Ея Величество, желая скорѣйшаго вамъ исцѣленія, соизволяетъ на отсутствіе ваше на восемь дней, и изволила указать, чрезъ дежурнаго генералъ-адъютанта, фельдмаршалу графу Разумовскому командировать для вашего конвоя и прочаго употребленія, на время

бытности вашей въ вотчинѣ, одного унтеръ-офицера съ шестью рядовыми гусарами, коихъ теперь можете потребовать прямо отъ Кирилы Григорьевича. Сердечно сожалѣю, милостивый государь, что обстоятельства мои не дозволяютъ мнѣ самому пріѣхать пожелать вашему сіятельству благополучнаго отъѣзда и возвращенія; всепокорно прошу оное здѣсь принять и вѣрить, что я съ непремѣннымъ наиглубочайшимъ респектомъ и истинною преданностію пребываю,

милостивый государь,
вашего высокографскаго сіятельства
нижайшій слуга

Н. Панинъ.

Въ 8 часовъ съ половиною.

Примѣчаніе. На подлинномъ рукою графа Воронцова помѣчено карандашомъ. «Получено 6 Октября 1762 г.» (Москва).

4.

Милостивый государь Никита Ивановичъ!

За долгъ мой почитаю чрезъ сіе повторить вашему превосходительству сентименты дружбы, почтенія и благодарности моей, коими я вамъ обязанъ, прося васъ и въ отлученіи моемъ содержать меня къ дружеской вашей памяти.

Приложенное при семъ письмо покорнѣйше прошу Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу поднести и меня въ милость Его Высочества рекомендовать.

Пребываю съ особливымъ почтеніемъ и пр.

Изъ Риги,
Августа дня
1763 года.

5.

Изъ Кимры, 30 Іюня 1766.

Ваше превосходительство столь много знаковъ дружбы, ласковости и благодѣянія мнѣ и фамиліи моей оказать изволили въ бытность нашу въ С.-Петербургѣ, что я съ пріятностію почитаю засвидѣтельствовать вамъ долгъ благодарности моей и признанія. Я прошу ваше превосходительство о продолженіи ко мнѣ дружбы вашей и содержать насъ заочно въ благосклонной памяти.

Жена моя и дочь свидѣтельствуютъ вамъ ихъ почтеніе, и мы всѣ просимъ сказать отъ насъ его превосходительству братцу вашему поклонъ. Впрочемъ пребываю съ особливымъ высокопочитаніемъ и преданностію и пр.

P. S. По приложенному при семъ письму прошу васъ исходатайствовать отъ Ея Императорскаго Величества нѣкоторое награжденіе хотя подлому, однакожъ исправно служившему человѣку.

6.

Милостивый государь мой Никита Ивановичъ!

Явился у меня здѣшней волости крестьянинъ Матвѣй Семеновъ, которой былъ употребленъ при секретной коммиссіи 19 лѣтъ, и служилъ при разныхъ тамошнихъ командирахъ добропорядочно, жалованья же получалъ только по 3 копѣйки на день, и въ прошломъ 1763 году получилъ отъ вашего превосходительства увольнительное письмо, съ котораго при семъ, для памяти, посылаю копію. А какъ онъ за службы свои не получилъ никакого награжденія и, лишась дому и промысла своего, теперь въ неимуществѣ живетъ у родныхъ

братьевъ: къ тому же здѣшнее крестьянство подушныя деньги за него столь долгое время платили: то ваше превосходительство весьма справедливое и милостивое дѣло явить изволите, если исходатайствуете отъ Ея Императорскаго Величества какую-либо денежную дачу, изъ которой можно бы часть платимыхъ міромъ за сего крестьянина подушныхъ денегъ дать, а достальное въ награжденіе и на пропитаніе ему, Матвѣю Семенову, выдать.

Я покорнѣйше прошу вашего превосходительства стараніе употребить въ пользу сего добраго человѣка и при удобномъ случаѣ доложить Ея Императорскому Величеству и меня благосклонно увѣдомить о щедрой Ея Величества резолюціи.

7.

Милостивыи государь мои Никита Ивановичъ.

Вѣдая ежечасныя ваши упражненія въ дѣлахъ и несвободность времени, я ни малѣйшаго удивленія имѣть не могу, естлибъ ваше превосходительство и умедлила нѣсколько времени дружескимъ писаніемъ вашимъ меня посѣтить, будучи увѣренъ о благосклонности вашей ко мнѣ.

За пріемлемое участіе о здѣшнемъ пребываніи моемъ приношу вамъ покорнѣйшее мое благодареніе. Подлинно, что ненастливые дни отъемлютъ много удовольствія пріятной и невинной деревенской жизни; но, напротивъ того, Вольтеровы сочиненія награждаютъ довольно скуку пріятностію ихъ чтенія.

Перестройка моихъ дворовъ въ Москвѣ и остальное лѣтнее время удерживаютъ меня долѣе здѣсь остаться, нежели суровый климатъ то дозволяетъ, и чаятельно, что погожіе дни и въ вашемъ мѣстѣ не лучше здѣшнихъ продолжаются.

8.

За милостивое ваше обѣщеніе исходатайствовать извѣстному сапажнику нѣкоторое награжденіе тѣмъ паче благодарствую, что онъ истинно заслужилъ оное получить, употребя лучшій свой вѣкъ въ безызвѣстной коммиссіи и, лишася дому и промысловъ своихъ, и при старости своей не имѣетъ довольнаго пропитанія. Ваше превосходительство изволите учинить совершенное дѣло человѣколюбія и прямую милостыню подадите присылкою ему денегъ, сколько Ея Императорскому Величеству, такъ сказать, по сердцу придетъ.

Получа отъ незнакомыхъ мнѣ изъ Флоренціи людей письма, посылаю при семъ къ вашему превосходительству съ Французскими переводами, для вашего извѣстія, не надѣясь, чтобъ по проэкту ихъ Ея Величество соизволила повелѣть лотерею, по неудачѣ Лефортовой, вновь учредить: правда, что его величество король Прускій, для своего интереса, подъ дирекціею господина Кальцабиджи, съ успѣхомъ въ Берлинѣ свою производитъ: однакожъ многіе тамошніе жители, какъ мнѣ въ проѣздъ слышать случалось, скучаютъ оною потерею. Сіе предаю на лучшее ваше разсмотрѣніе, пребывая впрочемъ съ особливымъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства покорный и вѣрный слуга.

Графъ М. Воронцовъ.

1766 г. Іюля 27 дня въ селѣ Кимрѣ.

P. S. Старикъ графъ Санти много чувствителенъ за оказанныя отъ вашего превосходительства милости дочери его, и при семъ слѣдуетъ отъ него письмо.

9.

Хотя уже теперь слишкомъ пять часовъ за полночь, и я еще спать не ложился, однакожь не хочу отпустить сію почту, чтобъ вашему высокографскому сіятельству не принесть мою покорную благодарность за милостиво-дружеское письмо ваше отъ 27 Іюля.

Письма объ лотереѣ принимаю смѣлость возвратить къ вашему сіятельству. Я разсудилъ лучше совсѣмъ не подавать адресованное къ Ея Императорскому Величеству. Вы, милостивый государь, сами знать изволите, какъ она мыслитъ о семъ средствѣ искания дохода; а къ тому же теперь извѣстно, что и имянитый Калцабиджи въ Берлинѣ уже арестованъ, и его исторія со всѣми другими проэктами вовсе упала.

Пожалованные отъ Ея Величества сто рублей въ награжденіе извѣстному сапожнику здѣсь прилагаю; сія сумма двойная передъ тѣми, которыми при отставкахъ награждены были простые солдаты, находящіеся при той же комиссіи.

Я тѣмъ болѣе сердечно сожалѣю, милостивый государь, о суровой погодѣ въ вашемъ мѣстѣ, что оная здѣсь несравненно хорошею продолжается, и что притомъ неисправность строенія вашего въ Москвѣ продолжаетъ ваше пребываніе въ деревнѣ, чаятельно не весьма устроенной для осеняго времени.

Ея Величество въ прошедшую субботу сюда изъ Царскаго Села прибыть изволила, для Преображенскаго праздника, и сегодня опять туда возвращается; мы же свое лѣтнее время Петергофомъ окончали, и теперь здѣсь въ лѣтнемъ дворцѣ остаемся.

Получилъ я извѣстіе, что въ Англіи перемѣнено все министерство господиномъ Питомъ, и онъ самъ сѣлъ въ коро-

левской совѣтъ въ должности хранителя малой печати на мѣсто дюка Нейкастеля, при чемъ онъ сдѣланъ перомъ и лордомъ подъ именемъ Шатамъ. Въ самый день сей перемѣны назначенъ къ намъ посломъ извѣстный господинъ Станлей, другъ и наперсникъ Питовъ, который былъ посыланъ въ Парижъ безъ характера для первыхъ переговоровъ о мирѣ.

С.-Петербургъ,
8 Августа 1760 г.

10.

За благосклонное вашего превосходительства писаніе отъ 8 числа сего мѣсяца и пріемлемое участіе о здѣшнемъ пребываніи моемъ, равно какъ и за сообщеніе Аглинскихъ новизнъ, приношу покорнѣйшее мое благодареніе.

Пожалованные отъ Ея Императорскаго Величества ходатайствомъ вашимъ въ награжденіе извѣстному сапожнику 100 рублей раздѣлены здѣсь бѣдной роднѣ его: ибо онъ, женясь въ прошломъ Іюлѣ мѣсяцѣ, сего 6 Августа умеръ, которые, не ожидавъ сего благополучія, много обрадованы и о здравіи Ея Величества Бога молятъ.

Оставшійся въ домѣ управитель Иванъ Герасимовъ доноситъ мнѣ, что ваше превосходительство оказывать изволите благосклонныя попеченія для содержанія въ порядкѣ онаго, и пожаловали именемъ Его Императорскаго Высочества на строеніе кирки 100 рублей. Ваше превосходительство можете увѣрены быть, сколь много я чувствителенъ за всѣ благодѣянія ваши.

Я совершенно съ мнѣніемъ вашимъ согласенъ въ разсужденіи проэкта Италіанской лотеріи, и оной только для свѣдѣнія вашего сообщилъ, а о жребіи г. Кальцабиджи въ Берлинѣ сожалѣю, ибо онъ человѣкъ весьма разумной.

Наконецъ, желая вашему превосходительству совершеннаго здравія и всякаго благополучія, пребываю съ отмѣннымъ почтеніемъ и преданностію и пр.

1766 г. Августа 20 дня.
Въ селѣ Кимрѣ.

Примѣч. Упоминаемыя въ предыдущемъ письмѣ письма о лотереѣ, писанныя на Итальянскомъ языкѣ, имѣются съ слѣдующею собственноручною помѣткою графа М. Л. Воронцова: «Получено въ селѣ Кимрѣ Іюля 25 дня 1766 г. Возвращено отъ его превосходительства Н. И. Панина 17-го Августа».

11.

Изъ Москвы, 21 Сентября (безъ года).

По прибытіи моемъ вчерась въ здѣшній городъ, я получилъ почтеннѣйшее вашего превосходительства писаніе отъ 8 сего мѣсяца. Покорнѣйше вамъ благодарствую за благосклонныя въ ономъ изображенія и присылку печати, которую я нахожу вырѣзанную наилучшимъ мастерствомъ, и вашему превосходительству много одолженъ, сердечно желая съ моей стороны въ чемъ-либо вамъ полезнымъ быть.

За дружеское сообщеніе о нѣкоторыхъ политическихъ дѣлахъ касательно Польши и Швеціи, я тѣмъ болѣе вашему превосходительству благодарствую, что оное служитъ напоминаніемъ прежней привычки пріятной корреспонденціи вашей. Я искренно ваше превосходительство поздравляю съ успѣхомъ руководства вашего на Шведскомъ сеймѣ, въ пріобрѣтеніи инфлюенціи и поверхности нашей надъ господствующею чрезъ толь многіе годы партіею; весьма желаю, чтобъ и на Польскомъ сеймѣ преуспѣли въ дѣлѣ дисидентовъ и прочихъ пограничныхъ нашихъ распоряженій, которыя съ благонамѣреніемъ владѣющаго короля и прочихъ патріотовъ уповательно достигнуты быть могутъ.

Два письма графа Н. И. Панина къ князю В. М. Долгорукову-Крымскому.

1772.

1.

Милостивый государь мой князь Василій Михайловичъ.

При реляціи вашего сіятельства отъ 1-го сего Марта получены здѣсь копіи съ репортовъ къ вамъ, милостивый государь мой, находящагося въ Крымѣ статскаго совѣтника Веселицкаго, о возобновленномъ имъ у хана и у правительства Крымскаго домогательствѣ (до уступки во всегдашнее наше содержаніе нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ крѣпостей касающемся), къ чему онъ господинъ Веселицкой, по собственному его въ тѣхъ репортахъ изъясненію, взялъ поводъ отъ учиненныхъ отъ хана отзывовъ, или паче запросовъ, чтобъ воздаваемо было ему со здѣшней стороны за тѣ доходы, кои предмѣстники его, будучи подъ властію Порты Оттоманской, имѣли. а онъ ихъ лишается при настоящемъ своемъ съ Крымскимъ полуостровомъ независимомъ состояніи.

По по содержанію оныхъ репортовъ не вовсе нѣкоторымъ образомъ тщетны были старанія господина Веселицкаго, въ разсужденіи только самого хана, который повидимому наклонность къ такой уступкѣ имѣть начинаетъ: напротивъ того, мурзы и знатные люди остались при прежнемъ своемъ мнѣ-

нiи, будто не можетъ соглашено быть съ положенiями ихъ магометанскаго закона препорученiе принадлежащихъ имъ мѣстъ въ стражу христiанамъ. Не взирая однакожъ и на то, господинъ Веселицкой не теряетъ надежды вынудить, наконецъ, у хана потребной актъ къ совершенному сего затруднительнаго дѣла разрѣшенiю, предуспѣвъ склонить его между тѣмъ на отправленiе къ Ея Императорскому Величеству прошенiя съ нарочнымъ, чтобъ всемилостивѣйшая Государыня соизволила перенять на свое высочайшее попеченiе утвержденiе вольности и независимости Крымской, при случаѣ мирнаго съ Портою соглашенiя.

А изъ дошедшей сюда на сихъ дняхъ другой вашего же сiятельства реляцiи отъ 6-го сего Марта усмотрѣно, что ханской нарочной и дѣйствительно уже въ ваше мѣсто пріѣхалъ съ симъ прошенiемъ, но что въ ономъ недостаетъ того обстоятельства, коимъ образомъ Крымской полуостровъ, и при независимости своей отъ посторонней власти, имѣетъ быть подъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества покровительствомъ: для чего ваше сiятельство, остановя нарочнаго, требовали отъ хана, чтобъ онъ прислалъ къ вамъ новое представленiе, съ пополненiемъ примѣченнаго вами въ настоящемъ недостатка. А почтеннымъ вашимъ ко мнѣ письмомъ отъ того же числа изъясниться изволили, что господинъ Веселицкой продолжаетъ стараться хана Крымскаго и правительство тамошнее согласить и склонить на уступку въ наше содержанiе Крымскихъ мѣстъ, по точному вашего сiятельства учиненному ему подтвержденiю: ибо, въ слѣдствiе моего къ нему отъ 31-го Генваря письма (съ котораго я и вашему сiятельству имѣлъ честь тогда же сообщить копiю), хотя и долженствовалъ онъ оставить дальнѣйшее въ томъ стараніе

до прибытія въ Крымъ господина генерала порутчика Щербинина, но вы не разсудили за потребно пропускать времени при представившейся надеждѣ къ полученію такъ нужнаго акта, въ чемъ и нынѣ господинъ Веселицкой предуспѣть напильнѣйше удостовѣряетъ.

Я уже доносилъ вашему сіятельству предъ симъ, а именно тѣмъ самымъ отъ 31-го Генваря письмомъ, что Ея Императорское Величество назначить изволила къ отправленію въ Крымъ въ качествѣ полномочнаго господина Щербинина, для приисканія совершеннаго формалитета все тому, что̀ понынѣ предпріято было въ разсужденіи установленія независимаго правительства въ семъ полуостровѣ, слѣдовательно и у всѣхъ Татаръ, отъ подданства Турецкаго отторженныхъ. Теперь же позвольте мнѣ, милостивый государь мой, и во всей подробности изъяснить, въ чемъ такой формалитетъ состоять имѣетъ и сколько оной нуженъ и полезенъ для прочности и собственныхъ вашихъ подвиговъ, подъятыхъ на освобожденіе Крыма отъ порабощенія Портѣ Оттоманской, послѣ чего я удостовѣренъ, что ваше сіятельство, по ревности вашей къ пользѣ отечества и къ собственной вашей славѣ (совокупляясь въ семъ случаѣ та и другая во едино) одного будете со мною мнѣнія и совершенно согласитесь, что, при настоящемъ положеніи нашихъ съ Татарами дѣлъ, частныя съ ними постановленія всего нашего съ сими народами на будущее время взаимства не рѣшать съ точностію и съ твердостію, ниже могутъ имѣть и достаточную инфлюенцію въ признаніе ихъ независимости отъ другихъ дворовъ.

Когда, при открывшейся настоящей войнѣ, первыя въ разсужденіи Татаръ покушенія подали надежду отторгнуть ихъ отъ Порты: то въ рескриптѣ, отправленномъ къ брату моему отъ 2-го Апрѣля 1770 года, во время предводительства его,

изъяснено уже во всѣхъ обстоятельствахъ основаніе принятой здѣсь объ нихъ и о самомъ Крымскомъ полуостровѣ системы: то-есть, что въ неподверженное состояніе всѣхъ Ногайскихъ Татаръ и съ Крымомъ привесть и въ томъ утвердить желается, но что сего не можно будетъ исполнить инако, какъ занятіемъ навсегда нѣкоторыхъ Крымскихъ мѣстъ, по добровольной оныхъ Татарами уступкѣ, завися отъ того удобность съ стороны нашей защищать ихъ отъ противныхъ Турецкихъ покушеній, а по Черному морю распространить кораблеплаваніе, какъ для того, такъ и для взаимнаго отъ коммерціи прибытка. Когда же, благословеніемъ Всевышняго, вспосланнымъ на справедливое Ея Императорскаго Величества оружіе, при мужественномъ вашего сіятельства онымъ въ прошедшую кампанію предводительствѣ, Крымской полуостровъ въ здѣшнюю волю предался: то однакожъ, дабы и при томъ слѣдовано было прежде принятой системѣ, и вся Европа видѣла, что не одно здѣшнее желаніе есть видѣть Татаръ отторженными отъ бывшей надъ ними Турецкой власти, но что и сами они тому всеохотно сообразуются, и по натуральному къ Портѣ недовѣренію тотчасъ и возчувствовали нужду въ нашемъ ихъ защищеніи перемѣтіи, и препоручено уже было вашему сіятельству (отправленнымъ къ вамъ отъ 27-го Августа 1771 года рескриптомъ) стараніе, въ бытность вашу въ Крымскомъ полуостровѣ, не наклонить и согласить Татаръ на какую-либо уступку, но благоразумнымъ вашимъ обращеніемъ и управленіемъ ихъ разсудка собственную ихъ заботу и рвеніе возбудить, чтобъ они какъ бы собственнымъ же познаніемъ на прошеніе поступили, и не мы того ищущими, но они о томъ намъ докучающими видѣлись по наружности.

Я не сомнѣваюсь отдать собственному вашего сіятельства проницанію судить, можетъ ли господинъ Веселицкой нынѣшними своими трудами замѣнить, что̀ могло только ожидаемо и дѣйствительно произведено быть важностію вашего сіятельства состоянія, по чину и начальству, и еще во время вашего посреди Татаръ пребыванія. Тогда, говоря свойственно по тому времени, и самой громъ бывшаго въ рукахъ вашихъ оружія давалъ бы грубому ихъ понятію ощущать прочность и пользу въ препорученіи всегдашнем намъ стражи ихъ свободы и неподверженности, и сдѣлалъ бы ихъ не только подàтными, но и желающими, чтобъ и дѣйствительно въ томъ положительныя мѣры безъ упущенія предпріяты были. Напротивъ того, господина Веселицкаго домогательства, при настоящемъ нашихъ гарнизоновъ во всѣхъ укрѣпленныхъ Крымскихъ мѣстахъ содержаніи по праву завоеванія, и по резону только продолжающейся войны, кажется, неминуемо опаснымъ Татарамъ воображенія подавать имѣютъ; особливо же что съ ихъ стороны и начались уже представленія о непражненіи и всего Крыма отъ здѣшнихъ войскъ, коль скоро ваше сіятельство оттуда отлучились, и безпредѣльное жителей сего полуострова къ магометанству усердіе получило весь досугъ ополчить ихъ прежнею противъ христіанства ненавистію. Не могутъ ли они заключать теперь, видя наши время отъ времени возобновляемыя усильныя искательства, съ подкрѣпленіемъ дачами и подарками, что мы ищемъ навсегда въ ихъ отечествѣ утвердиться не для ихъ уже защищенія, но для собственной нашей выгодности, а предъявленіемъ и ихъ въ томъ пользы только что легковѣріе ихъ уловить стараемся? Ибо, примѣняясь къ образу Татарскихъ мыслей, вѣтреныхъ и по большей части настоящимъ временемъ занимающихся, а будущимъ очень мало, или совсѣмъ

ничего, едвали множайшіе изъ нихъ, находясь нынѣ въ покойномъ положеніи и упражняясь въ своей набожности, и уважаютъ не столько могущую быть имъ отъ Турокъ опасность, сколько соблазнъ и предосужденіе ихъ закону отъ тѣснаго съ христіанскою державою соединенія и преданія себя въ ея покровительство и руководство. А чтобъ сіе сумнѣніе въ конецъ разрушить и истребить, не довольно уже (примѣняясь же и еще къ образу Татарскихъ мыслей) однихъ, такъ сказать, глухихъ и скромныхъ стараній, о которыхъ только начальникамъ извѣстно, а всему обществу нимало; но съ тѣмъ соединены быть долженствуютъ и наружныя оказательства, умы Татарскія занимающія и чувствительно удостовѣряющія ихъ о здѣшнемъ къ нимъ доброжелательствѣ и уваженіи, не тонкостями, а кидающимся имъ въ глаза и убѣждающимъ каждаго изъ нихъ, какъ бы по неволѣ, преимуществомъ настоящаго своего свободнаго состоянія сообразить и снести съ рабствомъ, въ какое они низвержены были.

Такимъ образомъ, хотябъ ваше сіятельство и сами время имѣли привести Татаръ на всѣ здѣшнія желанія, то для вышеизъясненныхъ причинъ, собственно къ нимъ Татарамъ относящихся, а не меньше, или еще и больше, и для того, чтобъ Крымъ и всѣ принадлежащія къ сему полуострову Ногайскіе народы прямо свободными и неподчиненными посторонней власти и для всего свѣта видѣлися (слѣдовательно раздѣленными отъ Порты, прежде ими владычествовавшей, но равнымъ образомъ не присовокупленными и къ Россійской Имперіи) и былобъ, однакожъ, необходимо отправленіе къ нимъ торжественнаго посольства: ибо по введенному въ Европѣ обыкновенію и этикету не можетъ ничѣмъ дѣйствительнѣе, явнѣе и достаточнѣе доказано быть признаніе со стороны здѣшняго двора независимости Татарской, какъ симъ поступ-

комъ, предполагающимъ ихъ достойными быть непосредственнаго съ почтительными державами сношенія и пересылки.

Дворы христіанскіе, внимая сему убѣдительному опыту и примѣру нашего уваженія къ Татарамъ, изъ рабства и неволи возникшимъ, не больше ли возымѣютъ побужденія и съ своей стороны признать ихъ свободными? А тогда и Порта должна будетъ мнимое свое право уничтожить и отъ нихъ отступиться.

Между тѣмъ, увидя Татара у себя полномочнаго Ея Императорскаго Величества, отдающаго имъ на собственной разсудокъ и произволъ избрать способы къ будущей своей безопасности, можетъ быть, по такому ласкательству ихъ честолюбія, скорѣе и прямодушнѣе согласятся и на всѣ здѣшнія желанія, натуральнымъ образомъ не будучи въ собственныхъ ихъ силахъ предохранить Турецкія на Крымъ во всякое время покушенія безъ здѣшняго участвованія. Но что бъ уже ни воспослѣдовало, по крайней мѣрѣ все то, что полномочнымъ съ Татарами постановится и заключено будетъ, составитъ цѣльной договоръ, на доброй ихъ волѣ основанной и къ предъявленію свѣту удобной, вмѣсто того, что до прибытія его, какія бы съ ними сдѣлки господинъ Веселицкой ни предпріялъ, они не могутъ имѣть равномѣрной достовѣрности и важности, какъ частныя, по временамъ происшедшія, а не совокупленныя вообще въ составъ, свойственный формальному трактату, но къ чему онъ и необходимою довѣренностію и полною мочью отнюдь и не снабденъ. А безъ того оныя (принимая вещи въ такомъ разумѣніи, въ какомъ свѣтъ судить можетъ) неизбѣжны отъ вида нѣкотораго принужденія, слѣдовательно и отъ самаго подозрѣнія, повреждающаго прочность и священность подобныхъ инструментовъ, по настоящему нашему надъ Татарами, въ разсужденіи дер-

жимыхъ въ нашихъ рукахъ Крымскихъ мѣстъ, превозможенію, и пока торжественно не ознаменована еще съ нашей стороны Татарская вольность и независимость, и собственное ихъ верховное начальство (будучи по всему вышесказанному нужно предварительно исполнить сей обрядъ). А первымъ изъ того слѣдствіемъ и произведется уже совершеніе съ Татарами трактата, всѣ здѣшнія намѣренія объемлющаго, кои касаться долженствуютъ не только до всѣхъ нашихъ къ нимъ отношеній, но и до тѣхъ самыхъ, въ какихъ Крымскіе жители съ прочими Ногайскими народами, новую Татарскую область составляющими, оставлены быть могутъ, и что̀ такожде для внутренняго сей области благоустройства, а потому и въ предвареніе всякихъ затруднительствъ, весьма надобно. Но о семъ послѣднемъ пунктѣ трактовать и на мѣрѣ положить свойственнѣе жъ господину Щербинину, не только какъ полномочному Ея Императорскаго Величества, но какъ имѣющему въ своемъ производствѣ дѣла Татаръ Ногайскихъ, слѣдовательно и въ состояніи находящемуся войти во всю оныхъ связь и подробность при толь нужномъ случаѣ.

Нетщетною я ласкаюсь надеждою, что вы, милостивый государь мой, разсмотря съ обыкновеннымъ вамъ безпристрастіемъ всѣ сіи основательныя уваженія, и сами изволите справедливость отдать мнѣнію моему въ томъ, что предовольно было бъ съ господина Веселицкаго, когда бъ онъ старался только о расположеніи духовъ Татарскихъ въ благонамѣреніе, и тѣмъ бы приготовлялъ ихъ къ лучшему вниманію предложеній, кои имъ отъ здѣшняго полномочнаго въ свое время учинены будутъ, и что̀ лутче вдругъ за все отплатиться, нежели по частямъ имѣть расходъ, какой Татарское корыстолюбіе на счетъ ни поставитъ при будущемъ съ ними чрезъ господина Щербинина трактованіи.

Но я принужденъ и еще вамъ, милостивый государь мой, здѣсь же открыться, что равнымъ образомъ совѣмъ излишнимъ почитается и учиненное господиномъ Веселицкимъ хану присовѣтованіе объ отправленіи съ нарочнымъ прошенія къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ перенято было стараніе Крымскую вольность, при постановленіи съ Портою мирнаго договора, утвердить. Когда Ея Императорское Величество дозволяетъ всѣмъ Татарамъ, отъ подданства Турецкаго отложившимся, высочайшее свое покровительство (и въ чемъ они неоднократно обнадежены, а Крымской ханъ съ тамошнимъ правительствомъ и чрезъ ваше сіятельство); то само собою разумѣется, что въ толь нужное и на всегда ихъ жребій опредѣляющее время по всей возможности попеченіе объ нихъ имѣть оставлено не будетъ. Правда, въ вышеозначенномъ отъ 27-го Августа 1771 года къ вашему сіятельству отправленномъ рескриптѣ, между другимъ, сказано было, что нѣтъ намѣренія допустить Татаръ къ непосредственному трактованію съ Портою о признаніи ихъ независимости, съ отступленіемъ бывшаго на нихъ права ея, а все то собственному здѣшнему попеченію предоставляется; но все сіе изъясненіе сдѣлано единственно для того, чтобъ ваше сіятельство видѣть могли, сколь нужно, для облегченія употребляемыхъ въ томъ стараній, предшествованіе съ Крымцами условія объ оставленіи въ нашихъ рукахъ нѣкоторыхъ ихъ мѣстъ, а не для того, чтобъ господинъ Веселицкой часть своей негоціяціи составилъ изъ того, что могло только Крымцамъ съ нашей стороны внушаемо быть, къ побужденію ихъ къ намъ признанія и благодарности и въ поспѣшествованіе нашего искательства.

Извините меня, ваше сіятельство, въ моей къ вамъ довѣренности, до сего человѣка принадлежащей. Онъ разумъ и

употребленіе приведенныхъ въ рескриптѣ словъ понималъ, конечно, по извѣстной его способности: но, написавъ самъ въ репортѣ къ вашему сіятельству, что надѣется у хана акть на уступку Крымскихъ мѣстъ вынудить, когда можетъ быть, доброю волею пріобрѣсть не удастся, не попускается ли въ такую неполезновенность, которая совсѣмъ съ здѣшними видами несходна и весьма удалена отъ тѣхъ правилъ и началъ, кои имѣли ему при томъ служить руководствомъ, а тѣмъ и не производить ли сумнѣнія, что въ искушеніи и желаніи находится въ состояніи быть доказать, коимъ образомъ и одинъ все сдѣлать могъ бы, чему по его разсужденію опытомъ служить и имѣло преклоненіе хана поступиться на нынѣшнее прошеніе? По сему разсудить надлежалобъ, что дѣйствительное совершеніе важныхъ негоціацій предоставляется всегда не только особамъ, особливой монаршей довѣренности удостоеннымъ и публичными характерами снабденнымъ, но и приличному къ тому времени, и что однакоже и другіе трудящіеся къ облегченію подобныхъ дѣлъ и къ предваренію неудобствъ встрѣчающихся, не теряютъ цѣны своихъ подвиговъ.

Какъ бы то ни было, но продолжающіяся съ стороны ханской сюда присылки и представленія весьма препятствовать могутъ отправленію здѣшняго полномочнаго, требуя новыхъ для него наставленій во всякой новой случай, пока еще онъ не вступаетъ въ свой путь, а не меньше и тому производству, какое здѣсь съ калгою-салтаномъ настоитъ, въ облегченіе коммиссіи сего полномочнаго. Потому и спѣшу я просить ваше сіятельство предписать господину Веселицкому, сколько возможно не помедляжъ, чтобъ онъ, увѣдомя хана объ отправляемомъ къ нему и къ Крымскому правительству торжественномъ посольствѣ, съ точнымъ обнадеживаніемъ о постановленіи Крымской свободы и независимости на проч-

номъ основаніи во все послѣдующее время, и чрезъ которое посольство съ нимъ ханомъ также трактовано будетъ и о всѣхъ мѣрахъ, принадлежащихъ къ обезпечиванію Крымскаго полуострова отъ опасности съ Турецкой стороны, удерживалъ его впредъ отъ присылки сюда своихъ нарочныхъ. Но можетъ ли находящійся нынѣ у вашего сіятельства присланной отъ хана нарочной, безъ огорченія его хана, возвращенъ быть назадъ, по симъ же основаніямъ, ближайшему вашему разсмотрѣнію предаю, съ присовокупленнымъ только прошеніемъ, что ежели бы заблагоразсудить изволили отправить его сюда, по полученіи отъ хана представленія въ такой силѣ, въ какой ваше сіятельство быть оному желали и требовали, то по крайней мѣрѣ, пожалуйте, милостивый государь мой, прикажите сего Татарина остановить на дорогѣ въ городѣ Торжкѣ, гдѣ и прежде отправленной отъ хана нарочной понынѣ еще удерживается, и мнѣ дать знать предварительно.

Пребываю въ прочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію вашего сіятельства,

всепокорный и всепослушный
слуга графъ Н. Панинъ.

С.-Петербургъ,
28 Марта 1772.

2.

Милостивыи государь мой князь Василій Михаиловичь.

По нѣскольких днях отправится калга-салтань отсюда в возвратной путь свой чрезь Москву, гдѣ на самое только короткое время остановится для обозрѣнія древняго сего столичнаго города, а половина изъ его свиты напередъ уже предь нѣкоторымъ временемъ дѣйствительно отправлена, и сіе учинено для того, чтобь съ тѣмь большею удобностію исправиться можно было по дорогѣ въ поставкѣ лошадей, которыхъ и при такомъ раздѣленіи однакожъ не меньше ста сорока для каждаго стана приготовлено по необходимости.

Какъ теперь, соглашеніемъ хана Крымскаго и правительства тамошняго на трактать, предложенный имъ со здѣшней стороны чрезъ Евдокима Алексѣевича Щербинина, миновались уже тѣ причины, кои въ отпускѣ калги-салтана въ Крымъ нѣкоторымъ образомъ препятствіе полагали: то, по пріѣздѣ его къ вашему сіятельству въ Полтаву, онь и далѣе такожде путь свой безъ остановки продолжать можетъ, коль скоро потребныя къ тому распоряженія учинятся по вашимъ повѣленіямъ; а съ симъ отправляю я къ вамъ, милостивый государь мой, секундъ-маіора Варавкина, присланнаго сюда изъ Крыма съ депешами, препоручивъ ему препроводить до Полтавы отряженнаго отъ калги-салтана нарочнаго Татарина, казначея его, по имяни Булать-Шахъ-агу съ однимъ слугою, котораго онъ истребовалъ дозволеніе послать предь собою для увѣдомленія хана о своемъ отъѣздѣ.

Итакъ покорно ваше сіятельство прошу, отпуская онаго Татарина изъ Полтавы въ Крымъ, по снабденіи всѣмъ нужнымъ для сея дороги, пожаловать приказать отправить и се-

купдь-маіора Баравкина къ Евдокиму Алексѣевичу, гдѣ бы онъ между тѣмъ ни находился.

Изъ приложенныхъ при семъ копій съ двухъ Ея Императорскаго Величества грамотъ, къ хану и къ правительству, препорученныхъ калгѣ-салтану, ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что оныя такъ расположены, какъ бы еще Евдокимъ Алексѣевичъ и теперь видѣлся непредуспѣвшимъ въ своей негоціаціи, но еще во всемъ подвигъ. Сіе обстоятельство произошло отъ того, что граматы получилъ калга вскорѣ послѣ отпускной аудіенціи, а о совершеніи трактата къ Крымцами только на сихъ дняхъ дошло сюда извѣстіе; между тѣмъ удерживанъ былъ здѣсь онъ подъ разными предлогами, вслѣдствіе учиненныхъ примѣчаній отъ Евдокима Алексѣевича о неполезности въ томъ, ежелибъ въ такое время въ Крымъ прибыть успѣлъ, когда еще Татара въ упоретвѣ пребывали по негоціаціи; да и самъ отбытіемъ своимъ не весьма дотолѣ торопился, пока, по предетавленіямъ и домогательствамъ своимъ о плѣнникахъ, многихъ дѣйствительно не получилъ, съ точнымъ обнадеживаніемъ, что и впредь находимые неотмѣнно также возвращаемы будутъ, и употребится къ тому стараніе возможное. Но будучи однакожъ сихъ грамотъ содержаніе наполнено и удостовѣреніями наилучшими о сохраненіи Крыму и всѣмъ Татарамъ независимости, съ продолженіемъ къ нимъ Ея Императорскаго Величества покровительства, пристойными потому и почтены остаться въ рукахъ у калги-салтана, и чтобъ онъ только съ оными въ Крымъ отправился: ибо перемѣна ихъ теперь, по совершеніи трактата, другими съ настоящими обстоятельствами сходнѣйшими, составила бы нѣкоторымъ образомъ и самую того трактата ратификацію, которая по семъ учинена быть можетъ съ лутчею удобностію.

Что касается до бывшаго здѣсь домогательства отъ калги о плѣнникахъ, прилагается при семъ же для извѣстія вашему сіятельству, какъ первое его въ семъ дѣлѣ представленіе, и съ отвѣтомъ на то учиненнымъ, такъ и вторичное, которымъ онъ требовалъ возвращенія по крайней мѣрѣ такихъ, кои въ здѣшней столицѣ и въ околичностяхъ оной сысканы быть могли бы, предъявя особою запискою, какова и здѣсь таковже прилагается *), въ чьихъ оные находятся рукахъ. Сверхъ того просилъ онъ о освобожденіи нѣкоторыхъ поимянно изъ военноплѣнныхъ Турковъ, которые по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію тотчасъ же ему и отданы, съ принамятованіемъ, коимъ образомъ никогда они къ вреднымъ покушеніямъ безъ сумнѣнія и допущены не будутъ, въ чемъ онъ сильнѣйшія и подалъ обнадеживанія. А изъ Татаръ назначенныхъ отъ него хотя нѣкоторые и остались за отдачею, не росписываю я здѣсь ни тѣхъ ни другихъ, а предоставляю донесть объ нихъ вашему сіятельству приставу его маіору Путятину: по случившемуся въ томъ затрудинтельству главнѣйшею причиною только и было, что по запискѣ калги еще со многими людьми необходимо надлежитъ сдѣлать справки, а къ тому и время требуется.

Но онъ требовалъ еще, чтобъ и приставу его данъ былъ отверстой указъ, по силѣ котораго имѣлъ бы сей офицеръ право и дозволеніе встрѣчающихся съ ними по дорогѣ Татарскихъ плѣнниковъ же, у кого бы оные ни были, отбирать и съ собою брать. Напротивъ того, признано здѣсь заблаговременно на сіе поступить по многимъ уваженіямъ: ибо толь необыкновеннымъ снисхожденіемъ и податливостію оказано былобъ превлишнее ласкательство невѣжественной Татарской

*) Этихъ приложеній не отыскано. П. Б.

высокомѣрности, а нѣкоторымъ образомъ и собственная власть ихъ въ лицѣ калги въ нашихъ нѣдрахъ и предѣлахъ какъ-бы однакожъ дѣйствительною имъ возмечтаться могла бы, умалчивая, что и крещеныхъ изъ Татаръ едвали они покипутъ похотѣли бы. А чтобъ со всѣмъ тѣмъ и въ семъ послѣднемъ требованіи отчасти удовольствованъ былъ калгасалтанъ, для того при учиненномъ ему изъясненіи о невозможности по содержанію и силѣ здѣшней имперіи законовъ исполнить его желаніе, сказано ему, что пристанъ его имѣетъ по дорогѣ, естьлибъ гдѣ усмотрѣны были плѣнники Татарскіе, записавъ ихъ и распрося о всѣхъ принадлежащихъ обстоятельствахъ, донесть потомъ вашему сіятельству, для дѣйствительнаго по вашемъ предварительномъ разсмотрѣніи употребленія способовъ, отъ васъ зависимыхъ, къ ихъ возвращенію и заимствованія въ томъ, ежелибъ нужно было, и здѣшняго пособія.

Въ самомъ дѣлѣ, государь мой, при настоящемъ положеніи нашихъ съ Татарами дѣлъ, возвращенныхъ паки (не смотря на бывшее въ нихъ замѣшательство) въ надлежащій порядокъ и установленіе, а при томъ и по той надеждѣ, что заключаемымъ съ Портою Оттоманскою миромъ жребій и участь Татаръ по нашему же желанію рѣшатся, съ признаніемъ и съ Турецкой стороны ихъ независимости, коль полезно, толь и нужно при предстаявляющихся случаяхъ подавать Татарамъ удостовѣрительные опыты о прочности новой ихъ съ нами связи, развѣ бы совсѣмъ непредвидимыя и незнанныя перемѣны и правилъ нашихъ перемѣну произвели относительно Крымскаго полуострова, чего, однакожъ, теперь ожидать не можно.

Пунктъ о плѣнникахъ есть для Татаръ безспорно изъ нѣжнѣйшихъ по самымъ ихъ закона положеніямъ и началамъ;

и потому, естьли ваше сіятельство время отъ времени нѣкоторыхъ къ нимъ отсылать будете, наичувствительнѣйшее тѣмъ имъ удовольствіе оказывано быть имѣть, при чемъ особливо я за нужно признаю примѣтить вашему сіятельству о пяти никахъ одинадцати человѣкахъ, кои по предъявленію калги-салтана будто у господина генерала-поручика Берга находятся, и о которыхъ онъ почти больше, нежели о всѣхъ другихъ, и настоялъ. По удовольствованіе его въ томъ невозможнымъ сдѣлавъ небытность здѣсь господина Берга, составило необходимость внушить калгъ-салтану, чтобъ онъ адресовался объ нихъ къ вашему сіятельству, по пріѣздѣ своемъ въ Полтаву, поелику господинъ Бергъ подъ вашимъ предводительствомъ находился во время послѣдней противъ Крыма кампаніи. Вотъ, милостивый государь мой, отговорка, повидимому, къ вашей тягости; но по крайней мѣрѣ, если посредствомъ и вашимъ господинъ Бергъ доведенъ быть не могъ бы къ возвращенію держимыхъ имъ Татаръ противъ ихъ воли, ваше сіятельство прикажите въ походной вашей канцеляріи и по другимъ мѣстамъ вашего начальства справиться, не найдется ли точныхъ извѣстій, какъ о числѣ ихъ и состояніи, такъ и о случаяхъ, при какихъ оные ему достались, чтобъ изъ всего того здѣсь уже надлежащее употребленіе сдѣлать было можно. А калга-салтанъ, когда и вашими отзывами такожде удостовѣренъ будетъ, что требованіе его объ нихъ не только не забыто, но и дѣйствительное отысканіе производится, и не возымѣетъ по справедливости причины случившееся замедленіе напраснымъ проводамъ причитать.

Слѣдующее здѣсь росписаніе будетъ служить къ извѣщенію вашему сіятельству и о издержкахъ на его обратное отправленіе употребленныхъ, а что принадлежитъ до учиненныхъ ему и свитѣ награжденій, то, не считая содержанія на

каждой день по сту рублевъ, получилъ онъ при первомъ случаѣ сверхъ шубы и прочаго платья, и шапки богатыхъ (при чемъ шестерымъ и изъ его чиновныхъ, которые были съ нимъ на первой аудіенціи, такожде хорошія шубы и другое платьежъ сдѣлано) пять тысячъ рублевъ и столовой серебряной сервизъ, потомъ вскорѣ еще десять тысячъ рублевъ, а при отпускѣ, какъ ваше сіятельство изволите усмотрѣть изъ росписанія, на себя двадцать тысячъ, съ саблею золотомъ и дорогими каменьями оправленною, а для свиты своей десять тысячъ; имъ же дано и по портищу сукна. Да по случаю бытности его въ Царскомъ Селѣ, во время высочайшаго Ея Императорскаго Величества тамъ же присутствія, пожалованы ему перстень и табакерка немалой цѣны, и наконецъ, по отзывамъ его, что со всѣмъ симъ награжденіемъ не могъ бы еще всѣхъ сдѣланныхъ имъ долговъ заплатить (ибо и подлинно жилъ здѣсь наирасточительнѣйшимъ образомъ и весьма съ худымъ хозяйствомъ) и еще двѣнадцать тысячъ рублевъ выдано, причемъ и я подарилъ ему перстень. Я вашему сіятельству о всемъ томъ доношу съ подробностію для того, что хотя онъ здѣсь къ толь великой къ нему монаршей щедротѣ наичувствительнѣйшимъ быть казался, предъявляя всѣ знаки глубочайшей благодарности, но неизлишно однакожъ будетъ, когда и ваше сіятельство, при подающемся приличномъ случаѣ, въ слѣдствіе воспріятой симъ Татариномъ къ вамъ, милостивый государь мой, довѣренности, некуснымъ образомъ изволите дать ему выразумѣть, что онъ по первоначальному уваженію больше награжденъ, нежели Крымцы со всѣмъ своимъ начальствомъ заслуживали, по бывшимъ предъ симъ происшествіямъ.

Прибавку его дано какъ на издержки въ дорогѣ, такъ и на прогоны до Полтавы, по семуже здѣсь приложенному ро-

списанію, довольное число денегъ, считая и прогоны отсюда до Полтавы, на уѣздныя лошади и на лѣтніе мѣсяцы: онъ тѣмъ приведенъ будетъ въ состояніе коммиссію свою исправить безъ нужды и затрудненія, а ваше сіятельство, по пріѣздѣ его къ вамъ, прикажите сдѣлать ему отчетъ во всѣхъ сихъ деньгахъ.

Мнѣ осталось послѣ всего вамъ, милостивый государь мой, сказать еще здѣсь же и о свиданіи вашего сіятельства съ симъ знатнымъ Татариномъ.

Желательно, чтобъ онъ, по пріѣздѣ своемъ въ ваше мѣсто, учинилъ вамъ первую визиту. Безспорно, что самолюбіе его найдетъ тутъ претительность, особливо на основаніи перваго примѣра; но пожалуйте, милостивый государь мой, я открываюсь вамъ съ довѣренностію, не торопитесь въ томъ. Татарская спѣсь, удостовѣрясь о непремѣнности требованія вашего, можетъ быть, сей разъ уступитъ пристойности, тѣмъ больше, что калга-салтанъ въ продолжительную здѣсь бытность, кажется, къ намъ благонамѣреннымъ учинился и довольно уже примѣнится могъ къ вѣжливому обхожденію; а я и приставу его препоручилъ, чтобъ онъ старался во время дороги къ такому поступку его расположить, требуя того съ его калги-салтана стороны важность всемилостивѣйше ввѣреннаго вамъ поста, чина и персональнаго вашего состоянія.

Имѣю честь быть и пр.

С.-Петербургъ,
8 Декабря 1772.

Исчисленіе издержекъ при отпускѣ калги-салтана.

именной списокъ находящимся въ свитѣ калги-салтана татарамъ, съ различіемъ ихъ состоянія, учиненный премьеръ-маіоромъ княземъ Путятинымъ.

1. Мегметъ Баки Мурза, Ширинъ—отличный отъ всѣхъ прочихъ; понеже оный не въ свитѣ салтанской присланъ, но посланъ отъ всего Крыма, яко совѣтникъ и свѣдущій въ дѣлахъ отечества своего человѣкъ.

ПЕРВАЯ ПАРТІЯ.

1. Ибрагимъ ага.
2. Ширинъ Темиръ Казы мурза.
3. Ширинъ Катыръ шахъ мурза.
4. Ширинъ Муратъ шахъ мурза.
5. Балатша ага.
6. Касымъ ага.
7. Хаджи Али ага.
8. Темиръ Казы ага, казнадаръ.
9. Мегметъ эфендій.
10. Османъ мурза.
11. Арсланъ ага.
12. Абдыръ Рахманъ эфендій.
13. Мегметъ ага.

Люди лутчихъ фамилій, и какъ по онымъ, такъ по чинамъ своимъ и по лѣтамъ предъ всѣми преимущественно уважаемые и собственныхъ своихъ подданныхъ имѣющіе.

ВТОРАЯ ПАРТІЯ.

Дворяне посольства.

1. Мегметъ шахъ мурза.
2. Мурза Арсланъ бей, прибывшій отъ хана къ калгъ-салтану.
3. Девлетъ шахъ мурза.
4. Муратъ шахъ мурза.
5. Мустафа мурза.
6. Абдиль Челеби.
7. Омеръ.
8. Девлетша ага.
9. Абдуръ Агманъ ага.
10. Игнаетшахъ ага.
11. Мегметъ ага.

Дворяне хорошихъ фамилій, но по молодости своей не столько какъ перваго класса старшины уважаемы, изъ которыхъ нѣкоторые изрядные въ своемъ отечествѣ чины имѣютъ.

ТРЕТЬЯ ПАРТІЯ.

1. Асанъ ага чешнегиръ, метръ дотель.
2. Асанъ ага ибриктаръ.
3. Халиль ага пешкерджи.
3. Абдиль Баки ага, старшій кофешенокъ
5. Усамединъ, подаетъ трубку.
6 Молла Осанъ.
7. Муртаза ага.
8. Али ага.
9. Ибрагимъ.

Люди немного значущіе, однако гораздо отъ простыхъ услужниковъ отличаемые.

ЧЕТВЕРТАЯ ПАРТІЯ.

1. Салп.
2. Исмаилъ.
3. Ипаетша.
4. Ахметша.
5. Абдулла ага.
6. Ахметъ ага.
7. Его помощникъ.
8. Калмукъ.
9. Молла омеръ
10. Арапъ.
11. Эмиръ Мегметъ.
12. Ахметъ.
13. Мурдаша.
14. Чегодарь. } Прислужники
15. Чегодарь. } придворные.
16. Чегодарь. }
17. Сеймепъ. } Служивые военные
18. Сеймепъ. } люди.

Итого 52 человѣка, при нихъ служителей 21 человѣкъ
Всего въ свитѣ калги-салтана Татаръ 73 человѣка.

ВЪ НАГРАЖДЕНІЕ ДАНО ПРИ ОТПУСКѢ.

Руб.

Калгѣ-салтану деньгами..... 20.000

(Въ томъ числѣ половину золотомъ, а другую ассигнаціями банковыми).

Свитѣ его, которая состоитъ въ 73-хъ человѣкахъ, деньгами жъ... . ..... 10.000

(Оные отданы на его жъ калги-салтана распоряженіе).

	Руб.
Да сверхъ того каждому изъ нихъ сукна по 6 аршинъ, разныхъ цѣнъ, по различію ихъ состоянія, на что употреблено	1.059
Да при самомъ отъѣздѣ еще дано калгѣ-салтану	12.000
Итого въ награжденіе	43.059

ИЗДЕРЖКИ ОБРАТНАГО КАЛГИ-САЛТАНА ОТСЮДА ОТПРАВЛЕНІЯ.

	Р.	К.
На покупку для него дорожной кареты и для свиты его четвероместныхъ и двуместныхъ 12 колясокъ и 47 телѣгъ по изчисленію	1.765	—
На 213 уѣздныхъ подводъ до Полтавы по двойному платежу	7.037	52
На дорожное содержаніе на 60 дней по 50 р. на каждой	3.000	—
На могущія случиться въ дорогѣ разныя исправленія	2.000	—
Итого на отправленіе	13.802	52
Всего въ награжденіе и на отправленіе	56.861	52

ПРИ ТОМЪ ЖЕ ПО ПРЕЖНИМЪ ПРИМѢРАМЪ ДАНО ВЪ НАГРАЖДЕНІЕ.

Премьеръ-маіору князю Путятину	800	—
Капитану Гаврилову	300	—
Переводчику Кутлубицкому	200	—
Сержанту, толмачу и пяти человѣкамъ рядовымъ	400	—
Итого приставу съ командою въ награжденіе	1.700	—
Итакъ вся сумма награжденія и отправленія сочиняетъ	58.561	52

Письма графа Н. И. Панина къ императрицѣ Екатеринѣ Великой *).

I.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Во исполненіе высочайшей апробаціи Вашего Императорскаго Величества на представленныя отъ меня ремарки по врученнымъ отъ графа Сольмса Прускимъ бумагамъ, содержащимъ дѣло о разграниченіи съ Польшею, я, давъ имъ надлежащую форму для доставленія его Прускому величеству, здѣсь оныя всеподданнѣйше подношу. Первая—отвѣтная министеріальная записка для графа Сольмса, которая и слѣдуетъ ему быть вручена чрезъ министерство Вашего Величества; а вторая — собственный отъ лица Вашего Императорскаго Величества откровенный отвѣтъ его высочеству принцу Генриху на представленное отъ него особенно письменное разсужденіе, доставленіе котораго въ руки сему принцу зависитъ отъ высочайшаго соизволенія Вашего Императорскаго Величества: безпосредственно ли сами Вы отдать ему изволите или по примѣру того, что̀ онъ чрезъ графа Сольмса

*) Печатаются съ подлинниковъ. П. Б.

свою бумагу доставилъ Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ оный отвѣтъ такимъ же образомъ ему отдать, о чемъ я буду ожидать высочайшаго повелѣнія отъ Вашего Величества и пребываю со всеглубочайшимъ подобострастіемъ Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшій рабъ

графъ Н. Панинъ *).

Въ С.-Петербургѣ, 28 Апрѣля 1776 г.

2.

Поелику состояніе силъ моихъ дозволяетъ, я сими строками всеподданнѣйше препровождаю включенный здѣсь билетъ ко мнѣ отъ графа Сольмса, для объясненія котораго я сейчасъ съ нимъ видѣлся, и онъ внизу подписалъ на немъ имя того человѣка, съ которымъ Шампаніоло разговаривалъ, а притомъ мнѣ сказалъ, что сей *Курантъ* открылся въ томъ его легаціонъ-секретарю съ тѣмъ, что и самъ онъ графу Сольмсу тоже пересказать можетъ, о чемъ я и просилъ сего графа, чтобы его распросилъ **).

Написавъ по сіе мѣсто, получаю я сей моментъ отъ графа Сольмса дополнительный допросъ, который здѣсь же включаю, который онъ самъ самолично ему сдѣлалъ; себя же подвергнувъ къ монаршимъ стопамъ, пребываю со всеглубочайшимъ подобострастіемъ.

С.-Петербургъ
11 Маія 1776.

---

*) Въ дальнѣйшихъ письмахъ обычныя начала и окончанія опускаются въ печати. П. Б.

**) Дѣло идетъ о Русскихъ фальшивыхъ ассигнаціяхъ. П. Б.

3.

Высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества отъ 11-го сего мѣсяца я получилъ того же дня въ полночь, и во исполненіе онаго поручилъ я графу Сольмсу уговаривать *Курантa* о дальнѣйшемъ развѣданіи существа дѣла, такъ какъ и съ генералъ-прокуроромъ видѣлся. Первый, по исполненіи своея коммиссіи, ко мнѣ прислалъ слѣдующую здѣсь своея руки записку: а со вторымъ разсуждали согласно, что, по всѣмъ видимымъ обстоятельствамъ, дѣло идетъ несумнѣнно о Польшѣ и что срокъ сказанной *Шампаніолою* Августа мѣсяца, къ полученію отъ Францкаго точныхъ наставленій, весьма близокъ къ сроку Польскаго сейма. Посему мы тѣмъ паче удержалися его теперь арестовать, ибо онъ еще нѣсколько дней уѣхать не можетъ, и чтобы пустаго шума не надѣлать. И подлинно сей самой *Шампаніола* еще больше не знаетъ какъ то одно, что онъ выговорилъ, или будетъ нечѣмъ изъ него больше вывѣдать; къ тому же и чтобы вѣрнѣе отвратить было можно какой-либо прямо злодѣйскій отъ Поляковъ замыселъ къ новымъ замѣшательствамъ: то не угодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству приказать условиться съ Курантомъ снабдить его червонныхъ до трехъ сотъ съ обнадеживаніемъ большаго награжденія, яко въ вѣрности доказанному человѣку и велѣть ему ѣхать съ его подговорщикомъ до того мѣста, гдѣ предпріятіе ему точнѣе открыто будетъ, снабдя его для того адресами къ министрамъ Вашего Величества, о чемъ я буду ожидать высочайшей резолюціи; ибо обыкновенной пашпортъ за границу изъ Иностранной Коллегіи еще не отданъ *Шампаніолу*, и я приказалъ его задержать подъ приличнымъ предлогомъ до завтрашняго дня; а по развѣданію князя Вяземскаго, корабль его отсель

въ Кронштадтъ отправился третьяго дня, только еще своего пашпорта не имѣетъ же.

Рекридитивную для посланника Нумсена грамоту съ указомъ въ Статсъ-контору для высочайшаго подписанія и обвѣстительную грамоту отъ короля Великобританскаго всеподданнѣйше здѣсь подношу.

С.-Петербургъ,
13 Маія 1776.

4.

Послѣднее Вашего Императорскаго Величества высочайшее повелѣніе я имѣлъ счастіе исполнить слѣдующимъ образомъ. Извѣстный *Курьянт* сего утра отправился въ Кронштадтъ, чтобы вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ оттуда выѣхать на кораблѣ въ Любекъ. Я третьяго дня и вчерась съ нимъ у себя видѣлся, и истребованныя мною отъ Адама Васильевича *) триста червонныхъ ему вручилъ съ тѣмъ, чтобы онъ старался въ пути своемъ какъ возможно скорѣй и обстоятельнѣе вы вѣдать злое предпріятіе и, не теряя времени, увѣдомилъ бы ближайшаго въ разстояніи отъ него нашего министра, для чего и далъ я ему особенное *слово*, съ которымъ онъ надежно адресоваться къ каждому изъ нихъ можетъ. Какія же я къ тѣмъ министрамъ сегодня на штафетѣ отправилъ увѣдомительныя письма о семъ дѣлѣ, со оныхъ копію здѣсь всеподданнѣйше подношу.

За симъ слѣдуютъ депеши изъ Варшавы, сего числа полученныя съ нарочнымъ курьеромъ. Мнѣ видится, всемилостивѣйшая Государыня, что новизна въ особенномъ ко мнѣ письмѣ отъ графа Стакельберга имѣетъ нѣчто сообразное съ Шампаніоловыми затѣями.

*) Олсуфьева.

Отъ генерала-порутчика Бриля реляцію съ препровождающимъ оную ко мнѣ письмомъ, такъ какъ и письмо ко мнѣ отъ барона Асебурга, всеподданнѣйше подношу, ожидая по первому всемилостивѣйшаго повелѣнія: къ кому отослать я долженъ буду присланнаго съ Китайскими вещами курьера для отдачи оныхъ.

С.-Петербургъ.
16 Маія 1776.

5.

На всевысочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества, вчерась мною полученное, должностію поставляю всеподданнѣйше донести, что нѣтъ больше такой суммы субсидныхъ денегъ, каковою Ваше Величество короля Польскаго ссудить намѣрены; ибо изъ остающихся на послѣди ста тысячъ рублей былъ заплаченъ послѣдній Стакельберговъ вексель въ пятьдесятъ тысячъ, который онъ выслалъ при отъѣздѣ своемъ изъ Варшавы, по причинѣ, что тамъ у него не оставалося наличной для всегдашнихъ расходовъ казенной суммы; теперь же остальные пятьдесятъ тысячъ рублей надлежитъ къ будущему сейму къ нему перевести для составленія общей трехъ высокихъ дворовъ суммы полутораста тысячъ рублей, двѣ части которой, по объявленію князя Лобковича и графа Сольмса, ихъ дворы уже доставили къ своимъ въ Варшавѣ министрамъ.

Пакетъ съ секретными письмами, а другой сегодня полученный отъ посла князя Репнина, всеподданнѣйше подношу.

С.-Петербургъ,
18 Маія 1776.

6.

Всеподданнѣйше здѣсь подносимыя бумаги получилъ я вчерашняго числа съ нарочнымъ курьеромъ изъ Гамбурга отъ министра Гросса. А какъ тутъ извѣстный Курантъ въ своемъ письмѣ ссылается на письмо свое къ Прускому легаціонъ-секретарю, то я чрезъ графа Сольмса и поручилъ сему секретарю своею рукою снять чистую копію и оную тутъ же влагаю, потому что оригинальное къ нему весьма нечетко. Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите, въ чемъ главнѣйше состоятъ скаредныя затѣи Польскихъ заговорщиковъ; и не угодно ли будетъ Вашему Величеству указать подъ рукою выправиться, какой былъ въ войскѣ Вашего Величества полковникомъ или подполковникомъ баронъ *Фазеръ* или *Фазенъ*, когда онъ изъ службы вышелъ и не шатается ли и теперь по Москвѣ. Также не въ указъ представить осмѣливаюся мое всеподданнѣйшее мнѣніе: не угодно ли будетъ, чтобы я чрезъ нашего министра въ Гагѣ увѣдомилъ Куранта о неправномъ полученіи его писемъ съ дозволеніемъ ему продолжать свою связь съ Шампаніоломъ, и стараться, по заготовленіи въ Льежѣ матеріаловъ, переѣхать со своею фабрикою въ Любекъ, такъ какъ онъ самъ ко мнѣ пишетъ въ своемъ письмѣ: ибо намъ будетъ гораздо способнѣе тамъ схватить всѣ ихъ учрежденія и фабрику. А между тѣмъ, можетъ быть, Курантъ еще больше откроетъ намъ можетъ безпутство Польскихъ головъ, особливо когда Шампаніоло самъ въ Польшу съѣздитъ, а Куранту ввѣритъ одному заготовленіе въ Льежѣ инструментовъ.

С.-Петербургъ,
21 Іюня 1776.

7.

Исправясь по всей возможности силъ моихъ, въ исполненіе высочайшаго мнѣ Вашего Императорскаго Величества повелѣнія отъ 14-го сего мѣсяца, подношу чрезъ сіе всеподданнѣйше составленный на апробацію рескриптъ къ посланнику и полномочному министру въ Царь-Градѣ Стахіеву. Намѣреніе онаго изъ самаго его содержанія Ваше Величество конечно сами проникнуть изволите: ибо когда Турецкое министерство не усумняется чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе и чаще представлять раздробительно всѣ свои прихотливыя и вѣроломныя требованія и притязанія, то дальнѣйшее съ здѣшней стороны противу того молчаніе можетъ, наконецъ, поставлено быть намъ въ умышленное коварство, а особливо тогда, какъ скоро откроется дѣйствіе предположеннаго намѣренія Вашего Величества, и Турки сочтутъ тогда, что мы подлинно не для разрушеннаго отъ нихъ равенства, въ взаимномъ съ обѣихъ сторонъ трактатномъ положеніи, отклонялись отъ дружелюбнаго трактованія, а единственно хотѣли выиграть время, чтобъ съ большею незапностію выступить изъ мирнаго состоянія, чѣмъ ихъ грубость и невѣжество могутъ столько воспламениться, что никакому благоразумію внимать будутъ не въ состояніи; напротивъ же чего, если заблаговременно посланникъ Стахіевъ найдется въ состояніи дружелюбно съ доброю вѣрою и твердостію сдѣлать отвѣтъ рейсъ-ефендію на каждый пунктъ его съ нимъ послѣдней конференціи, то тутъ Оттоманскому министерству другаго заключить не останется, какъ только то, что Ваше Императорское Величество съ такою же искренностію и доброю вѣрою желаете сохранять миръ и тишину между обѣихъ имперій, съ каковою твердостію опровергаете прихотливыя и несообразныя ихъ

прицѣпки къ правостямъ, торжественнымъ трактатомъ приобрѣтенным. А сіе самое можетъ споспѣшествовать къ вящему ихъ колебанію въ гѣхъ намѣреніяхъ, въ коихъ они, можетъ быть, и по сей часъ еще не рѣшились: напаче когда представленная отъ меня Вашему Величеству чрезъ графа Остермана записка удостоится высочайшей апробаціи, и Вѣнскій дворъ дастъ съ своей стороны почувствовать Туркамъ ихъ невѣжества замашку, чего съ надеждою отъ сего двора и ожидать можно. А столь искренной и столь ясной съ высочайшей стороны Вашего Величества сей поступокъ послужитъ уже удостовѣрительнѣйшимъ основаніемъ правости Вашего Величества въ исполненіи средствъ, поставляющихъ насъ въ равенство трактатнаго положенія съ Оттоманскою Портою, и тогдашняя декларація съ высочайшей стороны вашей о призывѣ Порты къ негоціаціи будетъ основана на семъ предварительномъ дружескомъ изъясненіи съ Турецкимъ министерствомъ.

Относительно до части Кубанскихъ дѣлъ не могъ я при всѣхъ моихъ размышленіяхъ лучшаго примыслить, какъ то, если угодно будетъ Вашему Императорскому Величеству оставить ихъ въ рукахъ бригадира Бринка, какъ человѣка теперь ближе свѣдущаго о новомъ ихъ развратѣ, и для того здѣсь же подношу проектъ особливаго къ нему рескрипта, такъ какъ и еще два проекта рескриптовъ же къ генералъ-порутчику князю Прозоровскому и къ Керченскому оберъ-коменданту Борзову, коими составляется связь возлагаемаго вновь на бригадира Бринка производства. Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше напамятовать соизволите, что вся сія связь относится къ предположенному осеннему предпріятію, кое въ Совѣтѣ еще неизвѣстно.

Врученную принцемъ Лобковичемъ отвѣтную грамоту отъ императрицы-королевы здѣсь же всеподданнѣйше препровождаю.

С.-Петербургъ,
23 Іюня 1776.

8.

Во всеподданнѣйше здѣсь подносимыхъ секретныхъ письмахъ, послѣдней тетради, Ваше Императорское Величество усмотрѣть соизволите содержаніе полученныхъ принцемъ Лобковичемъ съ послѣднею почтою депешей. Сей министръ вчерашняго числа у меня былъ для прочтенія оныхъ передо мною и при томъ оказывалъ двора своего безпокойство, чтобъ не подѣйствовали здѣсь несправедливыя со стороны Берлинскаго двора внушенія относительно до ихъ поведенія при Оттоманской Портѣ. Принцъ Кауницъ въ своемъ къ нему письмѣ ссылается на ту конференцію, которую онъ имѣлъ съ министромъ Вашего Императорскаго Величества, княземъ Голицынымъ, и что онъ предъ нимъ честію своею отвѣтствовалъ въ несправедливости приписуемыхъ имъ подстреканій у Порты въ неисполненіи ея съ нами трактатныхъ обязательствъ. Я принцу Лобковичу отвѣтствовалъ, сколь напрасно его дворъ безпокоится о томъ, чтобъ посторонніе внушенія могли производить здѣсь какую перемѣну или алтерацію въ политическихъ правилахъ Вашего Императорскаго Величества. Ваше Величество въ самыхъ наивеличайшихъ публичныхъ дѣлахъ дѣйствительными опытами всей Европѣ, а особливо Вѣнскому двору, достаточно доказали, во все время Вашего царствованія, съ каковою твердостію Вы послѣдуете Вашимъ собственнымъ принципіямъ, которыя единожды приняты на основаніе естественной связи непремѣнныхъ пите-

ресовъ Вашей Имперіи и относящихся оттуда таковыхъ же интересовъ съ другими державами, что всегда и было истиннымъ основаніемъ той персональной дружбы, довѣренности и доброхотства, кои Ваше Величество при всѣхъ дѣлахъ ихъ Римскихъ императорскихъ величествъ оказывать изволили, и что наконецъ принцъ Кауницъ можетъ совершенно спокоенъ оставаться, что никакой посторонній вымыслъ, ниже клевета не нарушатъ собственныхъ сентиментовъ Вашего Величества. А о сей истинѣ онъ теперь имѣетъ въ своихъ рукахъ еще новые опыты: ибо еслибы Ваше Императорское Величество хотя мало колебалися въ своемъ образѣ мыслей о ихъ Римскихъ императорскихъ величествахъ, тогда бы конечно удержалися открыть съ такою дружескою довѣренностію Ваше неспокойство о Турецкомъ отзывѣ касательно до сего новаго ихъ съ ними разграниченія. Князь Лобковичъ тутъ самъ ко мнѣ вызвался и говорилъ, что самый простой разсудокъ при прочтеніи его писемъ ему сію истину представилъ и что весь его двору своему отвѣтъ будетъ основанъ на ономъ. А какъ онъ извѣстнымъ образомъ никогда не былъ похвалителемъ политическихъ дѣлъ принца Кауница, то и при семъ случаѣ онъ съ откровенностію мнѣ говорилъ, сколько сей министръ своимъ персоналитетомъ противу короля Прускаго оскорбляетъ дѣла и тѣмъ, по большей части, себѣ только причиняетъ бо́льшія и излишнія заботы, и что онъ, принцъ Лобковичъ, будучи столько лѣтъ самъ очевидецъ и свидѣтель здѣшнихъ дѣлъ, никогда не будетъ своими доношеніями подкрѣплять тамошнія ихъ мечты. Въ продолженіе пріятельскаго моего съ симъ министромъ разговора, онъ мнѣ въ конфиденцію открылъ, что Венеціанская республика отправляетъ секретно двухъ именитыхъ сенаторовъ: Моросинія сюда, а

Сакрубія во Францію, о чемъ его дворъ, увѣдомясь, нѣсколько безпокоится, не знавъ прямаго намѣренія таковыхъ необычайныхъ двухъ миссій.

Ульянка.
12 Іюля 1776.

9.

Вчера мною полученныя съ нарочнымъ курьеромъ изъ Гаги отъ князя Голицына письма здѣсь всеподданнѣйше подношу, а при нихъ и изъ Берлина отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Мальцова о полученіи имъ чрезъ того же курьера пакета къ послу Стакельбергу. Изъ письма ко мнѣ извѣстнаго Куранта другаго теперь не видно, какъ только то, что его товарищъ имѣетъ корешпонденцію въ Польшѣ съ такимъ тамошнимъ полковникомъ, о которомъ графъ Стакельбергъ можетъ подать нѣкоторое объясненіе.

Ульянка.
15 Іюля 1776.

10.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменской прислалъ ко мнѣ чрезъ двухъ въ службѣ Вашего Императорскаго Величества находившихся Грековъ письмо съ однимъ приложеніемъ, изъ котораго изволите Ваше Величество усмотрѣть, какую строгость употребила республика Венеціанская противу оныхъ и другихъ въ Вашей службѣ бывшихъ своихъ подданныхъ. Здѣсь же всеподданнѣйше подношу на высочайшую апробацію изготовленную мною въ запасъ къ маркизу Маруцію депешу, дабы испытать, не найдется ли средства къ отмѣнѣ изданнаго декрета.

Равнымъ образомъ всенижайше представляю къ усмотрѣнію Вашего Императорскаго Величества написанное письмо къ послу графу Стакельбергу по дѣлу извѣстнаго Куранта.

Ульянка,
20 Іюля 1776 г.

11.

Изъ всеподданнѣйше здѣсь подносимыхъ депешей отъ посла графа Стакельберга, полученныхъ мною вчерашняго вечера, Ваше Императорское Величество усмотрѣть соизволите, какими дѣйствіями начали теперь оказываться заговоры Любомирскаго шайки съ ихъ гетманами; но какъ все сіе имѣетъ образъ начинаемыхъ внутреннихъ вновь замѣшательствъ, чѣмъ и сеймическія необходимыя дѣла будутъ подвержены неустройству и вреднымъ слѣдствіямъ общей системѣ трехъ сосѣдственныхъ дворовъ. то и требуется теперь стараніе очищать сколько возможно сеймъ отъ двоеобразно выбранныхъ на сеймикахъ нунціевъ при ихъ въ Варшавѣ лежитимаціи, такъ какъ и серіознымъ образомъ показать затѣйщикамъ неспокойствій и всему шляхетству Польскому. что Ваше Императорское Величество купно съ своими высокими союзниками отнюдь попустить не изволите. чтобъ настоящій сеймъ своимъ неустройствомъ духовъ оставилъ дѣла. трактатами и гарантіями всѣхъ трехъ высокихъ сосѣдей установленныя, въ нерѣшимости, съ отверстіемъ слѣдовъ къ новымъ въ республикѣ замѣшательствамъ и ихъ собственнымъ по сосѣдству съ нею вновь заботамъ и безпокойствамъ.

Предписанная отъ Вашего Величества съ послѣднимъ курьеромъ графу Стакельбергу декларація ознаменуетъ достаточно таковыя правила соединенной между тремя высокими дво-

рами системы; а что́ къ тому по содержанію сихъ депешей прибавить и распорядить надобно будетъ, объ ономъ предоставляю себѣ счастіе представить на высочайшую апробацію Вашего Императорскаго Величества, какъ скоро получу возвратно оныя депеши и вторично прочту съ достаточнымъ вниманіемъ.

Ульянка,
23 Іюля 1776 г.

12.

Сейчасъ получа Германскую почту, спѣшу здѣсь всеподданнѣйше поднести письмо ко мнѣ изъ Берлина отъ посланника князя Долгорукова; а при томъ включаю для высочайшей апробаціи вслѣдствіе послѣднихъ Варшавскихъ депешъ два проекта писемъ къ послу графу Стакельбергу и ноту для врученія Цесарскому и Прускому министрамъ.

P. S. Прочія депеши еще не разобраны.

Ульянка,
28 Іюля 1776 г.

13.

Сообразуяся съ мыслями Вашего Императорскаго Величества по состоянію болѣзни его свѣтлости брата Вашего, и чтобъ потому не оставить безъ отвѣта принца Ангальтъ-Бернбургскаго на его ко мнѣ письмо, я здѣсь оной всеподданнѣйше представляю на высочайшее усмотрѣніе. Правда, Всемилостивѣйшая Государыня, что по всѣмъ видимымъ обстоятельствамъ немного найтиться можетъ движимаго имѣнія въ княжескомъ Цербстскомъ домѣ, да къ тому жъ и принцесса его супруга можетъ имѣть нѣкоторое притязаніе на оное; но

аллодіальныя вотчины, какъ-то господство Геверское (а можетъ быть, нѣтъ ли и другихъ подобныхъ вотчинъ) при пресѣченіи бездѣтства владѣющей линіи обращается въ наслѣдство Вашему Императорскому Величеству, естьли нѣтъ никакихъ особенныхъ фамильныхъ пактовъ, перемѣняющихъ общее Германское установленіе о наслѣдствѣ.

Полученное мною со вчерашнею почтою письмо изъ Гаги отъ князя Голицына здѣсь особенно всеподданнѣйше подношу, такъ какъ и письмо изъ Варшавы отъ Цесарскаго министра Ревицкаго къ князю Лобковичу, которое сей послѣдній мнѣ вчера сообщилъ.

Ульянка,
31 Іюля 1776 г.

14.

Я видѣлъ съ Курляндскимъ маршаломъ графомъ Матюшкою и изъ откровеннаго его со мною разговора я могъ спознать осязательно, что герцогъ Курляндской, не воображая себѣ никакой особенной цѣны своему холодному обращенію съ герцогинею, считаетъ оное простымъ домашнымъ семейскимъ дѣломъ, и потому никакихъ, ни моральныхъ, ни политическихъ, уваженій тутъ и не вмѣщаетъ: однимъ словомъ, всемилостивѣйшая Государыня, мнѣ кажется, что какъ онъ съ индиферентностію самъ насмотрѣлся въ Ярославлѣ на многія посадскихъ людей семьи, кои живутъ въ согласіи и въ несогласіи безъ всякихъ особенныхъ слѣдствій, такъ и думаетъ онъ теперь, что и его образъ житія съ женою для всѣхъ индиферентенъ же его публичному состоянію, а неудовольствія и жалобы фамильныя почитаетъ только домашнею въ семьѣ крамолою и сплетнею, что̀ при-

знавъ, самъ графъ Матушка увѣрялъ меня, что герцогъ, дозволя себѣ единожды холодности или отвращенія противъ своей супруги, не помышлялъ еще ничего, чѣмъ кончиться можетъ такое положеніе. Я съ надлежащею пристойностію не могъ оставить, чтобъ ему не дать почувствовать, что сіе положеніе такъ оставаться не можетъ: онъ. герцогъ, тѣ лѣта вѣка своего давно пережилъ, въ которые подвиги страстей безразсудныхъ извиняются; что моральное положеніе его состоянія совсѣмъ не такое, чтобъ ему оставаться индиферентнымъ о наслѣдствѣ его области: что онъ худо сбережетъ славу отца своего, который всѣмъ своимъ вѣкомъ жертвовалъ для возвышенія своей фамиліи, когда одною своею персональною прихотью разрушитъ въ своей персонѣ и потомство, и наслѣдство его; и что, наконецъ, герцогство Курляндское не есть простая вотчина дворянскаго наслѣдства, о каковой помѣщикъ безопасно можетъ забывать и безпечно оставлять кому бъ она послѣ него ни досталась, а мыслить только какъ бы ею по смерть свою пользоваться. Курляндія есть область, отъ которой происходятъ разные виды и интересы многихъ знатнѣйшихъ государствъ; а посему всякое сумнительное положеніе будущаго ея жребія долженствуетъ конечно тревожить собственное спокойство и твердость герцогову. Графъ Матушка, вникъ чувствительно мои ему внушенія, испросилъ у меня дозволенія отписать оныя къ герцогу съ тѣмъ, чтобъ досконально узнать, на чемъ совершенно рѣшился сей князь въ разсужденіи своей супруги, и оный графъ мнѣ обѣщалъ откровенно показать, какой ему будетъ сдѣланъ отвѣтъ отъ герцога.

Я здѣсь въ молчаніи оставляю предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ многія подробности, о которыхъ мнѣ поминаемый графъ сказывалъ, яко такой клабодажъ или сплет-

ни, кои только служили и служатъ на обѣ стороны къ вящему раздраженію духовъ, особливо между людьми весьма сокращеннаго понятія и просвѣщенія, отнюдь же не заслуживающія нимало высочайшаго Вашего Величества вниманія.

Ульянка,
6 Августа 1776.

15.

По высочайшему предписанію Вашего Императорскаго Величества касательно до просьбы короля Польскаго о гарантіи займа изъ Бреславскаго банка я здѣсь подношу на всемилостивѣйшее усмотрѣніе проектъ письма къ графу Стакельбергу: а какъ Вашему Императорскому Величеству угодно было повелѣть, чтобъ и мое мнѣніе притомъ представлено было, еже я симъ всеподданнѣйше исполняю.

Когда всѣ предписуемыя графу Стакельбергу обстоятельства приведены будутъ въ настоящую ясность, и когда инструментъ или актъ отъ стороны республики Польской на тотъ денежный заемъ установленъ будетъ съ достаточною твердостію, то я ничего такого предвидѣть не могу, что̀ бъ могло навлечь какой-либо рискъ высочайшей гарантіи Вашего Величества: ибо заподлинно извѣстно, что Польша по сей часъ не имѣетъ на себѣ никакихъ общихъ долговъ, и что ея физическіе ресурсы превосходятъ несказанно настоящихъ ея статскихъ доходовъ; съ другой же стороны, можно тутъ счесть и тотъ политическій авантажъ, что Ваше Императорское Величество, при всякомъ замѣшательствѣ или въ какомъ разстройствѣ Польскихъ дѣлъ, особенное право или причину получить изволите вступаться въ ея внутренность для предохраненія гипотека или заклада подъ Вашею гарантіею.

Ульянка,
9 Августа 1776.

16.

О перемѣнѣ рейсъ-эфендія Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите изъ слѣдующаго здѣсь письма ко мнѣ отъ князя Репнина; также всеподданѣйше подношу полученныя мною вчерашняго числа съ куріеромъ депеши изъ Варшавы. Требуемый въ оныхъ изъ предосторожности графомъ Стакельбергомъ актъ ратификаціи Вашего Императорскаго Величества на подписанный инструментъ комисарами разграниченія я сегодня приказалъ въ коллегіи изготовить.

Ульянка,
10-го Августа 1776.

17.

На случай преднамѣряемыхъ замысловъ гетмана Бранцкаго помѣшательству на сеймѣ утвержденія сдѣлки новой границы съ республикою Польскою, требуемую посломъ графомъ Стакельбергомъ ратификацію на оную сдѣлку всеподданѣйше здѣсь подношу къ подписанію Вашему Императорскому Величеству; а затѣмъ влагаю письмо ко мнѣ отъ генерала-поручика князя Прозоровскаго.

Ульянка,
14-го Августа 1776.

18.

На высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества имѣю честь здѣсь всеподданѣйше представить два письма съ ихъ приложеніями ко мнѣ, мною полученныя изъ Гаги отъ посланника князя Голицына. Сколь извѣстнаго Куранта вымыслъ въ нихъ ни теменъ, однакожъ, соображая его

письмо съ письмомъ князя Голицына вмѣстѣ, Ваше Величество усмотрѣть изволите прямое содержаніе его мысли, а можетъ быть и то, что онъ далеко простираетъ свои изысканія, чтобъ больше открыть затѣваемые Чарторискои шайки намѣренія на сеймѣ, о чемъ по видимому Шампаніоло и самъ не больше знаетъ, какъ столько, сколько ему надобно было къ возбужденію въ немъ отваги и ревности къ впсѣлицѣ сдѣланіемъ подложныхъ денегъ. Однакожъ я стараюсь теперь подъ рукою обстоятельно развѣдать о состояніи и пребываніи въ Петербургѣ жены Шампаніола и о двухъ его наперсникахъ, Московскихъ учителяхъ, и что по сему на сихъ дняхъ свѣдаю, не премину всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству, такъ какъ и буду тогда ожидать высочайшія резолюціи: не будетъ ли угодно пресѣчь уже сію вредную фабрику за арестованіемъ по пріѣздѣ ихъ въ Любекъ со всѣми ихъ инструментами.

Третьяго дни графъ Сольмсъ читалъ передъ мною шифрованную депешу къ нему отъ короля его государя. По важности ея содержанія я у него испросилъ въ особенную конфиденцію съ нея копію для усмотрѣнія Вашего Императорскаго Величества, которую здѣсь всеподданнѣйше подношу, такъ какъ и письмо отъ меня къ бригадиру Бринку, составленное мною по высочайшему соизволенію Вашего Величества.

Ульянка,
16-го Августа 1776.

19.

Какову депешу получилъ я вчерашняго числа чрезъ принца Лобковича изъ Вѣны отъ полномочнаго министра князя Голицына, оную въ оригиналѣ здѣсь поднести счастіе имѣю. Князь Лобковичь отъ своего двора получилъ тѣже самыя бумаги, служащія въ отвѣтъ на наше домогательство и притомъ читалъ передо мною депешу свою отъ князя Кауница, которою ему приказано наиточнѣйшимъ образомъ удостовѣрить высочайшій дворъ Вашего Императорскаго Величества о томъ истинномъ удовольствіи ихъ Римскихъ императорскихъ величествъ, съ каковымъ они приняли довѣренность Вашего Величества, и что какъ въ семъ случаѣ, такъ и во всякомъ другомъ они всегда искренно желаютъ оказывать всякія удобовозможныя удовольствія въ доказательство истинной дружбы и высокопочитанія къ освященной особѣ Вашей. Я удостовѣренъ, всемилостивѣйшая Государыня, что чинимая теперь отъ Вѣнскаго двора сія декларація воспричиствуетъ у Порты большое внутреннее недоумѣніе. Ваше же Императорское Величество сами теперь увидѣть изволите, что у Вѣнскаго двора нѣтъ никакихъ съ Портою новыхъ обязательствъ, касающихся до нарушенія или до развращенія нашего съ нею мирнаго трактата.

Изъ слѣдующаго здѣсь перлюстрованнаго листа Ваше Императорское Величество удостовѣриться соизволите, что жена извѣстнаго Шампаніола дѣйствительно въ С.-Петербургѣ находится (а живетъ на наемной квартирѣ въ домѣ лейбъ-хирургія Рейслена) и что содержаніе сего къ ней письма отъ ея мужа весьма согласно съ Курантовыми ко мнѣ увѣдомленіями. Объявляемые въ ономъ разные товары, конечно, будутъ тѣ самые банковые цеттели, которые Шампаніоло, пріі-

ѣхавъ въ Любекъ, хочетъ отправить къ своей женѣ и которые Курантъ обѣщаетъ, вмѣсто отправленія къ ней, доставить въ руки резидента Вашего Величества въ Гамбургѣ.

Ульянка.
20 Августа 1776.

20.

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію размышляя о способахъ прибранія къ рукамъ извѣстнаго Шампаньола, не нахожу я лучшаго и надежнѣйшаго въ успѣхѣ, какъ порученіе сей комиссіи Вашего Величества въ Гамбургѣ находящемуся, а равномѣрно и при городѣ Любекѣ акредитованному резиденту Гроссу, да отправленіе въ сей городъ нарочнаго судна для безопаснаго сюда перевода арестанта. по примѣру тому, какъ прежде всегда казенные пакетботы были посланы въ Гданскъ и Любекъ для экзерциціи и посажировъ; для чего, не открывая намѣренія, не оставилъ я предварительно изъясниться съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышовымъ, отъ котораго получилъ въ отвѣтъ, что судно, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ Любекъ отправляемое, конечно, успѣетъ еще возвратиться нынѣшнею осенью если не въ Кронштатъ, по крайней мѣрѣ въ Ревель, что̀ для нашего предмета весьма равно; напротивъ чего —отправленіе арестанта изъ Любека сухимъ путемъ, или же на наемномъ суднѣ, могло бы подвержено быть великимъ неудобствамъ. На примѣчаніе мое, чтобъ на суднѣ былъ такой офицеръ, коему бы нѣкоторую комиссію подъ дирекцію резидента Гросса ввѣрить было можно, вызвался графъ Иванъ Григорьевичъ, что не трудно во множествѣ людей выбрать человѣка способнаго и расторопнаго, обѣщая впрочемъ сдѣ-

лать по Адмиралтейской Коллегіи цѣлое отправленіе очень скоро и самымъ непримѣтнымъ образомъ.

Если Ваше Императорское Величество изволите сію мою мысль всемилостивѣйше апробовать, то и прошу я всенижайше приказать графу Ивану Григорьевичу, дабы онъ немедленно возъимѣлъ сношеніе со мною; а тогда буду я уже въ состояніи дать нужныя наставленія и тому офицеру, который имъ будетъ избранъ.

А какъ городъ Любекъ производитъ знатную торговлю въ области Вашего Величества, а потому и старается всегда угождать двору вашему, то и не сумнѣваюсь я, что оный въ поручаемой резиденту Гроссу комиссіи арестованія Шампаньоло не откажетъ подать ему всякое и конечно дѣйствительное вспомоществованіе.

Что принадлежитъ до находящихся въ Москвѣ Шампаньоловыхъ сообщниковъ: барона Розетія, который гдѣ-то учителемъ, и Дюнана, Французскаго драгунскаго офицера, мнится мнѣ, всемилостивѣйшая Государыня, что не время еще ихъ арестовать: ибо ежели у нихъ есть уже установленная съ Шампаніоломъ связь, то арестованіе ихъ можетъ скоро огласиться и привести его къ другимъ мѣрамъ; для чего не довольно-ли, если Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ предписать Московскому оберъ-полицеймейстеру, чтобъ онъ объ нихъ подробнѣе навѣдался и между тѣмъ весьма непримѣтное имѣлъ примѣчаніе за ихъ поступками?

Въ С.-Петербургѣ.
27 Августа 1776 г.

Собственноручное письмо Екатерины Великой.

Графъ Никита Ивановичъ. Вы увидите изъ письма вице-адмирала Грейга, что въ Кронштадтѣ задержанъ одинъ Французъ изъ друзей Шампаніоловыхъ, который не безсумнителенъ, и можетъ быть, что отъ него узнаете какія ни на есть обстоятельства для объясненія дѣла. Итакъ хочу писать къ Грейгу, буде вы въ томъ не найдете излишества, чтобъ онъ сумнительнаго Француза прислалъ скрытнымъ образомъ къ вамъ, а судно подъ видомъ контръ-бандъ осмотрѣть велѣлъ. Вы увидите изъ письма Шампаніола къ его женѣ, что онъ ее проситъ de lui procurer un passage libre. Я ожидать буду вашего отвѣта.

21.

Сейчасъ получивъ высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, съ приложеннымъ къ оному извѣстіемъ вице-адмирала Грейга объ арестованіи Француза Балле де Сентъ-Симона, поставляю я въ долгъ себѣ всеподданнѣйше донести чрезъ сіе, что какъ теперь воспослѣдовало уже рѣшительное Вашего Величества соизволеніе арестовать извѣстнаго Шампаніоло въ Любекѣ, а для того и отправить туда нынѣ же подъ предлогомъ обыкновеннаго пасажирамъ перевоза нарочной пакетъ-ботъ: то мнѣ видится, что въ настоящемъ моментѣ всего нужнѣе, для сохраненія въ непроницаемости сей важной тайны, избѣгать всѣхъ тѣхъ мѣръ, кои бы о свѣдѣніи Шампаніолова злодѣйства ему или которому ни есть изъ его сообщниковъ могли подать нѣкоторое подозрѣніе чрезъ какую-либо въ здѣшней публикѣ огласку, или же чрезъ возбужденіе ея вниманія на происшедшее въ Кронштадтѣ съ

тѣмъ кораблемъ, который привезъ туда арестованнаго Француза. Почему, усмотря изъ донесенія вице-адмирала Грейга, что онъ нѣсколько уже изъяснялся съ симъ арестантомъ о извѣстномъ Шампаніоло, считаю я за нужно, дабы оный далѣе въ Кронштадтѣ подъ смотрѣніемъ господина Грейга въ крѣпкомъ и безъимянномъ арестѣ оставленъ и содержанъ былъ подъ претекстомъ контръ-банды, безъ дозволенія ему ни съ кѣмъ никакого сношенія и свиданія до тѣхъ поръ, какъ здѣсь получено будетъ извѣстіе о прибытіи въ Любекъ посылаемаго туда пакетбота, тѣмъ наипаче, что привозъ его сюда и содержаніе здѣсь подъ карауломъ, сколь бы оные ни были сокровенны, не могутъ теперь быть полезны, когда Шампаніолово злодѣйство само по себѣ довольно извѣстно и когда опять всѣ его сообщники послѣ чрезъ него или же чрезъ Куранта безъ всякаго труда открыты быть могутъ. Повергая сію мысль къ высочайшему Вашего Императорскаго Величества усмотрѣнію, осмѣливаюсь я въ тоже время представить, не угодно ли будетъ поручить еще господину вице-адмиралу Грейгу, дабы онъ при отпускѣ сюда корабельщика, привезшаго въ Кронштадтъ Француза Балле де Сентъ-Симона, объявилъ ему безъ афектаціи, что оный взятъ подъ караулъ за контръ-банду, которая чаятельно и въ самомъ дѣлѣ на суднѣ сыскана быть можетъ.

Такимъ образомъ арестантъ останется въ рукахъ, а причина арестованія его будетъ покрыта предлогомъ, который по видимому не произведетъ здѣсь никакихъ сумнѣній и гаданій, кои инако родиться, а можетъ быть и до самаго Шампаніоло или же сообщниковъ его дойтить могли бы.

А если при осмотрѣ корабля, который вице-адмиралъ Грейгъ учинить намѣренъ былъ, явятся какія сумнительныя бумаги, или же другіе признаки, то оставляю я по разсмотрѣніи оныхъ

представить послѣ Вашему Императорскому Величеству мое всенижайшее мнѣніе, прося между тѣмъ повелѣть, чтобъ всѣ такія сумнительныя бумаги ко мнѣ доставлены были.

С.-Петербургъ,
29 Августа 1776.

22.

Въ минувшій Понедѣльникъ, по высочайшему повелѣнію Вашего Императорскаго Величества Адмиралтейской Коллегіи вице-президентъ графъ Чернышовъ со мною видѣлся, и мы, согласясь о мѣрахъ для отправленія въ Любекъ фрегата, распорядили слѣдующимъ образомъ. Дабы скрыть намѣреніе, для котораго оный посылается, на завтра, т.-е. во Вторникъ, Адмиралтейская Коллегія по прежнему обычаю обнародовала чрезъ Санктъ-Петербургскую газету для желающихъ пассажировъ на семъ пакетботѣ въ Любекъ отправиться; а вчерашняго дня выбранному графомъ Чернышовымъ для сей коммисіи флота капитану Селифонтьеву я отдалъ всю экспедицію къ резиденту Гроссу, съ которой копіи на высочайшее усмотрѣніе здѣсь имѣю честь поднести, и притомъ сдѣлалъ ему подробное наставленіе, какимъ образомъ, пріѣхавъ въ назначенное мѣсто, онъ долженъ себя представить резиденту Гроссу и по его руководству поступать въ исполненіи порученнаго ему дѣла. А какъ вчерашняго вечера вѣтръ настоялъ непротивный, то я и надѣюся, что онъ уже изъ Кронштадта съ своимъ пакетботомъ и отправился. Сверхъ сего вчера же съ нарочною штафетою я отправилъ къ Гроссу дубликаты при особенномъ письмѣ, такъ какъ и писалъ въ Варшаву къ послу графу Стакельбергу, на случай если бы капитанъ Селифонтьевъ замѣшкался въ своемъ пути, а Шам-

паніоло между тѣмъ явился бы въ Варшавѣ; съ того и другаго письма равнымъ образомъ здѣсь же слѣдуютъ копіи на высочайшее усмотрѣніе.

С.-Петербургъ,
1-го Сентября 1776.

23.

По высочайшему повелѣнію, объявленному чрезъ Петра Васильевича Завадовскаго, я чрезъ сіе всеподданнѣйше подношу актъ ручательства на заемъ Польскій. Оный переписанъ въ той формѣ, что если удостоится всемилостивѣйшей апробаціи Вашего Императорскаго Величества, то въ тоже время и подписанъ быть можетъ подъ оригиналомъ Россійскимъ, къ которому и слѣдующій переводъ на Французскомъ языкѣ припечатанъ будетъ государственною печатью. Равнымъ образомъ подношу на высочайшее усмотрѣніе письмо ко мнѣ изъ Гамбурга отъ резидента Гросса, такъ какъ и для подписанія двѣ отвѣтныя грамоты къ герцогу и принцу Людвигу Виртембергскимъ, если Вашему Величеству угодно будетъ ихъ оными почтить.

18-го Сентября
1776.

24.

Пруской министръ графъ Сольмсъ чинилъ предъ нѣкоторымъ временемъ домогательство по указу двора своего о позволеніи Прускимъ офицерамъ купить на Дону нѣкоторое число ремонтныхъ гусарскихъ лошадей. Я отозвался къ нему въ отвѣтъ на оное, чтобъ онъ прежде изъяснился съ княземъ Григорьемъ Александровичемъ Потемкинымъ о возможности такого дозволенія по наличному нашему достатку въ лошадяхъ въ Донскихъ жилищахъ. Графъ Сольмсъ исполнилъ по моему примѣчанію и спозналъ отъ князя Потемкина, что на Дону нѣтъ теперь въ лошадяхъ недостатка, почему онъ и подалъ мнѣ слѣдующую здѣсь записку. Всеподданнѣйше поднося оную Вашему Императорскому Величеству на собственное высочайшее усмотрѣніе, осмѣливаюсь я представить чрезъ сіе, не угодно ли будетъ истребовать отъ князя Потемкина, какъ главнаго командира гамошней стороны, мнѣнія: можетъ ли просимый Прускимъ дворомъ выпускъ лошадей съ Дону дозволенъ быть безъ неудобства для собственной нашей ремонты, дабы по оному или вовсе отклонить оный подъ оговоркою недостатка, или же вручить графу Сольмсу требуемый имъ пашпортъ.

Впрочемъ дозвольте, всемилостивѣйшая Государыня, повергнуть здѣсь къ монаршимъ Вашимъ стопамъ благоговѣйнѣйшее и всеподданнѣйшее благодареніе за оказанную вчера внуку моему князю Куракину высочайшую милость пожалованіемъ его въ прапорщики гвардіи.

23-го Сентября 1776 г.

Рукою Екатерины II-й:

NB. Въ безпошлинномъ выпуску лошадей отказываю.

NOTE.

Le général de Lossow, au service de sa majesté le roi de Prusse, désirant de pouvoir envoyer dans peu dans les états de Sa Majesté l'Impératrice de Russie du côté du Don pour l'achàt des chevaux de remonte pour son régiment de housards et celui des Bosniaques, un détachement consistant dans:

Le capitaine Kale.
Les lieutenants de Féege,
„ „ de Malinovsky,
„ „ de Krosnowsky,
Les cornets de Drieberg,
„ „ de Traun,

de huit bas-officiers, un trompète, un chirurgien, un maréchal-ferrant et trente neuf housards. Le soussigné, ministre plénipotentiaire de sa majesté le roi de Prusse, a l'honneur de prier le ministère de Sa Majesté Impériale de vouloir bien lui fournir le passeport nécessaire pour l'entrée et la sortie libre du dit détachement dans et hors des frontières de l'Empire de Russie avec la franchise de la douane pour la sortie des chevaux.

A Pétersbourg, le 15 Septembre 1776.

J. J. c. de Solms.

25.

Всеподданнѣйше здѣсь подносимое письмо я получилъ сейчасъ съ штафетою изъ Гамбурга отъ резидента Гросса, и по содержанію онаго должностію поставляю всенижайше представить къ примѣчанію Вашего Императорскаго Величества: 1) что если отправленному въ Любекъ фрегату вѣтры были способные, то онъ кругъ того же времени, какъ Шампаніоло съ Курантомъ собрался выѣхать изъ Любека въ Гданскъ, могъ пріѣхать туда и ихъ тамо застать; ибо тотъ же способный вѣтръ для фрегата долженствовалъ быть противнымъ къ выѣзду изъ Любскаго порта. 2) Если бы же по какимъ ни есть причинамъ фрегатъ ихъ тамъ не засталъ, и они бы дѣйствительно въ Варшаву отправились, то въ семъ случаѣ посолъ Стакельбергъ не преминетъ ихъ тотчасъ тамъ арестовать и Шампаніоло сюда прислать подъ самымъ крѣпкимъ карауломъ, потому что онъ уже давно имѣетъ въ полученіи высочайшія о семъ повелѣнія Вашего Величества съ предписаніемъ всего того, что̀ ему въ исполненіе оныхъ соблюсти должно; и наконецъ 3) доставленный Курантомъ сундукъ и пакеты съ воровскими матеріалами резидентъ Гроссъ не оставитъ конечно отправить сюда съ возвращаемымъ изъ Любека фрегатомъ.

25-го Сентября 1776 г.

26.

Сію ночь привезенъ ко мнѣ отъ посла графа Стакельберга изъ Варшавы со всеподданнѣйше при семъ подносимыми бумагами извѣстный воръ Шампаніоло. Я, не видавшись съ нимъ, велѣлъ его прямо отвести въ домъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, и тамъ въ особенной палатѣ посаженъ онъ подъ крѣпкимъ карауломъ, такъ что о перевезеніи его сюда конечно никто провѣдать не можетъ. Вышепомянутыя бумаги я всѣ пересмотрѣлъ, и такъ какъ графъ Стакельбергъ сказываетъ, ничего важнаго въ себѣ не имѣютъ, а состоятъ въ старыхъ пашпортахъ и другихъ партикулярныхъ письмахъ и запискахъ времени его состоянія въ службѣ Французской.

Вашему Императорскому Величеству уже извѣстно изъ письма ко мнѣ отъ резидента Гросса, что всѣ касающіяся до злодѣянія Шампаніолова вещи и бумаги отправлены на фрегатѣ изъ Любека, который еще сюда не бывалъ, о чемъ о всемъ всеподданнѣйше симъ донеся, буду теперь ожидать Вашего Императорскаго Величества высочайшаго повелѣнія, какъ мнѣ далѣе поступить съ тѣмъ арестантомъ, и не угодно ли будетъ, чтобъ наступающаго вечера я его къ себѣ привезъ и распросилъ обстоятельнѣе о всѣхъ намѣреніяхъ его и его сообщниковъ. При семъ также всенижайше представить себѣ должностію поставляю, не соизволите ли, всемилостивѣйшая Государыня, между тѣмъ указать жену Шампаніолову, со всѣмъ ея домомъ, посадя въ коляску, отправить въ Ригу подъ стражу одного добраго офицера, и тамъ ее содержать до рѣшенія жребія ея мужа, дабы чрезъ то отвратить лишнія движенія, любопытство и дерзкія развѣдыванія здѣшнихъ ихъ земляковъ; тѣмъ наипаче, что особенные распросы сей

женщины не могутъ никакъ служить къ вящему объясненію дѣла: ибо оное, конечно, достаточно открыто къ обличенію ея мужа, который, такъ какъ привезшій его офицеръ мнѣ сказывалъ, самъ признавается въ злодѣйскомъ своемъ намѣреніи.

Октября 14
1776 г.

P. S. Сей моментъ явился у меня курьеромъ и самъ Курантъ, котораго депеши отъ графа Стакельберга всеподданнѣйше подношу. Я не могъ обойтись, чтобъ его на первой случай не обнадежить высочайшей милостію Вашего Величества.

27.

Князь Лобковичъ, по повелѣнію своего двора, сообщилъ мнѣ вчерашняго вечера всеподданнѣйше здѣсь прилагаемую копію съ доношенія надворному канцлеру князю Кауницу отъ Вѣнскаго при Портѣ находящагося повѣреннаго въ дѣлахъ Тассара. Ваше Императорское Величество сами высочайше усмотрѣть соизволите изъ сей бумаги, каковымъ образомъ извѣстное Вѣнское увѣщеваніе было исполнено у Порты. Невозможно, кажется, сумнѣваться, всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ оное дѣйствительно еще болѣе не озаботило той сансаціи, которую долженствовала произвести съ Сералѣ послѣдняя конференція посланника Стахіева; а что мы по сіе время не имѣемъ еще извѣстія прямо изъ Царяграда, оное отъ того статься можетъ, что посланникъ Стахіевъ ожидаетъ своимъ ко двору отправленіемъ формальнаго отъ Турокъ отвѣта на его представленія, который также долго уже замѣшкаться не можетъ, потому что и Вѣнской повѣренный въ дѣлахъ о своемъ настоять и Порту понуждать будетъ.

Октября 18 дня
1776 г.

28.

Познавъ высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю, не оставилъ я сообразовать оной вновь при семъ всеподданнѣйше подносимыя бумаги.

Сокращаясь всячески въ проектѣ чинимой Туркамъ декларации, не осмѣлился я однакожъ оставить безъ упоминовенія о листахъ султанскомъ и визирскомъ, порученныхъ послу князю Репнину при отпускѣ его, и о возвращеніи подвигомъ на Перекопь двору Вашего Величества равенства въ трактатномъ положеніи обѣихъ имперій.

Упоминовеніе о листахъ кажется мнѣ необходимо-нужнымъ потому, что они, какъ актъ публичный и формальный, одни свидѣтельствуютъ и констатируютъ существованіе нелѣпыхъ и странныхъ требованій Порты Отоманской, когда словесные предъ тѣмъ отъ рейсъ-эфендія ченепные отзывы не могли и не долженствовали отъ насъ приниматься быть за послѣднюю резолюцію Порты Отоманской.

А что сіи листы признаемъ мы въ торжественномъ образѣ, тому въ доказательство и въ замѣну будетъ служить нынѣшняя паша Портѣ даваемая декларація, какъ актъ со стороны Россіи не меньше публичный и не меньше образующій истинныя Вашего Величества усмотрѣнія и намѣренія по поводу Турецкихъ прихотей, на которомъ оныя и разрѣшиться долженствуютъ.

Признавая же декларацію г-на Стахіева быть такого важнаго существа и знаменованія, разсуждаю я, что надобно въ ней чрезъ отзывъ о возвращеніи себѣ разрушеннаго Турками равенства въ положеніи обѣихъ имперій относительно до Татаръ, взаимно и прямо показать имъ ту черту, которую Ваше Императорское Величество изволили опредѣлить намѣреніямъ своимъ въ подвигѣ на Перекопь, дабы никако завистники славы и дѣлъ Вашихъ не возымѣли повода укорять насъ внезапнымъ посреди мира овладѣніемъ Крыма.

По сокращенію и ближайшему въ терминахъ апресированію проекта декларации надлежало мнѣ сократить и предписываемыя въ рескриптѣ г-ну Стахіеву наставленія; а вмѣсто того, какъ развязка дѣлъ будетъ безпосредственно зависѣть отъ графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, отослать его и къ безпосредственному руководству сего военачальника, дабы, по неизвѣстности, какимъ образомъ намѣренъ онъ открыть свои дѣйствія въ порученномъ ему дѣлѣ, не дать отсюда г-ну Стахіеву наставленій, кои бы только поступки его въ конфузію приводить могли. Почему и нужно, чтобъ снабдѣвалъ его оными прямо отъ себя графъ Петръ Александровичъ согласно съ его дальнѣйшими расположеніями и мѣрами.

Сіи уваженія руководствовали перомъ моимъ въ обоихъ проектахъ; но, представляя ихъ къ собственному Вашего Императорскаго Величества высочайшему усмотрѣнію, погрѣшу я предъ вѣрностію, на весь мой вѣкъ Вашему Величеству посвященною, если къ собственному Вашему прозорливому вниманію всеподданнѣйше не представлю здѣсь о тѣхъ коренныхъ правилахъ и основаніяхъ, съ коими въ отправленіи ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ сообразовалъ я всегда мои мысли и мои разсужденія.

Ваше Императорское Величество изволите, съ перваго дня царствованія Вашего, являть вездѣ такое праводушіе и такую откровенность, что ни въ одномъ изъ дѣлъ Вами произведенныхъ нельзя было укорить политическое поведеніе Ваше неясностію или же двоякостію видовъ. Изъ того родилось и укоренилось, по теченію времени, общее всѣхъ дворовъ удостовѣреніе, что правила и система Вашего Величества искренны, прочны и надежны для соучастниковъ. Отъ сего удостовѣренія послѣдовало далѣе, что и тѣ самые дворы, коихъ интересы въ естественномъ положеніи разнствуютъ отъ Россійскихъ, старались всегда пріобрѣтать для себя персональную Вашего Величества дружбу, и при всякихъ удобныхъ аспектахъ оказывать ихъ готовность къ большему сближенію съ Вами. Истина сія всѣмъ ощутительна, а тѣмъ меньше, смѣю я сказать, и конечно безъ всякой лести, можетъ она сокрыться отъ собственной Вашего Величества прозорливости.

Когда же все то не можетъ ни отъ кого и ни въ чемъ оспорено быть, то и въ нынѣшнемъ нашемъ съ Портою Оттоманскою казусѣ свойственно есть признанному отъ всей Европы характеру праводушія и откровенности въ дѣлахъ Вашего Величества поступить такимъ образомъ, чтобъ вся справедливость предъ свѣтомъ осталась на сторонѣ двора Вашего, еслибъ отъ занятія Перекопа дошли дѣла до разрыва, вопреки всѣмъ нашимъ усерднѣйшимъ стараніямъ.

Какъ во внутреннемъ управленіи нужно государямъ одно только собственное и внутреннее удостовѣреніе о пользѣ и надобности ихъ дѣлъ и узаконеній, такъ напротивъ въ пунктѣ разрѣшенія на войну и на пролитіе крови человѣческой принято отъ всѣхъ и во всѣ времена за правило истощевать напередъ всѣ предупредительные способы, а по тщетномъ

оныхъ истощеніи предъявлять уже напослѣдокъ свѣту истинныя и ясныя причины таковой крайности: а безъ сего, отъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ свято и непарушимо наблюдаемаго, правила не было бы, въ общемъ составѣ сильныхъ и слабыхъ правленій, ни доброй вѣры, ни безопасности, ниже основанія прочнаго къ взаимной между ими связи.

Я руководствовался сими двумя соображеніями въ первомъ моемъ Вашему Императорскому Величеству по Турецкимъ дѣламъ всенижайше представленномъ мнѣніи, положивъ тогда занятіе Перекопа средствомъ возстановленія равенства въ положеніи обѣихъ имперій, слѣдовательно же и сохраненія предъ свѣтомъ, а не предъ однимъ Турецкимъ невѣжествомъ высочайшаго Вашего достоинства въ неприкосновенной цѣлости, а при томъ еще и средствомъ переведенія Порты изъ упорства въ нескладныхъ ея настояніяхъ къ гибкости. Въ самомъ дѣлѣ, надобно изъ занятія Перекопи послѣдовать съ ея стороны новымъ отзывамъ и аспектамъ. Если оные будутъ умѣренны и резонабельны, то не для чего отчаяваться, чтобъ не могли дѣла возвращены быть доброю манерою въ опредѣленное имъ мирнымъ трактатомъ положеніе, чего одного Ваше Величество и желать изволите. Если же Турки, не разрѣшаясь вдругъ на войну по занятіи Перекопи, станутъ упорствовать въ своихъ нелѣпыхъ требованіяхъ или же чинить другіе неудобь дозволяемые запросы, въ такомъ случаѣ были бы на послѣдній конецъ выиграны время и свобода сообразовать впредъ дѣла наши съ положеніемъ въ Европѣ общихъ, кои теперь по всей вѣроятности приближаются къ нѣкоему важному кризису, и опредѣлить тогда рѣшительно, по достаточномъ разсмотрѣніи, прямую цѣну предстоящихъ трудностей.

Когда бы признались оныя въ существѣ своемъ нестоящими войны, то, уступая напослѣдокъ съ какою-либо замѣною въ нашу пользу желаніямъ Порты, не подвергнулось бы гутъ достоинство двора Вашего Императорскаго Величества предосужденію; потому что такая уступка, не истекая уже отъ худшаго нашего предъ Турками положенія, стала бы справедливо относиться къ одному Вашего Императорскаго Величества человѣколюбію, отвратившемуся отъ невинной крови.

Если же прихоти и требованія Турецкія будутъ стоить новой войны, какъ послѣдняго между государями пособія, въ такомъ случаѣ оказываемая съ стороны Вашего Величества умѣренность послужитъ въ другихъ дѣлахъ Вашихъ новымъ доказательствомъ пріобрѣтеннаго единожды Вашимъ Величествомъ непоколебимаго характера праводушія и откровенности, а потому и доставитъ Вамъ самимъ больше свободы управиться съ Портою и привесть ее въ раскаяніе.

Октября 26 дня
1776 г.

29.

Аглинской повѣренной въ дѣлахъ г-нъ Оксъ вручилъ мнѣ отзывную грамоту кавалера Гунинга, съ препровожденіемъ ко мнѣ отъ него письма. Я все оное Вашему Императорскому Величеству симъ всеподданнѣйше поднести счастіе имѣю и пребываю со всеглубочайшемъ подобострастіемъ.

Ноября 28 дня
1776.

30.

Удостоившись принять высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе о представленіи моего всеподданнѣйшаго мнѣнія по поводу послѣднихъ депешей посланника Стахіева, перечитывалъ я нынѣ всѣ бумаги съ самаго заключенія мира для лучшаго обнятія въ мысляхъ моихъ настоящаго кризиса дѣлъ нашихъ съ Портою Отоманскою. Оттуда обратя всѣ силы вниманія, старался я, всемилостивѣйшая Государыня, сообразить по лучшему уразумѣнію моему разныя обстоятельства донесеній онаго посланника и вывесть изъ нихъ вѣроятнѣйшія заключенія къ собственному моему руководству. По симъ послѣднимъ и по существу отзывовъ, внушеній и изъясненій къ господину Стахіеву, какъ управляющихъ дѣлами персонъ, такъ и партикулярныхъ его каналовъ и пріятелей, кои между собою въ главномъ мало разнствуютъ, сужу я теперь не безъ причины, что въ Константинополѣ обще отъ всѣхъ признается и ощущается надобность кончить дѣла съ дворомъ Вашего Императорскаго Величества безъ повреждения мира, въ надеждѣ, однакожъ, что въ главной Турецкаго правленія заботѣ о независимости Татарской достигнуто будетъ нѣкоторое облегченіе, подъ предлогомъ обрядовъ Магометанской вѣры. Сіе мое гаданіе утверждается еще и тѣмъ, что въ отвѣтъ Порты Отоманской на декларацію 3-го Декабря употребленъ противу обыкновенія ея тонъ

умѣренности и убѣжденія, даже до того, что въ существѣ и самое занятіе крѣпости Оркой съ ея линіею не сочтено за нарушеніе или поврежденіе мира и дружбы, а именовано только превосшествіемъ претендуемаго нами для себя равенства во взаимномъ положеніи. Не должна удивлять насъ толикая скромность въ политикѣ сераля. Она согласуетъ весьма съ народными въ Константинополѣ расположеніями, съ настоящимъ упадкомъ и истощеніемъ Турецкихъ силъ, и съ тѣмъ планомъ, которому министерство Отоманское издавна уже слѣдуетъ, съ одной стороны, работая въ Крыму, подъ именемъ Девлетъ-Гирей-хана на укорененіе тамъ прежней неограниченной власти султана; а съ другой, устремляясь отвлекать вниманіе наше съ сего существеннаго пункта взаимныхъ распрей на побочные меньшей важности интересы, слѣдовательно же и усыплять насъ временными своими въ сихъ послѣднихъ снисхожденіями, кои, однакожъ, умѣетъ оно ставить въ довольно дорогую цѣну. Нельзя сумнѣваться, что Турки и далѣе станутъ являть такое же скромное поведеніе, доколѣ не узнаютъ они, что мы проникли уже сію ихъ хитрую ухватку и не даемся въ обманъ наружному ихъ спокойствію по случаю занятія Перекопи, какъ такого происшествія, которое во всякое другое время неминуемо воспричинствовало бы отъ нихъ войну по самому первому извѣстію. Но между тѣмъ, думаю я, всемилостивѣйшая Государыня, что моментъ декларации министра вашего былъ въ самомъ дѣлѣ моментъ разрѣшенія правительства Отоманскаго въ будущихъ его предначинаніяхъ и той крайней степени, до которой положило оно снисходить къ нашимъ требованіямъ въ неисполненныхъ еще статьяхъ мирнаго трактата безъ подверженія себя явной опаспости, и гдѣ опять останавляясь отважитъ уже собственное свое сохраненіе и бытіе на общее съ самою

имперіею разрушеніе, предпочтительно личной и односторонней его гибели въ столицѣ своей. А какъ тутъ ни польза дѣлъ, ни слава превосходной въ оныхъ прозорливости Вашего Императорскаго Величества не дозволяютъ намъ оставаться долго въ неизвѣстности и въ пассивномъ ожиданіи первыхъ съ Турецкой стороны предложеній, коими они натурально всячески медлить будутъ, стараясь, между тѣмъ, приводить дѣла больше въ затрудненіе и затмѣніе побочными интересами, нежели въ сближеніе и прямой свѣтъ, дабы больше времени потребно было на ихъ развязку: то для сего, для скорѣйшаго познанія послѣдней черты въ резолюціяхъ Турецкаго правительства и для встрѣченія его политики равными съ нашей стороны податливостьми въ побочныхъ случаяхъ и довлѣло уже бы мнѣ изъяснить здѣсь мысли и усмотрѣнія мои о томъ, что (соразмѣрно и соотвѣтственно такому Турецкому разрѣшенію) съ нашей стороны вопреки предначинать слѣдуетъ. Но я признаю долгомъ служенія моего и всеподданнѣйшей моей Вашему Императорскому Величеству вѣрности представить напередъ въ возможной краткости истинную картину настоящаго положенія тѣхъ дворовъ, кои собственное наше бдѣніе болѣе другихъ интересовать могутъ, дабы просвѣщенныя очи Вашего Величества, объемля единовременно всѣ изъ онаго проистекающія уваженія, не могли уже ничѣмъ затрудняемы быть въ опредѣленіи рѣшительной мѣры собственнымъ вашимъ высочайшимъ резолюціямъ.

Вѣнской дворъ обязанъ своимъ естественнымъ положеніемъ ко всегдашнему вниманію на взаимныя наши дѣла съ Турками. Теперь оное по важности настоящихъ хлопотъ долженствуетъ быть усугубленное и, конечно, неусыпное. Съ другой стороны политическая сего двора связь съ Версальскимъ, отъ времени до времени возрастающая и усиливающаяся, откры-

ваетъ свѣту два важные предмета Австрійской политики. Первый изъ оныхъ идетъ къ приведенію себя въ безпосредственное состояніе морской державы, къ чему ревностно заводимымъ торговымъ кораблеплаваніемъ подданныхъ своихъ полагается уже дѣйствительное начало, въ надеждѣ преуспѣянія онаго на ущербъ Великобританской торговли. Исполненіе сего вида Бурбонской политикѣ толь свойственнаго будетъ, конечно, и впредь служить прочнымъ узломъ къ связанію ея съ Австрійскою. Второй предметъ Вѣнскаго кабинета стремится нынѣ на вящей распространеніе и укрѣпленіе influenzіи его въ полуденной части Европы. Она нужна ему для пріобрѣтенія меньшимъ сыновьямъ императрицы-королевы новыхъ областей и для вящаго въ имперіи Германской властвованія, въ чемъ тѣсная связь съ Франціею преподаетъ Австрійскому дому великія удобности. Доколѣ императрица-королева пребудетъ въ жизни, по тѣхъ поръ будетъ несумнѣнно продолжаться сія система; напротиву чего, со вступленіемъ императора Римскаго въ дѣйствительное правленіе наслѣдственныхъ земель, надобно ожидать, судя по извѣстному его нраву, что жадность властвованія неограниченнаго возметъ первое мѣсто въ его дѣяніяхъ и подвигахъ. Предстоящее пресѣченіе разныхъ въ Германіи владѣтельныхъ домовъ, какъто Баварскаго, Анспахъ-Барентскаго и Пфальцскаго, относительно до наслѣдства въ княжествахъ Юлихскомъ и Бергскомъ, можетъ тутъ вскорѣ отворить двери къ величайшимъ послѣдствіямъ.

Важность такого, по всякому вѣроятію, неудаленнаго момента долженствуетъ натурально раздѣлять вниманіе Вѣнскаго двора; но со всѣмъ тѣмъ, еслибъ хлопоты наши съ Портою Отоманскою дошли до разрыва, вопреки истиннымъ Вашего Императорскаго Величества намѣреніямъ, нѣтъ возможности

разсудкомъ и прозорливостію человѣческими постигнуть, не придетъ ли ему тогда охота вмѣшаться въ нашу войну, или же урывкою воспользоваться оною къ лучшему уравненію границъ своихъ со стороны Турецкой, гдѣ въ семъ послѣднемъ случаѣ можетъ хищность его положить себѣ мѣру и какимъ опять образомъ приступитъ высокомѣріе Австрійское къ исполненію своихъ видовъ: соглашаясь ли предварительно съ дворомъ Вашего Императорскаго Величества о мѣрахъ общихъ, или же само собою, безъ всякаго отъ насъ способствованія. Разныя въ сихъ случаяхъ градаціи, а по оныхъ большее или меньшее къ намъ уваженіе, будутъ всемѣрно зависѣть отъ успѣховъ оружія и обстоятельствъ времени; но при томъ и другомъ всякая тогда отъ насъ податливость, къ подкрѣпленію безпосредственныхъ видовъ Вѣнскаго двора противу Порты, будетъ натуральнымъ образомъ соразмѣрно ослаблять собственные наши интересы относительно до нея.

Франція сдѣлала уже систематическую привычку перечить вездѣ дѣламъ имперіи Вашего Величества. Хотя она передъ нѣкоторымъ временемъ и показывала видъ исканія къ дружбѣ Вашего Императорскаго Величества, но сія маска несвойственна ея политикѣ и не препятствовала конечно оной дѣйствовать при Портѣ и вездѣ къ затрудненію настоящихъ нашихъ хлопотъ. Того же самаго и впредь всегда ожидать надлежитъ, какъ собственно отъ Версальскаго двора, такъ и отъ всѣхъ Бурбонскихъ вообще; ибо сороколѣтняя практика доказала уже Франціи, что она тогда только и могла приближать Россійскій интересъ къ своимъ видамъ, когда Россія находилась въ большихъ затрудненіяхъ и заботахъ по своимъ внѣшнимъ дѣламъ.

Король Шведскій возобновляетъ при всякомъ случаѣ сильнѣйшія и точныя обнадеживанія о его миролюбіи и истинной

преданности къ Вашему Императорскому Величеству. Я на сей разъ вѣрю, что оныя искренны, потому что онъ не успѣлъ еще ни прямо укоренить въ отечествѣ новой имъ установленной формы правленія, ни исправить всѣхъ недостатковъ военнаго ополченія своего. Въ такомъ положеніи неудивительно, что онъ намъ всячески ласкаетъ и что опять, испустя скоро по революціи первый чадъ своей пышности противу Датчанъ, содержитъ теперь себя на всѣ стороны въ покоѣ и тишинѣ, стараясь только какимъ ни есть актомъ или поступкомъ схватить таситное наше соглашеніе на перемѣненную имъ форму правленія. Но какъ тѣмъ не меньше главная короля Шведскаго цѣль безпрестанно устремлена на превращеніе Швеціи изъ положенія пассивнаго въ активное, для чего флотъ и сухопутная армія съ крайнимъ раченіемъ исправляются и умножаются; а съ другой стороны, Шведы никакъ изъ памяти у себя истребить не могутъ, что Россія основала въ свѣтѣ знатность свою на ихъ ущербѣ и упадкѣ: то и взыскиваетъ уже отъ насъ благоразуміе содержать себя противу сего сосѣда во всегдашней осторожности, а особливо при случающихся у насъ другихъ упражненіяхъ, тѣмъ паче, что искусство многихъ вѣковъ изобильно показываетъ, сколь поползновенны Шведы на самый малѣйшій соблазнъ.

Если Англія выбьется изъ войны съ Американскими ея селеніями и съ сохраненіемъ надъ ними нѣкоторой поверхности, чего однакоже никакъ еще навѣрное полагать нельзя, то и тогда надобно ей будетъ время и покой къ возвращенію силъ своихъ и къ возстановленію прежней инфлюенціи въ общихъ дѣлахъ.

Первый Вашего Императорскаго Величества союзникъ, король Датскій, при всей его привязанности къ системѣ и къ интересамъ Вашего Величества, не можетъ по мѣрѣ силъ и

ресурсовъ своихъ ни къ чему больше служить, какъ единственно къ обузданію короля Шведскаго и къ огражденію Балтійскаго моря отъ такихъ флотовъ, кои бы пришествіемъ своимъ могли иногда затруднить въ ономъ поверхность Россійскую, что уже и составляетъ само по себѣ пункты для насъ во всякое время довольно выгодные, а иногда и весьма важные.

Второй Вашего Величества союзникъ, король Прускій, одинъ теперь бдитъ и наблюдаетъ за обширными видами и интересами Австрійской политики по всѣмъ сторонамъ Европы; но онъ повидимому начинаетъ уже изнемогать въ сей своей активной стражѣ, какъ по приближенію конца жизни его, такъ и по краткости остающагося времени въ теченіе вторичнаго его съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ союзнаго трактата. Онъ безпокоится тѣмъ, что, слѣдовавъ вездѣ чрезъ четырнадцать лѣтъ за видами и системою Вашего Величества и дѣливши въ сіе время тягость дѣлъ нашихъ, существительнымъ напослѣдокъ исполненіемъ трактатныхъ обязательствъ по случаю Турецкой войны и Польскихъ замѣшательствъ, приближается теперь напротивъ къ такому пункту времени, гдѣ истеченіемъ союза съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ собственные его интересы должны будутъ остаться совершенно изолированными, безъ всякой политической связи и подкрѣпленія. Для сего, кажется, и начинаетъ уже его Пруское величество заранѣе приготовлять себѣ другія дороги, какъ о томъ возвѣщаетъ намъ учиненное недавно въ Вѣнѣ князю Дмитрію Михайловичу Голицыну важное откровеніе отъ весьма надежнаго, по его словамъ, канала. Не невѣроятно, что его величества намѣреніе, сондируя мнѣнія Вѣнскаго двора, къ тому идетъ, чтобъ оному подать поводъ къ откровенному между собою изъясненію о взаимныхъ

видахъ по случаю нашей съ Портою опасаемой войны и предварительно внушить князю Кауницу, что онъ имѣетъ готовыя средства къ соглашенію тутъ интересовъ Австрійскаго дома съ собственными его интересами. Отъ удачи сего намѣренія можетъ королю Прускому быть сугубая польза, то-есть и собственное его обезпеченіе отъ стороны Вѣнскаго двора, который одинъ болѣе всѣхъ его тревожитъ, и новый случай къ новымъ въ сосѣдствѣ пріобрѣтеніямъ.

Что принадлежитъ до Персіи, которая теперь нѣсколько озабочиваетъ Порту Отоманскую, не смѣю я, по извѣстнымъ ея внутреннимъ неустройствамъ, полагать, чтобъ диверсія Керимъ-хана значила болѣе какъ одно только моментное опустошеніе пограничныхъ Турецкихъ провинцій, безъ всякой въ потерѣ ихъ опасности. Есть въ самой Персіи множество хановъ, не повинующихся повелѣніямъ сего вождя, или же по крайней мѣрѣ весьма слабо исполняющихъ оныя, почему и нельзя надѣяться, чтобъ усилія его могли быть важны, долговременны и достаточны къ отвлеченію главнаго вниманія Порты на тамошнюю сторону. Турки знаютъ довольно, что корень имперіи ихъ, также силъ и важности ея въ Европѣ, ставятъ Европейскія свои провинціи гораздо выше Азіятскихъ, гдѣ издавна обыкли уже они видѣть весьма часто внутреннія неустройства между разными начальниками и попущать онымъ до явнаго почти бунта. Все сіе образую я здѣсь для того, чтобъ послѣ вывесть заключеніе, которое по крайней мѣрѣ въ совѣсти моей признаю основательнымъ, а именно: что правленіе Отоманское не остановится за Персидскою войною въ разрѣшеніи своемъ на войну съ Россіею, когда оную почтетъ необходимымъ уже для себя зломъ, и что опять въ сей крайности, для сохраненія своего въ Европѣ, не усумнится оно обратить къ отпору противу насъ послѣднія свои силы и

пособія съ конечнымъ обнаженіемъ Азіятскихъ провинцій въ таковомъ предположеніи, что Персіяне съ настоящимъ ихъ правителемъ отнюдь неспособны вовсе отторгнуть ихъ отъ Порты и удержать за собою.

Отъ собственной Вашего Императорскаго Величества прозорливости не можетъ быть скрыто, что при всякомъ безпосредственномъ дѣлѣ съ одною державою, прочія обыкновенно собою дорожатъ, и что въ разсужденіи сего надобно со всѣми обходиться съ сугубою осторожностію, дабы никако не навлечь себѣ новыхъ хлопотъ и новаго по разнымъ мѣстамъ упражненія. Я слѣдовалъ всегда сему правилу въ части министерскаго моего поведенія, зная, что тѣмъ исполняю высочайшую Вашего Императорскаго Величества волю.

Отъ сего образованія возвращаясь къ пункту Турецкихъ дѣлъ и ко всеподданнѣйшему изъясненію мнѣнія моего по онымъ, встрѣчаю я въ мысляхъ моихъ слѣдующій результатъ, который и повергаю здѣсь вмѣстѣ съ собою къ монаршимъ стопамъ на собственное Вашего Императорскаго Величества мудрое и проницательное усмотрѣніе.

Препоручая графу Петру Александровичу занятіе крѣпости Оркой съ ея линіею, изволили Вы, всемилостивѣйшая Государыня, возложить равнымъ образомъ на его искусствомъ и усердіемъ сопровождаемое попеченіе кончить и нерѣшенныя еще съ Портою дѣла и требовать отъ нея, чтобъ она отправила къ нему своихъ полномочныхъ комиссаровъ. Теперь изъ формальнаго ея отвѣта на предложеніе о семъ видно, что Порта предпочтительно желаетъ трактовать въ Константинополѣ и для того проситъ именно о снабдѣніи посланника Стахіева достаточною полною мочью, въ чемъ одномъ главнѣйше замыкается все существо онаго отвѣта. Сіе ея требованіе можетъ имѣть разныя причины, а именно: что

дворъ Турецкой ставитъ иногда по своему невѣжеству за несовмѣстно отправлять полномочныхъ министровъ къ нашему военачальнику, или же что министерство Отоманское не находитъ себя въ достаточномъ кредитѣ вести толь важную негоціацію заочно отъ султана и безъ личнаго и безпосредственнаго въ ней законниковъ своихъ соучаствованія, которое одно народъ отъ жалобъ и роптанія воздержитъ сильно. Посему кажется, что нѣтъ нужды дѣлать затрудненія въ сей Турецкой просьбѣ, тѣмъ паче, что уже до ушей господина Стахіева допущено было, коимъ образомъ Порта не инако можетъ согласиться на трактованіе съ нашимъ военачальникомъ, какъ чрезъ посредство отправляемаго отъ нея сераскера съ войсками, изъ чего весьма легко могли бъ произрасти вящія только успѣху препоны, если уже не сущій миру разрывъ.

Не меньше однакожъ можетъ предохранено быть высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, что̀ принадлежитъ до управленія дѣлъ графомъ Петромъ Александровичемъ въ теченіи самой негоціаціи. Для сего беру я смѣлость предложить на собственное Вашего Величества высочайшее опредѣленіе такой альтернативъ, чтобъ или вовсе удовлетворить желанію Порты ауторизаціею на мѣстѣ г-на Стахіева, въ чемъ повидимому не настоитъ никакой неудобности, или же, для сохраненія въ полной мѣрѣ равенства на обѣ стороны, предложить Портѣ присылку въ третье мѣсто взаимныхъ полномочныхъ комисаровъ на подобіе конгресса безъ всякихъ однакожъ въ ономъ внѣшнихъ оказательствъ. Который изъ сихъ способовъ ни удостоится монаршей апробаціи, но въ обоихъ случаяхъ можетъ дирекція дѣлъ равно оставаться въ рукахъ графа Петра Александровича, предписывая отсюда именно посланнику Стахіеву или же нароч-

по отправляемымъ комиссарамъ, кто изъ нихъ будетъ употребленъ въ негоціацію, адресоваться всегда прямо къ нему для полученія точныхъ и рѣшительныхъ наставленій.

Нѣтъ возможности постигнуть теперь напередъ гаданіемъ послѣднюю степень въ резолюціяхъ правительства Турецкаго къ извлеченію предстоящихъ занозъ; но когда откроется въ Константинополѣ или же другомъ какомъ мѣстѣ дѣйствительная негоціація, тогда не трудно уже будетъ познать истинный оныхъ предѣлъ. Весьма имовѣрно, что и тутъ, въ надеждѣ лишнее выторговать, станутъ сначала Турки держаться за стѣною и выжидать отъ насъ первыхъ предложеній, а дѣло самое запутывать мелочьми побочными; однакожъ съ другой стороны нельзя думать, чтобъ и могла долго устоять сія застѣнчивость противу формальнаго имъ въ первой конференціи объявленія на-отрѣзъ, что Россія заключаетъ въ первыхъ предложеніяхъ самый ультиматъ желаній своихъ, и что Ваше Императорское Величество повелѣли требовать на оныя скораго, яснаго и рѣшительнаго отвѣта для распоряженія дальнѣйшихъ Вашихъ мѣръ по соглашенію или же по отказу Порты, обѣщая въ первомъ случаѣ показать всякое резонабельное снисхожденіе въ побочныхъ пособіяхъ къ облегченію ея внутреннихъ заботъ; а на семъ основаніи и вести полюбовную негоціацію, которая инако совсѣмъ уже мѣста имѣть не могла бы.

Въ самомъ дѣлѣ нужна для успѣха оной поспѣшность, дабы инако взаимныя обѣихъ имперій исканія внутри Крымскаго полуострова не могли, повстрѣчаясь между собой, растравить больше зла существующаго и завести дѣлъ какимъ-либо нечаяннымъ приключеніемъ до явной уже вражды и самаго непріятельскаго дѣйствія.

По сю пору кажется мнѣ, что занятіе Перекопи произвело уже первые плоды нашего ожиданія, приведя Турковъ въ изумленіе и заставя ихъ до послѣдняго края моральной возможности помышлять объ изысканіи приличныхъ средствъ къ прекращенію хлопотъ; но чтобъ отъ сей полезной имперсіи извлечь взаимно и намъ всю возможную пользу, осмѣливаюсь я всеподданнѣйше доложить о представляющейся надобности, чтобъ нынѣ же и съ высочайшей Вашего Императорскаго Величества стороны рѣшительнымъ образомъ на мѣру положено было, въ чемъ именно и до какого градуса снизойтить намъ въ удовлетвореніе внутреннихъ заботъ Турецкаго правленія и на чемъ опять избрать способъ оружія, предпочтительно невмѣстнымъ уступкамъ сопернику нашему, если прихоти его не преобразятся при переговорахъ въ требованія умѣренныя, сносныя и непротивныя существу мирнаго трактата.

Если посему изволите Ваше Императорское Величество принять за благо первую или вторую часть представленнаго мною алтернатива въ негоціаціи съ Турками, то въ семъ случаѣ нужно монаршее повелѣніе увѣдомить о томъ господина Стахіева для благовременнаго сообщенія Портѣ письменнымъ меморіяломъ, что Ваше Величество или снисходите на ея желаніе, уполномочивая его самого, или же для сохраненія на обѣ стороны равенства требуете отправленія взаимныхъ полномочныхъ комиссаровъ въ третье мѣсто, гдѣ бы они, съѣзжаясь немедленно, могли безъ всякихъ внѣшнихъ обрядовъ начать и кончить поручаемое имъ дѣло. Въ отправляемомъ господину Стахіеву повелѣніи можно будетъ предписать, чтобъ онъ для выиграніа времени, когда быть съѣзду комиссарамъ, и согласился уже съ Турецкимъ министерствомъ, безъ описки съ дворомъ, какъ о мѣстѣ съѣзда въ земляхъ

республики Польской на равномъ отстояніи между границами обѣихъ имперій, такъ и о срокѣ единовременнаго въ оное прибытія взаимныхъ полномочныхъ комиссаровъ.

Сверхъ сего генеральнаго посланнику Стахіеву повелѣнія, въ отвѣтъ на требованіе Порты по пункту взаимной негоціаціи и мѣста къ производству ея назначиваемаго, не угодно ли будетъ Вашему Императорскому Величеству снабдить его на тотъ случай, когда бы ему о дѣлахъ рѣшительно трактовать довелось, и точными уже наставленіями, какъ для дѣйствительнаго вступленія въ переговоры, такъ и для совершеннаго прекращенія настоящихъ хлопотъ, къ Вашему высочайшему удовольствію?

Сіи наставленіи могутъ по моему мнѣнію состоять въ слѣдующемъ: чтобъ онъ, при вручении министерству Порты меморіяла своего на ея отвѣтъ, объявилъ оному въ тоже время отъ имени двора Вашего, что какъ положеніе дѣлъ взаимныхъ достигло теперь до такого края, на которомъ сохраненію мира или же явному нарушенію онаго безпосредственно рѣшиться слѣдуетъ, то и надобно съ обѣихъ сторонъ приняться за полюбовную развязку ихъ съ доброю вѣрою и равнымъ чистосердечіемъ, дабы не быть инако виною пролитія крови человѣческой и разоренія народовъ. Что Россія, руководствуясь тутъ строжайшею справедливостію и приступая къ дѣлу кратчайшимъ и яснымъ путемъ, требуетъ всячески отъ министерства Порты, дабы оное перестало съ своей стороны употреблять далѣе во зло нашу умѣренность и наше терпѣніе недѣльными и побочными своими отговорками, какого-то нежеланія Татарами вольности, несогласованія оной съ Магометанскимъ закономъ и опасности народнаго въ Константинополѣ возмущенія, коими по сю пору главное дѣло умышленно затрудняемо и затмѣваемо было, и что по-

тому надлежитъ оному министерству учинить въ негоціаціи начало предъявленіемъ истинныхъ и послѣднихъ желаній Порты, какимъ образомъ помышляетъ она согласить настоящія распри и удовлетворить справедливымъ нашимъ жалобамъ противу неустойки ея въ мирномъ трактатѣ.

Весьма статься можетъ, какъ и выше сказано, что министерство Турецкое, уклоняясь отъ праваго вызова, станетъ напротивъ настоять о предъявленіи ему нашихъ требованій, какъ стороны недовольной и отвергающей ея просьбы.

Судя по свойственной Туркамъ въ негоціаціяхъ медленности, думаю я, что сей отъ нихъ представляемый способъ будетъ полезнѣе для развязки дѣлъ и для извлеченія отъ нихъ самихъ послѣдняго слова; чего ради и полагаю я далѣе, всемилостивѣйшая Государыня, что тогда настанетъ для господина Стахіева удобный моментъ учинить негоціаторамъ Отоманскимъ выше сего означенное объявленіе на-отрѣзъ; что первыя со стороны Россіи предложенія будутъ въ себѣ заключать и самый ультиматъ желаній ея; что онъ, приступая къ объявленію ихъ по собственному Турецкому домогательству, требуетъ въ тоже время со стороны Порты яснаго и рѣшительнаго отвѣта для донесенія двору Вашему, который, натурально, дальнѣйшія свои мѣры распоряжать будетъ по согласшенію или же отказу ея, обѣщая въ первомъ случаѣ показать всякое резонабельное снисхожденіе въ побочныхъ пособіяхъ къ облегченію внутреннихъ Порты заботъ; а на семъ основаніи и вести полюбовную негоціацію, которая инако совсѣмъ уже мѣста имѣть не могла бы.

Приготовя симъ отзывомъ Турецкое министерство къ нашему послѣднему слову, слѣдовательно же и поставя его въ необходимость ознаменовать послѣднюю свою резолюцію не меньше рѣшительнымъ образомъ, надобно будетъ потомъ и

дѣйствительно объявить ему сущій ультиматъ требованій Вашего Императорскаго Величества, который можетъ сокращенъ быть въ таковомъ на письмѣ объявленіи, что Россія полагаетъ для негоціаціи непремѣннымъ и такимъ основаніемъ, отъ котораго она никогда и ни для чего не отступитъ—точныя и матеріальныя обязательства мирнаго трактата съ одной стороны въ цѣлости и сохраненіи вольной и независимой области Татарской въ гражданскомъ и политическомъ ея положеніяхъ подъ управленіемъ собственнаго самовластнаго хана, а съ другой—твердость Магометанской вѣры въ той области и духовной ея связи съ калифствомъ въ особѣ Турецкихъ султановъ; что тутъ, въ облегченіе заботы Отоманской Порты, мы не споримъ и не будемъ противиться безпосредственному ея соглашенію съ Татарами о точномъ, единожды навсегда опредѣленіи духовныхъ обрядовъ оной связи, желая и требуя только, чтобъ Татары для такого трактованія напередъ возстановлены были въ корпусъ и состояніе націи вольной, независимой и управляемой собственнымъ своимъ, ни отъ кого же независящимъ ханомъ, по словесному уразумѣнію мирнаго трактата, изъ котораго они мало-по-малу вытѣснены происками и коварствомъ Девлеть-Гирея; что доколѣ сей ихъ развратитель будетъ находиться въ Крыму и Порта не объявитъ формально какъ ему, такъ и всѣмъ Татарамъ вообще, что она ни въ немъ, ни въ нихъ не беретъ больше никакого участія, но паче признаетъ ихъ націею вольною и независимою, по тѣхъ поръ не можетъ имѣть мѣсто такое ея съ Татарами безпосредственное соглашеніе о узаконеніи духовныхъ обрядовъ торжественнымъ на всегдашнее время актомъ; что какъ, послѣ заключенія мира и въ бытность посла князя Репнина, неоднократно было отъ Порты намъ внушаемо о усматриваемой ею пользѣ установленія наслѣдственныхъ хановъ, то мы

теперь сію ея идею охотно принимая въ показаніе ей Портѣ угодности, Татарамъ самимъ нашего въ жребіи ихъ истиннаго безкорыстія, а свѣту всему сущаго нашего желанія кончить дѣла безъ новой войны, предлагаемъ съ своей стороны утвержденіе наслѣдственнаго ханства въ персонѣ извѣстнаго Шагинъ-Гирея, какъ человѣка душевно познающаго цѣну дарованной отечеству его вольности, слѣдовательно же по истиннымъ интересамъ обѣихъ имперій и совершенно надежнаго къ сохраненію оной навсегда въ неприкосновенной цѣлости, тѣмъ паче, что онъ отъ многихъ уже Нагайскихъ народовъ избранъ въ ханы законнымъ, въ трактатѣ опредѣленнымъ, порядкомъ; что сей новый ханъ, по надлежащемъ его отъ Порты признаніи въ семъ качествѣ, не уклонится, конечно, войти съ нею въ негоціаціи и узаконить торжественнымъ актомъ единожды навсегда духовную свою связь съ султаномъ, какъ верховнымъ калифомъ Магометанскимъ (ибо ему самому нельзя не знать и не чувствовать, сколько и къ чему можетъ его обязывать вѣра въ семъ нѣжномъ пунктѣ); что для пресѣченія однимъ разомъ всѣхъ донынѣ настоявшихъ распрей, да и самаго корня оныхъ на будущее время, почитаетъ Россія за полезно, чтобъ обѣ имперіи торжественнымъ между собою актомъ согласились: Порта — признать Россію ручательницею вольности и независимости Татарской области въ гражданскомъ и политическомъ ея положеніяхъ, подъ управленіемъ самовластныхъ и наслѣдственныхъ хановъ; а Россія— взаимно султана калифомъ Магометанской вѣры и духовную съ нимъ связь той области; и что, напослѣдокъ, если министерство Турецкое не убѣдится въ той истинѣ, что безъ спхъ условій дѣла поправлены быть не могутъ, а станетъ, напротивъ, проводить время въ пустыхъ и побочныхъ затрудненіяхъ, кои безъ того такъ далеко завели уже насъ, станетъ со-

бирать между тѣмъ войска свои и показывать видъ какого-нибудь ополченія противу насъ или на Крымъ: на такой случай дворъ Вашего Императорскаго Величества поставляетъ послѣднимъ долгомъ прямодушія, искренности и доброй вѣры своей заранѣе открыть оному министерству безъ всякаго запинанія, что Россія не возможетъ уже съ своей стороны обойтиться отъ безпосредственнаго обнятія войсками своими онаго полуострова и безъ отраженія силою оружія всѣхъ на оный Турецкихъ покушеній, въ какомъ бы числѣ оныя ни были и подъ какимъ бы предлогомъ ни стали приближаться, оставляя уже султану и его министерству отвѣтствовать предъ Богомъ за послѣдующія изъ того народныя бѣдствія, кои упредить не въ ея уже возможности будетъ; ибо она теперь къ отвращенію отъ себя праведной укоризны заранѣе съ доброю вѣрою и прямо объявляетъ, что достоинство Вашего Императорскаго Величества не можетъ далѣе сносить неоправдательной медленности Порты Отоманской въ неисполненіи важнѣйшаго обязательства ея въ мирномъ трактатѣ, которому Ваше Величество изволили жертвовать толикимъ множествомъ завоеванныхъ областей и провинцій.

Я не отчаяваюсь, всемилостивѣйшая Государыня, чтобъ Порта вовсе отвергла сіи предложенія (кои я по внутреннему моему удостовѣренію считаю одни совмѣстными съ славою и интересами Вашего Императорскаго Величества) и предпочла способъ оружія уступкѣ по сущей оныхъ умѣренности; но думаю паче, что она, при усмотрѣніи неподвижной твердости въ настояніяхъ министра вашего, сдѣлаетъ напослѣдокъ изъ нужды добродѣтель и согласится какъ на трактованіе, такъ и на конечную сдѣлку съ онымъ, покушаясь иногда одержать для себя во взаимство какія-либо побочныя выгоды,

о коихъ, однакожъ, на угадъ ничего съ подлинностію сказать нельзя.

Но какъ здравая политика требуетъ быть всегда и на всякій случай въ совершенной готовности къ отпору и къ упрежденію непріятеля (въ резолюціяхъ своихъ часто безразсуднаго и скоропостижнаго, съ каковымъ мы теперь дѣло имѣть можемъ и котораго видимъ поставленна на самой крайней чертѣ необходимости въ его разрѣшеніи): то, не взирая на сію, мною питаемую надежду, ставлю я тѣмъ не меньше долгомъ усердія и вѣрности моихъ къ службѣ Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше упомянуть здѣсь о нуждѣ благовременнаго устроенія внутри имперіи и по обширнымъ ея границамъ войскъ Вашихъ такимъ образомъ, дабы чрезъ обращеніе знатныхъ силъ къ одному пункту, то есть къ сторонѣ Днѣпра, куда ихъ мало по малу въ запасъ и сближать надлежитъ съ достаточнымъ къ прямому дѣлу заготовленіемъ всякихъ потребностей, прочія нужныя мѣста не были слишкомъ обнажены отъ достаточной стражи и охраненія.

Впрочемъ какъ Турецкой отвѣтъ на декларацію 3-го Декабря содержитъ въ себѣ разныя опроверженія нашихъ жалобъ и многія несправедливыя объясненія существа дѣлъ, о коихъ умолчаніе или недознаніе министра нашего на мѣстѣ о нашихъ на оныя возраженіяхъ могло бы Портою рано или поздно въ доводъ противу насъ употреблено быть: то разсудилъ я сдѣлать на всѣ части онаго отвѣта пристойныя возраженія, кои здѣсь къ собственному Вашего Императорскаго Величества усмотрѣнію поднося, испрашиваю высочайшаго повелѣнія сообщить ихъ посланнику Стахіеву не съ тѣмъ, чтобъ онъ сіи примѣчанія предъявилъ министерству Порты на письмѣ и въ настоящей ихъ формѣ, но для того, чтобъ доставить ему въ запасъ нѣкоторое руководство къ надле-

жащему опроверженію отговорокъ и аргументовъ министерства Турецкаго, когда бы оное вновь ихъ предъявлять стало, при чемъ господину Стахіеву на волю оставлено быть можетъ выдавать сіи возраженія кстати и по времени за собственныя свои разсужденія или же за мнѣнія двора, какъ того обстоятельства и польза службы Вашего Императорскаго Величества требовать будутъ.

Февраля 3-го дня
1777.

31.

Графъ Сольмсъ вчерашняго вечера читалъ мнѣ свою послѣднюю депешу отъ короля, его государя. Я, нашедши въ ней нѣкоторыя подробности особенныя въ положеніи дѣлъ и обстоятельствъ Цареградскихъ, предваряющія послѣднія дополненія посланника Стахіева, испросилъ у него экстрактъ съ письма къ нему королевскаго и копію съ приложенной при немъ реляціи изъ Константинополя отъ ихъ повѣреннаго въ дѣлахъ Гофрена, кои для прочтенія Вашего Императорскаго Величества здѣсь всеподданнѣйше подношу. Ваше Величество всевысочайше примѣтить соизволите, что сія Гофренова реляція отправлена изъ Царяграда 6 числа прошедшаго Генваря по нашему стилю, слѣдовательно двѣ недѣли старѣе послѣднихъ посланника Стахіева донешеній. За симъ покорнѣйше здѣсь подношу письмо ко мнѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Эпинуса, объясняющее новую остановку его трудовъ.

1777.

32.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Всеподданнѣйше здѣсь подносимое письмо отъ его Польскаго величества мнѣ вручено сего утра подъ моимъ кувертомъ резидентомъ Деболи. Я надѣюсь, что Ваше Императорское Величество въ ономъ найти изволите туже самую спорной границы карту съ ея истолкованіемъ, которая сообщена отъ посла Стакельберга на послѣдней почтѣ.

Повергнувъ себя къ монаршимъ стопамъ пребываю со всеглубочайшимъ подобострастіемъ

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Гр. Н. Панинъ.

Письма графа Н. И. Панина къ П. В. Бакунину.

1.

Государь мой Петръ Васильевичъ.

Вслѣдствіе почтеннаго письма вашего, мною полученнаго третьяго дня, позвольте, государь мой, мнѣ къ вамъ адресоваться о принесеніи предъ Ея Императорскимъ Величествомъ моего извиненія, что я, въ самое тяжчайшее время моей настоящей болѣзни, получа отъ графа Сольмса извѣстныя бумаги, не могъ объ оныхъ донести Ея Величеству. Теперь же для поднесенія всемилостивѣйшей Государынѣ здѣсь оныя включаю. Онѣ состоятъ: 1-е) Въ ландкартѣ рѣки Неци; означенная на оной желтая линія показываетъ тѣ земли, кои король Пруской занялъ въ свою границу; а двойная линія желтая съ краспою опредѣляетъ ту уступку, которую онъ нынѣ изъ занятаго учинить намѣренъ. 2-е) Препровождаемыя сію ландкарту двѣ бумаги представятъ Ея Императорскому Величеству всѣ объясненія, какъ персональныя отъ принца Генриха, такъ и министерскія отъ гр. Сольмса, которыми они домогаются о здѣшнемъ содѣйствованіи. 3-е) Для лучшаго возобновленія памяти я прилагаю копію съ общаго нашего трактата съ Прускимъ дворомъ. Третій тутъ артикулъ, очерченный чер-

нильною линіею, покажетъ въ точности существительное тогдашнее положеніе границамъ Прускимъ; а елико болѣзнь моя съ истиннымъ насильствомъ силъ моихъ мнѣ только дозволить могла, сдѣлалъ я особенныя ремарки на вышепредставленныя двѣ бумаги, препровождающія Прускую карту, которыя при семъ чрезъ васъ подношу Ея Императорскому Величеству, и естьли они удостоятся высочайшей апробаціи, то и могуть тогда съ нѣкоторою пристойною перемѣною въ слогѣ обращены быть въ таковые жъ письменные отвѣты его высочеству принцу и графу Сольмсу, каковы суть врученныя имъ бумаги. Въ заключеніе сего также поручаю вамъ, государь мой, для поднесенія Ея Величеству два пакета: одинъ съ обвѣстительными грамотами къ высочайшему подписанію, а другой съ депешами изъ Польши; о себѣ же только скажу, что отъ слабости всегдашней лихорадки и отъ большихъ внутреннихъ болей ей-ей черезъ великую силу могу кончить диктатуру сего письма, и пребываю съ истиннымъ почтеніемъ вашъ, государя моего, покорно-вѣрный слуга

Графъ Н. Панинъ.

С.-Петербургъ,
Апрѣля 19-го 1776.

2.

Сейчасъ получилъ ваше письмо чрезъ князя Волконскаго и по содержанію онаго поспѣшаю здѣсь включить оригинальные Итальянскіе переводы съ Турецкихъ грамотъ съ переводами съ нихъ на Россійскій языкъ; а какъ для вящей еще точности усмотрѣнія Турецкихъ мыслей я отдалъ въ переводъ и самые Турецкіе оригиналы, такъ оными наши Турецкіе переводчики и по сей часъ еще исправиться не могли въ разсужденіи большаго ихъ пространства.

Возвращаю также при семъ реляціи графа Петра Александровича *) и признаюсь, государь мой, предъ вами чистосердечно, что меня больше всего озабочиваетъ неизвѣстность о состояніи крѣпостей и ихъ гарнизоновъ: Ениколь, Керчь, и Кинбурнъ, не подвергаются ли они какому-либо незапному захваченію отъ Татаръ съ подкрѣпленіемъ настоящаго малаго числа между ими Турокъ, особливо будучи во окруженіи теперь такою развратною и неустроенною сволочью, каковы суть показывавшіеся Албанцы и другіе, можетъ быть, имъ подобные пришельцы? Да и въ близости живущимъ нашимъ бывшимъ Запорожцамъ едва-ли много довѣряться можно, о состояніи которыхъ я также разсуждать не могу, не имѣвъ объ нихъ никакого дальнѣйшаго свѣдѣнія, послѣ разрушенія ихъ Сѣчи. Инако же, государь мой, невозможно думать, чтобъ Порта безпосредственно явнымъ образомъ и съ своими собственными силами такъ скоро подняла военный щитъ; запутывать же и поддувать дѣла конечно станетъ, при чемъ возможно сожалѣть, что наши дѣла на Кубанской сторонѣ не

*) Румянцова.

по желанію остаются, и не можно ли, государь мой, какимъ ни есть образомъ обратить туда бо́льшее вниманіе, дабы хотя на первое время можно было содержать нѣкоторую шизму между Татарскихъ племенъ?

С.-Петербургъ,
13-го Мая 1776 г.

3.

Велѣдствіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, изображеннаго во вчерашнемъ почтеномъ вашемъ ко мнѣ письмѣ, касательно до сношенія моего съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ объ упомянутомъ въ письмѣ князя Николая Васильевича Репнина Армянинѣ, не будучи я въ состояніи, какъ вамъ не безъизвѣстно, самъ съ нимъ видиться, посылалъ я сегодни къ нему для того нарочнаго и получилъ отъ него отвѣтъ слѣдующій: что сей Армянинъ ему довольно извѣстенъ, что онъ присланъ былъ къ нему съ письмомъ отъ Али-бея въ Архипелагъ не въ качествѣ посланца, но простаго разсыльщика; что онъ, получа отъ него отвѣтъ къ Али-бею, съ денежнымъ ему самому подаркомъ, потерялъ отвѣтъ и не довезъ онаго до рукъ его; но потомъ опять присланъ онъ былъ къ нему съ письмомъ же отъ Али-бея и жилъ при немъ въ Ливорнѣ шесть недѣль. Со всѣмъ тѣмъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, называя сего Армянина бродягою, разсуждаетъ, что хотя онъ и не заслуживаетъ покровительства Ея Императорскаго Величества, но однакожъ изъ единственнаго человѣколюбія и жалости достоинъ допущенъ быть въѣхать въ Россію съ позволеніемъ жить въ оной въ какомъ нибудь городѣ, напримѣръ въ Астрахани; ибо онъ, будучи купецъ, можетъ имѣть про-

питаніе отъ торговли, а особливо по тому уваженію, что онъ, не имѣя куды преклонить головы своея, будетъ принужденъ, можетъ быть, возвратиться въ области Порты Отоманской, гдѣ онъ конечно лишенъ будетъ жизни самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, какъ то уже и случилось съ нѣкоторыми изъ такихъ Грековъ, кои употреблялись во время бытности флота въ Архипелагѣ въ разныя посылки.

Такимъ образомъ объясня вамъ, государь мой, во всей подробности обстоятельствы, въ каковыхъ вышеупомянутый Армянинъ находится, покорно васъ прошу поднесть ихъ всемилостивѣйшей Государынѣ на всевысочайшее усмотрѣніе и увѣдомить меня о соизволеніи Ея Императорскаго Величества, привезть ли его въ Россію для предполагаемаго графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ призрѣнія, или оставить его за границею.

Въ Ульянкѣ,
16 Іюля 1776 г.

4.

Покорно благодарствую за почтенное ваше меня увѣдомленіе объ объясненіи князя Григорья Григорьевича касательно до извѣстныхъ артиллерійскихъ лошадей, изъ чего, государь мой, я и разумѣю, что теперь оныхъ лошадей въ иное употребленіе, кажется, и невозможно обратить, о чемъ также покорно прошу представить Ея Императорскому Величеству.

Въ Ульянкѣ,
20-е Іюля 1776 г.

5.

По пріѣздѣ изъ Москвы, авторъ сихъ бумагъ премѣнилъ всѣ свои ключи. Теперь одинъ изъ новыхъ открытъ, который здѣсь и разобранъ; да и извѣстной большой ключь, называемый Дикціонеръ, начинаетъ открываться, чего ради и сіи бумаги нужны опять трудившемуся въ томъ.

6.

Прочитавъ со вниманіемъ бумаги господина бригадира Бринка, мнѣ видится, что, какъ онъ, такъ и калга-султанъ, обще съ нимъ, относятъ по догадкѣ своей на свою сторону главное дѣйствіе осенняго предпріятія для поправленія дѣлъ Татарскихъ; а по сему и калга, можетъ быть, такъ далеко распространяетъ свои расположенія, какимъ образомъ ему военною рукою дѣйствовать съ стороны Кубанской. По моему же мнѣнію на первый случай ему ничего другаго сдѣлать не надлежитъ, какъ только стараться себя усиливать кредитомъ и привязанностію такого числа народа, которымъ бы можно было его прокламировать ханомъ Татарскимъ, избраннымъ народомъ вольнымъ и независимымъ, по силѣ пріобрѣтенной ими вольности торжественными трактатами, и чтобъ сіе учинить въ самое то время, когда Перекопь занята будетъ. Покорно прошу, государь мой, при удобномъ случаѣ представить сіе Ея Императорскому Величеству и при томъ доложить: не угодно ли будетъ мнѣ указать, чтобъ я оное порастолковалъ господину Бринку, дабы подвиги и старательства калги-султана могли быть управляемы вѣрнѣйшею дорогою, пока Ея Величеству угодно будетъ поручить сіе дѣло особенной персонѣ. Со всѣмъ тѣмъ однакожъ я не нахожу ни из-

лишнимъ, ниже опаснымъ снабдить, по волѣ всемилостивѣйшей Государыни, калгу-султана оружьемъ имъ желаемымъ на 800 человѣкъ; ибо какъ ему онаго самимъ собою конечно достать трудно, такъ и его репрезентаціи можетъ послужить въ пользу.

Ульянка,
13 Августа 1776.

7.

По повелѣнію Ея Императорскаго Величества, объявленному мнѣ въ письмѣ вашемъ, имѣю честь здѣсь вложить письмо къ Пруссому генералъ-порутчику Лентулусу и покорно прошу васъ, государя моего, оное поднести для подписанія всемилостивѣйшей Государынѣ, и притомъ донести Ея Величеству, что во исполненіе Ея Высочайшаго приказанія я не премину всеподданнѣйше представить мое мнѣніе о возобновленіи союзнаго трактата съ его Прусскимъ величествомъ, какъ скоро просмотрю настоящія наши обязательства съ симъ государемъ. Также прошу донести Ея Величеству, что жена Шампаніола конечно живетъ въ Петербургѣ, а только два учителя Французскіе его шайки Розетти и Дюнанъ, по моимъ извѣстіямъ находятся въ Москвѣ.

Ульянка,
17-го Августа 1776.

8.

Возобновившаяся предъ нѣкоторыми днями ирритація въ моихъ ранахъ причиною, что я не былъ въ состояніи упражнить себя дѣлами столько, чтобъ можно мнѣ было въ сіе время исполнить высочайшія повелѣнія Ея Импер. Величества, а къ тому еще вчерашній день получилъ весьма мнѣ огорчительное извѣстіе о смерти большой дочери брата моего. Васъ же, государя моего, покорно прошу, при поднесеніи всемилостивѣйшей Государынѣ слѣдующихъ здѣсь удовольствительныхъ Польскихъ депешъ, повергнувъ меня къ монаршимъ стопамъ, извинить предъ Ея Величествомъ въ вышеобъявленномъ.

Два письма графа А. Р. Воронцова къ графу Н. И. Панину *).

1.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь.

Въ минувшую Субботу имѣлъ я честь вашему сіятельству донести о печальномъ для меня приключеніи кончины барона Ферзена, которой съ начала имѣвъ геморожею, и отъ оной свободясь къ удивленію всѣхъ, наконецъ впалъ въ неизлѣчимую чахотку, которою онъ мучился болѣе двухъ мѣсяцевъ, и еще за шесть недѣль передъ его смертію, докторы, послѣ разныхъ консультацій, заключили его неизлѣчимымъ; а только день шесть передъ кончиною его, по моему представленію, согласились они испытать, не бывалымъ уже примѣромъ, водяная поѣздка не учинитъ ли какую перемѣну полезную въ отчаянномъ его состояніи. Почему профессоромъ Гаубгусомъ ему и представлено было, и наконецъ удалось вообще его уговорить поѣхать моремъ въ Неаполь, къ чему и разпоряженія дѣлать начинали, какъ то оказываетъ и завѣтная имъ учиненная на сей случай, съ которой точную копію здѣсь прилагаю. Но въ самый тотъ вечеръ, какъ она имъ сочинена была и приготовленія къ дорогѣ были дѣланы, такъ слабымъ сдѣлался, а на другой день толь часто ошибали его

*) Съ черновыхъ подлинниковъ. П. Б.

обмороки и конвульсіи, что тогда-жъ заключили доктоpы о опасности его жизни. Однако-жъ онъ два дни въ семъ состояніи перенемогался, и скончался въ 11 часовъ вечера въ Пятницу при свѣжей памяти и здравомъ умѣ до самого издыханія; а только два часа передъ кончиной конечно отъ слабости не могъ уже говорить.

Я не сумнѣваюся, по извѣстному вашему великодушію, чтобъ ваше сіятельство не приняли какого участія въ сей потерѣ: ибо покойникъ былъ остраго разума, преисполненъ знаній и честности, усерденъ былъ къ службѣ и со временемъ не безполезенъ бы быть могъ, и до конца своего преданность его и глубочайшее почтеніе къ вашему сіятельству были неограничены.

Похороненъ онъ, по его желанію, въ киркѣ подлѣ самого моего дома и безъ всякой церемоніи. Сіе имъ отъ меня неоднократно требовано Во все время болѣзни его былъ онъ у меня въ домѣ, и я имѣлъ неудовольствіе быть свидѣтелемъ кончины моего пріятеля. Но нѣкоторымъ утѣшеніемъ служить могла твердость, съ которою сносилъ онъ жестокость его болѣзни и страданій, равно какъ и упованіе на Промыслъ Всевышняго.

Что касается до духовной его, то содержаніе оной и въ день кончины своей помянутой баронъ мнѣ подтверждалъ неоднократно, требуя послѣднимъ знакомъ моея дружбы къ нему, чтобъ исполненіе оной на себя я взялъ; въ разсужденіи чего и почитаю я за долгъ въ сіи хлопоты вступить: ибо дѣла въ крайнемъ безпорядкѣ, не имѣя ни росписи, ни описанія вещей ему принадлежащихъ, ниже долговъ его, кромѣ тѣхъ, о которыхъ онъ упоминалъ. И такъ прошу ваше сіятельство, желая исполнить волю покойнаго моего пріятеля, сдѣлать мнѣ милость, исходатайствовать у Ея Императорска-

го Величества высочайшую ея аппробацію для духовной, и потомъ пожаловать приказать г-ну Гроссу, у котораго есть разные сундуки, принадлежащіе покойнику, дабы онъ приказалъ онымъ продажу въ авкціонѣ сдѣлать, дабы тѣмъ Французскіе его долги заплатить можно было, равно какъ и деньги имъ опредѣленныя въ награжденіе камердинеру его, которой во всю почти бытность его въ чужихъ краяхъ одинъ при немъ находился и во время болѣзни его весьма усердно служилъ. Также нижайше прошу васъ, милостивый государь, чтобъ о всемъ дѣлѣ меня г-нъ Гроссъ увѣдомить могъ съ точностію; и я между тѣмъ собираю разные счеты и бумаги оставшіеся послѣ покойника, чтобъ тѣмъ придти въ состояніе заимодавцевъ его удовольствовать, что́ его крайне безпокоило въ послѣдніе дни его жизни.

Заслуженное жалованье барона Ферзена и чрезвычайныя его издержки, учиненныя еще въ Копенгагенѣ, которыхъ счетъ въ Коллегію имъ посланъ, прошу ваше сіятельство нижайше сюда приказать переслать на уплату мелкихъ его здѣсь долговъ, которые не простираются болѣе 80 червонныхъ. Сверхъ того для удовольствія докторовъ, въ аптеку и прочія подобныя издержки. Также долженъ онъ, какъ и самъ объявилъ въ завѣтной, нѣкоторую сумму здѣшнему банкиру Боасу, которой для лучшаго изъясненія на сихъ дняхъ мною будетъ призванъ. Денегъ у него осталось при кончинѣ 43 червонца и 7 гульденовъ. Когда всѣ дѣла его вмѣстѣ соберутся, и порядочная продажа учинится съ разсчетомъ: я нимало не сумнѣваюсь, чтобъ не нашелъ достаточною для расплаты со всѣми его заимодавцами и исполненія его воли, и я тѣмъ болѣе усердствую къ хорошему окончанію оныхъ, что мнѣ не безъизвѣстно, сколь покойной баронъ безпокоился въ послѣдніе дни жизни своея, чтобъ не потерялъ и не претерпѣлъ

бы тѣмъ кто изъ его заимодавцевъ, что́ и доказываетъ честность его нрава.

На другой день кончины его пришли изъ Франціи къ Амстердамскимъ банкирамъ Пельсамъ три ассигнаціи на помянутаго барона Ферзена, изъ Парижа, Ліона и Руана. Всѣ три простираются до 300 рублей. Я писалъ къ г-мъ Пельсамъ въ отвѣтъ, чтобъ они сіи ассигнаціи у себя удержали, потребуя отъ своихъ корреспондентовъ обстоятельныхъ счетовъ, и что по предъявленіи оныхъ, и буде они найдутся сходственны съ правдою, удовольствіе имъ оказать не оставлю, будучи учиненъ исполнителемъ завѣщанія покойника.

Во время сочиненія духовной меня при немъ не было: ибо въ то самое время былъ я у Датскаго короля. Я бы конечно не допустилъ, чтобъ онъ о мнѣ какое упоминаніе учинилъ, кромѣ исполненія его послѣдней воли. Онъ на сдѣланіе духовной уговоренъ былъ докторами, которые, видя слабое его состояніе, разсудили оную нужной, и дабы не устрашить его, сказали, что, какъ онъ теперь въ силахъ, то-бъ симъ случаемъ воспользовался для сочиненія оной въ запасъ, предпринимая морское путешествіе. Но къ сожалѣнію моему онъ скоро послѣ того мало въ состояніи нашелся сей вояжъ предпріять; а послѣ хотя я и желалъ, чтобъ нѣкоторые артикулы отмѣнилъ, однакожъ онъ на то поступить не хотѣлъ, и такъ я не разсудилъ приличнымъ его безпокоить въ такое время, когда и безъ того онъ довольно страдалъ.

Наконецъ, извиняясь, милостивый государь, что васъ толь пространнымъ письмомъ о сей для меня непріятной матеріи трудилъ, обѣщаю я себѣ отъ великодушія вашего, что вы мнѣ оное милостиво упустите и резолюціей по оному удостоите.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Завѣщаніе барона Ферзена.

1.

En cas qu'il plût à Dieu de disposer de ma vie pendant le voyage que je vais entreprendre, je veux et j'ordonne ce qui suit:

Premier article.

Qu'on paye à mon domestique, valet de chambre Adam Milberg, 150 ducats, avec ma garderobe et ma montre d'or.

2.

Un clavecin, ma bibliothèque, qui se trouvent actuellement à St.-Pétersbourg et encore une caisse de livres, qui est à Hambourg chez notre résident, deux caisses avec des habits et un lit, doivent être vendus, tant pour payer des dettes, s'il y en a, que pour employer le reste pour être mis avec les 1.200 roubles qui sont entre les mains de mes frères, et qui sont un présent provenant de feu mon grand-père.

3.

J'ai encore dû hériter de ma grand'mère, qui est dans un âge fort avancé; mais ma maladie m'empêche d'en prendre des informations si elle est encore en vie; je ne puis rien assurer de positif à cet égard.

4.

Mes tableaux en pastels, avec les dessus de portes et quelques estampes sont offerts de ma part, comme un foible marque de ma reconnoissance à monsieur le comte Alexandre de Woronzow; j'y comprends également une belle table appelée chifonnière. Tout le reste des meubles sont à monsieur de Bacounine, dont j'emporte au tombeau le souvenir de toutes les bontés.

5.

Tout l'argent qui pourroit rester après avoir mis ordre à mes affaires, serait remis à mon frère cadet le baron Jean de Fersen.

6.

Le baron de Mengden me doit 60 écus espèces, qu'il payera à la masse.

7.

Je dois à monsieur le comte Alexandre de Woronzow la somme de 60 louis, pour lesquels je le prie d'accepter mon vis-à-vis.

8.

Je dois aux sieurs Clément et Fendt, marchands drapiers, rue St.-Honoré au Château Couronné, à Paris, la somme de 666 l., argent de France.

9.

Je dois en outre au nommé Demay Desmarais au Lion d'Argent, rue des Bourdonnois, à Paris, la somme de 535 l., argent de France.

10.

Vu que la précipitation de mon départ je ne me permets pas d'entretenir le sieur Boas pour savoir de lui positivement ce que je lui dois; mais il est certain que je ne lui dois rien que pour des commissions, sur chaque desquelles il doit et peut produire mes lettres le tout peut aller environ, tout au plus, à 200 ducats, sans y comprendre cependant 40 ducats et 7 louis d'or qu'il m'a avancés ici.

11.

Je supplie monsieur le comte Alexandre de Woronzow de vouloir bien, comme ancien bienfaiteur, de servir d'exécuteur testamentaire et d'avoir bien garde qu'il ne se passe rien qui soit contre l'honneur et la probité.

12.

La cour me doit les appointemens de l'année courante, et mes dépenses extraordinaires pendant que j'étois chargé des affaires en Danemark, et outre cela 33 roubles et 33 copeks, pour s'être mépris du vieux au nouveau style, comme on pourra le voir par un billet de chancellerie de monsieur de Phylosophoff.

NB. Le total de mes dépenses extraordinaires se monte à 326 roubles, qui faisoient selon le change d'alors 791 florins de Hollande.

Fait à la Haye, ce 19 juillet 1768.

Signé:

Le baron de Fersen.

2.

Трудно-бъ было мнѣ описать благодарность и удовольствіе, съ которымъ получилъ я письмо вашего сіятельства отъ 27-го Іюня стараго стиля изъ Петергофа, коимъ вы мнѣ сообщить изволили о милостивой Ея Императорскаго Величества резолюціи о моемъ отзывѣ отсюда и возвращеніи въ Россію, толь давно мною желаемомъ. То правда, что прошеніе мое состояло въ томъ, чтобъ отсюда отлучиться; однакожъ намѣреніе мое никогда не было сюда опять возвратиться, а еще менѣе оное могло быть мною желаемо. По недѣлію здѣшнему вмѣсто пользы какой-либо я ничего обѣщать себѣ не могъ какъ забвеніе прежняго малаго званія; по неустройности же домашнихъ дѣлъ, коимъ и не предвидѣлъ хорошаго окончанія, желалъ я только выѣхать отъ сюда съ дозволеніемъ, дабы тѣмъ не обезпокоить напрасно людей, коимъ я долженъ былъ. Но какъ отецъ мой весьма великодушно со мною поступилъ (не смотря что и безъ того въ шестилѣтнее мое министерство довольно уже я ему стоилъ, такъ какъ и во время моихъ вояжевъ по всей Европѣ) въ намѣреніи конечно сдѣлать меня удобнымъ къ службѣ Ея Императорскаго Величества, приславъ ко мнѣ нарочитую сумму денегъ вмѣстѣ съ деньгами, кои ожидаю я изъ Коллегіи, и съ нѣкоторыми еще распоряженіями, мои дѣла такъ становились, что я выѣхать отъ сюда въ состояніи безъ всякаго долгу, но и удовольствуя всѣхъ. Я не инако какъ съ крайнею радостію принимаю сей отзывъ, которой всегда мною желаемъ былъ, какъ то вамъ и не безъизвѣстно, и онъ тѣмъ удобнѣе, что до

отъѣзда моего всѣ пожитки мои убрать могу для отправленія въ Россію будущею весною, нежели бъ въ нерѣшимости моего жребія оныя оставлять здѣсь и содержать людей для смотрѣнія оныхъ. И такъ я за сію резолюцію не инако какъ долженъ вашему сіятельству свою благодарность засвидѣтельствовать, получа то, что̀ давно мною желаемо было.

Не менѣе обязательнымъ я почитаюсь за дозволеніе вами мнѣ данное отъѣхать отсюда, не дожидаясь преемника моего господина Пушкина, который по всѣмъ оказательствамъ не могъ бы скоро сюда быть. И такъ не премину я, по полученіи отзывной грамоты, акредитовать совѣтника посольства Воронцова, для престереженія дѣлъ Ея Императорскаго Величества во время небытности здѣсь министра, которой потомъ при господинѣ Пушкинѣ и остаться имѣетъ. Но по сему случаю позвольте вамъ, милостивый государь, нижайше примѣтить, что помянутый мой родственникъ служитъ въ настоящемъ своемъ чинѣ безъ всякаго происхожденія съ 1759-го году. Также и по случаю бракосочетанія статгалтерскаго, будучи принужденнымъ войти въ нѣкоторыя издержки, не получилъ никакого награжденія изъ Коллегіи, о чемъ осмѣлился я уже прежде васъ трудить.

При отъѣздѣ моемъ архивъ и всѣ дѣла останутся въ надлежащемъ порядкѣ для врученія господину Пушкину; а между тѣмъ, не премину я снабдить совѣтника посольства Воронцова наставленіями для лучшаго исполненія и теченія дѣлъ, какъ то и учинено уже было во время отсутствія моего въ прошломъ году къ водамъ, которое вы мнѣ толь милостиво исходатайствовать изволили.

Уповаю я отсюда выѣхать чрезъ недѣлю по полученіи желаемаго мною отзыва и присылки обѣщаннаго жалованья

и дорожныхъ денегъ; за приказаніе же вашимъ сіятельствомъ данное въ Коллегіи о немедленной пересылкѣ оныхъ, равно какъ и о назначеніи трехъ тысячъ рублей мнѣ на дорогу, нижайше благодарствую, признавая оное большимъ знакомъ щедроты Ея Императорскаго Величества и особливой милости вашей.

Мое намѣреніе есть, чтобъ прежде осенней слякоти прибыть уже къ мѣсту, и для того выѣхать не умедлю, тѣмъ болѣе, что нѣсколько дней въ Берлинѣ остаться я намѣренъ; ибо его величество король Прусскій къ тому меня милостиво пригласить изволилъ. Освѣдомясь, что я скоро въ Россію возвращаюсь, сей государь приказалъ своему министру здѣсь резидующему мнѣ именемъ его комплиментъ весьма ласкательной учинить, и что онъ желаетъ со мною видѣться въ проѣздъ мой въ Берлинъ съ тою ласкательною прибавкою, что онъ уповаетъ прежнее свое знакомство возобновить, и надѣется, что я пріемомъ его буду доволенъ. А сколь здѣсь извѣстно, то сей государь въ половинѣ Апрѣля мѣсяца поѣхать изволитъ въ Шлезію, и только въ первыхъ числахъ Сентября возвратится въ Потсдамъ. И такъ буде не застану я его въ Берлинѣ, то и благопристойность требуетъ, чтобъ я возвращенія его тамъ дожидался, что̀ надѣюсь и найдется сходственнымъ со мнѣніями вашего сіятельства, которыя всегда были главнымъ предметомъ поступокъ и видовъ моихъ, равно какъ и заслужитъ удовольствіе и аппробацію вашу. Но со всей сей остановкой въ концѣ Сентября уповаю я быть въ Россію.

И такъ на щедроту Ея Императорскаго Величества полагаюсь и на милость вашего сіятельства уповаю, что мнѣ вы сдѣлаете благодѣяніе исходатайствованіемъ, дабы я, пріѣхав-

ши туда, министерскимъ своимъ жалованьемъ пользовался до конца года. Оно не можетъ учинить большую разность казнѣ Государыни Императрицы: ибо, если бъ я не такъ скоро пріѣздомъ своимъ поспѣшалъ, или-бъ остался здѣсь до пріѣзда господина Пушкина, конечно не прежде я тогда возвратился бы въ Россію какъ въ концѣ года, а я сею щедротою ту находку имѣть буду, что найдусь и приведенъ буду тѣмъ въ состояніе возвратить въ Коллегію остальной мой долгъ изъ четырехъ тысячъ рублей мнѣ данныхъ впередъ для отъѣзда къ водамъ въ прошломъ году, изъ которыхъ уже по 30-е Мая нынѣшняго года, по счетамъ присланнымъ изъ Коллегіи, вычтено уже у меня тысяча шесть сотъ семьдесять шесть рублей; и такъ остается на мнѣ еще двѣ тысячи триста тридцать четыре рубля, кои легко вычтены быть могутъ изъ Сентябрьской трети; а вы мнѣ тѣмъ, милостивый государь, новой знакъ милости вашего сіятельства окажете.

Также принужденнымъ я нахожусь васъ трудить по причинѣ, что экипажъ мой, нѣкоторыя мебели, фарфоръ для употребленія стола и остатки винъ конечно не безъ крайняго урона здѣсь проданы быть могли, также и серебряный сервизъ. Часть сего экипажа отправленнаго уже съ двумя каретами, а остальной будущею весною въ С.-Петербургъ придетъ; чтобъ ваше сіятельство сдѣлали мнѣ милость исходатайствованіемъ у Ея Императорскаго Величества милостивое дозволеніе все сіе ввезть въ Россію безъ пошлины: ибо если-бъ я съ оныхъ вещей по тарифу платить принужденъ былъ, то-бъ претерпѣлъ конечно немалые убытки. Собою однакожъ разумѣется, что въ исходатайствованіи сего ничего новаго быть не должно, а только то, что̀ въ домѣ у меня было и въ употребленіи неоднолѣтнемъ. Всѣ сіи вещи дорого поку-

паются; а когда-бъ я оныя продавать здѣсь принужденъ былъ, то-бъ ни третей доли цѣны ихъ достать не могъ; а по ужасной пошлинѣ у насъ на мебели, фарфоръ, вины и кареты, конечно-бъ мнѣ оное весьма тягостно было. Впрочемъ я заранѣе ручаюсь, что во всемъ экипажѣ моемъ и людей моихъ ничего конечно не найдется, что́ бъ могло служить къ продажѣ, а только то, что́ въ домѣ было у меня въ употребленіи, а вина только остатки провизіи, которую мы здѣсь въ обыкновеніи заготовлять года на два. Я надѣюсь, что ваше сіятельство сіе мое прошеніе найдете справедливымъ; ибо въ мѣстахъ нашихъ нельзя, чтобъ не чинить нѣкоторое излишество сихъ вещей и при отъѣздѣ продавать оныхъ безъ крайняго ущерба. И такъ если-бъ по возвращеніи въ отечество съ нихъ должную пошлину требовали, на основаніи какъ оную берутъ съ тѣхъ, кои домами въ Россіи живутъ, то конечно-бъ иностранныя коммиссіи довольно тягостны были. Въ Англіи, гдѣ крайняя строгость наблюдается въ таможняхъ, король самъ оныя платя для вещей ему привозимыхъ, министры его величества, при возвращеніи въ отечество, съ вещей ими употребляемыхъ во время ихъ коммиссіи, отъ всѣхъ пошлинъ освобождены. А по пребываніи ихъ въ Лондонѣ подвержены уже пошлинамъ, какъ и прочіе обыватели сего города. Впрочемъ если-бъ нашлось у меня что́ новаго въ экипажѣ или платьѣ, то и по справедливости уже съ того пошлины брать должно.

Наконецъ, позвольте мнѣ изъявить, ваше сіятельство, всю мою чувствительность за милостивое ваше оказа[illegible]е желанія меня скоро видѣть. Вѣрьте, милостивый государь, что я давно съ крайнею нетерпѣливостію ожидаю, дабы имѣть случай васъ персонально возблагодарить за всѣ ваши милости и снис-

хожденіи. Вы во мнѣ всегда найдете человѣка вамъ прямо преданнаго, и которой ничего такъ не желаетъ какъ быть въ командѣ толь добродѣтельнаго и остроумнаго министра, достоинства котораго вся Европа признаетъ; и если ваше сіятельство найдете меня не совсѣмъ излишнимъ, я за счастіе почту всегда служить и употребленъ быть подъ смотрѣніемъ вашимъ въ Россіи или внѣ государства и лучшимъ награжденіемъ и удовлетвореніемъ трудовъ моихъ почту я, если удостоюсь аппробаціи и продолженія милости вашей. Пребывая за всегда въ сихъ мнѣніяхъ, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію.

Графъ Александръ Воронцовъ.

Копія съ письма, писаннаго собственною Ея Императорскаго Величества рукою къ фельдмаршалу графу Салтыкову изъ Санктъ-Петербурга отъ 8-го Ноября 1768 года.

Возвратясь перваго числа Ноября изъ Сарскаго Села, гдѣ я имѣла оспу, во время которой мнѣ запрещено было производить дѣла, нашла я здѣсь полученное извѣстіе о зааресто-ваніи моего резидента Обрѣзкова въ Царѣ-Градѣ. Такой поступокъ не инако могъ мною принятъ быть, какъ объявленіе войны. И такъ нашла я за необходимое приказать нашему войску собраться въ назначенныя мѣста; команду же поручила я двумъ старшимъ генераламъ, то-есть главная армія князю Голицыну, а другая графу Румянцову. Дай Боже первому счастье отцовское, а другому также всякое благополучіе!

Естлибъ я Турокъ боялась, такъ бы мой выборъ палъ несумнѣнно на лаврами покрытаго фельдмаршала Салтыкова; но въ разсужденіи великихъ безпокойствъ сей войны я разсудила, не обременяя, поберечь лѣта сего именитаго воина, безъ того довольно имѣющаго славу. Я совершенно увѣрена, что на кого изъ моихъ генераловъ ни палъ-бы мой выборъ, всякой лучше будетъ соперника визиря, котораго непріятель нарядилъ начальникомъ. На начинающаго Богъ! Онъ

видитъ, что не я начала. Не первой уже разъ Россіи побѣждать своихъ враговъ; опасныхъ побѣждала и не въ такихъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ находится. И такъ какъ отъ Божескаго милосердія, такъ и храбрости моего народа всего добраго ожидать должна. Въ протчемъ остаюсь непремѣнно къ вамъ доброжелательная

Екатерина.

P. S. Въ пятыя сутки изъ Петербурга всѣ приказанія повсюду разосланы были. Изволь теперь судить, мѣшкатны-ль мы?

ЗАПИСКА ШВЕЙЦАРЦА ВАНЬЕРА

О ВОЛЬТЕРѢ И ОБЪ ЕГО КОНЧИНѢ.

Ваньеръ былъ съ дѣтства своего воспитанникъ и довѣренный секретарь Вольтера. По кончинѣ его онъ перевозилъ въ Петербургъ его библіотеку и пользовался пенсіею отъ нашего правительства, которая въ 1803 году продолжена была его вдовѣ. Нѣсколько писемъ его къ графу А. Р. Воронцову напечатаны въ V книгѣ этого изданія. Ваньеръ оставилъ послѣ себя памятныя записки и особое сочиненіе о Вольтерѣ. Графъ А. Р. Воронцовъ, лично знавшій Вольтера, былъ однимъ изъ горячихъ почитателей его дарованій. Тутъ онъ сходился въ мысляхъ съ Екатериною Великою (что у него бывало не часто). Нижеслѣдующая записка печатается съ подлинника. П. Б.

AMES ENFANS.

Récit du voyage de m-r de Voltaire à Paris, et de sa mort.

En 1777 m-r le marquis de Villette, dont on connaît les goûts et la conduite, se promenant un jour au vaux-hall avec une dame, fut rencontré par une demoiselle du monde, fort connue de lui. Elle lui dit en passant et en le touchant avec son éventail: „Adieu. Villette". Celui-cy, feignant de ne pas la connaître, passa sans lui répondre. Elle récidiva. Alors m-r de Villette la frappa avec une baguette qu'il avait à la main *).

Outrée de ce procédé, elle alla se plaindre à un officier Suisse qui alors était son amant. Celui-cy pour venger l'affront fait en public à sa maîtresse, fit avertir m-r de Villette de se rencontrer dans tel endroit et à telle heure, qu'il s'y rendrait pour avoir l'honneur de lui donner (quoique Suisse) une leçon de politesse envers les dames.

*) Plusieurs personnes prétendent que cette demoiselle assurait que m-r de Villette lui avait pris des diamants, et que l'ayant rencontrée, il lui demanda s'il était vrai qu'elle l'en accusât; que celle-cy ayant répondu que cela était très-vrai, m-r de Villette la frappa.

M-r de Villette, qui n'aime point ces sortes de choses, alla au rendez-vous trois heures avant celle que lui avait indiqué son adversaire, lequel ne s'y trouva pas. M-r de Villette revient sur-le-champ chez lui, fait son paquet, et part dans l'instant pour s'éloigner de Paris, sans être décidé où il irait, et s'il se rendrait à Marseilles ou à Genève. Il préféra malheureusement ce dernier endroit *).

Il vint, en septembre 1777 voir m-r de Voltaire à Ferney, chez qui il avait passé quelques jours il y a quatorze ans, lorsque son père, avec lequel il était brouillé, mourut (m-r de Voltaire fut obligé de lui prêter cinquante louis pour faire sa route jusqu'à Paris).

M-r de Voltaire l'engagea à venir loger chez lui; et quelque temps après m-r le marquis de Villevieille, ami de m-r de Villette, arriva aussi à Ferney.

Mad. Denis, nièce de m-r de Voltaire, avait, depuis deux ans, pris auprès d'elle, pour lui tenir compagnie et par commisération, une jeune demoiselle, fille de m-r de Varicourt, garde du corps, père de onze enfans.

Dès que m-r Villette fut arrivé, il dit qu'il voulait épouser m-lle de Varicourt, ce qu'il fit enfin, après avoir cependant tergiversé près de trois mois **).

---

*) Je tiens ce récit d'un homme très attaché à m-r de Villette, et témoin oculaire.

**) Il n'est point vrai, comme on l'a dit, et comme on l'a imprimé, que m-r de Voltaire eût jamais l'idée d'offrir une forte dot à la femme de m-r de Villette; cela eût même été ridicule, puisqu'il s'annonça comme jouissant de cent vingt mille livres de rentes; par conséquent il n'a point eu aussi la gloire prétendue de refuser. M-r de Voltaire et mad. Denis donnèrent seulement quelques diamants à la jeune mariée. M-r de Villette a même cherché à faire croire que sa femme et lui étaient parents de m-r de Voltaire.

Pendant ce temps, m-r de Voltaire composa sa tragédie d'Irène, et il en fit la lecture à messieurs de Villette et de Villevieille; après quoi il l'envoya aux comédiens de Paris par m-r le comte d'Argental.

On avait commencé d'assurer à m-r de Voltaire que la reine, monsieur, monseigneur le comte d'Artois, toute la cour, avaient la plus grande envie de le voir; et dès lors il arrivait continuellement à Ferney de prétendues lettres qu'on disait venir de Versailles et de Paris, remplies des choses les plus flatteuses et les plus agréables pour m-r de Voltaire de la part de ces personnes illustres et de celle du roi-même, pour l'engager d'aller à Paris.

Enfin, m-rs de Villette et Villevieille, mad. Denis et mad. de Villette firent tout ce qu'ils purent pour persuader m-r de Voltaire que sa tragédie tomberait s'il n'allait pas lui-même pour la faire jouer et conduire les acteurs *), que c'était l'occasion du monde la plus favorable, puisque la cour, suivant les lettres qu'on lui lisait, était si bien disposée à son égard; que ce voyage convenait à sa gloire et pour dissuader les trois quarts de l'Europe, qui étaient persuadés qu'il n'osait pas retourner dans le lieu de sa naissance **); qu'il consulte-

*) Il y avait alors une violente querelle entre m-r le marquis de Thibouville et Lekain, qui ne voulait pas jouer dans Irène. Celui-cy écrivit à m-r de Voltaire qu'il était résolu de se battre contre le marquis auquel m-r de Voltaire en fit part; mais Lekain étant mort quelque temps après, le different comique fut terminé. Cependant m-r de Voltaire avait été très-piqué de l'ingratitude de Lekain et de son refus. Cette ridicule aventure n'a pas peu contribué à notre départ pour Paris, et l'on saisit avec empressement ce prétexte pour redoubler les sollicitations.

**) Cette idée était si universelle que le roi de France lui-même en était persuadé, et le dit à m-r le prince de Beauvau, qui vint en parler à m-r de Voltaire, et qui le croyait aussi, comme il le lui avoua en ma présence. On assure que sa majesté fit compulser les registres des lettres de cachet.

rait à Paris m-r Tronchin sur sa santé; qu'étant presque obligé d'aller à Dijon pour un procès, il n'aurait plus qu'autant de chemin à faire, etc. etc. etc.

Toutes ces raisons, toutes ces sollicitations et ces manoeuvres déterminèrent enfin ce vieillard à entreprendre ce voyage. On convint que sa nièce, m-r et mad. de Villette iraient les premiers, que tous logeraient chez m-r de Villette, et que m-r de Voltaire ne resterait en tout que six semaines.

Ils partirent le 3 février 1778, et m-r de Voltaire avec moi le 5 à midy, sans autre domestique que son cuisinier.

La douleur et la consternation étaient dans Ferney lorsque m-r de Voltaire en sortit. Tous les colons fondaient en larmes, lui-même pleurait d'attendrissement; il leur promettait que dans un mois et demi sans faute, il serait de retour au milieu de ses enfans. Il est si vrai que c'était là son intention, qu'il ne mit aucun ordre à ses affaires, et n'enferma ni les papiers de sa fortune, ni ceux de littérature.

Nous allâmes coucher à Nantua. Etant arrivés à Bourg en Brésse, pendant qu'on changeait les chevaux, toute la ville se rassembla autour du carrossé, et m-r de Voltaire ne put même satisfaire à quelques besoins qu'en se fesant enfermer à la clef dans un magasin.

Le maître de poste voyant que le postillon avait attelé un mauvais cheval, en fit mettre un autre, et lui dit: „va bon train, crève mes chevaux, je m'en f...; tu mènes m-r de Voltaire“ *).

---

*) Ce propos énergique du maître de poste est une des choses qui ont le plus fait de plaisir et d'impression sur m-r de Voltaire dans tout son voyage.

De Nantua nous allâmes coucher à Sennecey, et le troisième jour à Dijon, où dès l'instant qu'il fut arrivé il alla voir quelques conseillers et le raporteur d'un procès qu'il soutenait pour mad. Denis. Plusieurs personnes de la prèmiere distinction vinrent pour le visiter, et payaient les servantes de l'auberge afin qu'elles laissassent la porte de sa chambre ouverte. Quelques-uns voulurent même s'habiller en garçons du cabaret afin de le servir à son souper, et de le voir par ce stratagème.

Le lendemain nous allâmes coucher à Joigny, et de là nous comptions arriver le même jour à Paris; mais l'essieu du carrosse se cassa. On envoya un postillon à Moret, qui y trouva m-r de Villette qui venait seulement d'arriver, et qui vint nous chercher dans son carrosse, après quoi il repartit avec sa compagnie.

Enfin le 10 février, vers les trois heures et demie du soir, nous arrivâmes à Paris.

A la barrière les commis demandèrent si nous n'avions rien contre les ordres du roi? „Ma foi, messieurs", leur répondit m-r de Voltaire, „je crois qu'il n'y a icy de contrebande que moi". Je descendis du carrosse pour que l'employé eût plus de facilité à visiter. L'un des gardes dit à son camarade: „c'est, pardieu, monsieur de Voltaire". Il tira le commis qui fouillait, lui répéta la même chose en me fixant; je me mis à rire. Alors tous regardant avec le plus grand étonnement mêlé de respect, prièrent m-r de Voltaire de continuer son chemin.

Il avait joui pendant la route de la meilleure santé; je ne l'ai jamais vu d'une humeur plus agréable; il avait été d'une gaieté charmante. Son grand plaisir était de faire tous ses efforts pour m'enivrer, disant

que puisque je ne l'avais jamais été, cela serait peut-être fort plaisant. Il reposait dans sa voiture, qui était une espèce de dormeuse, il lisait des moments, chantait, s'amusait à causer avec moi, et à me faire des contes à mourir de rire.

Immédiatement après être descendu à l'hôtel de m-r de Villette, il alla à pied chez m-r d'Argental, son ancien ami qu'il ne trouva pas, et s'en revint. M-r d'Argental arriva un moment après, comme m-r de Voltaire entrait dans sa chambre; il lui dit qu'on venait d'enterrer Lekain. M-r de Voltaire fit un cri terrible à cette nouvelle.

Le bruit fut bientôt répandu dans Paris que ce grand homme y était arrivé; dès lors le salon de m-r de Villette et la chambre à coucher de m-r de Voltaire ne cessèrent d'être remplis d'un monde prodigieux. Sa politesse extrême lui fit recevoir toutes sortes de personnes. Il disait à chacun les choses les plus agréables et les plus spirituelles. Tous le quittaient enchantés. Tous les feseurs de vers et de prose lui en adressèrent, et chantèrent son retour dans sa patrie.

Dès cet instant on forma le projet de le faire rester à Paris.

Le surlendemain de notre arrivée, m-r le marquis de Jaucourt vint mystérieusement avertir mad. Denis que le retour subit de son oncle à Paris avait occasionné beaucoup d'étonnement à Versailles. On ne put le cacher à m-r de Voltaire, à qui cela causa une grande surprise. On s'intrigua, on fit parler à mad. Jules de Polignac, intime amie de la reine; on engagea m-r de Voltaire à lui écrire; elle lui fit une réponse fort honnête; elle vint même le voir quelques jours après, et il fut un peu rassuré. Cependant cette

petite aventure laissa une forte impression dans son esprit, et lui fit faire des réflexions.

Les prêtres commencèrent aussi bientôt à murmurer. Le curé de St.-Sulpice chercha plusieurs fois de voir et de parler à m-r de Voltaire, mais il ne put alors y parvenir.

Le genre de vie que menait ce vieillard depuis son arrivée, était exactement contraire à celui qu'il avait embrassé à Ferney, où il était tranquille, n'y remplissant aucun de ces devoirs gênants de la société, ne voyant presque personne, jouissant en tout sens de la plus grande liberté, passant la plus grande partie du temps dans son lit à travailler, se promenant des moments dans ses jardins, dans ses forêts ou dans ses possessions, dirigeant lui-même les travaux de la campagne, goûtant le plaisir de créer et de voir prospérer sa colonie. Ce nouveau genre de vie, dis-je, lui fit bientôt sentir qu'il altérait sa santé; les jambes lui enflèrent de la fatigue de se tenir debout pour recevoir ceux qui venaient le visiter.

Un ex-jésuite, nommé l'abbé Gautier, lui écrivit pour lui offrir ses services spirituels si l'occasion s'en présentait. M-r de Voltaire le remercia par écrit. L'abbé vint le voir et laissa son adresse. Quand il fut sorti, je demandai à mon maître s'il était content de monsieur Gautier; il me répondit que c'était un bon imbécile.

Quelques jours après la visite de cet abbé, il vint un homme habillé en habit court de prêtre. Il me dit qu'il désirait ardemment de voir m-r de Voltaire, qu'il venait de quatre mille lieues. Cela excita ma curiosité. Je lui répondis que m-r de Voltaire était malade, et qu'il ne pouvait accorder que des audiences très-cour-

tes. Je demandai à mon maître la permission de lui présenter cet homme qui disait venir de si loin. „Eh bien, qu'il vienne un moment; il pourra peut-être m'apprendre quelque chose de nouveau“. Je retournai auprès de mon prétendu voyageur, et lui demandai son nom et sa patrie; il me répondit qu'il s'appelait l'abbé Marthe, qu'il était d'Italie, ce qui me causa de la surprise.

Cependant, je l'introduisis dans la chambre de m-r de Voltaire, qui lui dit d'abord: „Vous avez là, monsieur, un habit qui ne paraît pas être celui d'un homme qui vient de quatre mille lieues“. L'abbé lui répondit que ce n'était pas son habit ordinaire; ensuite il supplia mon maître de permettre qu'il l'entretînt en particulier. M-r de Voltaire me pria, ainsi qu'un serrurier qui racommodait une sonnette, de les laisser seuls. Je sortis et me tins à la porte, disant au serrurier d'y rester aussi; il me prit une grande palpitation, et mon premier mouvement fut de porter machinalement la main à mon couteau.

Un instant après m-r de Voltaire s'écria avec véhémence: „Ah, monsieur, que faites vous? Relevez-vous!“ L'abbé, s'étant mis à genoux, dit: „Monsieur, il faut que tout à l'heure vous vous confessiez à moi, et cela absolument; il n'y a point à reculer, je suis icy exprès; dépêchez-vous“.

— „N'êtes vous pas Provençal?“—„Non, je suis du Languedoc“, reprit l'abbé.—„Ce que vous faites prouve que vous êtes au moins de la lisière; allez-vous-en dans votre paroisse y remplir vos devoirs envers Dieu, et laissez-moi remplir les miens dans ma chambre“.

J'étais rentré sitôt que j'eus entendu l'exclamation de mon maître. Je vis cet homme à genoux, qui ne

voulait pas se relever, qui avait les yeux étincelants et furieux. Je le chassai avec violence de la chambre; il tenta plusieurs fois de revenir dans la maison, mais on l'avait consigné à la porte.

L'envie du curé de St.-Sulpice de parler à m-r de Voltaire, la lettre et la visite de l'abbé Gautier, l'aventure étrange de l'abbé Marthe, firent une singulière impression sur mon maître. Il soupçonna que tous agissaient de la part de l'archevêque, que les prêtres se remuaient et cabalaient contre lui.

Le célèbre Franklin vint avec son petit fils voir m-r de Voltaire, et il lui demanda sa bénédiction pour ce jeune homme qui se mit à genoux; il la lui donna en l'embrassant et en prononçant ces mots: „Dieu, liberté et tolérance". Cette scène fut très-attendrissante.

L'Académie Française lui fit une députation extraordinaire. Les comédiens vinrent aussi en corps; il leur dit: „Je ne veux désormais vivre que par vous et pour vous".

Il leur distribua les rôles de sa tragédie d'Irène; il eut une très-grande peine pour arranger tout ce tripot, et il fallut beaucoup de négociations. Enfin, il leur fit faire devant lui une répétition dans laquelle mad. Vestris fut très-peu complaisante pour m-r de Voltaire, et Brisard lui répondit, lorsqu'il lui enseignait comment il devait déclamer son rôle: „Il suffit, monsieur, que vous me le disiez pour que je ne le fasse pas".

Le 25 février, à midy et un quart, il me dictait de son lit; il toussa trois fois assez fort; je me retournai; il me dit: „oh oh! je crache du sang", et sur le moment il jaillit par la bouche et par le nez avec autant de violence que quand on ouvre le robinet d'une fontaine dont l'eau est forcée. Je sonnai; mad. Denis entra; j'é-

crivis un mot à m-r Tronchin; enfin toute la maison fut en alarme, et la chambre du malade remplie de monde. Il m'ordonna d'écrire à l'abbé Gautier de venir, „ne voulant pas", disait-il, „que l'on jetât son corps à la voirie". Je fis semblant d'envoyer ma lettre, mais je la gardai, afin que l'on ne dît pas que m-r de Voltaire avait montré de la faiblesse. Je l'assurai qu'on n'avait pu trouver l'abbé. Alors il dit aux personnes qui se rencontrèrent dans la chambre: „Au moins, messieurs, vous serez témoins que j'ai demandé à remplir ce qu'on appelle ses devoirs". Nous étions tous dans la plus grande consternation.

M-r Tronchin arriva bientôt; il tint le pouls du malade jusqu'au moment qu'il trouva convenable de le saigner. Enfin, après avoir perdu plus de trois pintes de sang, l'hémorragie diminua; il continua d'en cracher pendant vingt deux jours en assez grande quantité.

M-r Tronchin recommanda au malade de ne point parler, pria qu'on ne lui parlât pas, et qu'on ne laissât entrer personne chez lui. Il envoya une garde très-entendue, qui avait le plus grand soin de faire observer les ordonnances, et de faire retirer ceux que l'on amenait dans la chambre, ce qui déplut fort au maître de la maison et à la nièce du malade.

J'eus soin de faire coucher toutes les nuits un chirurgien auprès de m-r de Voltaire.

M-r de Villette, qui n'aimait pas m-r Tronchin, le critiquait continuellement et faisait sans cesse des plaisanteries sur la jeune garde. Il cherchait à donner au malade de la défiance sur son médecin; il courait, il écrivait aux autres membres de la faculté; il engagea m-r de Voltaire à exiger de m-r Tronchin de faire ve-

nir avec lui m-r Lory, ami de m-r de Villette, homme, il est vrai, très-instruit et très-aimable. M-r Tronchin lui écrivit sur-le-champ avec le plus grand empressement: m-r de Villette s'empara du billet, le garda, en écrivit un autre, afin de se vanter, comme il fit, que c'était lui seul qui avait fait venir m-r Lory, malgré m-r Tronchin, et sauvé la vie au malade.

M-r Lory trouva les ordonnances de son confrère très-bonnes, quelque chose qu'on pût lui insinuer pour dire le contraire. M-r de Villette avait la plus grande haine pour m-r Tronchin, et aurait désiré qu'il ne continuât plus de voir m-r de Voltaire. Cela était si violent que m-r Tronchin le prit un jour par le bras et le fit sortir de la chambre. Dès lors il se forma deux partis. J'ai été témoin des scènes les plus indécentes dans la chambre du malade dans le temps qu'il était encore en très-grand danger: on aurait dit qu'il y avait vingt paysans ivres prêts à se battre. On n'avait aucun égard pour les ordres du médecin, ni aux instances du malade, qui ne cessait de répéter qu'on le tuait. Je demandai en grâce à mad. Denis la permission de refuser la porte de la chambre à ceux même qu'elle y amenait; elle ne le voulut absolument pas, et me dit: „Oh! par ma foi“....

Chaque personne qui venait indiquait des remèdes, tous différents les uns des autres, et que souvent à force d'instances on faisait prendre, malgré les défenses de messieurs Tronchin et Lory. On parvint à faire renvoyer la garde que ce premier avait procurée. J'étais étonné qu'après tous les dégoûts possibles qu'on lui donnait, il continuât ses soins auprès de m-r de Voltaire avec la plus grande amitié. Mon coeur était navré de douleur de tout ce que je voyais.

On donna dans ce temps la première représentation d'Irène. Je fus témoin de la cabale violente contre cette pièce, dont les acteurs étaient la plupart habillés en abbés; mais leur voix fut étouffée par les acclamations extraordinaires. Il ne manquait à ce spectacle que le roi et l'auteur.

L'abbé Gautier étant venu un jour, fut introduit auprès de m-r de Voltaire, qui lui dit: „Il y a quelques jours que je vous avait fait prier de venir me voir pour ce que vous savez; si vous voulez, nous ferons tout à l'heure cette petite affaire". –„Très-volontiers", reprit l'abbé. Il n'y avait alors dans la chambre que m-r l'abbé Mignot, m-r le marquis de Villevieille et moi. Le malade nous dit de rester. Mais l'abbé Gautier ne le voulut pas. Nous sortîmes; je me tins à la porte qui n'était que de papier et n'avait point de loquet. M-r de Voltaire et l'abbé causèrent un moment, et celui-cy exigea que le pénitent lui donnât une rétractation de sa main, à quoi il consentit.

Je soupçonnai alors que le confesseur était un émissaire du clergé. J'étais au désespoir de la démarche qu'allait faire mon maître; je me frappais la tête contre les murs, mess-rs de Villevieille et Mignot accoururent vers moi et me demandèrent si je devenais fou? Je leur répondis que j'avais le coeur navré de douleur, parce que l'abbé Gautier allait faire signer un écrit à m-r de Voltaire, qui le déshonorerait peut-être.

Il m'appela pour lui donner de quoi écrire: il s'aperçut de mon agitation, m'en demanda la cause avec étonnement: je ne pus lui répondre.

Il écrivit lui-même et signa une déclaration dans laquelle il disait „qu'il voulait mourir dans la religion

catholique où il était né; qu'il demandait pardon à Dieu et à l'Église s'il avait pu les offenser".

Il donna aussi un billet de six cent livres pour les pauvres de la paroisse de St.-Sulpice, payable après sa mort.

Ensuite l'abbé Gautier nous fit rentrer, et nous dit: „M-r de Voltaire m'a donné là une petite déclaration qui ne signifie pas grand'chose: je vous prie de vouloir bien la signer aussi", ce que mess-rs Mignot et Villevieille firent sur-le-champ. Il vint à moi pour exiger la même chose; je le refusai. Il insista beaucoup. M-r de Voltaire regardait avec surprise la vivacité avec laquelle je parlais à l'abbé Gautier, auquel je répondis enfin, lassé de sa persécution, que je ne pouvais ni ne voulais signer, attendu que j'étais protestant. Et il me laissa tranquille.

Il proposa ensuite au malade de lui donner la communion. Celui-cy répondit: „Monsieur l'abbé, faites attention que je crache encore du sang; il faut bien se donner de gârde de mêler celui de Dieu avec le mien". Le confesseur n'osa répliquer; on le pria de se retirer, et il sortit.

Il est étonnant avec quelle espèce de lâcheté la plupart des prétendus philosophes, et de prétendus amis de m-r de Voltaire approuvèrent sa démarche et sa déclaration, sans même en savoir le contenu; lesquelles n'ont servi cependant à rien, comme on l'a vu à sa mort.

Le 28 février, étant seuls, je priai mon cher maître de vouloir bien me dire quelle était exactement sa façon de penser dans un moment où il me disait qu'il croyait mourir. Il me donna la déclaration suivante écrite et signée de lui:

„Je meurs en adorant Dieu, en aimant mes amis, en ne haïssant pas mes ennemis, et en détestant la superstition".

signé: „Voltaire".

Mad. Denis et les prétendus amis de m-r de Voltaire le persécutaient pour l'engager de se fixer à Paris. Il y avait une grande répugnance. Et comme il était très-mal logé chez m-r de Villette, où il lui fallait de la lumière à midy pour lire, on cherchait pour lui une maison à la campagne, sans pouvoir réussir. On en trouva une contiguë à l'hôtel Villette; mad. Denis donna sa parole, et une heure après son oncle lui ordonna de la retirer, parce qu'il voulait s'en aller à Ferney.

Elle était si désespérée de cette résolution, si enchantée de Paris où la gloire de ce grand homme rejaillissait sur elle; elle redoutait si fort de retourner à Ferney, qu'elle avait en horreur (m-r de Voltaire n'y voyant presque personne), que l'on remarquait sur son visage les divers mouvements de son âme, au point qu'elle était gaie quand on venait lui dire que son oncle n'était pas bien, et que la tristesse s'emparait d'elle lorsqu'il paraissait se porter mieux. Elle s'écria même une fois avec la plus grande douleur: „Est-il possible! Il va s'en retourner à Ferney, et je serai forcée encore de le suivre!" Cela était si fort que ses domestiques s'en apercevaient ainsi que moi à chaque instant. Elle me détestait parce que m-r de Voltaire ayant pour moi de l'amitié et de la confiance, elle se doutait avec raison, il est vrai, que je fortifiais par mes conseils l'envie qu'il avait de repartir pour Ferney.

Quand on voulut donner la quatrième représentation d'Iréne, il fit demander la pièce au souffleur, et

les rôles aux comédiens, afin que j'y portasse quelques corrections. Il fut bien surpris de voir que l'on avait corrigé son ouvrage à son insçu. Il fit avouer à sa nièce qu'elle y avait consenti. Il entra dans une si grande fureur contre elle et contre les correcteurs, que jamais, depuis vingt quatre ans, je ne l'avais vu dans un état si violent. Il donna un coup de poing sur l'epaule de mad.-Denis, qui la fit tomber sur un fauteuil, et dans les bras de celui qu'elle a épousé depuis. Lorsqu'on l'avait entendu venir dans le salon, on en fit promptement sortir m-r le comte d'Argental à qui il fesait les plus sanglants reproches. Personne ne voulait lui nommer les auteurs des vers ridicules que l'on avait mis à la place des siens *).

M-r d'Argental, qui l'écoutait d'une chambre voisine, rentra pour tâcher de se disculper, mais m-r de Voltaire le traita très-durement devant tout le monde; lui redemanda le Droit du Seigneur Corrigé, Agathocle, et les autres papiers qu'il lui avait confiés; força mad. Denis comme complice d'aller elle-même les chercher sur-le-champ chez m-r d'Argental, où elle fut obligée de se rendre à pied par la pluie. Tout cela ne servit pas à lui redonner de l'amitie pour son oncle.

Cette effervescence dura douze heures. Il avait encore son hémorragie. Je tremblais à chaque instant de le voir tomber mort, ce qui serait peut-être arrivé à un jeune homme qui se serait mis dans un pareil état;

---

*) C'étaient messieurs Thibouville, d'Argental, Laharpe, Villette, mad. Denis, etc. Il est bon de remarquer que toutes les pièces de théâtre que m-r de Voltaire envoyait à Paris, étaient toujours horriblement mutilées par ceux en qui il se confiait. On pourra en voir quelque chose dans sa correspondance avec m-r d'Argental, si tout est imprimé fidèlement.

cependant il ne s'en ressentit point, et son crachement de sang cessa quelques jours après. Je lui dis le lendemain devant m-r d'Alembert, que puisque cette aventure ne l'avait pas tué, il faudrait, quand on voudrait qu'il mourût, l'assommer avec une massue.

Pendant cette querelle dans le salon, il dit: „Pardieu, on me traite ici comme on n'oserait pas traiter le fils de Barthe" *). Il ignorait que m-r Barthe fût en ce moment dans un coin de la chambre. Sitôt que m-r de Voltaire en fut sorti, celui-là se mit à faire un tapage du diable; il voulait absolument avoir raison de la prétendue insulte qu'on venait, disait-il, de lui faire; il se faisait tenir à quatre, on ne pouvait le calmer. Je croyais à chaque instant qu'il faudrait que m-r de Voltaire se battît avec lui. On alla en rendre compte au malade, qui fut très étonné d'apprendre que m-r Barthe l'eût entendu. Il lui fit dire qu'il n'avait prétendu insulter ni son fils, ni lui, ni ses vers, pour lesquels il avait tout le respect qu'ils méritaient. Il vint l'en assurer lui-même, et ajouta: „Si on avait corrigé aussi ridiculement des vers de votre fils que les miens, l'auriez vous souffert? Voilà ce que j'ai voulu dire".

Tout fut terminé; on rit beaucoup, la scène avait été très-plaisante.

L'hémorragie étant arrêtée, le curé de St-Sulpice fut enfin introduit auprès de m-r de Voltaire. „Il parut être au désespoir de ce que l'abbé Gautier avait fait", dit-il, „à son insçu". Il ne fut question d'ailleurs que de politesses de part et d'autre.

Le malade étant enfin bien rétabli, nous allâmes à l'Académie Française, en attendant l'heure de la Comé-

---

*) C'est l'auteur de la comédie de l'Egoïste.

die. On lui fit croire que la reine y viendrait, mais elle alla à l'Opéra. Tout le monde a su par les relations, comment ce jour du triomphe de ce grand homme se passa. Jamais empressement ne fut plus grand. Nous pensâmes être étouffés au Louvre et à la Comédie, malgré les gardes qui nous ouvraient le passage, ainsi qu'à la sortie: on voulait au moins toucher ses habits; on montait sur son carrosse; une personne sauta par-dessus les autres jusqu'à la portière, priant m-r de Voltaire de permettre qu'il lui baisât la main, prit celle de mad. de Villette, et dit après l'avoir baisée: „Par ma foi, voilà une main encore bien potelée pour être celle d'un homme de quatre vingt quatre ans".

Mgr le comte d'Artois envoya le prince de Thénin dans la loge de m-r de Voltaire lui faire des compliments de sa part. C'est la seule nouvelle qu'il ait eue de la cour, excepté de m-r le duc d'Orléans, au spectacle duquel nous fûmes invités deux fois.

Certainement jamais un homme de lettres n'a eu un moment plus brillant; aussi il disait: „On veut m'étouffer sous des roses".

Cependant, je remarquai que tout cela n'avait pas fait sur lui toute l'impression qu'on aurait dû en attendre. Au contraire, lorsque je lui en parlais et lui témoignais ma surprise, il me répondait: „Ah, mon ami! Vous ne connaissez par les Français; ils en ont fait autant pour Jean-Jacques Rousseau; plusieurs même ont donné un écu à des crocheteurs pour monter sur leurs épaules afin de le voir passer, et on l'a décreté ensuite". Aussi, quand nous allions nous promener, et lorsqu'il voyait les Parisiens courir après son carrosse, il se mettait de très-mauvaise humeur, et ordonnait au cocher de nous ramener à l'hôtel.

Le triompe de m-r de Voltaire et tous ces applaudissements déplurent, nous dit-on, un peu à Versailles.

Cet empressement des Parisiens, ces honneurs dont on l'accablait, servirent de nouveau pretexte à mad. Denis, à tous les prétendus amis de ce grand homme, à la plupart des philosophes et gens de lettres, pour redoubler leurs efforts afin de l'engager à rester à Paris, d'abandonner Ferney où il avait la plus grande envie de retourner *), en l'assurant qu'il n'y trouverait que de l'ingratitude **), et dont on cherchait à le dégoûter. Ils se succédaient les uns les autres. Il paraissait ébranlé des moments, et l'on était au comble de la joie. Une couple d'heures après il persistait à vouloir partir; alors toute la cabale se réunissait et tenait continuellements des conseils pour trouver des moyens de le retenir. J'étais seul contre tous. On dit que c'était moi qui le portais à s'en retourner dans sa tranquille retraite, et l'on résolut à quelque prix que ce fût de me séparer de ce vieillard respectable qui m'avait élevé et servi de père, et à qui j'étais attaché depuis plus de vingt quatre ans.

---

*) Une preuve de cette envie est le billet qu'il écrivit de sa main à ma femme le 26 mars, conçu en ces termes: „Ma chère mad. Wagnière, votre lettre m'a touché sensiblement. Je vous remercie de tous vos soins. J'ai eu deux maladies mortelles à quatre vingt quatre ans, et j'espère vous revoir à Pâques; je vous embrasse de tout mon coeur vous et Mimi".

**) Son cocher, que j'avais fait venir pour nous reconduire, avait amené un très-beau chien que j'avais, que mon maître aimait beaucoup et qu'il appelait Fréron. Ce chien fit des caresses étonnantes à m-r de Voltaire. Il le fit monter chez mad. de Villette, et dit: „Vous voyez bien cependant que l'on me reconnaît à Ferney, et que j'y suis aimé". Les larmes lui coulaient des yeux. Dès l'instant on défendit de laisser rentrer ce chien à l'hôtel.

M-r Tronchin seul avait eu l'amitié courageuse de lui parler avec vérité. Il dit ces propres mots à m-r de Voltaire:

„Je donnerais tout à l'heure cent louis que vous fussiez à Ferney; vous avez trop d'esprit pour ne point sentir qu'on ne transplante pas un arbre de quatre vingt quatre ans, à moins qu'on ne veuille le faire périr; partez dans huit jours; j'ai une excellente dormeuse toute prête".—„Suis-je en état de partir?"—„Oui, j'en réponds sur ma tête", reprit m-r Tronchin. M-r de Voltaire lui prit la main, se mit à fondre en larmes, et lui dit: „Mon ami, vous me rendez la vie". Il était si attendri que son cuisinier, qui était présent, fut obligé ainsi que moi de sortir pour pleurer.

Il envoya visiter la dormeuse et m'ordonna d'écrire à Ferney pour faire venir sur-le-champ son cocher chercher son propre carrosse.

Mad. Denis ayant appris cette conversation de m-r Tronchin, l'en gronda beaucoup, et ne lui a point pardonné.

Plus ce vieillard montrait d'envie de s'en aller, plus on redoublait d'efforts pour le retenir. Il répondait qu'il reviendrait. On lui disait qu'il n'avait qu'à m'envoyer à Ferney, que je connaissais ses affaires aussi bien que lui. „Oui", dit-il, „je sais que Wagnière est un honnête homme; il est ma consolation, et je le regarde comme mon frère, mais il faut que je m'en retourne".—„Pourquoi cela, mon oncle?"—„Parce que j'adore la campagne, qu'elle me fait vivre; restez ici à vous amuser, vous qui la détestez". —„Qui vous a dit cela, mon oncle?"—„Mon expérience", reprit-il avec une espèce de fureur. Elle consentit à rester, et sortit désespérée.

Cependant, réfléchissant qu'il n'aurait pas été honnête à elle d'abandonner ainsi pour son plaisir ce grand homme à qui elle devait tout; qu'elle serait sans doute obligée bientôt de l'aller joindre, ses amis et elle lui proposèrent encore de lui procurer à la campagne une maison dans les environs de Paris, ou dans Paris même, plus agréable que son appartement. On lui en indiqua plusieurs, et enfin une très-jolie dans la rue de Richelieu, où il n'y avait encore que les murs avec un superbe escalier. Elle lui plut. Il voulait la faire finir pour que sa nièce pût l'habiter.

Il se tint plusieurs conférences pour trouver le moyen de me séparer entièrement de mon maître. On convint de me proposer de m'en aller à Ferney, de ne pas revenir, que l'on m'y ferait un sort heureux, et que l'on mettrait auprès de m-r de Voltaire une autre personne à ma place qui ne l'engagerait pas comme moi à partir. J'étais parfaitement instruit de tout ce qui se faisait et de tout ce qu'on disait.

Mad. Denis m'ayant demandé dans sa chambre, elle me fit la proposition dont je viens de parler. Je lui répondis: „Vous savez, madame, combien je suis tendrement attaché à m-r de Voltaire, que je le regarde comme mon père. J'ose croire que vous l'aimez aussi; jugez donc par votre propre amitié combien il en coûterait à mon coeur de me séparer d'un homme que j'adore; je ne le ferai pas, cela m'est impossible; et si on veut m'y forcer, je descends dans ma chambre me brûler la cervelle. Mais si mon maître a besoin que j'aille faire une course à Ferney pour ses papiers, je pars dans deux heures pour revenir sur-le-champ, et je vous déclare nettement que je ne me séparerai point de lui. Réglez-vous là-dessus". Et je sortis.

Voilà une des grandes marques d'amitié qu'on a données à ce grand homme. Est-il besoin d'autres preuves du peu d'interêt qu'on prenait à lui?

Mais hélas! ses derniers moments nous en ont fourni de plus cruelles encore.

Je suis bien loin de croire avoir plus de mérite qu'un autre; au contraire. Mais j'étais, par l'habitude réciproque, devenu nécessaire à ce vieillard, ainsi que par la connaissance que j'avais de ses affaires, de sa manière de vivre; par la confiance dont il daignait m'honorer, par les épanchements qu'il me faisait de son coeur, et par mon tendre attachement à sa personne.

Après notre conversation, mad. Denis parut un peu plus tranquille. Elle dit à son oncle que je consentirais d'aller à Ferney. Elle lui proposa un jeune homme à ma place, qu'elle protégeait et sur lequel elle pouvait compter; il le refusa, et m-r d'Argental se chargea d'en procurer un autre. Elle espérait que si une fois j'étais parti, on trouverait bien le moyen de m'empêcher de revenir.

M-r de Voltaire donna sa parole à m-r de Villarceau pour sa maison, et convint de l'acheter pour sa vie et celle de mad. Denis.

Malgré cela, il prit encore la résolution de vouloir venir passer, disait-il, seulement deux mois à Ferney *). Il avait même fixé le jour. Alors, pour dernière ressource, m-r de Thibouville **) écrivit à mad. Denis un billet, dans lequel il lui disait que tous les amis de

---

*) M-r le prince de Condé lui avait donné rendez-vous à Dijon à la tenue des états, et lui avait fait préparer un logement.

**) C'est le même qui a volé et vendu à cinquante louis d'or un des exemplaires manuscrits de la tragédie d'Irène.

son oncle croyaient devoir, par amitié pour lui, l'avertir que s'il s'en retournait à Ferney on allait lui faire défense expresse d'en sortir, et de revenir jamais à Paris; qu'ils espéraient qu'enfin m-r de Voltaire se rendrait à cette raison, puisqu'il avait rejeté toutes les autres; que m-r le duc de Praslin viendrait en conférer le soir avec elle, afin de tâcher d'arranger le tout comme l'on conviendrait.

Je l'ai tenu ce billet infernal *), rempli du plus horrible mensonge; je le regarde, et je l'appelle l'arrêt de mort de mon maître. C'était à Paris où les prêtres se préparaient à le persécuter, puisque même ils prêchaient déjà avec véhémence contre lui en chaire.

Quelques jours avant, je témoignais à m-r d'Alembert combien il était nécessaire que m-r de Voltaire, pour sa santé et sa tranquillité, retournât à Ferney; il me répondit: „Il ne s'en ira pas, je vous le promets. Pardieu, il n'est pas encore au bout". M-r De-la Lande me répondit aussi qu'on l'empêcherait bien de partir. M-r d'Alembert fit élire m-r de Voltaire directeur de l'Académie Française, ce qui l'obligeait de rester au moins trois mois à Paris.

M-r De la Lande vint avec tous les francs-maçons prier m-r de Voltaire de se faire recevoir dans leur société, ils lui firent signer son nom sur leur registre, fixèrent le jour pour sa réception. Je refusai, quoique franc-maçon moi-même, de l'accompagner: tant j'étais étonné et révolté des singulières et petites démarches que l'on faisait, qui toutes tendaient au même but de le retenir à Paris. Celle-cy attira du ridicule sur ce vieillard.

---

*) Je le trouvai dans les cendres de la cheminée à mad. Denis.

On eut enfin la cruauté de faire part à m-r de Voltaire de ce qu'avait mandé m-r de Thibouville. Il en fut singulièrement frappé et étonné. Il dit: „C'est l'effet que sur moi fit toujours la menace". Et dès ce moment il résolut de ne plus quitter Paris.

Pendant les dix jours qui suivirent, je le voyais sombre, inquiet; il me faisait continuellement des caresses à propos de rien; me disait: „Mon ami, vous êtes ma consolation; que ferais-je sans vous!" Et à chaque instant il paraissait vouloir me faire part de l'état de son âme.

On me demandait tous les jours si mon maître ne m'avait point dit d'aller à Ferney; il ne m'en parlait pas, et cela donnait de l'inquiétude. Je voyais avec la plus grande douleur la situation contrainte de mon cher maître, qui avait envie de m'ouvrir son coeur et qui semblait redouter ce moment.

Le 24 avril, m-r d'Argental lui envoya un homme qu'il lui présentait pendant mon absence. Cet homme vint me l'apprendre. Alors j'allai vers monsieur de Voltaire, lui demandai s'il était vrai qu'il m'envoyat à Ferney, et qu'il prenait cette personne à ma place? Il se leva avec impétuosité de son fauteuil, me sauta au cou, criant de toute sa force: „Ah! mon ami! mon ami! écoutez-moi, je vous prie, écoutez-moi!" Il me serrait dans ses bras, et nous fondions en larmes. Ensuite il me dit: „Je ne puis m'en retourner à présent à Ferney. Je vous supplie en grâce d'aller y faire un petit tour". Je lui dis que j'étais prêt à exécuter tout ce qui pourrait lui faire plaisir. Il me répliqua: „Vous m'avez empêché de dormir bien des nuits, parce que je craignais que vous ne m'aimassiez point assez pour vouloir quitter votre femme et vos enfans, et venir rejoindre votre

pauvre malheureux maître". Je le rassurai sur ses craintes.

Alors il me donna tous ses ordres par écrit et une procuration pour ranger ses affaires, fit arrêter ma place à la diligence de Lyon, où je devais passer pour lui envoyer de l'argent.

Le 27, étant seuls, il se tourna tristement vers moi, me tendit les bras, en me disant: „Mon ami, c'est donc après-demain que nous nous séparons, cela ne nous est pas arrivé depuis vingt quatre ans; je compte sur votre amitié et sur votre prompt retour". Il pleurait comme un enfant, et j'étais pénétré.

Le lendemain, à cinq heures du soir, il alla avec mad. Denis chez son notaire signer le contract d'acquit de sa maison; il ne resta qu'une demi-heure et y laissa sa nièce. En descendant de son carrosse il se jeta sur moi comme un homme désespéré, et qui a le pressentiment d'un grand malheur; il me dit: „Ah, mon ami, je viens d'acheter une maison et je n'ai acquis que mon tombeau".

Étant monté dans sa chambre, il se jeta sur un fauteuil, paraissant accablé d'une sombre douleur; il me dit qu'il voulait m'accompagner et me conduire lui-même à minuit jusqu'à la diligence. Je le refusai. Il s'assoupit; je sortis pour finir mon paquet; il se mit dans son lit tout seul et s'endormit jusqu'à dix heures et demie qu'il sonna. Me croyant couché, il dit à son cuisinier de venir de sa part me faire des compliments, me souhaiter un bon voyage et un prompt retour.

J'entrai dans cet instant et me jetai dans ses bras. Il me tint longtemps serré sans que nous pussions proférer une parole et fondant en larmes tous deux. Je lui dis enfin: „Puissé-je, mon cher maître, vous revoir

bientôt en bonne santé!"—„Hélas! mon ami", reprit-il. „Je souhaite de vivre pour te revoir et de mourir dans tes bras". Je m'arrachai alors des siens et me sauvai.

Telles sont les dernières paroles que j'ai entendu prononcer à ce grand homme, à cet être extraordinaire et bon, à mon cher maître, mon père, mon ami, qu'un destin fatal n'a pas permis que je revisse, et que je pleure chaque jour.

J'avais prié en partant une personne de la maison de me donner souvent des nouvelles de la santé de m-r de Voltaire, et j'appris à Lyon que le jour de mon départ il fut très-sombre et n'avait voulu voir personne.

Je lui fis tenir de Lyon quatre vingt mille francs par son banquier m-r Shérer, et vingt mille par m-rs Lavergne. J'adressai au premier seize cent louis d'or que je trouvai à Ferney.

Une couple de jours après mon départ, il alla à l'Académie des Sciences, où il fut reçu comme par tout ailleurs.

L'idée lui était venue d'engager l'Académie Française à refaire son dictionnaire. Il eut beaucoup de peine à faire passer son avis; il s'anima très-fort, ce qui parut un peu déplaire à ses confrères, mais principalement cette supériorité qu'il semblait être en droit de prétendre sur eux. Il prit en cinq fois, pendant cette séance, deux tasses et demie de café. On a induit en erreur sa majesté le roi de Prusse (et j'ai eu l'honneur de le lui dire) qui, dans l'éloge qu'il a fait de ce grand homme, prétend qu'ayant pris de suite cinquante tasses de café, cela lui avait allumé le sang et causé la mort. C'est sa nouvelle façon de vivre, s'est son séjour à Paris, c'est le chagrin intérieur qu'il éprouvait qui lui ont mis le sang en effervescence, ainsi qu'on

le voit dans le peu de lettres qu'il m'a écrites les premiers jours après mon départ.

Il avait promis de retourner deux jours après à l'Académie, mais il ne le put. Se promenant l'après-dîner, il rencontra mad. Denis et madame la marquise de St.-Julien la Tour Dupin, femme de beaucoup d'esprit, très-aimable, et qui lui était singulièrement attachée. Il leur dit que se sentant tout malingre, il allait se coucher. Deux heures après mad. de St.-Julien alla le voir, et trouva qu'il avait de la fièvre. Elle dit à mad. Denis qu'il faudrait envoyer chercher m-r Tronchin; celle-cy répondit que cela n'était rien, que le malade était accoutumé à se plaindre.

Mad. de St.-Julien, inquiète, revint encore vers les dix heures et voyant que la fièvre avait augmenté, elle témoigna son étonnement du peu de soin que l'on avait du malade; même réponse.

On envoya chercher un apothicaire chimiste, qui vint avec une liqueur. On proposa au malade d'en prendre; il se récria beaucoup, dit qu'il n'avait jamais fait usage de liqueur spiritueuse, et qu'il prendrait encore moins dans l'état où il se trouvait une drogue de chimie. Mad. de St.-Julien s'y opposa fortement. Cependant, à force d'instances, on engagea ce pauvre malheureux d'en avaler, l'assurant qu'il serait guéri le lendemain. Mad. de St.-Julien eut la curiosité de goûter de cette liqueur; elle m'a juré qu'elle était si violente qu'elle lui brûlait la langue, et qu'elle n'en put souper. C'est d'elle-même que je tiens tout ceci.

Le malade étant après cela dans une agitation terrible, écrivit à m-r le maréchal de Richelieu, et le pria de lui envoyer de son opium préparé. Mad. de St.-Julien et un parent de m-r de Voltaire insistèrent long-

temps auprès de mad. Denis pour qu'elle ne permît pas qu'il prit encore de l'opium, que ce serait certainement un poison pour lui; ils ne l'obtinrent point. Au contraire, m-r de Villette dit que le malade pourrait tout au plus être fou une couple de jours, que cela lui était arrivé.

On a prétendu qu'après lui avoir fait avaler une bonne dose de cet opium, la bouteille fut cassée, et le reste répandu; je n'ai jamais pu tirer au clair ce dernier fait: je sais seulement qu'ils se réunirent tous pour assurer au malade qu'il l'avait bue entièrement. M-r de Villette dit avoir vu m-r de Voltaire seul dans sa chambre, achever de la toute vider; mad. de St.-Julien lui répliqua alors qu'il était un grand misérable de n'être pas sauté sur lui pour l'en empêcher.

Quoique l'opium eût affecté le cerveau du malade, il écrivit lui-même une ordonnance, et envoya chercher des drogues chez cet apothicaire, quatre fois consécutivement dans une nuit*). On sent combien il peut être dangereux d'abandonner à lui-même un malade dans cet état, et combien il est facile de mettre une lettre, un mot pour un autre dans une pareille ordonnance, ce qui peut changer entièrement le nom et le genre des médicaments. Certainement, on doit avoir des reproches à se faire sur cet article au moins. L'apothicaire lui-même n'est pas excusable. Pourquoi n'avoir point fait tenir continuellement auprès du malade (comme je fis pendant son hémorragie) un médecin ou un chirurgien, qui l'aurait empêché de prendre ainsi des remèdes qu'on voyait faire un effet tout contraire à celui que le patient désirait? Mais....

*) L'apothicaire refusa enfin la 5-ème prise, mais il n'était plus temps.

Il n'y eut plus alors de ressource. Ce qu'on lui avait fait prendre porta à la vessie, occasionna une rétention d'urine et ensuite la gangrène. Le malade souffrait des douleurs inouïes. Les bains, les remèdes rafraîchissants que lui ordonna m-r Tronchin quand on l'eut appelé, ne pouvaient le soulager: tout fut inutile, le mal était devenu incurable. Il a été ainsi pendant vingt jours.

M-r de Voltaire alors sentit toute l'horreur de son état, comme il avait été trompé *), combien il avait eu tort de quitter sa douce retraite. Il ne voulut plus rien prendre et fit sortir tout le monde avec de vifs reproches.

Dès que sa maladie parut sérieuse il recommanda que l'on m'écrivît de revenir sans délai. Au lieu de cela, on fit au contraire les défenses les plus expresses de me donner avis de l'état où se trouvait mon maître **). Il ne cessait de me demander, et on l'assurait que je ne tarderais pas d'arriver. Il m'écrivit en présence de m-r Tronchin, mais on retint la lettre. Je l'ai appris de m-r Tronchin lui-même, quand à mon retour à Paris il me fit les plus grands reproches de n'être pas venu sur-le-champ auprès de mon maître; mais il fut bien surpris d'apprendre que ma lettre avait été interceptée.

---

*) Voyez les lettres qu'il m'a écrites; il me dit dans une ces propres mots: „Ah! qu'on m'a trompé!"

**) Je reçus trois lettres non signées et d'une écriture inconnue, dans lesquelles on me le mandait: on me suppliait de les jeter au feu, afin que ceux qui les écrivaient ne pussent pas être compromis. J'ai eu cette délicatesse, après cependant les avoir faites lire à leur réception à plus de vingt personnes. J'étais dans un état horrible, et loin d'avoir terminé les affaires pour lesquelles on m'avait envoyé, je n'osais les abandonner (ne recevant aucune nouvelle, ni aucun ordre) pour courir au secours de mon maître.

M-r Autran, agent de change à Paris, manda à m-r de Voltaire qu'il avait ordre de m-r Shérer de Lyon, de lui compter quatre vingt mille livres. Il lui écrivit qu'étant malade il le priait de lui apporter cet argent: il donna le billet à son cuisinier; mad. Denis le lui prit, et lui dit de répondre qu'il n'avait point trouvé m-r Autran, à qui le malade écrivit encore plusieurs autres billets qui ne purent parvenir, et il est mort dans l'idée que cette somme avait été volée.

Il écrivit aussi plusieurs fois à son notaire m-r du Tertre pour le prier de venir auprès de lui. Celui-cy ne reçut aucun des billets. Il supplia alors un soir mad. de St.-Julien d'aller elle-même le chercher; elle en fit part à mad. Denis qui lui répondit que m-r de Voltaire étant fou, elle ne devait point le faire. Le malade lui réitéra sa prière: elle le dit encore à mad. Denis qui fit la même réponse. Lorsque mad. de St. Julien rentra auprès de lui, voyant qu'elle n'amenait pas m-r du Tertre, il s'écria avec désespoir: „Ah grand Dieu! vous êtes donc, madame, comme tout le monde, vous me trahissez aussi"!

Il demandait en grâce son cocher pour sortir de cette maison; on empècha cet homme, qui pleurait au pied du lit, de se montrer à son maître; on voulut même le renvoyer à Ferney *).

---

*) M-r Racle, ingénieur établi à Ferney, ami de mon maître, qui se trouvait à Paris dans ce temps, ayant après plusieurs tentatives inutiles malgré ses prières, trouvé le moyen de s'introduire secrètement auprès de m-r de Voltaire, le trouva seul dans sa chambre, sortant du bain, mourant de froid. Il lui fit de grandes lamentations sur le peu de soin que l'on prenait de lui, et combien il était à plaindre de ce que j'étais absent; qu'il craignait que je ne fusse tombé malade aussi, ajoutant: „Ah! s'il avait été icy, je ne serais pas dans le triste état où vous me voyez".

Voilà une petite partie des consolations que monsieur de Voltaire a eues les derniers jours de sa vie.

La nuit du 24 au 25 may, à trois heures du matin, voyant que je n'arrivais pas, il dit au domestique de mad. Denis, qui le veillait, de m'écrire sous sa dictée une petite lettre, avec prière de tâcher de me la faire parvenir. Ce garçon le fit en cachette, en me suppliant „de ne pas le dire, qu'il serait perdu". J'ai encore sa lettre.

Le même jour, quand on vit que le malade était sans ressource, mad. Denis m'écrivit enfin, ainsi que son nevèu m-r d'Hornoy (voyez ces lettres-cy après). Je reçus ces lettres le 28 à midy, je pris la poste sur-le-champ, passai par Lyon, et j'arrivai à Paris le 1-r juin, à 8 heures du matin.

Dès le 26, on avait ordonné de préparer le carrosse de mon maître pour le mener enterrer.

Deux jours avant sa mort, m-r l'abbé Mignot alla chercher m-r le curé de St.-Sulpice avec l'abbé Gautier, et les conduisit dans la chambre du malade, à qui on dit que l'abbé Gautier était là.—„Eh bien", dit-il, „qu'on lui fasse mes compliments et mes remerciements". L'abbé lui dit quelques mots et l'exhorta à la patience.

Le curé de St.-Sulpice s'avança ensuite et demanda à m-r de Voltaire, en élevant la voix: „s'il reconnaissait la divinité de notre Seigneur Jésus Christ?" Le malade alors porta une de ses mains sur la calotte du curé en le repoussant et la lui couvrit de merde. Se

---

Je craindrais d'être accusé d'imposture si je racontais en détail l'abandon affreux et l'état misérable où s'est trouvé m-r de Voltaire les vingt derniers jours de sa vie; le coeur saigne de douleur et d'horreur.

retournant ensuite avec un geste violent, il répondit: „Laissez-moi mourir en paix". Le curé se fit laver et partit avec l'abbé. M-r de Voltaire s'écria: „Je suis donc un homme mort!" *).

Le 30 may 1778, à onze heures et un quart du soir, ce grand homme expira avec la plus grande tranquillité, après avoir souffert les douleurs les plus cruelles, suite du poison que son imprudence, et surtout celle de ceux qui l'entouraient, lui firent prendre. Dix minutes avant de rendre le dernier soupir, il prit la main du nomme Morand, la lui serra, et lui dit: „Adieu, mon cher Morand; je me meurs!" Voilà les dernières paroles qu'a prononcées m-r de Voltaire.

Sa famille, voyant qu'on lui refuserait la sépulture dans Paris, obtint de m-r Amelot la permission de transporter le corps pour être enterré à Ferney ou ailleurs. Elle fit viser la déclaration donnée à l'abbé Gautier, et le curé de St.-Sulpice accorda celle d'emmener le cadavre.

Comme on devait naturellement présumer qu'on le conduirait à Ferney, l'archevêque de Paris écrivit consécutivement trois lettres à l'evêque d'Annecy, pour qu'il défendît au curé de Ferney d'enterrer et de faire aucun service pour le défunt.

---

*) Dans le temps qu'il était à Ferney, il m'avait toujours dit, si lorsque je serai malade il se présente quelque prêtre, je vous prie de le chasser. Et même pour éviter ces cérémonies qui ne servent qu'à effrayer l'imagination des malades, et souvent à les faire mourir, j'avais par son ordre loué, sous mon nom, une maison en Suisse, à quatre lieues de Ferney, où il voulait se faire conduire pour y finir ses jours tranquillement dès qu'il se serait senti malade. Il m'avait aussi chargé expressément de le faire ensuite transporter de là à Ferney et l'enterrer dans sa chambre des bains, quoiqu'il se fût autrefois fait construire une espèce de tombeau adossé à l'église de Ferney.

On embauma le corps. Les chirurgiens qui firent cette opération, m'ont assuré n'avoir jamais vu un homme si bien constitué; aussi a-t-il lutté trois semaines. Les apothicaires, les chirurgiens se sont partagés sa cervelle, qu'il avait extrêmement grande. M-r de Villette obtint facilement de mad. Denis le coeur de ce grand homme.

On porta en cachette le cadavre habillé dans sa voiture, préparée déjà pour cela. Son neveu m-r Mignot, son petit-neveu m-r d'Hornoy, avec messieurs Marchand et de la Houllière, aussi parents, l'accompagnèrent jusqu'à l'abbaye de Scellières, à sept lieues de Troyes en Champagne, dont m-r Mignot est abbé.

On mit le corps mort dans des planches de sapin (on n'a pas sans doute jugé qu'il fût digne d'avoir un cercueil de plomb *). Il fut inhumé dans l'église: et quelques heures après le prieur reçut de l'évêque de Troyes défense d'enterrer m-r de Voltaire, mais la chose étant faite ce prieur fut destitué.

Grand Dieu! Monsieur de Voltaire! Toi être enterré dans une église de moines! Toi faire dans vingt siècles la réputation d'une abbaye où tes mânes reposent! Toi, homme extraordinaire qui devais être inhumé extraordinairement! Toi qui m'avais recommandé cent fois de te faire enterrer à Ferney dans ta chambre des bains, au milieu de la colonie fondée par ta bienfaisance, que tes cendres auraient seules soutenue! O mon cher maître! Reçois l'expression de mes regrets; tu es enterré dans le fond de mon coeur, tes mânes connaî-

*) Quand on proposa à mad. Denis de faire faire un cercueil de plomb à son oncle, elle répondit. „A quoi bon! Cela coûterait beaucoup d'argent".

tront ma douleur, car tu es immortel dans tous les sens. Si ceux qui devaient être touchés de ta perte t'ont sitôt oublié, ton petit serviteur au moins t'offre son hommage tous les jours par ses larmes; il l'ose joindre à celui qu'a daigné te rendre la plus grande Souveraine du monde, et qui par là ajoute encore ce genre de gloire à tous ceux dont elle s'est couverte. Que ton coeur qui l'a véritablement aimée et admirée, serait attendri en voyant tout ce qu'elle seule a fait pour ta mémoire de digne d'elle et de toi! J'ai été témoin de l'émotion que lui fit éprouver la vue de ton buste, et de l'hommage attendrissant qu'elle lui rendit.

Copie des lettres que mad. Denis m'écrivit.

25 may 1778, Paris.

Mon cher Wagnière, je suis dans une inquiétude mortelle. Mon oncle est tombé malade depuis que vous êtes parti, de sa strangurie. Elle a toujours augmenté, et la fièvre s'y est jointe. „Tous les accidents sont cessés *); mais il est d'une faiblesse si grande qu'elle nous effraye, et elle cause la même inquiétude à m-r Tronchin. . . . . .

Vous savez, mon cher ami, que je n'ai de confiance qu'en vous. Revenez, votre maître a besoin de vous; j'en ai besoin moi-même, apportez tous les papiers que vous pourrez, emballez les livres. Il vous demande avec impatience.... (icy des ordres particuliers indifférents).

---

*) Cependant vous aviez le matin donné les ordres de préparer le carrosse pour le mener enterrer. Il est bon, comme on voit, d'avoir de la prévoyance.

Je vais mander à m-r Christin d'aller vous trouver, et vous raisonnerez ensemble. Excepté m-r Christin je vous supplie de dire à mad. Wagnière de ne confier les clefs du château qu'à lui.

J'espère, mon cher ami, qu'à votre retour vous trouverez votre maître „en meilleur état" *). Nous faisons de notre mieux pour le fortifier. J'ai grand besoin de vous, car mon coeur emporte ma tête. Apportez tous les papiers d'affaires que vous pourrez: „c'est l'essentiel" **) et venez au plus vite. Vous connaissez mon amitié pour vous, elle est inaltérable. (Tarare).

Signé: Denis.

Le 26 may.

Mon cher Wagnière, mon oncle va beaucoup mieux ***) depuis hier, et j'espère que nous le conserverons; mais c'est à cause de cela même qu'il faut que vous reveniez le plus vite possible (icy des ordres particuliers indifférents). J'écris à Christin „que mon oncle va mieux", et j'espère que nous le conserverons encore longtemps.

Notre maison avance, elle sera prête au plus tard vers le 10 juin, mais nous ne pourrons peut-être y aller qu'à la fin du mois.

Mad. Cramer Bellon a trois volumes à moi de chansons de m-r de la Borde; je vous supplie de vouloir bien les lui demander et les apporter ****).

---

*) Vous vous êtes sûrement trompée, vous vouliez dire mort.

**) Oh, pour cela, j'en suis bien persuadé.

***) Voyez les lettres suivantes

****) Oh! je le crois.

Adieu, mon cher ami, je suis aujourd'hui bien plus contente qu'hier *); comptez sur mon inviolable amitié. Embrassez votre fille et votre femme pour moi, je voudrais bien qu'elles fussent à Paris.

Signé: Denis.

Tout cela est arrivé.

Je prie que l'on compare les deux lettres suivantes de m-r d'Hornoy, petit-neveu de m-r de Voltaire, écrites les mêmes jours que les deux cy-devant, et reçues en même temps; après quoi on fera les réflexions que l'on voudra.

A Paris, ce 25 may 1778.

Mon pauvre oncle, mon cher Wagnière, est dans l'état le plus fâcheux. Mad. Denis a dû vous mander son accident. L'effet de l'opium est passé, mais il a

*) C'etait sans doute pour accomplir la prophetie de m-r de Voltaire qui dans une épitre au maréchal de Villars disait:

Faites dire à m-r Dupuis que mon oncle „va mieux".

. . . . . .

Mais si quelque jour moi chétif
J'allais passer le noir esquif,
Je n'aurais qu'une vile bière.
Deux prêtres s'en iraient gaiment
Porter ma figure légère
Et la loger mesquinement
Dans un recoin du cimetière.
Mes nièces au lieu de prière,
Et mon janséniste de frère
Riraient à mon enterrement.
Et j'aurais l'honneur seulement,
Que quelque muse médisante
M'affublerait pour monument
D'une épitaphe impertinente.

laissé des suites cruelles. L'anéantissement est extrême. Il a un éloignement affreux pour tout ce qui pourrait le soutenir et le réparer; il ne veut point prendre de bouillon *). Tout ce que nous pouvons faire à force d'instances, de supplications, et même de propos faits pour l'effrayer sur son état, est de l'engager à avaler quelques cuillerées de gelée ou de blanc-manger; aussi sa faiblesse augmente, et elle est effrayante. Il vous désire vivement, moi surtout. Il m'a chargé de vous écrire pour vous presser de revenir le joindre. Ne perdez pas de temps. Vous auriez ici un spectacle bien cruel: mais peut-être auriez vous plus de crédit sur lui que nous. Il a assez de tête pour résister obstinément aux instances que nous faisons pour qu'il se nourrisse, et pas assez pour se rendre à la raison. Il est bien douloureux de voir un homme qui avait encore quinze ans à vivre, se tuer par son impatience. Vous partageriez ici, mon cher Wagnière, un spectacle bien déchirant, mais vous consoleriez peut-être les derniers moments d'un homme que vous aimez, qui vous aime beaucoup, et dont je partage bien les sentiments qu'il a pour vous.

D'Hornoy.

Paris, 26 May 1778.

Les nouvelles, mon cher Wagnière, sont toujours plus fâcheuses, et le deviennent tous les jours de plus en plus. La faiblesse augmente de jour en jour. L'impossibilité de faire prendre à mon malheureux oncle de la nourriture s'accroît encore. Ce serait se faire illu-

*) Que n'avait-il fait ainsi toujours!

sion que de conserver de l'espérance *). Il est affreux de lui voir terminer ainsi une carrière aussi brillante dans l'instant où il a le plus joui de sa gloire. Malgré son âge, cette carrière pouvait encore se prolonger; il l'a abrégée par son impatience **). J'adresse cette lettre à votre femme, parce que j'imagine que vous serez parti sur ma précédente. Si vous ne l'êtes pas, partez toujours; ce qui lui reste de tête est pour vous désirer. Il est fort douteux que vous arriviez à temps, mais au moins s'il vit encore, vous adoucirez un peu ses derniers moments. Adieu, mon cher Wagnière; je suis navré: je sais combien vous serez affligés l'un et l'autre; vous perdez un homme qui avait pour vous bien de l'amitié. Si celle que vous trouverez dans sa famille peut être un adoucissement, vous êtes sûr de la trouver ici.

D'Hornoy.

Ayant (comme j'ai déjà dit) reçu ces lettres du 25, que je viens de rapporter, je partis sur-le-champ pour me rendre auprès de m-r de Voltaire à Paris, où j'arrivai le lundy 1-er juin, à 8 heures du matin. Je ne me doutais guères qu'une des voitures que je rencontrai la nuit et qui couraient la poste, contenait le corps de mon maître mort. Personne à la barrière, où j'accusai des papiers et des effets de m-r de Voltaire, ne

---

*) On l'a un peu aidé, mais ce n'est pas vous; au contraire, je vous dois cette justice.

**) Mad. Denis m'écrivait cependant dan le même moment: „que son oncle allait mieux“, et qu'elle était bien plus contente. Il est vrai que m-r de Voltaire étant mort le samedy soir, elle ne l'avait pas revu depuis le mardy matin qu'il lui fit tant de reproches.

m'apprit cette nouvelle; je ne la sus que par le portier de m-r de Villette.

Toute personne qui a l'âme sensible, et qui a été véritablement attachée à quelqu'un, sentira l'état douloureux où je me trouvai dans ce moment; je tombai évanoui.

Malgré mon accablement, je voyais pour surcroît de peine que le peuple de Paris, dont quelques jours auparavant m-r de Voltaire paraissait être l'idole, ne prononçait pas plus son nom que s'il n'avait jamais existé. On sait que le gouvernement défendit de jouer ses pièces jusqu'à nouvel ordre. On m'avertit même de ne pas dire que j'avais été son secrétaire. Ce qui surtout me surprenait le plus, c'était la lâcheté de la conduite de sa nièce*).

Quand on apprit le contenu du testament du défunt, on en critiqua beaucoup les dispositions. J'ai entendu en France, en Allemagne et en Russie, plusieurs personnes le blâmer sur la somme modique qu'il m'avait accordée. Les papiers publics étrangers en ont parlé aussi d'une manière peu avantageuse pour sa mémoire. Ma reconnaissance exige que je rende ici justice aux intentions de mon maître à mon égard.

J'ose prendre à témoin mad. Denis elle-même, que son oncle craignait que s'il me procurait pendant sa vie une petite fortune, je ne le quittasse. Je n'avais que deux cents francs de gages par an, et ma femme cent; mais nous étions heureux et contents de notre sort pendant la vie de m-r de Voltaire.

---

*) Après être revenu de mon évanouissement, je courus comme en délire dans la chambre de mad. Denis, où je me roulai en poussant les hauts cris; la troisième question qu'elle me fit alors tranquillement fut: „*mon oncle a-t-il laissé beaucoup d'argent comptant?*“

Il me faisait toujours part de ses dispositions testamentaires; il voulait qu'à sa mort j'eusse vingt mille écus de ses bienfaits, y compris les huit mille livres portées sur son testament, qu'il me donnerait le surplus en billets de soi à mon ordre. Je les ai obtenus, mais je les lui rendis par délicatesse. Et quand il m'envoya à Lyon cinquante deux mille francs pour être un jour à ma disposition sur mes ordres, mon malheur a voulu que je n'aie pu être, comme il le désirait et malgré les instances, auprès de lui à sa mort, ni qu'il n'ait pu avoir son notaire, et par là il lui a été impossible d'exécuter ses bonnes intentions à mon égard; je ne lui dois cependant pas moins de reconnaisance, et le public devra lui rendre justice, et ne plus lui prodiguer le reproche d'ingratitude.

M-r de Voltaire voulait, par la modicité de la somme énoncée dans son testament, forcer mad. Denis sa nièce, dont il croyait l'âme noble et juste, d'avoir aussi la gloire de contribuer à mon bien-être et à celui de ses domestiques, puisqu'il la laissait son héritière universelle avec cent mille livres de rentes *).

Après avoir mis mad. Denis au fait de tout, je revins à Ferney chargé de sa procuration, y gérer ses affaires: elle me promit cinquante louis par an, et mon logement au château.

Trois mois après la mort de son oncle, nous reçûmes à Ferney la nouvelle que cette terre, qui devait rester perpétuellement dans sa famille, venait d'être

*) Elle hérita de six cent mille francs en argent comptant et en billets, outre des rentes et la terre de Ferney; m-r de Voltaire donnait à ses domestiques une année de leurs gages, et son héritière n'a voulu la payer qu'à une partie, tous les autres en ont été frustrés.

vendue au marquis de Villette pour deux cent trente mille livres. L'indignation y fut extrême, ainsi que dans les environs, surtout quand on apprit qu'elle avait refusé cette terre aux supplications de m-r d'Hornoy son neveu, qui la lui demandait aux mêmes conditions que m-r de Villette *). Cela fit renouveler les propos très peu honorables pour elle.

Je quittai alors la retraite qu'avait formée et habitée si longtemps monsieur de Voltaire.

Le nouveau seigneur en vint prendre possession en juillet 1779. Il y changea tout, fit vendre beaucoup de meubles, et presque tous ceux de la chambre de ce grand homme **), dans une armoire de laquelle il fit construire une espèce de petit tombeau de terre cuite vernissée, du prix d'environ deux louis, dans lequel il dit avoir déposé le coeur de m-r de Voltaire, ce qui n'est pas vrai. Il plaça dans cette chambre les portraits de l'impératrice de Russie Catherine 2, du roi de Prusse, et quelques autres en estampes, ainsi que sept cadres vides. Il fit mettre au-dessus du prétendu tombeau:

Mes mânes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous.

---

*) Son horreur pour ce lieu charmant créé par son bienfaiteur était si forte, qu'elle eut l'infamie de m'écrire dans sa lettre du 29 7-bre 1778 ces propres mots: „Je voudrais que le feu fût à Ferney". Elle les répète dans une à m-r Christin du 22 7-bre.

**) On voit avec serrement de coeur dans un cabaret de Ferney les portes mêmes de l'armoire de la chambre de m-r de Voltaire dans laquelle il renfermait ses papiers: m-r de Villette les a vendues au cabaretier, ainsi que son écritoire et ses flambeaux, et on peut juger par là combien la mémoire de ce grand homme est chère au nouveau possesseur de Ferney.

Et sur la porte de la chambre:

Son esprit est partout, et son coeur est icy.

L'auguste impératrice de Russie ayant bien voulu, par le canal de m-r le baron de Grimm (qui m'a servi comme de père) me faire appeler auprès d'elle, j'arrivai à Pétersbourg le 8 auguste 1779. Après avoir été longtemps à la mort, après avoir mis les livres et les papiers de m-r de Voltaire en ordre, le chagrin de la perte de mon maître altérant toujours ma santé, je fus obligé avec le plus vif regret de quitter cette princesse adorable, jusqu'à ce que ma famille et ma santé me permettent de retourner me jeter à ses pieds. Je m'en revins à Ferney comblé des bontés de cette souveraine *), qui outre l'argent qu'elle me fit remettre, a daigné m'accorder une pension viagère de quinze cents francs par an **). De sorte que c'est à elle seule que je dois d'être délivré de la crainte trop fondée que j'avais de ne savoir comment vivre avec ma femme et

---

*) L'héritière de m-r de Voltaire n'ayant voulu accorder aucune récompense aux domestiques de son oncle, son cocher qui l'avait servi dix-neuf ans, et qui l'avait soigné à son lit de mort comme il avait pu, se trouva très à plaindre; je le menai par commisération avec moi en Russie, et Sa Majesté Impériale, à la sollicitation de monsieur le comte Alexandre de Voronzof, a eu la générosité de le gratifier de cinq cents écus de France. O madame Denis! ne direz-vous jamais comme Mahomet: „Il est donc des remords!"

**) Je dois aussi la plus tendre et la plus respectueuse reconnaissance au respectable monsieur le comte Alexandre de Voronzof pour toutes les bontés qu'il a eues pour moi à Pétersbourg, pour l'intérêt qu'il a daigné prendre à ce qui me regardait, et pour tout ce qu'il a fait pour moi. Messieurs ses frères, messieurs de Besborodko, de Bacounine, de Lyof, de la Fermière, et tous les autres amis de mon protecteur son excellence monsieur le comte Alexandre de Voronzof, ont pénétré mon coeur, et y ont laissé de sincères sentiments par la manière dont ils ont bien voulu me recevoir.

mes enfans, après la sujétion et le travail les plus pénibles pendant plus de vingt quatre ans, et n'ayant aucun état pour gagner ma vie. Car deux jours après mon retour de Russie la nièce de m-r de Voltaire me fit dire qu'elle ne me donnerait point les cinquante louis qu'elle m'avait promis, outre un billet de six mille francs à elle donné pour moi par m-r Panckoucke pour récompense, dont elle s'est emparée. *Auri sacra fames...*

A mon arrivée à Ferney, je vis avec la plus vive douleur tout ce qui s'y était passé pendant mon absence. Je fus surtout bien étonné des singulières descriptions que l'on avait insérées dans les journaux, par le nouveau seigneur de ce lieu autrefois si respectable, toutes remplies de mensonges; de cette habitation d'un homme immortel, laquelle je ne puis jamais regarder qu'avec le plus grand serrement de coeur, et qu'en versant un torrent de larmes.

Telle est, mes chers enfans, dans la plus exacte vérité, l'histoire des derniers jours de monsieur de Voltaire, et les causes du chagrin que vous voyez me tourmenter tous les jours. Vous l'adoucirez si vous vous rendez dignes d'oser vous vanter d'être nés dans la maison et sous les yeux de ce grand homme. Je dois l'espérer, puisque je vous vois déjà partager ma sensibilité et ma reconnaissance pour mon auguste bienfaitrice, et pour tous ceux qui s'intéressent à mon sort, ainsi que ma vénération pour m-r de Voltaire, qui daignait quelquefois s'amuser avec vous de vos petits jeux et de vos discours enfantins.

О весьма нужно-спасительномъ огражденіи дворянскихъ родовъ отъ примышляемаго отъятія у нихъ земель и деревень изъ спокойнаго ихъ владѣнія.

Здѣсь говорится о земской давности, на основаніи которой должны разрѣшаться споры и тяжбы между помѣщиками объ имѣніяхъ. Чьи это мысли, не видно; но почеркъ нѣкоего Моисеева, дѣльца, отъ котораго сохранилось нѣсколько писемъ къ графу А. Р. Воронцову. П. Б.

Нѣтъ нужды заимствовать стороннихъ и домашнихъ каковыхъ-либо примѣровъ въ томъ, сколь всякому благоустроенному государству и дворянству нужна безопасность на владѣемое издавна ихъ предками (а по нихъ и самими ими) недвижимое имущество, чтобы оно, переходя изъ рода въ родъ, никогда, ни у кого, посредствомъ подборныхъ примышленій, тѣмъ паче развратныхъ истолковываній, выводами силы древнихъ законовъ, какъ коронными начальствами, такъ и по просьбамъ семействъ пользующихся дворянскимъ правомъ (таковыхъ, кои тѣхъ недвижимыхъ, ни сами, ни ихъ предмѣстники не имѣли никогда во владѣніи) ни подъ какою завѣсою не могло быть отъято, исполненно къ тому раззорительными исковъ свершками *) и невинно доводимо до владенія цѣлыми фамиліями въ сущую нищету. Ибо всякому благомыслящему ощутительно, гдѣ въ имуществѣ владѣнія господ-

*) Свершки, старинное слово, вмѣсто проценты. П. Б.

ствуетъ безопасность, тамъ свободу-любящее правомыслiе. твердость и въ возложенномъ правосудiи негибкая повѣренность. по мѣрѣ одаренiя отъ натуры разсудка, несомнѣнно лучшее обиталище находятъ и справедливую свою силу пріемлютъ. Гдѣ-же опасность отъятiя необезпилена, тамъ одни по необходимости (дабы удержать спокойно число фамильнаго землямъ и деревнямъ владѣнiя), а другiе не токмо сами, но предки ихъ, не имѣя и не владѣя никогда, для единственнаго пріобрѣтенiя отнятiемъ у владѣющихъ, натяжно примышляемыми къ своей сторонѣ истолковываниями силы древнихъ законовъ и происками чрезъ сопомощниковъ и совѣтователей, не внемля жалости собрата своего невинно раззоряющагося и фамильнаго его стона и вопля, предоставятъ себя не къ твердости правомыслiя и настоятельнаго исполненiя ввѣреннаго правосудiя, а къ однимъ только лакомымъ на угожденiя и низко-ласкательнымъ гибкостямъ и происканъ у тѣхъ, отъ кого въ предпрiятiяхъ своихъ на отъятiе земель и деревень вспомоществующiя опоры находить будутъ. Горе творящимъ и терпящимъ сей соблазнъ, разрушающiй общую дворянскую безопасность и спокойствiе.

Древности время до царя Михаила Ѳеодоровича, и при немъ и по немъ, доказываетъ ясно, что, по мало-имѣнiю тогда противу нынѣшняго населеннаго народа, не токмо корона и дворянскiе роды не имѣли ни малѣйшей нужды въ земляхъ и лѣсахъ, по причинѣ, что тогдашнее множество земель лежали впустѣ, и неисчислимое количество лѣсовъ обитаемо звѣрями, кои преобращены уже трудами дворянскими цѣлымъ вѣкомъ расчисткою въ засѣваемыя поля, но получали еще въ награду за число расчистное не одно только тѣхъ мѣстъ населенiе, но и за каждую десятину по 2 и по 3 рубля денежнаго награжденiя, съ присовокуплепiемъ къ тому и

льготы крестьянамъ отъ всѣхъ ихъ податей, на 2, на 3, на 5, на 10-ть и на 15 лѣтъ *). А потому дворянскіе роды, по мѣрѣ пріумноженія крестьянъ, не имѣя ни отъ короны взыскуемыхъ притязаній, ни отъ сторонннхъ дворянскихъ родовъ на тѣ земли никакого присвоенія и просьбъ, поселенія и переселенія на земляхъ занимали, селили, расчищали и распахивали земли цѣлымъ столѣтіемъ. Переходя же оно на таковомъ положеніи изъ рода въ родъ, наслѣдствомъ, дачею въ приданое и продажами, пользовались всѣ спокойно, не опасаясь у нихъ и у потомства отъятія.

Потомъ, по истеченіи множества лѣтъ спокойному и безопасному владѣнію, когда потомство, умножая свое семейство, и мыслить не могло объ отъятіи наслѣдственнаго ихъ спокойнаго владѣнія, наступило время новѣйшему присвоенію и отъятію изъ спокойнаго долголѣтія, отъ коронныхъ мѣстъ въ видѣ названія казенными, а отъ потомства дворянскихъ родовъ, таковыхъ коихъ предки, и сами просители, никогда во владѣніи не имѣли, и прозебъ о принадлежности нигдѣ своимъ вѣкомъ не подавали, отъискиваніемъ: одни, утверждая предкамъ своимъ предъ предками, на кого просятъ, принадлежность; а другіе видами насильнаго поселенія и завладѣнія, лѣтъ за 30-ть, за 50-тъ, за 70-ть, даже и за 100, съ присовокупленіемъ завладѣнію исковъ, такъ что потомство владѣющихъ на кого просятъ, за потъ и кровь, труды и службы ихъ предковъ, суммы взыскуемой коронным мѣстомъ, а просящихъ потомству, и всѣмъ имуществомъ, какое наслѣдство досталось и службою пріобрѣтено, удовлетворить не въ

*) О семъ видно изъ указовъ 142-го и 150-го годовъ да въ Уложеніи 17-й главы въ 27-мъ пунктѣ; и въ Писцовомъ 182-го года Наказѣ, въ 39-й статьѣ.

силахъ; умалчивая о невинномъ отъ того бѣдственномъ потомству цѣлыхъ фамилій раззорительномъ разрушеніи.

Изъ сего жадаемаго корысти источника, вмѣсто миролюбія и спокойствія, произрастились неисчислимыя по временамъ ябеды, ссоры и вражды, оставляемыя потомству отъ одного рода къ другому. По мѣстамъ же учрежденнымъ подъ разными видами умножались (а довольно и нынѣ) тяжбы, говореніе судовъ, и по рѣшеніямъ нижнихъ мѣстъ переносъ изъ мѣста въ мѣсто дѣлъ на апелляцію: одни владѣніе сберегая и отъ исковъ себя освобождая, а другіе отъятія земель и исковъ достигая. По обѣ стороны, вмѣсто благословеннаго семейнаго обогащенія жатвою, и вмѣсто миролюбнаго и спокойнаго сожитія, отъ приказныхъ хлопоть и издержекъ, протяженіемъ времени, въ награду потомству оставляли и оставять одно только убыточное положеніе и ненавистное одного къ другому немиролюбіе, такъ какъ уподобляющееся сему не вдавнѣ живымъ примѣромъ и случилось, а именно.

Князь Михаилъ Никитичъ Волконской, управляя Москвою, нашелъ по вотчинной архивѣ, что, за протеченіемъ уже слишкомъ ста лѣтъ, оказалась въ виду помѣстная дача земли, данная въ окладъ князю Волконскому въ Тульской губерніи по Черпской дорогѣ на Патрикѣевскомъ отвершкѣ, которою землею ни онъ, ни предки его, ни самой тотъ, кому въ окладъ была назначена, не владѣли и не имѣли (можетъ для того, что тотъ, кому въ окладъ была назначена, по худобѣ того времени земли, или по малости дачи, брося и не отказывая за себя, получилъ себѣ въ окладъ по мѣстному приказу, умолча о первой дачѣ, въ другомъ мѣстѣ лучше). Развѣдавъ же и найдя, что земля Патрикѣевскаго отвершка цѣлымъ вѣкомъ была и есть въ спокойномъ владѣніи рода Исленьева, переходя по степенямъ наслѣдства,

дошла до владѣнія отставного гвардіи ротмистра Василія Исленьева. по могуществу управленія Москвою и по званію мѣста засѣданія, назвавъ того Волконскаго своимъ предкомъ, возжелавъ ту дачу и съ примѣромъ, и съ искомъ, отъ Исленьева къ себѣ получить. произвелъ о семъ просьбы, а Исленьевъ споры. Годами сіе разбирали; а напослѣдокъ въ пользу князя Михаила Никитича бывшая Межевая Канцелярія, или лучше сказать тогдашній во оной совѣтникъ Александръ Самоиловъ, а потомъ и 6-й департаментъ хранилища законовъ *), съ прикомандированнымъ нарочно для пропуску сего дѣла изъ Синодской Конторы тогдашнимъ прокуроромъ (а нынѣшнимъ отцомъ спосажденнымъ) господиномъ Рожновымъ рѣшили и землю изъ владѣнія Исленьева всю князю Михаилу Никитичу отдали. А онъ, получа всѣ земли, тѣмъ самымъ имѣя уже по отдачѣ владѣніе годами, не токмо Исленьева съ женою и съ тремя дѣтьми до скудости довелъ, но и слишкомъ 900 душъ деревню, по которой къ нему безъ остатку земли отошли, не оставя пашни и посѣва ни на квасъ, оголодилъ; и крестьянъ годами, до времени по особенному высочайшему повелѣнію поворота. по міру пустилъ. Самъ же, владѣя всѣмъ, лѣса порубкою на продажу между тѣмъ опустошилъ. Исленьевъ, имѣя жену и троихъ дѣтей, коихъ всѣхъ безнужное содержаніе было отъ одной только той деревни. подавъ къ высочайшимъ рукамъ просьбу, и по ожиданіи на то повелѣнія, не дождавшись поворота, не перенесъ сей горести, чѣмъ и жизнь кончилъ А возвращено уже послѣ него съ превеликими затрудненіями дѣтямъ его; они же. найдя лѣса опустошенные, рады хотя тому, что чрезъ многіе годы на силу землю свою достали, и мужикамъ есть уже земля на чемъ пахать.

*) Т. е. Сената. Отцы спосажденные—сенаторы. П. Б.

Въ награду же обоимъ симъ родамъ между собою осталась на предъидущія времена ненависть и непримиримость во отысканіяхъ опустошеннаго и въ болячкѣ потери жизни отца Неленьевыхъ отъ отъятія тѣхъ земель.

Вотъ плоды горестные отъ опасности отъятія.

Безсмертныя памяти императоръ Петръ Великій въ 1714-мъ году Марта 23-го, усугубляя къ владѣльцамъ земель и деревень монаршую свою милость, желая сдѣлать ихъ всѣхъ навсегда спокойными владѣтелями, узаконилъ: «Если кто, имѣя «и крѣпости, не только на какую-либо часть земли, но и на «цѣлыя деревни, по ими не владѣетъ, а владѣютъ другіе, «тогда имѣющимъ право о возвратѣ быть челомъ въ годъ и «въ два. А кто въ сіе время не возвратитъ, то тѣмъ деревнямъ и землямъ быть за тѣми людьми, кто ими владѣютъ не «возвратно» *).

Сіе святое узаконеніе и донынѣ не токмо ни чѣмъ не отмѣнено, но еще владѣющею нами премудрою нашею Законодательницею, въ 1761-мъ году Апрѣля 26-го, по спорному дѣлу Милославскаго съ княжною Шаховскою, подтверждено, и именно сими рѣчьми сказано: *Пункты хотя и отставлены, но въ одномъ только первенствѣ, а впрочемъ во всемъ имѣютъ свою силу.*

Казалось бы изъ-за таковаго обнародованнаго яснаго законоположенія, когда бъ точность силы его была исполняема, мѣстамъ судебнымъ затрудненія въ рѣшеніи не навлекалось; а просителямъ, желающимъ отъятія у собрата своего изъ спокойнаго долголѣтняго владѣнія земель и деревень, поводы пресѣчься могли, и остались бы каждой миролюбно при

---

*) 10-й пунктъ сего указа 1714-го года Марта 23-го въ указной книгѣ на 9-й страницѣ.

спокойномъ своемъ владѣніи; но къ сожалѣнію, все то человѣколюбивое, пресѣкающее вражду, законоположеніе оставалось и остается донынѣ безъ дѣйства: ибо къ рѣшеніямъ подъ выписками сего пункта не выписываютъ, почитая многіе отличнымъ высокоумiемъ, такъ какъ бы не приличествовало къ дѣлу; а просители потомства предковъ своихъ, не видя препоны, подъ предлогами древнихъ окладныхъ предкамъ ихъ помѣстныхъ дачъ и видами насильнаго завладѣнія, просьбы свои расширяли и расширяютъ; и чрезъ то раззоренiемъ ближняго достигаютъ исковъ и отъятія таковыхъ земель, коими ни предки, ни они, не владѣли, и во весь вѣкъ отъ предковъ ихъ жалобы и споровъ о принадлежности не подавано.

Когда-жъ сила разсудка людей превышаетъ и самый законъ, тогда хоть златыми буквами узаконеніе напиши, да останется равно безъ исполненія; ибо законъ молчитъ и книгою спокойно лежитъ, а люди говорятъ и дѣйствуютъ.

Напослѣдокъ, и всеавгустѣйшая наша Монархиня, матерь отечества, неусыпно пекущаяся о благѣ своего народа, желая доставить всѣмъ не токмо одно миролюбное спокойствіе, но и обогащеніе каждаго, чѣмъ только смертный наслаждаться можетъ, изливая неоскудно материя свои милосердія, манифестомъ 1775-го года Марта 17-го всемилостивѣйше повелѣть соизволила: «Всякаго рода преступленія, коимъ десять «лѣтъ прошло, и чрезъ таковое долгое время они не сдѣлались гласными и по нихъ производства не было, всѣ таковыя дѣла отнынѣ предать, если гдѣ объ нихъ взыскатели, истцы или доносители явятся, вѣчному забвенію» *). Пополнилъ сіе тогда-жъ въ прояснение судебнымъ мѣстамъ и Пра-

*) На сіе вѣчное забвеніе, манифеста 1775 го года Марта 17-го, статья 44-я.

вительствующій Сенатъ разосланными указами, слѣдующими рѣчьми: «Какъ-де можетъ легко случиться, что въ теченіи «прошедшаго времени были уже таковыя дѣла, по которымъ «взыскатели, истцы или доносители явились послѣ десяти «лѣтъ, а производства по симъ дѣламъ ни прежде, ни послѣ «не было, слѣдовательно-де и оныя подлежатъ таковому-жъ «забвенію».

По симъ обоимъ яснымъ неисчерпаемой монаршей милости обнародованіямъ, гдѣ уже всякой взыскатель, истецъ и доноситель, въ примышляемыхъ себѣ отъ другаго присвоеніяхъ тунѣ оставлены. казалось бы не токмо столѣтіемъ населявшіе и спокойное казенныхъ и дворянскихъ земель владѣніе имѣвшіе, погрѣшившіе предки, но и поздніе ихъ потомки, съ протеченіемъ отъ противной стороны на принадлежность десяти-лѣтняго промолчанія, генеральною всѣмъ къ спокойствію общему милостію, погрѣшеніямъ своимъ рѣшительной и не подверженной опасности конецъ получили. Но и сіе въ существѣ исполненія, относительно населенія и владѣнія земель, правомъ свыше десяти-лѣтняго промолчанія, не содѣйствуетъ. и на таковыя поземельныя дѣла подъ выписками взыскуемыхъ просителей сего указа не выписываютъ, пріемля на счетъ непринадлежности. Здѣсь повторительно сказать можно, когда жадающіе корысти собрата своего просители, а вь слѣдъ за ними и многія нижнія судебныя мѣста, въ видѣ казнѣ прибытка, на земли по одному только названію ихъ казенными, никогда и нигдѣ, въ древнія и послѣдующія времена не измѣряемыя, станутъ дѣлать во отбираніи и искахъ притязанія, а не будутъ повсюду одинакими мыслями вникать въ прямую точность словъ и силы издаемыхъ узаконеній, и за то имѣть опасенія приличнаго себѣ воздаянія: тогда хоть Цицерона со всѣмъ его краснорѣчивымъ языкомъ воскреси, и златыми

буквами пиши, равно безъ содѣйствія останется; а просители по таковымъ дѣламъ, жадающіе корысти, просьбами, исками, говореніемъ судовъ и взносовъ на апелляціи, съ обоюдными самимъ имъ отъ протяжныхъ приказныхъ хлопотъ знаменитыми убытками, и недостиженіемъ желаемаго, намножать и мѣста судебныя разсматриваніями и стараніями объ отъятіи затруднять не оставять. Вражда же и немиролюбіе одного рода къ другому предоставится, какъ и прежде, между ими въ потомство же.

Въ пресѣченіе таковыхъ съ раззореніемъ ближняго лакомыхъ гнилыхъ склонностей, и ко увѣрительной на всѣ времена издавна спокойно владѣющихъ, коронныхъ и дворянскихъ селеній, безопасности, на прозорливое, внемлющее слабостямъ человѣческимъ усмотрѣніе, подношу нижеслѣдующее.

1-е. Хотя бы гдѣ чьимъ предкамъ, въ древнія времена и послѣ, дачи земель въ окладъ и въ вотчину, или родовыя, наслѣдственныя и купленныя, и оказались; а сами тѣ предки одинъ по другомъ не владѣли и о поворотѣ на владѣющихъ въ судебныхъ мѣстахъ въ жизнь свою не просили: таковыхъ поздніе потомки, жадающіе отъ спокойныхъ потомствомъ же владѣльцовъ повороту земель и исковъ, вѣчно да молчатъ. Ибо, когда предки не владѣли и молчали, то и потомокъ, не получа въ наслѣдіе владѣнія, при томъ же предка своего молчаніи да останется.

2-е. Земли, равно и крестьяне бѣглые, даже съ населеніемъ отъ древности цѣлыми семействами, а отъ того и деревнями, издавна въ спокойномъ владѣніи были и есть, не у однихъ только дворянскихъ родовъ и ихъ собратій, но равномѣрно и дворянскія въ коронныхъ селеніяхъ; просьбъ же о поворотѣ изъ коронныхъ въ дворянскія, и о искахъ меньше въ виду, нежели между равными дворянскими другъ на друга ро-

дами: потому что на коронѣ отъискивать одни не смѣли и не смѣютъ; другіе же смѣльчаки, хотя бы и пустились, но неизвѣстность достиженія останавливала и остановляетъ; при томъ почитали и почитаютъ хлопотать тяжелѣ и долѣ, нежели на партикулярныхъ владѣльцевъ. Примѣръ сему живой былъ весьма въ недавнемъ времени отъ осмѣлившагося пуститься на таковую просьбу и искъ, въ жаданіи искомъ обогатиться, совѣтника Матвѣя Рудакова, который, начиная съ нижнихъ мѣстъ, многія лѣта хлопоталъ, потомъ по Сенату и свыше искалъ бѣглыхъ отъ его предковъ, поселившихся и причисленныхъ къ коронным, по названію экономическимъ; напослѣдокъ, по многолѣтнему истощенію имущества за симъ ходатайствомъ, возвращенія бѣглыхъ достигъ, но искъ за нихъ исчисляемой много-десятными тысячами, въ чемъ за убытки и хлопоты всю свою главную обогатительность почиталъ (не такъ какъ между дворянскими родами) отъ короны не заплоченъ, а въ виду заплаты на отдачу Рудакову въ сумму иска, расположено собирать въ казну въ каждый годъ по полтинѣ съ души съ числа одного того селенія душъ, въ которомъ бѣглые вѣкомъ жили и раждались; отдать Рудакову тогда, когда вся сумма собрана будетъ, что и составило ожидаемой имъ отъ короны обогатительной сей за искъ заплаты ожидать сборомъ полтинами, какъ всю сумму сполна соберутъ, по исчисленію времени сего сбора, чрезъ пять сотъ лѣтъ впередъ, а не прежде. Вотъ и разность за иски короннаго платежа, не въ сравненіи съ дворянскими родами, съ коихъ, не смотря ничало на раззорительное положеніе фамилій, искъ за всѣ годы сполна въ отдачу повсюду располагается.

3-е. Поелику, корона въ правѣ давняго владѣнія дворянскими землями и поселявшимися по временамъ ихъ бѣглыми крестьяны, равно и во всѣхъ крестьянскихъ выгодахъ, ни въ

чемъ преимущественно предъ дворянскими себя не отличала и ни отличаетъ; да и отличать, въ разсужденіи неравенственнаго уже тогда поселянамъ въ выгодахъ спокойствія, не удобно: а по сему судятся и судились, равно же какъ дворянскіе, одинакимъ судомъ и правомъ. Для сего и нужно нынѣ въ общее спокойствіе между коронными и дворянскими поселянами, на протекшія древнія и послѣдующія за тѣмъ времена, на жадающихъ корысти отыскиваніемъ невладѣемыхъ земель, и за то исковъ, также и бѣглыхъ крестьянъ, наложить вѣчное всего съ назначеніемъ времени забвеніе: чѣмъ обѣ стороны спокойно отъ неисчислимыхъ настоящихъ и будущихъ просьбъ, ссоръ, вражды и исковъ, будутъ успокоены и уровнены. А владѣющіе, по разнымъ стеченіямъ отъ предковъ, на всегда со своимъ потомствомъ останутся безопасны, усугубленно прославляя въ неумираемые вѣки таковое отличное и нужное спокойствію милосердіе премудрой нашей Законодательницы, матери отечества. Много и много, сею безопасностію владѣемые дворянскіе роды какъ изъ мертвыхъ воскреснутъ и, утвердясь на безопасности, въ повѣренностяхъ имъ тверже себя безъ низкихъ лакомыхъ угожденій на пользу общую обратятъ.

Въ заключеніе сего, сообразно силѣ узаконенія 1714-го года Марта 23-го, десятому отдѣленію, а наипаче высочайшему 1775-го года Марта 17-го сорокъ четвертой статьи, матернему милосердому манифестомъ обнародованію, осталось единое присовокупить. Въ прекращеніе неисчислимыхъ ссоръ, вражды и раззорительныхъ исковъ, къ общему всѣхъ на всѣ времена спокойствію и безопасности, если кто издавна донынѣ имѣли и имѣютъ у себя во владѣніи, подъ названіями казенныхъ или дворянскихъ, земель и поселившихся бѣглыхъ крестьянъ, а о поворотѣ и искахъ, отъ тѣхъ мѣстъ

и людей, кому они принадлежали, отъ времени завладѣнія десять лѣтъ въ подачѣ исковыхъ прошеній не было, а хотя бы и были, но за нехожденіемъ просящихъ, или за другими какими промолчаніями, учрежденными начальствами въ то десятилѣтнее время рѣшительнаго обвиненія на отдачу и иски приговора не учинено: всѣ таковые долговременные спокойные владѣльцы да останутся при владѣніяхъ своихъ навсегда; а просьбы и иски нерѣшенныхъ о семъ дѣлъ предать вѣчному забвенію и впредъ не возобновлять.

Мнѣніе графа Миниха о Русской торговлѣ съ Пруссіею.

Примѣчаніе на поданную ноту отъ графа Сольмса Ноября 14-го 1771 г. его сіятельству графу Никитѣ Ивановичу Панину.

Какъ мнѣ неизвѣстны тѣ выгоды, о которыхъ министръ Пруской упоминаетъ, яко бы король его государь тому уже нѣсколько лѣтъ акордировалъ Россійскимъ купцамъ и Россійскимъ товарамъ, ввозимымъ въ его земли, такъ на продажу какъ и для провозу только чрезъ королевство: то я и не могу судить о той взаимности, каковой Берлинской дворъ ожидать право имѣетъ отъ стороны двора Россійскаго.

Сего ради я въ разсужденіе пріемлю одни только требованія графа Сольмса съ стороны интереса государства Россійскаго, касающагося до коммерціи, до манифактуръ и до таможеннаго доходу.

Помянутой министръ требуетъ уменьшенія пошлинъ съ товаровъ, возимыхъ въ Россію, а родящихся или дѣлаемыхъ на фабрикахъ въ Пруссіи, а имянно:

1-е. Съ Берлинскаго порцелина.

2-е. Съ суконъ, штофовъ и другихъ шерстяныхъ матерій, перчатокъ, чулковъ, колпаковъ и пр.

3-е. Съ полотенъ, а особливо съ тѣхъ, которыя у насъ называются Силезскія, Бильфельскія и Вестфальскія.

Разсматривая сіи гребованія, легко усмотрѣть можно, что оныя склоняются только къ тому, чтобъ пріобрѣсти Прускому купечеству преимущество въ сихъ знатныхъ артикулахъ, ввозимыхъ въ Россію, передъ прочими государствами, каковые она досего получала изъ разныхъ Европейскихъ государствъ. Купечеству Прускому пошлина Россійская не можетъ быть тягостною, потому что продавецъ оную себѣ возвращаетъ съ покупщика, такъ какъ и всѣ прочіе расходы на товаръ его случившіеся.

Слѣдовательно, ежели дворъ Россійской поступитъ на таковое уменьшеніе пошлинъ, то претерпитъ знатный уронъ своего дохода единственно въ пользу купечества Прускаго, а тѣмъ самимъ возбудится зависть не токмо другимъ торгующимъ съ Россіею націямъ, но нѣкоторыя и гребовать того по справедливости не оставятъ, такъ какъ напримѣръ изъ первыхъ Англія, основываяся на трактатѣ, которымъ обѣщано поступать съ нею какъ съ наилучше фаворизованною націею, а по сему праву востребуетъ она таковаго же уменьшенія пошлины со всѣхъ своихъ шерстяныхъ товаровъ. Изъ сего произойдетъ великой коронный ущербъ въ таможенныхъ доходахъ, понеже сего рода товары, ввозимые въ Россію изъ Англіи, составляютъ знатное количество: ибо Аглицкихъ шерстяныхъ товаровъ, яко то суконъ, камлотовъ, косматыхъ шерстяныхъ и бумажныхъ матерій, каламенокъ, фланелевъ и прочаго, изъ Англіи въ Россію входитъ болѣе нежели на 500 тысячъ рублей.

Для ободренія манифактуръ въ Россіи полезныхъ, яко то полотняныхъ, положена пошлина въ 1737 году, около 20-ти копѣекъ съ аршина на всѣ чужестранныя полотна, каковой бы они тонкости и качества ни были. Съ того самаго времяни Россійскія фабрики до такого совершенства дошли, что

нималаго сумнѣнія не остается, чтобъ они вскорѣ не удовольствовали все государство полотнами по меньшей мѣрѣ столько же хорошими какъ и Силезскія. Варендорфскія и Вильфельскія. Слѣдовательно, ежели требуемое уменьшеніе пошлины на полотна акордовано будетъ Берлинскому двору, то сіе самое сдѣлаетъ подрывъ Россійскимъ фабрикантамъ, а сверхъ того сходство самыхъ тонкихъ полотенъ Вестфальскихъ съ Голланскими подастъ поводъ обманывать таможню, привозить полотна Голландскія подъ именемъ Вестфальскихъ. Сіе однакожъ не именовано, чтобъ дворъ Берлинской ласкать себя могъ получить отъ двора Россійскаго столь знатное жертвованіе своихъ убытковъ: потому что, какъ выше сказано, не купецъ Пруской, будучи продавецъ, тягость пошлинную несетъ, но единственно подданный Россійскій, будучи послѣдній покупщикъ того товара.

Надобно думать, что Пруской дворъ, дѣлая столь знатный запросъ, ищетъ въ семъ случаѣ торговаться съ дворомъ Россійскимъ, и для того требуетъ много, дабы было изъ чего убавить; цѣль же его, какъ кажется та, чтобъ пріискать большій расходъ своему порцелину, который хотя и дешевле продается нежели Саксонской, однакожъ не можетъ идти наравнѣ съ симъ послѣднимъ, слѣдовательно и не имѣетъ такого расходу, каковымъ Берлинская фабрика порцелиновая могла бы возвратить съ прибылью тѣ убытки, которые наградить она старается.

Дворъ Берлинской повидимому ласкаетъ себя пріобрѣсти своему порцелину надежную распродажу въ Россіи и преимущественный расходъ противу Саксонскаго, а сего въ такомъ случаѣ ожидаетъ, когда изъ сорока процентовъ, положенныхъ по тарифу на порцелинъ Саксонской, нѣкоторая уступка сдѣлается въ помянутой пошлинѣ порцелину Прускому. Но

кромѣ того, что Саксонской порцелинъ по своему качеству всегда преимущество имѣетъ передъ Берлинскимъ и что Саксонцы на нѣкоторое время могутъ спустить цѣну съ своего порцелина, ясно доказать можно изъ таможенныхъ вѣдомостей. что отъ 1767 по 1769 годъ включительно въ сложномъ году не болѣе въ Россію вошло всякаго порцелина какъ на 25 тыс. рублей изъ всѣхъ чужестранныхъ государствъ. почему и пошлины со всего получено. считая по тарифу по 40 процентовъ съ рубля, десять тысячъ рублей Такимъ образомъ и предвидѣть можно, что Прусія великой коммерціи чрезъ свой порцелинъ въ земляхъ Ея Императорскаго Величества себѣ не сдѣлаетъ.

Но какой бы изъ того успѣхъ ни былъ, кажется (ежели политическіе резоны неотмѣнно уже того требуютъ) акордовать нѣкоторыя изъ сихъ требованій Берлинскому двору можно; а уменьшеніе пошлины на порцелинъ будетъ выгоднѣйшее, потому что и зависти другимъ націямъ сдѣлаетъ меньше и ущерба въ доходахъ коронныхъ великаго не доставитъ.

На подлинномъ подписано:

Гр. Э. Минихъ.

Записка о разныхъ способахъ, какъ ввозимые сюда товары избѣгаютъ платежа положенныхъ пошлинъ.

Требуется знать, сколь разными образами торгуютъ заповѣдными товарами въ Россіи, или короче, какъ дѣлается запрещенная торговля или контребандъ? Можно отвѣчать, что вообще употребляется къ тому три способа:

1-е. Или партикулярные, пріѣзжающіе въ Россію сухимъ путемъ или моремъ, берутся провозить нѣкоторые товары малой величины, которые они на себѣ скрываютъ, или стараются въ ящикахъ утаить отъ осмотру таможенныхъ. Но мы не станемъ много упоминать о семъ первомъ способѣ запрещенной торговли, какъ для того, что онъ самъ собою весьма маловаженъ, потому что не можно скрыть знатнаго количества товаровъ, да и немного находится охотниковъ подвергать себя опасности, такъ и для того, что производство сей запрещенной торговли довольно укрощено проворствомъ и происками опредѣленныхъ таможенныхъ, съ коими партикулярные пріѣзжіе не могли напередъ согласиться и которые слѣдственно, не имѣя участія въ дѣлѣ, тѣмъ прилежнѣе и осмотрительнѣе въ должности поступаютъ, что чрезъ то думаютъ командѣ своей оказать великую ревность

и тѣмъ прикрыть обманы и плутовства, которыя они сами себѣ ежедневно дозволяютъ.

Или контребандъ производится шкиперами, да и большая часть такъ и дѣлается; или она производится купцомъ обще съ самими повѣренными и опредѣленными отъ таможни.

Контребандъ производится шкиперами въ большихъ или въ малыхъ свертках; въ малыхъ во всякое время, пока мореплаваніе продолжается; а въ большихъ свертках только осенью, и когда ночи уже темны.

Для сдѣланія контребанда въ малыхъ свертках Петербургской купецъ поручаетъ корреспонденту своему въ Зундѣ, въ Англіи, въ Голландіи, во Франціи или въ Любекѣ (ибо должно примѣчать, что нѣтъ никакихъ шкиперовъ, пріѣзжающихъ въ Петербургъ, кои бы не склонялись на сіе рукодѣліе; да и самые Англичане, какъ бы они о томъ ни говорили, въ томъ не застѣнчивѣе другихъ, а только что товары, которые Англія ставитъ Россіи, какъ ихъ натурою и качествомъ, такъ и по образу, какимъ они въ тарифѣ обложены, подаютъ меньше случаю и нужды къ контребанду, нежели товары другихъ народовъ, и такъ запрещенная торговля Англинскихъ домовъ не такъ знатна, какъ прочая обыкновенно въ Зундѣ шкиперами Аглинскими берется и привозится сюда, какъ на счетъ ихъ такъ и для домовъ Нѣмецкихъ, Францу̀зскихъ и прочихъ) класть въ малые пакеты такія вещества, чтобы могли легко войти въ матросскіе шаровары, такъ и въ запасные большіе карманы, которые шкиперы и помощники ихъ имѣютъ на подкладкѣ въ сюртукахъ, свернувъ въ вощанки, за особливою печатью отъ того, кто имъ оный товаръ повѣрилъ. Шкиперъ обязанъ отдать помянутые пакеты въ собственныя руки тому, кто ему покажетъ гербъ печати, коею реченные пакеты запечатаны, и который обыкновенно

за то получаетъ награжденіе условленное за каждый пакетъ отъ 7 до 10 процентовъ. Это заранѣе уже все условлено коммиссіонерами и шкиперомъ: сей послѣдній напротивъ того даетъ обязательство коммиссіонеру возвратить ему взятую сумму, въ случаѣ если пакетъ былъ бы отнятъ или потерянъ и когда бы не могъ онъ отдать отчетъ или показать видъ, что онъ доставилъ вещи до ихъ назначенія.

Такимъ образомъ Петербургскій купецъ не подвергаетъ себя въ томъ никакому страху, потому что товаръ его приносятъ ему въ домъ безъ всякихъ его хлопотъ, заплатя только 7 или 10 процентовъ цѣны товара; а если товаръ отнятъ, ему за оный платятъ, и онъ только теряетъ то, что лишается ожиданной отъ него прибыли: но оное рѣдко случается. Онъ не можетъ оговоренъ быть и на судѣ, когда бы таможня имѣла дѣло съ шкиперомъ въ случаѣ отъёма: ибо кромѣ того, что шкиперъ не захотѣлъ бы охотно его именовать, опасаясь потерянія своего кредита и отчаяваясь впередъ найти кого нибудь, кто бы пожелалъ ввѣрить ему свои товары, но онъ и легко могъ бы въ томъ и отпереться; слѣдовательно шкипера признали бы обманщикомъ, и съ нимъ бы поступлено было какъ съ клеветникомъ, не имѣющимъ никакого письменнаго виду противъ Петербургскаго купца, котораго хотя онъ и знаетъ, но не имѣетъ къ нему ни коннесемента, ни адресу; ибо, какъ выше сказано, все основано только на условленной печати.

Шкиперъ съ своей стороны не очень много беретъ за свой страхъ, а что̀ береть, то съ избыткомъ ему награждается заплатою отъ 7 до 10 процентовъ, которые онъ получаетъ съ цѣны привезенныхъ имъ заповѣдныхъ товаровъ: ибо кромѣ того, что, какъ всякому извѣстно, шкиперы имѣютъ на су-

дахъ своихъ потаенныя и надежныя мѣста, коихъ не можно наилучшему таможенному повѣренному найти, не разобравъ цѣлый корабль почастно, на что̀ никто не захочетъ поступить, сверхъ того легкіе пакеты, какъ и всѣмъ извѣстно, весьма удобно выносимы быть могутъ на берегъ какъ капитаномъ, такъ и матросами, такъ что два сторожа, приставленные отъ таможни и нелегко то усмотрятъ, умалчивая, что сихъ двухъ сторожей можно легко подкупить да и не за большія деньги, а всего легче напоить до-пьяну, оставя по близости ихъ никѣмъ не сберегаемую водку. Но и въ такомъ случаѣ, когда бы перехватили нѣкоторые пакеты съ заповѣдными товарами, шкиперъ всегда находитъ средство выйти изъ хлопотъ и освободиться отъ законнаго наказанія, сказавъ, что онъ не знаетъ, что̀ то за пакетъ, что можетъ быть его помощникъ или кто нибудь изъ матросовъ взялся провезть оный въ его невѣдѣніи; но какъ сіи люди не въ состояніи платить штрафу, то ихъ засаживаютъ въ тюрьму, откуда капитанъ ихъ всегда выручаетъ при отъѣздѣ своемъ изъ порта, употребляя на то нѣсколько рублей.

Контребандъ въ большихъ и толстыхъ пакетахъ, свертках̀ъ или бочкахъ дѣлается только осенью въ темныя ночи. Шкиперъ, ѣхавъ по рѣкѣ отъ Кронштадта къ Петербургу, нимало не торопится. Онъ могъ бы поспѣть въ 24 часа или въ двои сутки; но сія поспѣшность несходственна съ принимаемыми имъ мѣрами, и онъ всегда находитъ важную причину остановки: вѣтры противные, или корабль по дну шаркаетъ и въ песокъ врѣзался и проч. Такимъ образомъ примѣчено, что корабль на рѣкѣ по 8 и 15 дней остается. А изъ того происходитъ слѣдующее: таможня сажаетъ двухъ человѣкъ на судно, коихъ подкупливаютъ или поятъ до-пьяна, а въ почное время одни или многія шлюпки, подосланныя изъ

Екатерингофа, пріѣзжаютъ къ кораблю и отвозятъ въ Екатерингофъ товары, которые хотятъ утаить отъ таможни.

Сими двумя образами ввозятъ товары, кои никакъ не могутъ войти въ таможню, потому что ввозъ ихъ запрещенъ. Таковы суть: блонды, золотое шитье для женщинъ и мужчинъ, которыя входятъ каждый годъ на знатныя суммы.

Сіи два средства употребляютъ также для нѣкоторыхъ товаровъ, которые хотя могли бы идти черезъ таможню, однако платятъ такъ великую пошлину, что купецъ имѣетъ бо́льшій выигрышъ о семъ сговориться съ шкиперами, нежели съ таможенными, которыхъ жадность подкупаетъ великими подарками, какъ то ниже увидимъ. Таковы товары суть: шелковые чулки, шляпы и вина Бургонское и Шампанское.

Контребандъ дѣлается съ согласія съ повѣренными и приставами таможенными, и то различнымъ образомъ.

Надлежитъ сперва входящіе товары отличить отъ отходящихъ.

Обыкновенно думаютъ, что нѣтъ никакого контребанда въ товарахъ, выходящихъ изъ Петербурга. Ошибаются и въ томъ, правда, что предметъ сего контребанда весьма маловаженъ въ сравненіи контребанда входящихъ товаровъ; также и то не меньше правда, что прибыли отъ такого контребанда не бываетъ большой, да и торговецъ рѣдко похочетъ для толь малой выгодности подвергнуть свой кредитъ и себѣ нажить хлопоть. Но однакожъ не меньше оказывается и то, что посыльщики отъ купцовъ въ таможню или и прикащики купцовъ на оное не рѣдко пускаются и, согласясь съ таможенными служителями, объявляютъ иногда только часть желѣза, пеньки и другихъ товаровъ, коими нагружаются корабли, и тѣмъ дѣлятъ между собою прибыль, а таможеннымъ сборомъ казеннымъ нарочитый убытокъ. Когда бы и не можно было

доказать, что сіе водится, довольно бы было для увѣренія себя обратить только глаза на издержки и образъ житья таможенныхъ въ сей части употребленныхъ и разсмотрѣть, соотвѣтствуетъ ли оно опредѣленнымъ имъ жалованьямъ.

Что́ касается до товаровъ, входящихъ въ Петербургъ, то можно ихъ раздѣлить на четыре рода:

1-е товары, кои платятъ по оцѣнкѣ,

2-е товары, кои платятъ по-аршинно,

3-е товары, кои платятъ по вѣсу,

4-е товары, кои платятъ по мѣрѣ.

Почему и надо теперь слѣдующія правила принять для сихъ четырехъ родовъ товаровъ, то есть, чтобъ торгующій съ успѣхомъ согласиться мо́гъ съ повѣренными и приставленными въ таможняхъ; надлежитъ, чтобъ онъ соглашался только на прибыль третьей части цѣны таможенной, такъ какъ напримѣръ: если купецъ долженъ заплатить 900 рублей въ таможняхъ, онъ можетъ всегда договариваться съ повѣренными, чтобъ платить только 600 р.

Но сіи 600 р. не всѣ входятъ въ казну, затѣмъ что таможенные повѣренные не уступаютъ даромъ 300 р. торгующему, а только 300 р. входятъ въ казну, а другіе 300 р. остаются въ рукахъ таможенныхъ и дѣлятся на тѣхъ, кои по свойству ихъ званія должны были быть при осмотрѣ и запечатаніи товара. Также можно думать, хотя то доказать было бы трудно, что таможенные судьи, коихъ очень отличать надлежитъ отъ членовъ канцеляріи, имѣютъ участіе въ ихъ сдѣлкахъ; по крайней мѣрѣ способности и снаровки, какія они дѣлаютъ повѣреннымъ и служителямъ таможенъ, заставляетъ тому нѣсколько вѣрить.

Но спросятъ безъ сумнѣнія: какъ то дѣлается? Можно дать одинъ примѣръ, взятый изъ товаровъ, кои платятъ по

оцѣнкѣ. Полагаютъ, что Павелъ негоціантъ имѣетъ ящикъ съ шелкомъ, который платитъ по оцѣнкѣ 30 процентовъ. Павелъ пойдетъ къ таможенному своему знакомцу, показываетъ ему *фактуру* своего ящика, котораго цѣна доходитъ до 3000 р.; они дѣлаютъ другую фактуру, въ которой Павелъ цѣну товаровъ кладетъ только въ третью долю настоящей цѣны. Павелъ дѣлаетъ декларацію на основаніи сей новой фактуры; она пропускается безъ прекословія и по подписи; онъ платитъ 300 р. таможнику и сообщнику, а себѣ чрезъ то сберегаетъ триста рублей.

Спросятъ еще: какъ можно, съ одной стороны, чтобъ торгующій могъ положиться на таможеннаго, который можетъ его обмануть и подписать на его счетъ декларацію униженную третью настоящей цѣны, и какъ, съ другой стороны, таможенный захочетъ подвергаться опасности тѣлеснаго наказанія, лишенія имѣнія и должности, склонясь на такой промыселъ, вмѣсто того, какъ подписавъ объявленный товаръ третьею долею его цѣны, онъ имѣлъ бы гораздо лучшую прибыль? Я отвѣтствую, что самые воры для ихъ корысти наблюдаютъ между собою нѣкоторое правосудіе и святость въ содержаніи ихъ условій. Тоже самое можно сказать о таможенномъ повѣренномъ и купцѣ. Дѣйствительно, купецъ довольно знаетъ, что таможенный могъ бы еще столько выиграть, его обманувши; но онъ знаетъ и то опять, что таможенный, которому также и то не безъизвѣстно, что обманувши его, потерялъ бы вовсе кредитъ и не нашелъ бы больше никого, кто бы захотѣлъ имѣть съ нимъ дѣло, и что онъ болѣе достастъ черезъ годъ, согласясь съ купцомъ, нежели бы онъ могъ воспользоваться, подписавъ за себя фактуру: ибо торгующій, одинъ разъ будучи уловленъ, не объявилъ бы уже впредь товаръ свой ниже настоящей цѣны. Вслѣдствіе

того купецъ беретъ ту только предосторожность, что приказываетъ, чтобы ящики, кои къ нему посылаются, были небольшіе и не содержали бы товаровъ на знатную сумму и показываетъ каждый ящикъ особливо, и не дѣлаетъ другой декларацiи, какъ только взявъ назадъ товары, показанные въ первой, дабы въ случаѣ, ежели бы таможенникъ покусился обмануть, то бы не могъ того сдѣлать вдругъ на знатную сумму.

Случается иногда, что товаръ, который слѣдуетъ показать, толь извѣстенъ и цѣна его такъ знаема, что не смѣютъ его представить какъ только съ нѣкоторымъ уменьшенiемъ настоящей его цѣны, опасаясь, чтобъ господа таможенной канцелярiи не примѣтили обмана; но и тогда ставятъ оную какъ можно ниже; а выгода раздѣляется между на томъ же основанiи, то есть между торгующимъ и таможенными служителями.

О приведеніи ассигнаціоннаго банка въ лучшее состояніе.

1770 года Іюня 7 дня Ея Императорское Величество, присутствуя въ Совѣтѣ, изволила сдѣлать сей вопросъ: «Почитать «ли банкъ государственныхъ ассигнацій вымѣнною мѣдной мо«неты конторою и оставить въ теперешнемъ состояніи, или «его привесть въ такое положеніе, чтобъ онъ приносилъ го«сударству пользу? Если сіе послѣднее взять основаніемъ, то «для чего жъ отставлено требуемое Датскимъ банкиромъ по«ручительство онаго? Я желаю знать воспрепятствовавшія «сему причины». Генералъ-фельдцейхмейстеръ на сіе донесъ, что требуемое отъ банка поручительство отставлено до времени, потому что заимодавецъ поставилъ оное кондиціонально въ предложеніяхъ своихъ, и что въ читанномъ предъ симъ проектѣ акта сопряжены были два предмета, то-есть о поручительствѣ банка и о присоединеніи къ оному дворянскихъ банковъ, что на послѣднее поступить вдругъ не можно: ибо сила и союзъ банка во всѣхъ частяхъ государства и большіе денежные обороты могутъ причинить революцію въ цѣнахъ всѣхъ продуктовъ, а посему и необходимо должно войти въ разсмотрѣніе всѣхъ статовъ; что онъ не признаетъ большой пользы отъ великаго обращенія денежныхъ капиталовъ, и что кредитъ банка поручительствомъ его ни умаленъ, ни

увеличенъ быть не можетъ. Ея Императорское Величество изволила читать потомъ помянутый проектъ акта.

Вице-президентъ графъ Чернышовъ предложилъ, что поручительство банка почитаетъ онъ предосудительнымъ персонѣ Ея Императорскаго Величества, потому что не банку за Ея Величество, какъ отъ нея установленному, но ей за банкъ, въ случаѣ ежели бъ онъ занималъ, какъ установительницѣ онаго, поручиться надобно. Ея Императорское Величество отвѣтствовала на то: «Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ «не персонѣ государя, но государству вѣрили, яко виды свои «далѣе распространяю». Генералъ графъ Чернышовъ донесъ на сіе, что приведеніе банка въ лучшее состояніе находитъ онъ нужнымъ, но что потребно начать то съ внутренняго распоряженія, а не снаружи. Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Панинъ представилъ послѣ того, что нѣтъ теперь большой надобности въ поручительствѣ банка, и что весьма полезно однакоже соединеніе всѣхъ банковъ подъ одно правленіе, дабы, получа тѣмъ силу и кредитъ, лучше соотвѣтствовалъ онъ полагаемому при его установленіи намѣренію. Выслушавъ все сіе, Ея Императорское Величество изволила сдѣлать сіе заключеніе: «Изъ всѣхъ вашихъ разсужденій вижу «я, что надлежитъ сдѣлать два проекта актовъ: одинъ о со«единеніи банковъ и снабдѣніи правленія оныхъ такими пре«имуществами, чтобъ оно всѣми выгодами пользоваться и «кредитъ свой распространять могло; а другой о уполномо«ченіи его, на случай могущей быти нужды, въ чиненіи имъ «займовъ и поручительствъ».

Копія всеподданнѣйшей записки, поданной отъ князя Потемкина.

Сейчасъ получилъ я непріятное извѣстіе о лѣсной битвѣ, происшедшей между Чеченцами и частію отряда полковника Піерія. Излишнее его презрѣніе къ непріятелю стоило жизни сму и немалому числу храбрыхъ Вашего Императорскаго Величества воиновъ.

Полковникъ Піери, будучи отряженъ для истребленія извѣстнаго лжепророка за рѣку Сунжу къ деревнѣ Алдѣ съ Астраханскимъ пѣхотнымъ полкомъ, Кабардинскимъ егерскимъ батальономъ и двумя ротами гренадеръ Томскаго пѣхотнаго полку. прибылъ къ сей рѣкѣ весьма скрытнымъ образомъ 6-го дня минувшаго Іюля. Переправясь на ту сторону съ батальономъ егерей и двумя гренадерскими Астраханскаго полку ротами, прошелъ онъ благополучно чрезъ лѣсъ къ той деревнѣ и къ самому дому лжепророка, едва успѣвшаго спастись бѣгствомъ. Жители по маломъ сопротивленіи разогнаны, деревня и домъ сожжены, и тутъ взято знамя лжепророческое. Между тѣмъ, Чеченцы, не осмѣливаясь показаться въ полѣ, сбирались въ великомъ множествѣ на дорогу, ведущую лѣсомъ къ рѣвѣ Сунжѣ, дабы сдѣлать нападеніе при обратномъ помянутой части войскъ проходѣ,

Полковникъ Піери, не уважая сего сборища, по сожженіи деревни, пошелъ назадъ къ своей переправѣ; но едва вступилъ въ лѣсъ, какъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ многочисленною толпою. Сраженіе между ними весьма было жестокое: гренадеры и егеря разстрѣляли всѣ почти свои патроны, бывъ стѣснены въ мѣстѣ къ защищенію неспособномъ: двѣ бывшія съ ними пушки не могли въ лѣсу дѣйствовать съ успѣхомъ. и сблизившіеся наконецъ Чеченцы, напавъ съ саблями и кинжалами, были приняты въ штыки. Кровопролитіе умножилось; полковникъ Піери, храбро сопротивляясь и убивъ четырехъ непріятелей своею рукою, палъ отъ многихъ ранъ; командовавшій батальономъ маіоръ Камарскій, приводя въ порядокъ и ободряя разстроенныхъ, раненъ и неизвѣстно убитъ ли, или попался въ плѣнъ. такъ какъ и еще четыре оберъ-офицера съ немалымъ числомъ нижнихъ чиновъ. Прочіе ретировались къ рѣкѣ и, переправясь черезъ оную, присоединились къ оставленному тамъ Астраханскому пѣхотному полку и гренадерскимъ Томскаго полку ротамъ, которыя, также бывъ отряжены къ передовому деташаменту, выдержали сильную атаку въ лѣсу и принуждены возвратиться съ урономъ, не достигши онаго.

Полковнику Тамарѣ *), пожелавшему изъ доброй воли быть при сей экспедиціи, полковникъ Піери поручилъ командованіе оставленныхъ на здѣшней сторонѣ рѣки войскъ, на которыхъ опасался нападенія въ свое отсутствіе. Полковникъ Тамара имѣлъ перепалку съ Чеченцами у самой рѣки и, удерживая ихъ стремленіе, подавалъ способъ спасаться ретирующимся съ противнаго берегу гренадерамъ и егерямъ. Когда же бо-

*) Кажется. это извѣстный въ послѣдствіи дипломатъ. П. Б.

лѣе оныхъ не было, а число непріятеля умножилось, то онъ съ возможнымъ порядкомъ выбрался изъ лѣсу къ вагенбургу и потомъ вышелъ на открытую дорогу.

Господинъ Піери, по презрѣнію, которое имѣлъ къ непріятелю, не захотѣлъ ни дать отдохновенія усталымъ солдатамъ при деревнѣ Алдѣ, ни остаться въ полѣ, пока прибудетъ къ рѣкѣ Сунжѣ отправленный въ подкрѣпленіе ему съ деташаментомъ бригадиръ Апраксинъ, который, по достиженіи сея рѣки 8-го Іюля. въ нѣсколькихъ верстахъ ниже его переправы, разогналъ показавшихся Чеченцовъ, побивъ у нихъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ одного изъ знатнѣйшихъ—князя Алхана, и разорилъ его владѣніе.

Лжепророкъ съ толпою своею, по сосѣдству Андреевцевъ и Аксаевцовъ съ Кизляромъ, появился съ ними близъ сей крѣпости; но, бывъ не допущенъ къ произведенію въ дѣйство каковаго-либо вреднаго намѣренія, возвратился за Сунжу; а чтобъ пресѣчь всякое со стороны его покушеніе, къ тому мѣры приняты.

Дабы стороннее увѣдомленіе о смерти полковника Піерія не могло послужить къ вящшему уваженію сего происшествія, счелъ я, всемилостивѣйшая Государыня, за нужно самъ о томъ сказать иностраннымъ министрамъ, съ которыми сегодня я видѣлся.

Дворцовый приказъ.

Отъ дежурнаго при Ея Императорскомъ Величествѣ генералъ-адъютанта.

Караульному Кавалергардскаго Корпуса капралу.

Приказъ.

Строжайше наблюдать, чтобъ въ той комнатѣ, гдѣ кавалергардскій постъ состоитъ, отъ приходящихъ въ оную, какого-бъ званія и чина ни были, подобающее двору благочиніе соблюдаемо было, и чтобъ не токмо ни малѣйшаго безчинства, но и шуму не происходило, въ чемъ какъ самому господину капралу и часовымъ строго смотрѣть, и естьли-бы кто выходить сталъ изъ благопристойности, то о таковыхъ немедленно докладывать дежурному генералъ-адъютанту.

На подлинномъ подписано тако:

Князь Потемкинъ.

Сентября дня 1779 г.

Приказъ состоящимъ часовымъ кавалергардамъ, кого Ея Императорское Величество повелѣть изволитъ пропускать за оный постъ.

1. Всѣхъ Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантовъ и придворныхъ дѣйствительно служащихъ кавалеровъ.
2. Графиню Марью Андреевну Румянцову.
3. Графиню Прасковью Александровну Брюсову.
4. Ея Императорскаго Величества фрейлинъ.
5. Графа Петра Александровича Румянцова.
6. Ихъ сіятельствъ графовъ Орловыхъ.
7. Графа Петра Ивановича Панина.
8. Ригскаго генералъ-губернатора Броуна.
9. Генералъ-прокурора князя Вяземскаго
10. Сенатора Бекетова.
11. Тайнаго совѣтника Юшкова.
12. Всѣхъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ.
13. Графа фонъ-Миниха.
14. Алексѣя Петровича Мельгунова.
15. Петра Дмитріевича Еропкина.
16. Михайла Алексѣевича Деденева.

17. Генералъ-порутчика Соловова.
18. Генера́лъ-порутчика Измайлова.
19. Генералъ-аншера Эльмпта.
20. Генералъ-аншефа графа Ивана Петровича Салтыкова.
21. Президента Хитрова.
22 Князя Юрья Владиміровича Долгорукова.
23. Всѣхъ гвардіи маіоровъ.
24. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Кадмина.
25. Тайнаго совѣтника Стрекалова.
26. Сенато́ра Соймо́нова.
27. Генералъ-порутчика Щербатова.
28. Тайнаго совѣтника и сенатора Козлова.
29. Ивана Перфильевича Елагина.
30. Лукьяна Ивановича Камынина.
31. Сенатора князя Вяземскаго.
32. Адмирала Синявина.
33. Шталмейстера́ Ребиндера́.
34. Генералъ-аншефа князя Репнина.
35. Генералъ-аншефа князя Прозоровскаго.
36. Генералъ-рекетмейстера Маслова.
37. Статскаго совѣтника Левашова.
38. Сенатскаго оберъ-прокурора Перекуспхина.
39. Генералъ-порутчика Озерова.
40. Генералъ-аншефа Николая Ивановича Салтыкова.
41. Полковника Шталя.
42. Принца Дармштадскаго.
43. Принца́ Го́лштинскаго.
44. Принца Ангальтъ-Бернбургскаго.
45. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Самойлова.
46. Лейбъ-гвардіи караульнаго капитана.

17. Бывшихъ камеръ-пажей: Мальтица, Богдановыхъ, Саблукова, Муравлева, Аргамакова, Обрѣзкова, князя Голицына, Дубенскаго, Золотухина, Тараканова, Спиридова, Докторова, Аврена, Миллера, Сиверса, Пуговишникова, Козлова, Ладыженскаго, Френева, Дмитрія и Петра Глѣбовыхъ.
18. Караульныхъ гвардіи офицеровъ и кавалергардовъ во время баловъ и концертовъ въ той комнатѣ.
49. Графа Остермана.
50. Генералъ-порутчика графа Румянцова.
51. Статскаго совѣтника Акчурина.
52. Сенатора Остервальда.
53 Генералъ-маіора Перфильева.
54. Статскаго совѣтника Пастухова.
55. Полковника Михельсона.
56. Оберъ-полиціймейстера Архарова.
57. Генералъ-кригсъ-комисара Дурнова.
58. Всѣхъ губернаторовъ.
59. Генералъ-порутчика Каменскаго.
60. Генералъ-порутчика Текелли.
61. Генералъ-маіора Муромцова.
62. Графа Браницкаго.
63. Бригадира графа Воронцова.
64 Въ должности церемоніймейстера полковника Пушкина.
65. Генералъ-маіора Петра Васильевича Завадовскаго.
66. Ея Императорскаго Величества флигель-адъютантовъ.
67. Генералъ-порутчика Игельштрома.
68. Генералъ-маіора Волкова.
69. Полковника Безбородкина.

70. Графа Штакельберга.
71. Аристарха Петровича Кашкина.
72. Ивана Михайловича Ребиндера.
73. Лейбъ-гренадерскаго полка вице-полковника Александра Уварова.
74. Сёмена Гавриловича Зорича.
75. Генералъ-маіора Карла Егоровича фонъ-Гангена.
76. Сенатскихъ оберъ-прокуроровъ: Рязанова, Рожнова.
77. Генералъ-провіантъ-мейстера князя Щербатова.
78. Генералъ-порутчика Ѳедора Ивановича Глѣбова.
79. Сенатскаго оберъ-прокурора князя Волконскаго
80. Генералъ-маіора и кавалера князя Волконскаго.
81. Виртембергскаго камергера Верха.
82. Морскаго капитана-порутчика графа Войновича.
83. Полковника Потемкина.
84. Полковника Ефимовича.
85. Министра Симолина.
86. Его свѣтлость князя Григорья Александровича генералъсъ-адъютантовъ Милошевича и Бахметьева.
87. Гамбургскаго министра Гросса.
88. Оберъ-полицеймейстера Лопухина.
89. Статскаго совѣтника Сухарева.
90. Генералъ порутчика Лопухина.
91. Генералъ-аншефа Берха.
92. Генералъ-порутчика Суворова.
93. Цесарскаго генералъ-порутчика князя Делиль.
94. Лейбъ гвардіи Преображенскаго полка капитана князя Николая Волконскаго и адъютанта Василья Ланскова.
95. Генералъ-порутчика князя Барятинскаго.

96. Сенатскихъ оберъ-прокуроровъ Вагашева и Колоколь-цова.
97. Аркадія Ивановича Терскаго.
98. Московскаго оберъ-полицеймейстера Островскаго
99. Вице-адмирала Грейга.
100. Генералъ-порутчика Ганибала.
101. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бакунина.
102. Сенатора Муравьева.
103. Сенатора Мансурова.
104. Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка порутчика Куше-лева.
105. Польскаго генералъ-аншефа графа Мнишка и съ фами-ліею.
106. Генералъ-маіора Петра Шепелева.
107. Капитана Алексіанова.
108. Санктъ-Петербургскаго вице-губернатора Маврина.
109. Во время баловъ и концертовъ пропускать во внутрен-нія комнаты княгиню Дашкову и дѣтей ея: дочь и сына. Семеновскаго полка капитана.
10. Принца Виртембергскаго съ супругою и графиню Ле-венштейнъ.
11. Санктъ-Петербургскаго полицеймейстера Рылѣева.
12. Въ день Св. Георгія того ордена всѣхъ кавалеровъ.
13. Санктъ-Петербургскаго оберъ-полицеймейстера Тар-бѣева.
14. Генералъ-порутчика Петра Ивановича Мелисино.
15. Санктъ-Петербургскаго вице-губернатора Голохви-стова.
16. Генералъ-порутчика графа Ангальта.
17. Генералъ-аншефа Миллера.

118. Тайнаго совѣтника Фитингофа.
119. Морскаго адмирала Голенищева-Кутузова.
120. Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Сакена.
121. Графа Дебальмена.
122. Отправляющагося въ Швецію министромъ Моркова до пробытія его здѣсь пропускать.

ПРИБАВЛЕНІЕ:

По словесному приказанію пропускать господина Гримма.

Два донесенія Екатеринѣ Великой адмирала Грейга *).

(1783).

I.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Повинуясь вашей всевысочайшей волѣ, я при семъ полагаю предъ стопами Вашего Императорскаго Величества мое скудивѣйшее мнѣніе и примѣчаніе на разные члены сочиненія, каковое всемилостивѣйше благоволили мнѣ препоручить; исповѣдуя слабость моихъ силъ, дабы расположить толь обширный планъ надлежащимъ образомъ. Особливо шестый членъ требуетъ размышленія и положенія высочайшія прозорливости.

Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, есмь Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества, и пр.

Кронштатъ.
Генваря 12 дня 1783 года.

---

*) Писано за два мѣсяца до присоединенія Крыма, о чемъ шли тогда напряженные дипломатическіе переговоры, на случай неудачи коихъ Екатерина готовилась дѣйствовать мѣрами воинскими. П. Б.

1.

Вопросъ Государыни.

1-е. На случай войны съ Турками, по числу 15 кораблей, въ Средиземное море отправляемыхъ, сколько потребно фрегатовъ и другихъ меньшихъ военныхъ судовъ, и какихъ именно?

Отвѣтъ Грейга.

При пятнадцати корабляхъ, потребно имѣть шесть фрегатовъ, два бомбардирскихъ корабля, и шесть или восемь катеровъ, шебековъ, или подобныхъ симъ судовъ, для всякой посылки; да не худо бы было еще имѣть два госпитальные корабля для трудно-больныхъ или, въ случаѣ, для раненыхъ; такожде пять или шесть брандеровъ. Но сии послѣднія суда можно приготовить въ Средиземномъ морѣ.

2.

Вопросъ Государыни.

2-е. Сколько надобно на все сіе вооруженіе людей, начиная съ офицеровъ и до послѣднихъ служителей?

Отвѣтъ Грейга.

При семъ прилагается табель всѣмъ офицерамъ и служителямъ, потребнымъ на вышепомянутое вооруженіе. И еще сверхъ означеннаго по табели, сколько флагмановъ Ея Императорскому Величеству благоугодно будетъ опредѣлить, со всѣми принадлежащими имъ штатами. Также докторъ или штабълѣкарь.

3.

Вопросъ Государыни.

3 е. Сколько нужно имѣть тамъ сухопутныхъ войскъ для дѣйствій?

Отвѣтъ Грейга.

Чтобъ содѣйствовать съ успѣхомъ, нужно будетъ имѣть сухопутныхъ войскъ не менѣе 10.000 человѣкъ, изъ коихъ 5.000 регулярныхъ и 5.000 нерегулярныхъ, какъ-то: Славоновъ, Албанцовъ и Грековъ, которые тамъ могутъ быть набраны въ непродолжительное время, когда мѣры для сего заблаговременно будутъ приняты. Изъ числа 5 000 регулярныхъ войскъ 400-мъ человѣкъ должно быть артилерійскимъ и 600 кирасиръ. Сіи артилерійскіе и кирасиры могутъ быть помѣщены на корабляхъ и фрегатахъ, безъ утѣсненія, отъ чего надлежитъ остерегаться, дабы сохранить здоровье служителей. Остальныхъ 4.000 сухопутныхъ войскъ надобно будетъ перевесть на транспортныя суда. Обыкновенно полагается на такое дальное плаваніе по одному ласту на каждаго человѣка: и такъ для 4.000 войскъ потребно будетъ 4.000 ластовъ, и по сравненіи большихъ транспортныхъ судовъ съ малыми взять за среднюю пропорцію около 150 ластовъ; то на сіе число войскъ потребно будетъ до двадцати семи такихъ транспортныхъ судовъ. Ежели сіи транспортныя суда наняты будутъ у купцовъ, съ платою по пяти рублевъ съ полтиною за каждый ластъ на мѣсяцъ, что̀ кажется для нихъ довольно будетъ выгодно, на 1.000 ластовъ, по пяти рублевъ съ полтиною, выходитъ 22.000 рублевъ на каждый мѣсяцъ, поколѣ въ нихъ будетъ надобность, а на цѣлый годъ выходитъ 264.000 рублевъ.

Относительно нерегулярныхъ войскъ, которыя тамъ будутъ набраны, довольно можно будетъ найти Греческихъ и другихъ мелкихъ судовъ, для перевоза оныхъ: особливо ежели заблаговременно будутъ взяты мѣры.

4.

Вопросъ Государыни.

4-е. Какія провизіи и другія снабдѣнія надобны, и гдѣ оныя заготовить лучше и для казны выгоднѣе: особливо что можно отсюда съ собою везти?

Отвѣтъ Грейга.

Отсюда надобно съ собою взять сухарей, муки, овсяныхъ и гречневыхъ крупъ и вина, на цѣлый годъ. Сія провизія, ежели только хорошаго качества и съ бережливостію хранима на морѣ, можетъ держаться на оное время безъ порчи: но какъ на военные корабли не больше какъ на пять мѣсяцовъ сей провизіи помѣститься можетъ, то остальную погрузить въ транспортныя суда. Коровья масла на шесть мѣсяцовъ. Говядины же и свинины весьма довольно будетъ везти съ собою на четыре съ половиною мѣсяца, для того, что сія провизія нашего приуготовленія скоро въ тепломъ климатѣ портится; да когда и хранится безъ порчи, качество оной не такъ доброе и для служителей не такъ здоровое, какъ Ирландскаго приуготовленія *; того ради лучше будетъ запастись Ирландскою говядиною и свининою, на десять мѣсяцовъ, и нѣсколькимъ количествомъ коровья масла. И какъ нынѣ находится довольно

*) Хотя Черкасскій скотъ и Россійская свинина ничѣмъ не хуже Ирландской, по образомъ своего приуготовленія весьма равнится. Въ Ирландіи быковъ кормятъ шесть недѣль до боя, сухимъ кормомъ, то-есть наилучшимъ сѣномъ, овсомъ, ячменемъ и отрубями, что производитъ твердость въ мясѣ. Но у насъ быковъ бьютъ и солятъ, приведя ихъ прямо съ поля, чрезъ что говядина скоро теряетъ свой сокъ и силу, а свинину покупаютъ мерзлую и солятъ, которая никогда доброю въ качествѣ своемъ быть не можетъ.

ное число Россійскихъ купеческихъ судовъ въ Англіи, можно будетъ ихъ тамъ нанять, подъ видомъ будто оные грузъ везти изъ Ирландіи въ Лиссабонъ; и по отправленіи ихъ изъ Ирландіи, корабельщикамъ дать повелѣніе идти въ Лиссабонъ и ожидать тамъ дальнѣйшаго повелѣнія отъ своихъ купцовъ; и тамъ они могутъ соединиться со флотомъ. Считая число корабельныхъ служителей до 11.000 человѣкъ, сухопутныхъ войскъ 5.000, а всего 16.000; то количества мяса говяжья и свинаго, потребнаго на десять мѣсяцовъ, будетъ около 56.000 пудовъ, или 466 ластовъ, полагая 120 пудовъ на каждый ластъ.

На сіе потребно будетъ три судна, около 160 ластовъ каждое: и на каждое изъ нихъ надобно погрузить равное количество говядины и свинины, то есть около 77 ластовъ каждаго, и по шести или по семи ластовъ коровья масла, на каждое же судно.

И такъ потребно будетъ всего до тридцати транспортныхъ судовъ.

Касательно до нерегулярныхъ войскъ, то для нихъ потребно только заготовить муки и сорочинскаго пшена, какъ они будутъ находиться токмо на малое время на своихъ судахъ, плавая отъ одного мѣста къ другому; и вездѣ куда они ни пристаютъ, сыскиваютъ для себя свѣжее мясо. И такъ ежели можно заблаговременно тамъ приготовить 12.000 пудъ муки и 12.000 пудъ сорочинскаго пшена, сего количества на 5.000 человѣкъ можетъ стать на три мѣсяца или болѣе.

Въ продолженіи бытія флота въ Средиземномъ морѣ, островъ Сицилія былъ бы самымъ выгоднѣйшимъ мѣстомъ для покупки пшеничной муки на хлѣбъ, ежелибъ Неаполитанскій дворъ на то былъ согласенъ; но во время прошедшей войны сей дворъ оказалъ намъ столько своихъ неблагосклонностей, что

хлѣбъ оттуда намъ не отпустили, и нашъ агентъ въ Ливорнѣ принужденъ былъ выписывать пшеницу изъ Сициліи чрезъ купцовъ въ Ливорну, гдѣ оную мололи и пекли сухари для флота. Кажется, нынѣ не худо бы было заготовить пшеницы и муки въ Ливорнѣ заранѣе до 150.000 пудовъ или 50.000 по кантарю: а флотъ для себя всегда можетъ найти довольное количество сорочинскаго пшена съ добычныхъ судовъ. Мясо же соленое всякой годъ забраговременно надобно выписывать изъ Ирландіи; но количество онаго будетъ умѣренное, по причинѣ, что вездѣ куда флотъ ни пристанетъ въ Архипелагѣ, командующіе стараться будутъ доставать для служителей свѣжее мясо, а соленое беречь.

Другія снабдѣнія для флота въ Архипелагѣ состоятъ въ канатахъ, веревкахъ, парусинѣ и въ нѣкоторомъ числѣ якорей, и весьма будетъ выгоднѣе для казны, ежели потребное количество каждое лѣто отсюда отправлено будетъ. Касательно же до артилерійскихъ припасовъ, довольно достаточнымъ количествомъ снабдиться надобно при отправленіи флота, дабы въ оныхъ не имѣть ни малѣйшаго недостатка послѣ.

Деньги выгоднѣйшія для употребленія въ Архипелагѣ суть Венеціанскіе червонцы и императорскіе талеры.

5.

Вопросъ Государыни.

Гдѣ назначить мѣста для сбора эскадры и для ихъ снабдѣнія?

Отвѣтъ Грейга.

По выходѣ изъ Балтійскаго моря, Портсмутъ былъ бы хорошее мѣсто для перваго сбора и для снабдѣнія водою, прежде нежели флотъ пустится въ океанъ. Но въ разсужде-

нiи нынѣшнихъ обстоятельствъ, что сей портъ столько занятъ своими Англинскими кораблями, что медленность можетъ воспослѣдовать въ доставленiи нужнаго: то, кажется, Лиссабонъ лучше будетъ для перваго сбора эскадръ, гдѣ они скоро могутъ запастись прѣсною водою. А по выходѣ изъ Лиссабона, въ случаѣ разлученiя, опять могутъ собраться подлѣ острова Мальты и тамъ соединиться съ эскадрою, находящеюся нынѣ въ Ливорнѣ; въ случаѣ же недошедшихъ какихъ судовъ, разлучившихся съ эскадрами, оставить печатное повелѣнiе у повѣреннаго въ дѣлахъ въ Мальтѣ, куда имъ слѣдовать за флотомъ. По соединенiи же флота въ Мальтiйскомъ каналѣ, спуститься оттуда прямо въ портъ Наварино, гдѣ чаятельно городъ не долго противоустоитъ такой превосходной силѣ. Въ семъ портѣ эскадры могутъ быть снабдены прѣсною водою, и всѣ нерегулярныя войска, какъ Склавоны и Албанцы, могутъ тамъ собраться въ непродолжительное время. А между тѣмъ приготовить пять или шесть брандеровъ, изъ небольшихъ Греческихъ судовъ, которые тамъ легко достать можно.

6.

Вопросъ Государини.

По бытности господина адмирала во всю прошедшую войну, не худо имѣть мнѣнiе его, сколько можно судить предварительно о дѣйствiяхъ флота и куда оныя обратить?

Отвѣтъ Грейга.

Чтобъ не истощить сего вооруженiя на маловажныя предпрiятiя, кажется, тѣмъ скорѣе и чѣмъ ближе нанесть первый ударъ къ Царю Граду, особливо въ разсужденiи нѣнѣшнихъ замѣшательствъ и слабости въ Оттоманскомъ правленiи, тѣмъ

больше восчувствовано ими будетъ; для того и рѣшительность войны скорѣе можетъ воспослѣдовать. Главнымъ предметомъ сего вооруженія долженствуетъ быть завладѣніе Дарданелами и отрытіе пути къ самому Царю Граду. Но для ожиданія отъ сего предпріятія желаемаго успѣха, оное должно нѣкоторымъ образомъ быть сопряжено съ дѣйствіями и успѣхами главной арміи; ибо вышеположенное число войскъ, хотя кажется довольнымъ для внезапнаго нападенія на Дарданельскія крѣпости, однако, въ разсужденіи близости столицы и многолюдства окрестныхъ обывателей, непріятель въ краткое время можетъ собрать такую силу, что наши войска не въ состояніи будутъ сопротивляться, ежели вниманіе непріятелей не обратится на приближеніе главной арміи. И для поспѣшнѣйшаго доставленія извѣстій между главною арміею и флотомъ, надлежитъ имѣть два легкія судна, какъ-то: каторы или шебеки, въ портъ Фіумо, неподалеку отъ Тріеста. Чрезъ сіе же мѣсто, всякое извѣстіе скорѣе можетъ быть доставлено, не токмо между арміею и флотомъ, но также между Петербургомъ и Архипелагомъ, нежели чрезъ Ливорну. А когда главная армія перейдетъ за рѣку Дунай, кажется тогда можно будетъ сыскать способъ чинить тайныя переписки со флотомъ чрезъ портъ Эно.

Касательно до атаки на Дарданелы, то по благоразумію, кажется, не можно на сіе отважиться въ зимнее время, ради жестокихъ бурь и непостоянныхъ погодъ, которыя продолжаются чрезъ всю зиму въ Архипелагѣ; да и въ лѣтнее время надобно пользоваться случаями благополучныхъ вѣтровъ и погодъ для сего предпріятія: ибо теченіе всегда имѣетъ свое стремленіе изъ Дарданелъ и иногда бываетъ такъ сильно, что корабль, съ умѣреннымъ благополучнымъ вѣтромъ, едва противу онаго плыть можетъ. При томъ и вѣтръ по большей

части бываетъ отъ Норд-Оста, а Зюйдъ — восточный вѣтръ, не часто случается, и то на краткое время. Сіи естественныя обстоятельства содѣлываютъ Дарданелы болѣе оборонительными противу морскаго приступа, нежели всѣ прочія ихъ укрѣпленія. Сего ради нужно будетъ высадить десантъ на сѣверную сторону Дарданелъ и стараться овладѣть крѣпостію и батареями съ береговой стороны, а флоту между тѣмъ тщиться по обстоятельствамъ подавать имъ всякое вспоможеніе съ морской стороны.

Ежели Оттоманской флотъ не находится въ силахъ, или не разсудитъ за благо отважиться на морское сраженіе, то явственно, что онъ будетъ имѣть свое расположеніе около верхней Дарданельской крѣпости, гдѣ должно ожидать самаго сильнѣйшаго сопротивленія. Но все сіе дѣйствіе много зависитъ отъ обстоятельствъ, могущихъ тогда открыться и благоразумнаго расположенія командующихъ, чтобъ оныя употребить въ пользу.

Ежели собираніе флота и наборъ нерегулярныхъ войскъ продолжится до поздняго осеннаго времени, такъ что не можно отважиться на сіе главное предпріятіе: то чтобъ сіе вооруженіе не стояло праздно и безъ дѣйствія, чрезъ всю зиму въ Наваринскомъ портѣ можно овладѣть островомъ Лемносомъ, въ которомъ находится весьма способная и безопасная гавань для цѣлаго флота, гдѣ они могутъ зимовать, ожидая благополучнаго случая для атаки Дарданелъ. И сей портъ въ такомъ положеніи, что можно крейсерами удерживать всѣ провизіи, везомыя въ Константинополь. На семъ же островѣ находится немалое количество скота, для снабдѣнія служителей свѣжимъ мясомъ.

Между тѣмъ какъ зима продолжается, можно употреблять нерегулярныя войска въ небольшой десантъ, на берега

Натоліи, Романіи и на острова, дабы отвратить вниманіе непріятелей и учинить имъ вездѣ безпокойство, пока успѣхи главной арміи или другія обстоятельства позволятъ наступить противу Дарданелъ.

II.

Всемилостивѣйшая Государыня!

На разные члены каковые Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше благоволили мнѣ поручить и требовать мои мысли и изъясненія на оные, на шестый членъ я упомяну, что главнымъ предметомъ морскаго вооруженія долженствуетъ быть завладѣніе Дарданелами и открытіе пути къ самому Царю Граду.

При семъ всеподданнѣйше осмѣливаюсь положить предъ стопы Вашего Императорскаго Величества планы расположенія Дарданельскаго пролива, съ изображаемыми на ономъ крѣпостями. Осмѣливаюсь еще приложить нѣкоторыя мои скудныя размышленія о произведеніи приступа на сіи крѣпости, исповѣдуя слабость моего знанія въ сихъ дѣйствіяхъ, которыя единственно относятся къ искусству сухопутныхъ генераловъ. Но какъ дѣйствія сухопутныхъ войскъ, при семъ случаѣ, нѣкоторымъ образомъ будутъ сопряжены съ дѣйствіями флота; то по извѣстнымъ мнѣ положеніямъ сихъ мѣстъ, я отважился изъяснить свои скудныя мысли, которыя токмо служить могутъ въ нѣкоторую помощь ихъ дальнѣйшимъ разсужденіямъ. Планы Дарданельскихъ крѣпостей сняты были инженернымъ офицеромъ барономъ Паленомъ по заключеніи мира, и по его искусству, я надѣюсь, что оные довольно сходны.

Припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, семь. всемилостивѣйшая Государыня. Вашего Императорскаго Величества и пр.

Генваря 20 дня
1783 года.

Размышленія относящіяся ко овладѣнію Дарданельскими крѣпостями.

Полагаю число сухопутныхъ войскъ, какъ въ прежнихъ листахъ означено, то-есть: 4000 пѣхоты. 600 кирасиръ. 400 артиллерійскихъ, и 5000 нерегулярныхъ войскъ. По прибытіи всего вооруженія противу Дарданелъ. оставя нѣсколько легкихъ фрегатовъ и каторовъ курсировать между сѣверныхъ Дарданель и островомъ Эмбросъ, для примѣчанія и доставленія заблаговременнаго извѣстія главному командиру. ежели непріятельскій флотъ отважитъ выдти изъ Дарданелъ, прочему вооруженію идти на сѣверную сторону Дарданелъ, высадить весь десантъ, подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей. на способнѣйшее мѣсто, которое найдено быть можетъ вблизи крѣпости, и немедленно стараться произвесть незапное нападеніе и овладѣть крѣпостію Молдавиджи-паша (означенною на планахъ литерою А). Сей приступъ учинить должно или эскаладами или пробитіемъ воротъ петардами, или посаженіемъ минеровъ въ углахъ обоихъ сѣверныхъ бастіоновъ. подъ защитою толстыхъ досокъ, для открытія прохода сквозь стѣны; что̀ все вмѣстѣ можетъ быть предпріемлемо вдругъ, какъ окажется способнѣе по обстоятельствамъ на мѣстѣ: ибо около сей крѣпости никакихъ рвовъ не находится. и стѣны повидимому не выше 16 или 18 футовъ. Чрезъ овладѣніе сею крѣпостію, войска находиться будутъ въ твердомъ

и безопасномъ для себя укрѣпленіи. какъ оное имѣетъ свое положеніе на высотѣ и владѣетъ всѣми окружностями, но самую Европейскую крѣпость (означенную на планѣ литерою С).

Чаятельно, не трудно будетъ овладѣть крѣпостію (коя означена литерою В), поелику оная оставлена за вѣтхостію; но высота, на коей она имѣетъ свое положеніе, совершенно владѣетъ первою Дарданельскою крѣпостію С, которая уповательно не долго противу-стоять будетъ совокупнымъ дѣйствіямъ войскъ и флота, которые въ семъ случаѣ могутъ чинить другъ другу взаимное вспоможеніе; а по овладѣніи сею крѣпостію, всю артилерію въ ней разорвать, и также нѣкоторую часть укрѣпленія съ морской стороны подорвать, дабы корабли всегда могли имѣть свободный проходъ.

По разореніи нижней Дарданельской крѣпости, флотъ съ арміею долженъ слѣдовать противу верхней крѣпости (означенной на планѣ буквою D). Высокія горы, находящіяся въ близости за оною крѣпостію, совершенно ею владѣютъ, а завладѣніе оною почти единственно будетъ зависить отъ сухопутныхъ войскъ: ибо, отъ узкости канала, теченіе тамо такъ быстро, что корабль ни на малое время не можетъ стоять въ одномъ положеніи, отъ чего и пушки останутся безъ желаемаго дѣйствія; такожде и въ разсужденіи близости крѣпости Абидосъ на Азіатскомъ берегѣ, гдѣ корабль будетъ находиться въ самой большей опасности. Но по положенію сей крѣпости и высоты мѣстъ позадъ оной, упователно, что сухопутныя войска скоро оною могутъ овладѣть.

Когда сею крѣпостію, Зестосъ, уже овладѣли, вся артилерія въ оной находящаяся можетъ обращена быть противу крѣпости Абидосъ, на Азіятскомъ берегѣ, которая въ разстояніи отъ оной меньше пушечнаго выстрѣла. Противу сей крѣ-

пости корабли также могутъ дѣйствовать и чрезъ совокупное ихъ дѣйствіе стараться изъ оной выгнать гарнизонъ. А ежели въ семъ удастся, то, по овладѣніи оною, всѣ пушки разорвать и крѣпость сколько можно разрушить, чтобъ мимоидущимъ кораблямъ не могло впредь причиниться вреда.

Командующіе флотомъ и арміею могутъ между собою учредить сигналы на всякіе случаи во все время своего дѣйствія.

Чаятельно, что за сими крѣпостями Турецкій флотъ будетъ имѣть свое расположеніе, для атаки котораго Россійскій флотъ нынѣ обрящетъ открытый путь, когда вѣтръ и погода позволятъ. Хотя сей планъ дѣйствія противу Дарданельскихъ крѣпостей оказывается способнымъ, въ разсужденіи расположеній сихъ крѣпостей; но движенія непріятеля и разныя обстоятельства, могущія открыться тогда на мѣстѣ, могутъ причинить немалыя перемѣны въ семъ расположеніи, какъ-то: напримѣръ, по овладѣніи крѣпостей Молдавиджи-паша, ежели число Турецкихъ войскъ окажется не велико, то 1000 человѣкъ регулярныхъ войскъ, 1000 нерегулярныхъ и 200 артиллерійскихъ могутъ почесться за довольное число для атаки первой Дарданельской крѣпости; а всѣмъ прочимъ войскамъ немедленно идти для занятія высотъ, позадъ верхней Дарданельской крѣпости Зестосъ, и укрѣпить себя ретраншаментами.

Какъ скоро обстоятельства позволятъ, нерегулярнымъ войскамъ идти чрезъ деревни, для набиранія лошадей и лошаковъ, къ снабдѣнію кираспръ и къ воженію артилеріи, амуниціи и провіанта.

Относительно разныхъ батарей по берегу, поелику оныя безъ защиты съ береговой стороны, то чаятельно оставлены будутъ по приближеніи нашихъ войскъ, и останется токмо находящіяся на оныхъ пушки разорвать.

Сухопутные генералы конечно будутъ имѣть попеченіе снабдиться всѣми нужными инструментами, для всякаго рода атаки.

Ежели по прибытіи морскаго вооруженія въ Архипелагъ, достовѣрное извѣстіе доставлено будетъ, что многочисленныя непріятельскія войска находятся въ Дарданельскихъ крѣпостяхъ и въ окружности оныхъ: тогда все вооруженіе можетъ идти прямо въ заливъ Са́росъ и высадить десантъ на перешеекъ, не подалеку города Галиполи, до 1000 человѣкъ регулярныхъ, 2500 нерегулярныхъ, 100 артиллерійскихъ и 200 кирасиръ. Регулярнымъ войскамъ немедленно укрѣпить себя ретраншаментами и редутами, въ способнѣйшемъ мѣстѣ, для сохраненія сообщенія со флотомъ. А нерегулярныхъ выслать партіями по деревнямъ, для доставленія кирасирамъ лошадей и для сысканія Грековъ, или тамошнихъ обывателей, которые совершенно бы знали всѣ дороги и служили бы путеводителями. А потомъ употреблять нерегулярныя войска и кирасиръ на разныя маловажныя предпріятія въ семъ перешейкѣ, пока вниманіе непріятеля не обратится противу сего десанта. И какъ скоро примѣчено будетъ, что непріятельскія войска изъ Дарданельскихъ крѣпостей противу онаго выступили, то оставить довольное число фрегатовъ и транспортныхъ судовъ, для снятія сего десанта, когда за нужное почтется; а флоту съ прочими войсками идти немедленно изъ залива Сарось къ Дарданеламъ, высадить войска и поступать такъ, какъ выше упомянуто, для овладѣнія крѣпостями.

ДѢЛО О РАЗВОДѢ

ГЕНЕРАЛЪ-ПОРУЧИКА

СИВЕРСА

СЪ ЖЕНОЮ ЕЛИСАВЕТОЮ.

1779.

1.

Monsieur.

Comme le tems approche que ma malheureuse affaire va être décidée au Sénat, je prie très-humblement votre excellence de vouloir bien parcourir dans un moment de loisir l'extrait de mon affaire que j'ai l'honneur de lui envoyer ci-joint. Votre excellence y verra de quelle façon qu'on en a agi avec moi; je ne m'y serais attendue jamais. L'équité et la bienfaisance de votre excellence qui est connue me font espérer qu'elle me protégera et me rendra justice. Il ne me reste que d'assurer votre excellence que je serai toute ma vie avec la plus parfaite considération

de votre excellence

la très-humble et très-obéissante

servante C. E. de Sievers.

Ce 21 d'Août
1779.

2.

Переводъ письма господина Сиверса, писаннаго имъ къ дядѣ его, Карлу Ѳедоровичу Крузу, прежде начатія третейскаго суда.

Любезнѣйшій дядя!

Я съ поспѣшеніемъ увѣдомляю васъ, что Ея Императорское Величество въ письмѣ весьма милостивѣйшемъ, которымъ меня сегодня удостоить соизволила, повелѣла мнѣ несчастное мое дѣло съ женою моею разобрать чрезъ третейскихъ судей. Я, не вѣдая, знаетъ ли о томъ моя жена, васъ прошу ей о томъ дать знать. Должники ея меня безпокоютъ ежедневно; но сіе разобрать должно будетъ съ господами третейскими судьями.

Я навсегда пребуду истиннѣйшій вашъ другъ І. Сиверсъ.

Въ среду ввечеру.

3.

Переводъ другаго письма, писаннаго господиномъ Сиверсомъ къ дядѣ жъ его, его превосходительству Карлу Ѳедоровичу Крузу.

Любезнѣйшій дядя!

Не имѣя никаковыхъ извѣстій о выборѣ судьи со стороны жены моей, принужденъ повторить мою къ вамъ просьбу; время уже кончить нашъ взаимный стыдъ. Слышалъ я вчерась, что будто его сіятельство графъ Минихъ вознамѣрился взять на себя сіе печальное дѣло. Я весьма тому радъ: онъ есть человѣкъ безпорочной совѣсти и добродѣтельной; я бы самъ хотѣлъ его избрать.

Я навсегда пребуду вашъ истинный племянникъ и другъ

Яковъ Сиверсъ.

Оригиналы обоихъ сихъ писемъ хранятся у его превосходительства Карла Ѳедоровича Круза, а данныя копіи въ Государственную Юстицъ-Коллегію имъ засвидѣтельствованы

4.

Переводъ уполномочія господина Сиверса, даннаго его высокопревосходительству Адаму Васильевичу Олсуфьеву.

Какъ къ сожалѣнію между мною и супругою моею Елисаветою, дочерью графа Сиверса, дошло до того, что мы взаимно желаемъ развестися отъ стола, ложи, дома и имѣнія, препоручая оное третейскимъ судьямъ, то я нижеподписавшійся генералъ-поручикъ и кавалеръ Яковъ Ефимовъ сынъ фонъ-Сиверсъ симъ объявляю, что я третейскимъ судьею избралъ его высокопревосходительство господина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Адама Васильевича Олсуфьева для переговора о томъ съ уполномочиваемымъ отъ жены моей третейскимъ же судьею и для опредѣленія онаго отъ стола, ложи и имѣнія развода, оставляя каждому изъ насъ собственное какъ наслѣдное, такъ и нажитое имѣніе; равномѣрно дѣлать по справедливости и благоразсмотрѣнію своему о прижитыхъ въ бракѣ нашихъ трехъ дочеряхъ положеніе. Что же означенными обоими господами третейскими судьями по тому единогласно положено будетъ, оное я, *не прекословя, подписать и непарушимо исполнять буду*. Въ случаѣ томъ, что избранные третейскіе судьи въ чемъ несогласны будутъ, оставляется имъ на волю избрать главнаго третейскаго судью и что тогда по большинству голосовъ опредѣлено будетъ, *оному не прекословя же подписать и исполнять буду непремѣнно*. Въ вящшее того увѣреніе я сіе полномочіе подписалъ собственною рукою съ при-

ложеніемъ печати моей. Санктъ-Петербургъ, Октября 25-го дня 1778 года.

Яковъ Ефимовъ сынъ фонъ-Сиверсъ.

мѣсто печати

Оригиналъ сего уполномочія хранится у его высокопревосходительства Адама Васильевича Олсуфьева.

5.

Милостивая государыня!

Съ тѣхъ поръ какъ угодно было вамъ поручить мнѣ важную должность третейскаго главнаго суди sirarbitre, для разобранія и рѣшенія дѣла о разводѣ вашего превосходительства съ супругомъ вашимъ, со тщаніемъ стремился я исполнить долгъ свой сходственно съ обстоятельствомъ дѣла, наблюдая при томъ справедливость и благопристойность. И потому, слѣдуя внутреннему совѣсти своей убѣжденію сочинилъ я прилагаемые при семъ пункты, имѣющіе служить основаніемъ вашего съ супругомъ развода. Истинное и нелицемѣрное усердіе поспѣшествовать взаимному вашему спокойствію заставляетъ меня искренно желать, дабы по крайней мѣрѣ благополучіе дѣтей вашихъ сколько ни есть могло служить вамъ утѣшеніемъ въ несчастномъ вашемъ союзѣ.

Пребываю съ отмѣннымъ высокопочитаніемъ моимъ

вашего превосходительства

покорнѣйшій слуга князь А. Голицынъ.

6.

Пункты, на которыхъ основанъ разводъ господина Сиверса съ супругою его.

Избранные господиномъ Сиверсомъ и супругою его по сему разводному ихъ дѣлу съ достаточными уполномоченіями третейскіе судьи, arbitres, а именно со стороны г. Сиверса его высокопревосходительство господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Олеуфьевъ, а со стороны госпожи фонъ-Сиверсъ — его высокопревосходительство господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Минихъ, будучи по большей части въ мнѣніяхъ своихъ согласны, кромѣ только тѣхъ пунктовъ, кои касаются дѣтей ихъ и состоящаго по банку долга 10,000 рублей, упросили меня въ главные третейскіе судьи, surarbitre, съ тѣмъ, чтобъ по причинѣ таковаго ихъ несогласія оные пункты рѣшить. Вслѣдствіе того, разсматривая учиненный ими планъ, я справедливо нашелъ сдѣлать слѣдующее положеніе, *долженствующее служить господину Сиверсу и его супругѣ правиломъ* въ разсужденіи какъ развода, такъ и распоряженія обоюднаго ихъ и дѣтей имѣнія.

а.

Какъ происшедшія взаимныя съ обѣихъ сторонъ несогласія всѣ узы союза истребили, то и пребывать господину Сиверсу съ супругою его въ разлученіи отъ стола и ложа брачнаго, раздѣля по себѣ имѣніе какъ движимое, такъ и недвижимое.

5.

Съ той и другой стороны должно *предать забвенію все прошедшее,* и если когда случится имъ другъ друга гдѣ видѣть, то наблюдать благопристойность взаимно.

6.

Что касается до трехъ ихъ дочерей, то господинъ фонъ-Сиверсъ старшую оставляетъ при себѣ, принимая попеченіе о воспитаніи и содержаніи·ея на свой счетъ, на требуя на то отъ супруги своей ничего. Средняя же и младшая дочери для воспитанія до совершеннаго возраста имѣютъ отданы быть въ благопристойное мѣсто, потому что воспитаніе ихъ по юности лѣтъ отмѣннаго требуетъ попеченія, каковаго ему господину фонъ-Сиверсу, по причинѣ частыхъ своихъ по должности отлучекъ, объ нихъ имѣть никакъ не можно. А какъ кромѣ Новодѣвичьяго монастыря трудно пріискать такое мѣсто, которое бы·было равно пристойно какъ для родителей, такъ и для дѣтей, то господинъ фонъ-Сиверсъ и супруга его имѣютъ прибѣгнуть къ высокомонаршей Ея Императорскаго Величества милости и просить о принятіи оныхъ малолѣтныхъ ихъ дочерей въ общество благородныхъ питомицъ, и въ такомъ случаѣ обязываются г. фонъ-Сиверсъ платить двѣ, а супруга его—третью часть пенсіонныхъ денегъ, продолжая до совершеннаго ихъ возраста, по достиженіи котораго обѣ дочери имѣютъ паки возвратиться въ отцовскій домъ. Господинъ фонъ-Сиверсъ супругѣ своей не возбраняетъ посѣщать старшую свою дочь, коль часто заблагоразсудитъ, только бы давала ей напередъ о томъ знать.

г.

Когда дочери достигнутъ тѣхъ лѣтъ, что могутъ выйти замужъ, тогда г. Сиверсъ съ супругою своею имѣютъ о приданомъ согласиться полюбовно такъ, что отецъ долженъ дать двѣ, и мать—третью часть, наблюдая таковую же пропорцію и въ разсужденіи алмазныхъ и прочихъ домашнихъ вещей. А дабы опредѣляемое такимъ образомъ дочерямъ приданое не подвергнуть какой либо опасности, то подлежитъ до совершенія брака сдѣлать рядную.

д.

Въ случаѣ смерти госпожи фонъ-Сиверсъ, оставшееся имѣніе должны получить дочери ея, яко законныя послѣ отца и матери наслѣдницы, предоставляя управленіе онаго до замужества дочерей господину фонъ-Сиверсу, какъ законному дѣтей своихъ опекуну, или опредѣленнымъ супругою его душеприкащикамъ. Тожъ самое служитъ и о имѣніи господина фонъ-Сиверса въ случаѣ смерти его такъ, что дочери по законамъ ему наслѣдуютъ; а мать, если пѣть опредѣленныхъ душеприкащиковъ, управляетъ имѣніемъ до тѣхъ поръ, пока дочери замужъ выйдутъ.

е.

Госпожа фонъ-Сиверсъ отъ супруга своего получила обратно все принесенное по реестру приданое свое, какъ наличныя деньги, такъ алмазныя вещи и мобели, въ чемъ имѣетъ ему дать надлежащую росписку.

Госпожа фонъ-Сиверсъ остается при своемъ имѣніи, состоящемъ въ алмазныхъ вещахъ и мобеляхъ и проч., въ томъ числѣ и загородная дача съ принадлежащими къ ней угодьями. Равнымъ образомъ она имѣетъ вступить въ полное и совершенное владѣніе состоящихъ въ Ингерманландіи мызъ своихъ и сельца Имуратова, съ тѣмъ однако, что какъ сіи мызы въ разсужденіи управленія ихъ понынѣ были соединены съ мызою Гадебушъ, которая впредь имѣетъ состоять за господиномъ фонъ-Сиверсомъ, то и остаться имъ въ управленіи тогожъ самаго прикащика, долженствующаго въ нихъ дать отчетъ въ будущій праздникъ Святыя Пасхи, то-есть по окончаніи положеннаго экономическаго года, раздѣля потомъ доходы по пропорціи полученныхъ съ каждой мызы продуктовъ. По прошествіи жъ онаго срока показанныя мызы имѣютъ управляемы быть порозни и, какъ мызы сельца Имуратова въ бревнахъ и дровахъ имѣютъ недостатокъ, то господинъ фонъ-Сиверсъ въ пользу дѣтей своихъ, кои сіи мызы получить имѣютъ, дозволяетъ супругѣ своей изъ лѣсовъ мызы Гадебушъ рубить бревна и дрова, сколько собственно для нея и крестьянъ необходимо потребно быть можетъ, какъ о томъ предписано въ 4-мъ пунктѣ отцовской духовной.

ж.

А дабы наивяще утвердить благополучіе дѣтей, госпожа фонъ Сиверсъ обѣщается мызы сельца Имуратова ни продать, ниже обременять долгами; а тожъ самое обѣщаетъ и господинъ фонъ-Сиверсъ съ своей стороны въ разсужденіи состоящихъ въ Ингерманландіи мызъ своихъ Гадебуша и Лопатины.

3

Что̀ касается до требуемыхъ господиномъ фонъ-Сиверсомъ обратно 20.000 рублей, то какъ сіи деньги должно почитать за подарокъ супругѣ для покупки мызъ, особливо въ разсужденіи того, что сія сумма дѣйствительно и употреблена на покупку мызъ, которыя по 8 пункту имѣютъ достаться дѣтямъ, и для того онъ, господинъ фонъ-Сиверсъ, тѣхъ денегъ впредь требовать не станетъ.

II.

Какъ на мызахъ госпожи фонъ-Сиверсъ, кромѣ занятаго изъ банка 10.000 рублей капиталу, другихъ долговъ никакихъ не имѣется, а оныя мызы по силѣ 8-го пункта впредь проданы и долгами обременены быть не могутъ, но должны отнынѣ почитаемы быть дѣтинымъ имѣніемъ, съ котораго мать пользуется токмо доходами: то въ разсужденіи того господинъ фонъ-Сиверсъ изъ любви къ дѣтямъ своимъ береть сей банковый долгъ на себя; а супруга его обязывается платить половинное число ежегодныхъ за оный капиталъ процентовъ до тѣхъ поръ, пока весь капиталъ заплаченъ будетъ.

I.

Наконецъ, господинъ фонъ-Сиверсъ снимаетъ на себя заплатить всѣ долги, которые супругою его сдѣланы для домашнихъ нуждъ по день возставшаго между ими несогласія, то-есть: сего года Сентября по 22-е число.

к.

И для того фонъ-Сиверсъ и супруга его имѣютъ письменно обязаться по вышеписаннымъ пунктамъ непремѣнное чинить исполненіе. Въ Санктъ-Петербургѣ Ноября 25-го дня 1778 года.

NB. Каждая спорющаяся сторона получила по оригиналу сей копіи.

7.

Состояніе дѣла о Сиверсовомъ разводѣ.

По кончинѣ родителей госпожи Сиверсовой, мужъ ея перемѣнилъ съ нею свое поведеніе: изъ уваженія къ покойнымъ скрывалъ онъ нѣсколько при ихъ жизни свой жестокій нравъ; но по смерти ихъ сталъ явно оказывать женѣ своей всевозможныя оскорбленія. Въ Сентябрѣ прошлаго года жили они въ находящемся близъ Петербурга загородномъ домѣ. Тутъ оскорбленія его превзошли уже всѣ мѣры человѣческаго терпѣнія такъ что госпожа Сиверсова принуждевною нашлась прибѣгнуть къ милосердію Ея Императорскаго Величества и просить защищенія отъ несносныхъ притѣсненій и обидъ, претерпѣваемыхъ ею отъ своего мужа. Для избавленія же себя отъ его лютости переѣхала она съ тремя малолѣтными дочерьми изъ загороднаго двора въ домъ графа Фермора.

Всемилостивѣйшая Государыня, слѣдуя природному своему человѣколюбію, высочайше повелѣла несогласія господина Сиверса съ его супругою прекратить и рѣшить третейскимъ судомъ. Повелѣніе сіе возвѣщено самимъ господиномъ Сиверсомъ въ письмѣ къ родному дядѣ его супруги, господину Крузу.

Въ слѣдствіе сего господинъ Сиверсъ избралъ съ своей стороны арбитромъ его высокопревосходительство Адама Васильевича Олсуфьева, а госпожа Сиверсова избрала его сіятельство графа Миниха. Сей выборъ ея весьма апробовавъ господиномъ Сиверсомъ во второмъ письмѣ его къ господину Крузу.

Каждая сторона дала своему арбитру надлежащее уполномоченіе, подписанное собственноручно и съ приложеніемъ ихъ печатей. Въ уполномочіи своемъ господинъ Сиверсъ именно обязывается: все то, что̀ третейскими судьями единогласно положено будетъ, не прекословя, подписать и непарушимо исполнять. Сверхъ того тутъ же оставляетъ онъ на волю господъ третейскихъ судей, въ случаѣ несогласія ихъ въ какихъ либо пунктахъ, избрать главнаго третейскаго судью, и что̀ тогда по большинству голосовъ опредѣлено будетъ, обязывается непрекословно же подписать и исполнять.

Господа третейскіе судьи, получа таковыя уполномочія, стали разсматривать существо дѣла и, будучи въ нѣкоторыхъ пунктахъ не одного мнѣнія, избрали въ третейскаго главнаго судью его сіятельство князя Александра Михайловича Голицына. Онъ своимъ голосомъ рѣшилъ третейскій судъ и сообщилъ приговоръ обѣимъ сторонамъ для исполненія.

По полученіи сего приговора, можно ли было ожидать отъ господина Сиверса другаго поступка, какъ точнаго исполненія рѣшенія, произнесеннаго судьями имъ самимъ уполномоченными и которое обязался онъ подписать и исполнять непрекословно? Но вмѣсто сего должнаго исполненія сдѣлалъ господинъ Сиверсъ поступокъ, который паче всѣхъ доказательствъ изъявляетъ свойство души его и сердца; забылъ онъ все то, что̀ уважать долженствовалъ и что жена его,

будучи первымъ пунктомъ рѣшенія третейскаго суда разлучена съ нимъ отъ стола и ложа, сдѣлалась для него постороннею уже особою. Со множествомъ людей пріѣхалъ онъ въ домъ графа Фермора, когда госпожи Сиверсовой не было дома, ворвался во дворъ и увезъ дѣтей силою. Симъ поступкомъ, нарушающимъ гражданскую безопасность, хотѣлъ онъ нанести лютѣйшій ударъ матери и, лишивъ ее дѣтей, повергнуть ее въ истинное отчаяніе. Ни важность сана и служенія его въ государствѣ, ни уваженіе къ столицѣ императорской, ни опасеніе несчастныхъ слѣдствій, могущихъ произойти отъ отпору хозяйскихъ служителей не воспретили жестокому движенію сердца его сдѣлать такой поступокъ, за который и послѣдній гражданинъ подвергается по законамъ тяжкому взысканію.

Изгнанная изъ дому своего жестокосердіемъ мужа, лишенная дѣтей, единаго утѣшенія въ горести своей, госпожа Сиверсова прибѣгла опять къ престолу всемилостивѣйшей Государыни. Въ правосудіи ея нашла она въ другой разъ свою защиту. Ея Императорское Величество повелѣть ей соизволила возвратиться въ домъ свой и жить въ немъ безопасно; а потомъ генералъ-полиціймейстеръ по высочайшему же повелѣнію взялъ отъ господина Сиверса среднюю дочь и отдалъ ее матери: меньшая же не могла быть къ ней привезена за болѣзнію; а большая по третейскому приговору должна у отца и оставаться.

По долгу ли службы, или отъ стыда, сдѣлавъ поступокъ толь предосудительный своему имени, господинъ Сиверсъ уѣхалъ потомъ немедленно изъ Петербурга, поруча своему повѣренному подать въ Юстицъ-Коллегію челобитье о своемъ разводѣ и объ отдачѣ ему трехъ дочерей на воспитаніе.

Въ челобитьѣ своемъ представляетъ онъ резономъ своего требованія разныя непріятныя ему происшествія, о которыхъ однакожъ не упоминаетъ; жалуется, что жена его съ загороднаго двора переѣхала не въ тотъ домъ, гдѣ онъ жить расположился и, приводя Шведскій законъ о побѣгѣ жены отъ мужа, проситъ, въ силу онаго, брачный союзъ развести и, его оправивъ, отдать дѣтей ему на воспитаніе.

При случаѣ семъ угаилъ господинъ Сиверсъ весьма непохвально: 1) что онъ получилъ монаршее повелѣніе окончить его распри съ женою третейскимъ судомъ; 2) что самъ онъ уполномочилъ своего медіатора и обязался непрекословно рѣшеніе третейскаго суда подписать и исполнять; 3) что третейскій судъ произнесъ уже свое рѣшеніе, на которое по взаимному обязательству никто изъ нихъ апеляціи взять не можетъ, равно какъ и Юстицъ-Коллегія ни отъ кого изъ нихъ апеляціи принимать не должна по ясному содержанію перваго закона кодекса, что «приговорамъ избранныхъ третейскихъ судей апеляціи брать не должно»; 4) что переѣздъ съ загороднаго двора его супруги не въ тотъ домъ, гдѣ онъ живетъ, былъ неминуемое слѣдствіе ихъ положенія и не только существа, но ниже наружности побѣга не имѣетъ. И, наконецъ, въ дополненіе несправедливости своей осмѣливается господинъ Сиверсъ требовать отъ Юстицъ-Коллегіи къ себѣ ту самую дочь, которая отъ него взята и отдана матери именнымъ всевысочайшимъ указомъ. Благопристойность запрещаетъ дать истинное наименованіе сему поступку.

Госпожа Сиверсова всѣ сіи обстоятельства открыла Юстицъ-Коллегіи въ своемъ отвѣтѣ, въ исполненіе втораго пункта третейскаго приговора; не могла она въ ономъ своемъ отвѣтѣ ни принести на него жалобы, ниже отвѣчать на его нареканія. Еслибъ вступила она тутъ въ какіи-нибудь изъ-

ясненія, то бъ могла быть обвиняема въ единомъ преступленіи съ бывшимъ мужемъ своимъ, то-есть въ неисполненіи третейскаго приговора, коего второй пунктъ обязываетъ обоихъ предать забвенію все прошедшее. И такъ госпожа Сиверсова принуждена была, въ заключеніе своего объясненія, ограничиться только въ единой просьбѣ о принужденіи мужа ея къ исполненію третейскаго приговора въ силу Шведскаго экзекуціоннаго устава 10-го Іюля 1769 года, Лифляндскаго земскаго уложенія, стр. 236. гдѣ именно сказано: «Когда кто, имѣя ясное и неподозрительное обязательство, запись или договоръ или же учиненный отъ незазорныхъ третейскихъ судей приговоръ, и со всѣмъ тѣмъ по той или другой причинѣ удовольствія своего получить не можетъ и принужденъ будетъ отъ начальства нашего просить объ учиненіи ему судебной въ томъ помощи; то справясь, за чѣмъ дѣло стало, челобитчика развести, смотря по обстоятельству каждаго дѣла, какъ за лучше и справедливѣе разсудится, и челобитчикъ доволенъ быть можетъ».

Что же надлежитъ до требуемаго господиномъ Сиверсомъ развода, то супруга его въ томъ же самомъ своемъ отвѣтѣ объявила на то свое согласіе, лишь бы только третейскій приговоръ мужемъ ея совершенно былъ исполненъ и разводъ бы учиненъ былъ не по претексту ложно и недостойно вклепаннаго на нее побѣгу, но по истинной законной и въ лютеранской религіи довольной причинѣ къ разводу, а именно по непреодолимому другъ къ другу отвращенію между мужемъ и женою. Каковое отвращеніе оба они ощущаютъ другъ къ другу конечно въ полной мѣрѣ, тѣмъ паипаче, что госпожа Сиверсова и вышла за него противъ склонности, повинуясь родительской власти, а онъ на ней женился для одной своей фортуны.

На сей отвѣтъ госпожи Сиверсовой подалъ бывшій мужъ ея въ Юстицъ-Коллегію возраженіе. Оно заслуживаетъ особливаго вниманія какъ потому, что господинъ Сиверсъ сказалъ въ немъ все то, что только могъ примыслить къ обвиненію бывшей жены своей и къ своему оправданію, такъ какъ и потому, что челобитчикъ открылъ истинный образъ мыслей своихъ, который для удовлетворенія неправеднѣйшей злобы и мщенія заставилъ его пренебречь все то, что онъ за свято почитать былъ долженъ. Пространство сей піесы не позволяетъ включить ее здѣсь отъ слова до слова: но для опроверженія всѣхъ его резоновъ, жалобъ и претензій слѣдуетъ здѣсь краткая выписка съ надлежащимъ возраженіемъ.

«Мнѣніе медіаторовъ», говоритъ г. Сиверсъ, «не есть приговоръ третейскаго суда, но простой проектъ примиренія, который по простому обѣихъ сторонъ согласію сочиненъ избранными особами; а оное ихъ согласіе не можетъ имѣть силы компромиса».

Въ уполномочіи своемъ г. Сиверсъ говоритъ точно сими словами: «что означенными третейскими судьями единогласно положено будетъ, оное непрекословно подписать и ненарушимо исполнять буду». Изъ сего ясно видно, что дѣло идетъ не о проектѣ примиренія, но о точномъ рѣшеніи, долженствующемъ произнестись отъ людей законно-уполномоченныхъ.

Тщетно избѣгаетъ г. Сиверсъ названія третейскаго суда, когда самъ, возвѣщая письменно монаршее повелѣніе, сказалъ, что Ея Величество повелѣла ему разобрать его съ женою распри третейскимъ судомъ, и когда въ уполномочіи его обязывается непрекословно исполнять что положено будетъ третейскими судьями.

Простое согласіе весьма разнствуетъ отъ уполномочія за собственноручнымъ подписаніемъ и съ приложеніемъ печати. Отъ перваго худая совѣсть тотчасъ отпереться можетъ, а послѣднее есть такое обязательство, которое законъ принуждаетъ непрекословно исполнить. Таковое уполномочіе есть компромисъ въ существѣ своемъ и формѣ, ибо что есть компромисъ? Есть добровольное уполномочіе третейскаго судьи, въ коемъ обязывается подписавшійся исполнить непрекословно рѣшеніе третейскаго суда. Таковое точно уполномочіе далъ г. Сиверсъ и исполнить его долженъ, не только что по совѣсти, но и по ясному закону, изображенному точно въ сихъ словахъ: «приговоръ посредственныхъ судей исполненъ быть долженъ, былъ бы оный справедливъ или несправедливъ, и пускай на себя пѣняетъ, кто на посредственныхъ судей ссылался». Законы Римскіе, г. 27-я, § 2-й.

«Медіаторскій проектъ перемирія», говоритъ г. Сиверсъ, «мною не подписанъ, слѣдовательно и недѣйствителенъ».

Всякое рѣшеніе судейское подписывается только судьями, и для дѣйствительнаго исполненія нѣтъ никакой нужды, чтобъ спорящіеся тутъ же подписались. Г. Сиверсъ, въ уполномочіи своемъ, сказалъ уже, что обязуется все то исполнить что положено будетъ третейскими судьями. Вотъ его подписка; она одна совершенно обязываетъ его къ исполненію. Правда, что въ семъ же самомъ уполномочіи обязывается онъ рѣшеніе исполнить и оное подписать. Но сія подписка примышлена третейскими судьями отнюдь не для того, чтобъ безъ нея рѣшеніе было недѣйствительно, а только для того, чтобъ подписка его и жены его подъ рѣшеніемъ были доказательствомъ для дѣтей ихъ и потомковъ, что сей актъ есть оригинальный. Впрочемъ, для исполненія ими самими рѣшительнаго приговора конечно нѣтъ нужды, чтобъ они

сами рѣшеніе подписали. Оно уже единожды и напередъ ими подписано было тогда, когда дали они уполномочиванія за собственноручнымъ подписаніемъ и съ приложеніемъ ихъ печатей.

«Сторона, недовольная медіаторскимъ судомъ», говоритъ г. Сиверсъ, «имѣетъ по закону десятидневный срокъ на объявленіе своего неудовольствія, котораго сроку я и не пропустилъ».

Чтобъ увидѣть ясно, сколь отзывъ сей неприличенъ и незаконенъ, надлежитъ разсмотрѣть, откуда произошелъ третейскій судъ, рѣшившій его съ женою распри, кто былъ судьями и по какому праву?

Судъ господина Сиверса не походитъ на тѣ примирительные суды между людьми партикулярными, которые можно назвать домашними распоряженіями и которые, бывъ подвержены нерѣдко рѣшенію сродниковъ, пристрастныхъ или вруждующихъ, подчиняются по закону срокамъ, записямъ и всему тому, что добрую вѣру отъ коварства оградить можетъ. Но здѣсь представляется совсѣмъ другое обстоятельство.

Всемилостивѣйшая Государыня, увѣдавъ, что особа знаменитой степени являетъ въ домѣ своемъ примѣръ домашняго несогласія, всевысочайше повелѣла прекратить таковыя распри третейскимъ судомъ, яко способомъ приличнѣйшимъ для людей ихъ состоянія. Господинъ Сиверсъ возвѣщаетъ самъ сіе высочайшее повелѣніе въ письмѣ своемъ къ господину Крузу, посвѣщаетъ самъ избраніемъ своего арбитра, побуждаетъ самъ жену свою къ избранію арбитра съ ея стороны; оба выбрали людей первыхъ степеней въ государствѣ, оба дали имъ уполномочія съ полною и неограниченною довѣренностію. Послѣ сего пусть всякій безпристрасно разсу-

дить: подходитъ ли подъ формалитетъ приказной сдѣлки третейскій судъ, происшедшій отъ толь священнаго источника, каково есть монаршее повелѣніе и произнесенный людьми по званію и честности знаменитѣйшими, совершенно безпристрастными и имъ самимъ избранными съ точнымъ обязательствомъ рѣшеніе ихъ исполнять непрекословно.

Но положимъ, что г-нъ Сиверсъ, не внемля никакимъ человѣческимъ уваженіямъ, надѣется избѣжать отъ исполненія своего обязательства помощію приказнаго обряда. И тутъ обманывается онъ въ своей надеждѣ. Законъ кодекса 76-го раздѣляетъ третейскіе суда на два рода; одинъ состоитъ въ томъ: «буде дѣло отдается на разсмотрѣніе посредникамъ для изысканія средствъ къ примиренію», въ такомъ случаѣ законъ 5-го кодекса позволяетъ чрезъ десять дней объявлять свое несогласіе на медіаторское мнѣніе. Другой же родъ состоитъ въ томъ, буде обѣ стороны уполномочили своихъ арбитровъ съ обязательствомъ рѣшеніе ихъ непрекословно исполнять, въ такомъ случаѣ никакого срока и никакой отговорки не дозволяется; но законъ точно сими словами повелѣваетъ: «медіаторскому приговору, былъ бы онъ справедливъ или несправедливъ повиноваться, когда судьи избраны съ точнымъ уполномочіемъ». Римскихъ законовъ глава 26-я.

«Въ договорныхъ пунктахъ», говоритъ г-нъ Сиверсъ, «медіаторы предложили такія распоряженія, на которыя я и не давалъ полномочія».

Господинъ Сиверсъ долженъ былъ сказать, чѣмъ судьи превзошли его уполномочіе? Надлежитъ только прочесть приговоръ ихъ, чтобъ увидѣть, съ какою честностію, съ какимъ правосудіемъ и съ какою нѣжностію размѣрили они обоюдные интересы мужа и жены и рѣшили ихъ судьбу, внемля единому гласу своей совѣсти.

«Положимъ», говоритъ г-нъ Сиверсъ, «что медіаторское мнѣніе заключаетъ въ себѣ подлинный приговоръ, то однако и въ такомъ случаѣ жалоба моя должна быть принята на разсмотрѣніе».

Какъ скоро полагаетъ г-нъ Сиверсъ, что такъ называемое имъ мнѣніе медіаторское есть приговоръ подлинный, то уже и никакъ нельзя жалобѣ его быть принятой на разсмотрѣніе: ибо вторымъ пунктомъ сего приговора обязанъ онъ именно все прошедшее предать забвенію.

«Въ разсужденіи развода», говоритъ г-нъ Сиверсъ, «опека моя сама признается, что оный не подлежитъ къ рѣшенію медіаторовъ: и такъ, когда насъ развести, то подлежитъ найти къ тому законныя причины: праваго—оправдать, а виноватаго—обвинить; чего ради не удивляюсь, что жена моя, въ отвѣтѣ своемъ, оспаривая требованіе мое о признаніи меня правымъ, не осмѣлилась однако испросить себѣ сего преимущества, что̀ потому и служитъ къ моему оправданію».

Что г-жа Сиверсова соглашается на разводъ, то ее не обвиняетъ, ниже отъ исполненія приговора освобождаетъ ея мужа. Вышепомянутое по лютеранской религіи взаимное другъ къ другу отвращеніе между мужа и жены есть уже довольная причина къ расторженію брака, и нѣтъ нужды ни до чьихъ обвиненій, ни до чьихъ оправданій, чтобъ быть разведенными и получить позволеніе обоимъ для втораго брака. Разлученіе стола и ложа произнесено уже первымъ пунктомъ третейскаго приговора: но формальный разводъ зависитъ, конечно, отъ Юстицъ-Коллегіи, почему г-жа Сиверсова и согласилась на оный, лишь бы только третейскій приговоръ былъ исполненъ во всей точности.

Здѣсь не излишне обличить г-на Сиверса, сколь неправильно употребляетъ названіе побѣга въ обвиненіи жены

своей. Живучи на загородномъ еще дворѣ, подала она жалобу на мужа своего Ея Императорскому Величеству, и поведѣніе о судѣ уже воспослѣдовало. Будучи съ нимъ въ такомъ положеніи, могла ли уже она жить съ нимъ въ одномъ домѣ? И такъ принуждена она была въѣхать въ городъ въ нанятый ею особый домъ, что̀ все происходило въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Въ Декабрѣ, два мѣсяца потомъ, хватился г-нъ Сиверсъ жаловаться, что жена его бѣжала; между тѣмъ, во все время имѣлъ онъ переписку съ роднымъ дядею жены своей, не говоря ни слова о ея побѣгѣ, избралъ своего арбитра, давалъ ему полномочіе, и по самое рѣшеніе третейскаго суда не входило самому ему въ мысль, чтобъ жена его бѣжала. Лишь только выцелъ третейскій приговоръ, то ухищреніе вселило въ него къ подачѣ челобитной въ Юстицъ-Коллегію несчастный поводъ и названіе побѣга. И такъ переѣздъ г-жи Сиверсовой въ нанятый ею домъ въ Октябрѣ, не признаваемый имъ за побѣгъ во все продолженіе Ноября, можетъ ли считаться побѣгомъ съ 1-го Декабря? Такое обвиненіе столь противно здравому разсудку, сколь несовмѣстно съ доброю совѣстію.

По семъ исчисляетъ господинъ Сиверсъ благодѣянія свои къ женѣ и выхваляетъ свои добродѣтели. «Радуюсь», говоритъ онъ, „что жена моя подала мнѣ поводъ явнымъ признаніемъ соорудить покойнымъ ея родителямъ монументъ благодарности моей. Они чувствительнѣйшіе знаки оказывали мнѣ всегда пріязни и любви. Почитаю достойнымъ сихъ родителей во гробѣ» и проч.

Г-ну Сиверсу нельзя не признать великія благодѣянія покойныхъ родителей жены его: имъ онъ обязанъ воспитаніемъ и, можно сказать, бытіемъ своимъ; они взяли его изъ бѣднаго состоянія младенцомъ на свои руки, воспитали его и

создали его счастіе; ибо единымъ ихъ пособіемъ изъ ничего вышелъ онъ въ знаменитое и избыточное состояніе. Чѣмъ же воздалъ г-нъ Сиверсъ имъ за всѣ ихъ благодѣянія? Приключилъ дочери ихъ вѣчныя слезы. Вотъ его благодарность! Вотъ монументъ, имъ сооруженный! Чѣмъ оправдаетъ г-нъ Сиверсъ жестокосердіе свое предъ свѣтомъ, когда, женясь на дочери благодѣтелей своихъ противу ея воли, одиннадцать лѣтъ сряду не могъ онъ ни за что и никому принести на нее ни малѣйшихъ жалобъ и когда, давъ теперь всю волю ожесточенію своему, по единому только претексту ложнаго и небывалаго побѣга, ищетъ подвергнуть ее конечной гибели и всегдашнему поношенію?

Въ заключеніе объясненія своего, попрекаетъ г-нъ Сиверсъ жену свою съ великою точностію малыми суммами денегъ. кои онъ ей будто бы далъ и кои всѣ вмѣстѣ двадцати тысячъ рублей не составляютъ; говоритъ, что по просьбѣ ея купилъ деревни, домъ и экипажъ и чрезъ то обременилъ себя долгомъ до ста тысячъ рублей и, наконецъ, будто бы бывшая жена его не въ полные четыре мѣсяца прошлаго лѣта прожила двѣнадцать тысячъ рублей.

Если разсудить, что г-нъ Сиверсъ получалъ собственные даходы жены своей 11 лѣтъ сряду безостаточно и приданымъ ея основалъ свое состояніе. то всѣ его благодѣянія состоятъ только въ томъ, что употреблялъ онъ доходы жены своей, по ея волѣ, согласно съ собственными своими видами. Г-жа Сиверсова не просила никогда, чтобъ мужъ ея купилъ деревни, домъ и экипажъ. Сіе ясно доказывается тѣмъ, что онъ купилъ все то на свое имя и донынѣ всѣмъ симъ одинъ пользуется. Всѣмъ сродникамъ и знакомымъ г-жи Сиверсовой извѣстно, сколь лживо то, что будто бы она въ 4 мѣ-

сяца прожила двѣнадцать тысячъ рублевъ; а не знаютъ, что въ тѣ 4 мѣсяца не получала она отъ мужа своего ниже самонужнаго къ ея содержанію и жила въ недостаткѣ. Заимодавцы ея представлены были третейскимъ судьямъ, кои по счетамъ видѣли, что небольшіе ея домашніе долги за пять или болѣе лѣтъ сдѣланы на необходимыя нужды, а не въ 4 мѣсяца прошлаго лѣта. Въ заключеніе же всего, чтобъ увидѣть, раззорила ли г-жа Сиверсова мужа своего, надлежитъ знать, что купленная имъ за 50.000 р. деревня на его имя приноситъ ему десять процентовъ: домъ также даетъ знатный доходъ. Надлежитъ еще сравнять прежнее его состояніе съ нынѣшнимъ, въ которомъ онъ имѣетъ годоваго доходу 24.000 р., въ чемъ онъ самъ не однажды признавался. Какимъ же способомъ приведенъ г-нъ Сиверъ въ сіе состояніе? Конечно не инымъ чѣмъ, какъ благодѣяніями родителей жены своей и слѣдствіями даннаго ему воспитанія и вспомоществованія.

Въ послѣднемъ своемъ объясненіи г-жа Сиверсова сообщила Юстицъ-Коллегіи пространно все то, чѣмъ здѣсь вкратцѣ отвѣтствовано на возраженіе г. челобитчика; слѣдственно Коллегія совершенно знала всѣ обстоятельства дѣла и имѣла всѣ доказательства; но, ни на что не воззрѣвъ, сдѣлала отъ 2-го Мая неправедное весьма рѣшеніе, коимъ г. Сиверса безъ основанія оправдаетъ, а г-жу Сиверсову винитъ и безъ причины хочетъ возложить на нее тяжкое и всегдашнее поношеніе; почему г-жа Сиверсова взяла въ Правительствующій Сенатъ апелляцію и чтобъ неправосудіе Юстицъ-Коллегіи представить во всей точности, то за нужно признается включить здѣсь отъ слова до слова коллежское опредѣленіе и препроводить оное нѣкоторыми примѣчаніями.

Опредѣленіе Юстицъ-Коллегіи.

1779-го года Маія 2 дня, по указу Ея Императорскаго Величества, государственная Юстицъ-Коллегія Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, слушавъ челобитную генерала-порутчика и кавалера Якова Сиверса о разводѣ его съ женою Елисаветою, дочерью графа Сиверса, поданное на оную отъ жены возраженіе и съ обѣихъ сторонъ объясненія.

Приказали:

Хотя истецъ винитъ отвѣтчицу, якобы она, по многимъ крайне-непріятнымъ происшествіямъ, которыя онъ закрывать старался, по прибытіи его на Санктпетербургскую дачу прошлаго года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, оставя всякое брачное съ нимъ сожитіе тѣмъ, что она, не взирая на многократныя его дружескія примиренія, дѣланныя имъ для пресѣканія явнаго разрыва и спустя послѣ того недѣлю, отказалась съ нимъ ѣхать въ городъ, наняла себѣ особливую квартиру и отъ него вовсе отошла; а самымъ же симъ умышленнымъ отходомъ по содержанію 8-й статьи 162 главы духовнаго устава отказалась она самоизвольно отъ настоящаго брачнаго сожитія.

Однако *по дѣлу не доказано, чтобъ оное учинила она умышленно.*

Примѣчаніе.

Въ чемъ состоитъ главнѣйшее преніе тяжущихся? Одна сторона утверждаетъ третейскій приговоръ, другая опровергаетъ. Одна доказываетъ, что третейскій судъ рѣшилъ уже дѣло и представляетъ всѣ документы законности рѣшенія. Другая проситъ Коллегію уничтожить приговоръ третейскаго суда, чтобъ избѣг-

нуть исполненія онаго. Сей пункть въ процессѣ есть тотъ узелъ, котораго расплетеніе неминуемо: ибо если признать третейскій приговоръ законнымъ, то процессъ тѣмъ самымъ и конченъ совершенно. Надлежало бы тогда принудить только г-на Сиверса къ исполненію и, слѣдуя 2-му пункту приговора, разводъ учинить по *причинѣ обоюднаго другъ къ другу отвращенія*. Если же третейскій приговоръ ничего не значитъ, то надлежитъ вновь разсмотрѣть дѣло и войти уже во всѣ подробности взаимныхъ обвиненій и оправданій. Словомъ, первый шагъ Юстицъ-Коллегіи въ производствѣ сего дѣла долженъ быть ничто иное какъ утвержденіе или опроверженіе третейскаго приговора. Но ктобъ повѣрить могъ, что Юстицъ-Коллегія въ опредѣленіи своемъ оставила сей пунктъ не только въ нерѣшимости, но ниже помыслила коснуться разсужденіемъ своимъ о третейскомъ приговорѣ. Молчаніемъ своимъ, кажется, совершенно презрила она всѣ резоны г-жи Сиверсовой къ утвержденію третейскаго суда, и всѣ резоны самого г-на Сиверса къ опроверженію онаго. Не удостоила Коллегія ни малѣйшаго уваженія приговоръ, произнесенный особами первыхъ степеней, *ниже выразумѣла важность того источника*, откуда проистекалъ сей третейскій судъ. Кто не ощутитъ, что оный судъ находится въ нераздѣльной связи съ существомъ всего процесса, а потому и совершенное о немъ умолчаніе въ коллежскомъ опредѣленіи противно 10-й главѣ кодекса, въ которой именно сказано: «чтобъ отнюдь не слушать того, который старается дѣлить связь спорнаго дѣла и по особливой понаровкѣ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ искать того, что̀ надлежитъ рѣшить одному суду, да и суду по должности своей наказать того, который въ противность сего закона о чемъ либо просить станетъ».

Но изъ того, а особливо какъ отвѣтчица опровергнуть всего не могла, видно, что она, во первыхъ, оставила вовсе брачное съ супругомъ сожитіе и во вторыхъ, чрезъ то оказавшуюся между ими вражду привела до крайности.

Примѣчаніе. Какъ могла отвѣтчица все опровергать, когда обязана она все забыть 2-мъ пунктомъ третейскаго приговора? Кто разрѣшилъ г-жу Сиверсову и мужа ея отъ исполненія третейскаго суда? И какъ изъ сего должнаго съ ея стороны исполненія могла заключить Коллегія, что г-жа Сиверсова привела вражду до крайности, оставя брачное сожитіе? Развѣ Коллегія не видѣла изъ объясненія г-жи Сиверсовой, что сіе оставленіе ею брачнаго сожитія было слѣдствіе обоюднаго другъ къ другу отвращенія и что къ тому разрѣшены они первымъ пунктомъ третейскаго приговора? Съ другой же стороны видѣла Коллегія изъ уполномочія г-на Сиверса, что и самъ онъ сіе взаимное отвращеніе утверждаетъ и изъявляетъ равное желаніе развестися съ женою отъ стола, ложа, дома и имѣнія.

И напротивъ того, чиненныя ему челобитчику отъ нея отвѣтчицы нареканія въ обидѣ, насильствѣ и угрозахъ по дѣлу неопредѣлительны, ниже доказаны.

Примѣчаніе. Г-жа Сиверсова не могла, въ силу 2-го пункта третейскаго приговора, приносить и доказывать свои жалобы на мужа: въ противномъ случаѣ, какъ выше сказано, была бы и г-жа Сиверсова въ такомъ же преступленіи, въ какомъ теперь находится мужъ ея, то-есть въ неисполненіи третейскаго приговора.

И какъ, по первому, конечное оставленіе взаимной помощи и союза брачныхъ по общему мнѣнію юристовъ, а именно: Стрика 6-го отдѣленія 21-й статьи о несогласіи между брачными; Безгольда книги 3-й сочиненія 26-го, № 27; Брах-

мана богословскихъ правилъ статьи 630-й, признается за оставленіе мужа и потому, а паче по содержанію 2-й главы Шведскаго земскаго уложенія, заглавія о брачныхъ дѣлахъ стр. 260-й (на Шведскомъ языкѣ), оное принято быть можетъ за основанія развода.

Примѣчаніе. Стрикъ, Безгольдъ и прочіе славные юристы имѣли конечно великій резонъ положить за основаніе развода между прочимъ и оставленіе брачнаго сожитія. Но гдѣ запрещаютъ они судьямъ разсмотрѣть причины сего оставленія: гдѣ уничтожаютъ они законный грегейскій судъ и гдѣ позволяютъ обвинять человѣка безъ всякихъ доказательствъ?

По второму, за невоспослѣдованіемъ по употребленнымъ съ обѣихъ сторонъ всякимъ примирительнымъ средствамъ взаимной вражды прекращенія, пресѣкается всякій брачный предметъ и съ онымъ надежда къ миролюбному между ими браку.

Примѣчаніе. Здѣсь Юстицъ-Коллегія ссылается на законъ, который полагаетъ основаніемъ развода взаимное другъ къ другу отвращеніе мужа и жены. Сославшись на него, яко на законъ, по коемъ, кажется, процессъ рѣшить хочетъ, рѣшитъ однакожъ не по немъ и не сказываетъ, по какой причинѣ его отмѣняетъ, такъ что усмотрѣть нельзя, для чего она о семъ законѣ здѣсь и упоминаетъ.

По такимъ важнымъ причинамъ и по правиламъ протестантской церкви *наиусерднѣйше искомый* съ обѣихъ сторонъ разводъ позволяется.

Примѣчаніе. Г-жа Сиверсова говоритъ въ своемъ объясненіи, что на требуемый мужемъ ея разводъ она соглашается. Какъ же можно сіе согласіе назвать *наиусерднѣйшимъ исканіемъ?*

И для того оный бракъ развесть дозволяетъ, по силѣ 21-й главы Шведскаго земскаго уложенія, стр. 259-я (на Шведскомъ языкѣ), истцу, яко не виноватому, вступить въ другой дозволенной степени бракъ, а отвѣтчицѣ по вышеписаннымъ доводамъ запретить оное безъ точнаго отъ Юстицъ-Коллегіи о томъ опредѣленія.

Примѣчаніе. Почему истецъ правъ? Почему отвѣтчица виновата? За что г-ну Сиверсу позволяется и за что женѣ его запрещается вступленіе во второй бракъ? Какое судилище имѣетъ право обвинять и оправдать безъ причины? Трибуналъ, коего первымъ свойствомъ долженствуетъ быть правота и первымъ достоинствомъ просвѣщеніе, отъ коего рѣшенія зависитъ имѣніе, честь и жизнь гражданина, сей самый трибуналъ осуждаетъ извѣстнаго состоянія женщину на вѣчное поношеніе и не сказываетъ, за что ее поражаетъ и не оправдаетъ ничѣмъ рѣшенія своего предъ свѣтомъ. Прискорбно терпѣть обиды, причиняемыя коварствомъ и злобою, но нестерпимо неправосудіе толь явное, толь лютое, толь противное ясному закону, содержащемуся въ § 35-мъ экзекуціоннаго устава, повелѣвающему: «Всѣ рѣшенія основывать на точныхъ и ясныхъ доводахъ и доказательствахъ и присутственнымъ мѣстамъ инако, какъ по точному оныхъ содержанію не судить». «Когда же истецъ иску своего не докажетъ, то отвѣтчикъ правъ: ибо кто желаетъ искать, тотъ искъ свой долженъ утверждать дѣйствительными доказательствами». Коллегія сама сказала, что г-нъ челобитчикъ иску своего не доказалъ. Какъ же могла послѣ сего рѣшить она дѣло недоказанное; да и какія нужны быть могли доказательства Юстицъ Коллегіи въ дѣлѣ совершенно ясномъ? 1) Видѣла она, что всевысочайшая воля была, чтобъ дѣло сіе, толь несчастнаго и деликатнаго роду, было рѣшено пристойнымъ образомъ

чрезъ третейскихъ судей, что̀ уже было исполнено. То Юстицъ-Коллегіи не можно было входить во вторичное онаго разобраніе. 2) Коллегія видѣла святость рѣшеннаго уже суда, видѣла также, что челобитье г-на Сиверса совсѣмъ оному противно, и для того не уважать оное, но взыскать за то должествовала 3) Она видѣла, что челобитчикъ жаловался на то, на что два мѣсяца прежде въ уполномочіи своемъ торжественно согласился, то есть, чтобъ съ женою своею болѣе не жить. 4) Весьма легко выразумѣть могла Коллегія, что неприлично порицать ту злоумышленнымъ побѣгомъ, которая у высоко-монаршаго престола искала спасенія своего, и способомъ отъ онаго происшекшимъ положень былъ предѣлъ ея несчастію. Послѣ сего всего какія могли быть нужны Юстицъ-Коллегіи доказательства, чтобъ увидѣть рѣдкую неправедность жалобы г-на Сиверса?

Что̀ же касается до прочихъ пунктовъ, по которымъ отъ выбранныхъ третейскихъ судей воспослѣдовалъ приговоръ, то Коллегія въ оные пункты въ рѣшеніи своемъ вступать не можетъ, наипаче, что оные по большей части до ея разбирательства не принадлежатъ.

Примѣчаніе. Здѣсь въ первый еще разъ во всемъ опредѣленіи упоминается названіе третейскаго суда и, давъ ему именованіе приговора, а не простаго проекта, такъ какъ г. Сиверсъ его называетъ, не вывела однакожъ Юстицъ-Коллегія челобитчика изъ сего умышленнаго заблужденія и не предписала ему исполненія онаго. Она говоритъ, что въ прочіе пункты третейскаго суда ей вступаться невозможно. Но кто велѣлъ ей вступаться въ какіе нибудь пункты, или кто запретилъ ей вступаться въ прочіе? Сама Коллегія сказала, что тутъ приговоръ третейскій былъ; и такъ, опровергнувъ жалобу его, непремѣнный долгъ имѣла принудить его исполнить оный.

Воспитаніе же дѣтей, имѣющее съ разводомъ сопряженіе, въ 3-й статьѣ онаго третейскаго приговора, установлено на такомъ основаніи, что оное по общему праву 117-й новеллы, главы 7-й, заглавія кодекса объ оставленіи кому надлежитъ для воспитанія по разводѣ брака дѣтей, всеконечно и въ семъ случаѣ можетъ оставаться въ своей силѣ.

Примѣчаніе. Въ семъ пунктѣ находятся очевидныя противорѣчія. 1) Коллегія выше говоритъ, что кромѣ разводу до прочихъ пунктовъ третейскаго суда не вступается; а здѣсь входитъ въ установленіе судьбы младенцевъ. 2) Коллегія изъ всего третейскаго приговора утверждаетъ одинъ 3-й пунктъ и ничѣмъ не отзывается о прочихъ. Но можно ли утвердить или опровергнуть одну статью приговора, не касаясь до всего? Кто подчинилъ коллежской ревизіи содержаніе третейскаго приговора? Коллегія имѣла право сказать, дѣйствителенъ ли приговоръ или нѣтъ; но не имѣла никакого права судить рѣшеніе третейскихъ судей. 3) Утверждаетъ Коллегія 3-й пунктъ третейскаго приговора для того, что будто сходствуетъ оный съ закономъ кодекса. Есть ли же тутъ какое-нибудь сходство? Кодексомъ отдаются дѣти на воспитаніе правой сторонѣ; но третейскій приговоръ никого не винитъ и опредѣляетъ среднюю и меньшую дочь воспитываться въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. Коллегія даетъ рѣшеніемъ своимъ право г-ну Сиверсу взять къ себѣ всѣхъ дѣтей немедленно: а третейскій приговоръ даетъ право г-жѣ Сиверсовой видѣть двухъ меньшихъ дочерей, воспитывающихся въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ. И такъ, что сдѣлала Коллегія, вмѣшавшись въ одинъ третій пунктъ третейскаго приговора? Нашла совершенное сходство между закономъ кодекса и третейскимъ приговоромъ въ такомъ пунктѣ, въ которомъ они совершенно разнствуютъ; поселила тѣмъ новый корень враж-

ды между истца и отвѣтчицы и едва не произвела новыя тяжбы.

На сіе неправое рѣшеніе Юстицъ-Коллегіи взяла г-жа Сиверсова аппеляцію въ третій департаментъ Правительствующаго Сената. Отъ правосудія его испрашиваетъ она: 1) чтобъ мужъ ея принужденъ былъ исполнить по своему обязательству всѣ пункты третейскаго приговора; 2) чтобъ толь незаконное ея обвиненіе Юстицъ-Коллегіею было уничтожено, и чтобъ въ силу 2-го пункта третейскаго приговора, повелѣвающаго обѣимъ сторонамъ забыть все прошедшее, учиненный уже разводъ основанъ былъ съ предоставленіемъ равныхъ правъ обѣимъ сторонамъ, и по одной причинѣ взаимнаго ихъ другъ къ другу отвращенія. За десять мѣсяцевъ предъ симъ Коллегія развела по сему самому поводу бракъ Марселетовъ. Въ опредѣленіи своемъ, позволяя обѣимъ сторонамъ вступать во второй бракъ, никого она не обвиняетъ. Хотя отвѣтчица Марселетова сама призналась въ умышленномъ оставленіи своего мужа, дабы съ нимъ не имѣть брачнаго сожитія. Сей есть новый опытъ оказаннаго Коллегіею неправосудія г-жѣ Сиверсовой. По одному основанію оправдала она жену Марселета, признавшуюся въ умышленномъ оставленіи мужа и обвинила г-жу Сиверсову, признаваясь, что мужъ ея ничѣмъ не доказалъ умышленнаго ея оставленія. 3) Чтобъ учиненное Коллегіею неправильное истолкованіе 3-го пункта третейскаго приговора было уничтожено и въ силу онаго средняя и меньшая дочери воспитаны были въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ.

Состояніе г жи Сиверсовой достойно сожалѣнія и защищенія. Притѣсненія мужа ея нанесли ей убытку до десяти тысячъ рублей, за которыя проситъ удовлетворенія. Даетъ ей право законъ 27-й, § 7-й пандектовъ слѣдующимъ опредѣле

ніемъ: «А буде въ договорѣ пени никакой не выговорено, но кто-либо точно обѣщался медіаторскій приговоръ исполнить, то на таковаго въ противномъ случаѣ искъ подать можно».

Сверхъ сего тягостнаго убытку отъ нарушенія третейскаго приговору терпитъ г-жа Сиверсова крайній недостатокъ, оттого что удерживаетъ г-нъ Сиверсъ ея доходы, мѣшаетъ ей вступить въ порядочное владѣніе собственнаго ея имѣнія, разоряетъ ея деревни, удерживаетъ у себя крѣпости и подвергаетъ ее жестокимъ безпокойствамъ отъ заимодавцевъ, которыхъ удовольствовать обязанъ онъ 6-мъ пунктомъ третейскаго приговора. Одно скорое рѣшеніе Правительствующаго Сената удобно не допуститъ ее до крайняго разоренія. Съ полною довѣренностью предаетъ она судьбу свою Правительствующему Сенату, твердо уповая, что правосудіе его отниметъ отъ нея поношеніе, навлеченное рѣшеніемъ Юстицъ-Коллегіи, доставитъ ей справедливое удовлетвореніе и онымъ прекратитъ ея бѣдствія.

Всеподданнѣйшее прошеніе помѣщицы Воейковой.

Марта 17-го дня 1786 г.

Августѣйшая Монархиня, всемилостивѣйшая Государыня!

Ужасное бѣдствіе, доведшее меня чрезъ безконечныя страданія до крайняго отчаянія, сопряженнаго при томъ и малолѣтнихъ дѣтей моихъ злополучія, столь велики, что никакой уже надежды не остается ко избавленію отъ нихъ, кромѣ единаго упованія на безприкладное къ несчастнымъ помилованіе Вашего Величества; почему въ сущей крайности принимаю дерзость повергнуть себя и дѣтей моихъ къ освященнѣйшему престолу Вашего Величества. Воззри, великодушная Монархиня, на престрашное состояніе наше и удостой божественнаго правосудія въ отличномъ отъ людей несчастіи нашемъ!

Мужъ мой Ѳедоръ Александровичъ Воейковъ, дворянинъ Рязанскаго намѣстничества, которой съ начала жизни своей имѣетъ свойства ко всегданнимъ порокамъ и къ распутности, отъ чего и отецъ его во всю жизнь свою страдалъ отъ него, за что жестоко наказывалъ его за неприличныя для благороднаго человѣка поведенія и къ нему за непочтеніе; послѣ чего лѣтъ пять велъ себя онъ порядочно, а по-

томъ опять обратился къ прежнему поведенію и, согласяся съ офицеромъ Офросимовымъ, сочинилъ отъ имени матери своей подложной вексель, обманулъ купца, о чемъ мать его тогда же просила Ваше Императорское Величество, почему и содержался мужъ мой семь лѣтъ въ тюрьмѣ: и еслибы я не упросила Ваше Величество, онъ бы умеръ безъ рѣшимости. и по окончаніи военнаго суда приговоренъ былъ къ смертной казни. Но я, при всѣхъ его порокахъ, всѣ способы употребляла ко избавленію его, и сколько разъ осмѣливалася утруждать объ немъ Ваше Величество, и Вы, великодушная Монархиня, сжалившися со мною и съ дѣтьми нашими, по просьбѣ моей отъ тягчайшаго наказанія мужа моего простили, разжаловавъ только его изъ вахмистровъ гвардіи въ армейскіе солдаты, а товарища его Офросимова за тоже преступленіе, лиша чиновъ, имѣнія и дворянства, повелѣли сослать вѣчно въ Сибирь. И когда мужъ мой отосланъ былъ въ Военную Коллегію, тогда отецъ его подалъ на него туда прошеніе, въ которомъ прописалъ всѣ его пороки, и для спасенія жизни своей просилъ сослать его въ Сибирь. Но я, узнавши о томъ прошеніи, упросила его свѣтлость князя Григорія Александровича Потемкина отмѣнить мужу моему и то наказаніе; и когда онъ былъ солдатомъ, я, поражаяся симъ званіемъ, вторично упросила его свѣтлость объ немъ произвести его въ офицеры, а потомъ и объ отъемлемомъ отъ него имѣніи, чрезъ его превосходительство Петра Васильевича Завадовскаго испросила Вашего Величества высочайшее повелѣніе, по которому правосудіемъ щедроть Вашихъ доставила и имѣніе мужу моему, окромѣ спорнаго, доходнаго почти къ нему до трехъ тысячъ душъ. Нынѣ во владѣніи имѣетъ онъ 1500 душъ, съ коихъ воображала жить

порядочно: послѣ чего и жила я съ нимъ восемь лѣтъ изрядно, хотя и были по страстямъ его къ порокамъ и въ тѣ годы происходящія мнѣ отъ него прискорбности, которыя можно было отвращать моими просьбами.

А нынѣ вся жизнь наша разстроилась въ плачевныя обстоятельства, и никакая моя просьба, ни дѣтей нашихъ слезы убѣдить его не могутъ. Опять пришелъ въ распутную совсѣмъ жизнь и въ непотребныя поведенія до крайности: проматываетъ все свое имѣніе, проигрывается въ карты и беретъ на содержаніе метресъ, съ которыми только и имѣетъ дѣло. Грустно и помыслить о нихъ по ихъ поведенію. И они, видя его безпечность, обираютъ не только деньгами и содержаніемъ, но и векселями. И окромѣ тѣхъ еще не оставилъ ни одной почти рабы и въ деревняхъ крестьянки, которая волею и неволею не была бы у него въ любовницахъ. Но я о тѣхъ уже не говорю и оставалася тѣмъ довольною, что онъ имѣлъ дѣло съ своими, а не съ посторонними, въ коихъ столько же раззоряется, сколько и въ карты и въ прочія всякія тому подобныя роскоши, накопляя чрезъ то на себя множество долговъ, сколько мнѣ извѣстныхъ, а вдвое еще тайныхъ, имѣвъ своихъ доходовъ 7000 рублевъ въ годъ; окромѣ, что послѣ отца досталося ему 50,000 рублевъ, да еще продалъ деревню за 10,000 рублевъ. И то все уже прожито, и теперь безпрестанно занимаетъ деньги, не чувствуя, что лишается тѣмъ имѣнія. И я, живши съ нимъ шестнадцать лѣтъ, имѣвши шестерыхъ дѣтей и доставя ему просьбами и слезами моими жизнь, чины и имѣніе, и изъ-за того имѣю ли право говорить ему, чтобъ онъ воздержался отъ распутности страстей своихъ, въ коихъ утопая, не видитъ пороковъ и не стыдится въ сорокъ два года быть отчаяннымъ мотомъ? На то ли спасла жизнь

его? Онъ разорилъ себя и дѣтей своихъ, и меня съ ними бѣдными всѣхъ несчастнѣе на свѣтѣ сдѣлалъ.

Но онъ, того не внемля, поступалъ со мною злодѣйскимъ образомъ: обобравши все, что я имѣла, сколько разъ билъ немилосердно, какъ я жива осталася, и Дацкою собакою травилъ, и плетьми хотѣлъ сѣчь, и во все прошлогоднее лѣто, содержалъ меня въ загородномъ домѣ подъ карауломъ у людей его, коимъ велѣлъ мною ругаться и во всемъ мнѣ грубить, отъ чего я пришла въ жестокую чахотку и въ разныя мучительнѣйшія болѣзни. А потомъ для пріумноженія въ домѣ своемъ презрительныхъ поведеніевъ, въ коихъ бы я ему не мѣшала, вздумалъ и совсѣмъ меня уже бросить, оставилъ одну въ пустомъ домѣ, отнявши всѣхъ дѣтей, людей и женщинъ, знавъ, что я собственныхъ ни людей, ни имѣнія не имѣю, чѣмъ бы могла себя содержать и должна теперь странствовать. Но всего тягостнѣе лишиться дѣтей: для ихъ только жила на свѣтѣ и въ нихъ имѣла все утѣшеніе мое и того лишилася, и болѣе семи мѣсяцевъ не только видѣть, ниже слышать о нихъ почти ничего не могу. Но я о себѣ столько не сожалѣю, что заплачена отъ него злымъ воздаяніемъ за всѣ къ нему заслуги, а поражаетъ меня горчайшее состояніе несчастныхъ дѣтей нашихъ: они бѣдныя безвинно погибаютъ, и окромѣ Бога и Васъ, Совмѣстница Божія, никого помощника ко спасенію своему не имѣютъ, потому что отецъ распутной, а мать не въ состояніи теперь ни малѣйшей сдѣлать имъ помощи, и не могу воспитать, какъ желала, и всѣ почти они малолѣтнія: дочери 15 лѣтъ, другой 14 лѣтъ, третьей 3 года, сыну 7 лѣтъ, другому 4 года, третьему 2 года. И по безпечности его совсѣмъ пропадутъ, и при живой матери сдѣлалъ сиротами. До всякаго несчастія, болѣзней и пороковъ

дойтить могуть, со всѣхъ сторонъ состояніе ихъ угрожаетъ имъ быть несчастными.

И сколь ни жалостно положеніе малолѣтныхъ дѣтей моихъ, но еще большіе устрашаютъ меня обстоятельства большихъ дочерей моихъ, потому что въѣзжи въ домъ къ мужу моему самыя непотребныя женщины, которыя дѣтей моихъ, по молодости ихъ, довести могутъ до всякой гибели и пороковъ, чего я перенести не могу. Такъ ли ихъ воспитывала, чтобъ быть столько имъ несчастливымъ? Я вела ихъ со всѣми въ Москвѣ знатными дѣвушками наравнѣ, въ чемъ ссылаюся на все общество. Но теперь вмѣсто того они обращаются въ самой развратной и неприличной для честныхъ дѣвушекъ компаніи, почему и не могутъ спастися отъ пороковъ; ибо отецъ ихъ изъ дому своего сдѣлалъ вертепъ бордельной всѣхъ непристойностей не только для себя, но и для всѣхъ къ нему пріѣзжающихъ, забывъ, что въ томъ-же домѣ живутъ двѣ дочери наши, которыхъ тою обидою смертельно убиваютъ. И превеликое число сего гнуснаго сорту людей къ нему собираются, и всякая дерзость, пьянство и разныя непотребности отъ нихъ происходятъ, отъ которыхъ и безвинно дочери его всякою напраслиною пострадаютъ, отъ чего большая дочь наша съ печали отчаянно больна была прежлою горячкою, и я вмѣсто бы горести благодарила Бога, естлибъ жизнь ея прекратилась.

И когда онъ отнялъ у меня дѣтей, тогда я просила уговаривать его двоюродную ему тетку, ея высокопревосходительство Анну Алексѣевну Хитрову, гдѣ нашла мужа своего, и она безмѣрно его просила обо мнѣ, если онъ со мною жить не хочетъ, то по крайности отдалъ бы мнѣ дѣтей, давъ особое имѣніе на содержаніе, сказавши ему: «Гдѣ тебѣ ихъ воспитывать? Ты и самъ совсѣмъ гибнешь». Но онъ на то

отвѣчалъ мнѣ при ней: «Я воленъ прожить свое имѣніе, и не только тетку, Государыни не послушаюсь. Гдѣ Государыня сыщетъ законъ отдать тебѣ дѣтей и имѣніе мое? Да хотя и сдѣлаетъ, я не послушаюсь, и надѣлаю еще прежде векселей тысячъ на триста; почему ты и съ указомъ ничего не возмешь». И ея высокопревосходительство сказала мнѣ: «Надлежитъ тебѣ теперь просить Императрицу; она столь милосерда, что и родственникамъ узаконила отбирать отъ распутныхъ имѣнія и отдавать въ опеку, чтобъ наслѣдники онаго не лишались. Но когда родственники въ то не входятъ, а по просьбѣ жены правительство опеки не дастъ, почему и должно тебѣ просить Государыню. Будучи ты ему женою, имѣвши шестерыхъ дѣтей, стала ближе всѣхъ въ мужѣ, въ дѣтяхъ и въ имѣніи участницею, какъ-бы при хорошихъ поведеніяхъ его, обще съ нимъ, пользоваться, такъ и лишася онаго страдать».

Августѣйшая Монархиня! Добродѣтельная Государыня! Вы прибѣжище всѣхъ несчастныхъ; удостой, по божественному милосердію Вашему, горько-страдающихъ дѣтей моихъ, получить отъ щедротъ Вашихъ спасеніе жизни и состоянію ихъ, чтобъ вѣчно не погибли отъ распутнаго отца и не лишились бы мотовствомъ его пристанища и пропитанія своего. Соблаговолите изъ высоко-материнскаго милосердія имѣніе его взять въ опеку, которое имѣніе все жалованное государями предкамъ его и присовокупленное отцомъ его, а не имъ пріобрѣтенное. Почему и прошу, милосердая Государыня, окромѣ опеки, повелѣть сдѣлать на все то материнское и отцовское имѣніе запрещеніе, чтобъ онъ не могъ онаго ни продать, ни заложить, и если явятся на таковую великую сумму на него векселей, о коихъ онъ сказалъ мнѣ въ домѣ ея превосходительства, въ томъ прикажите, Ваше Величе-

ство, произвести слѣдствіе: ибо тѣ векселя выдуть безденежно сочиненными къ точному только нашему разоренію; потому что мужъ мой теперь не болѣе еще долженъ, какъ тысячь до тридцати. И по извѣстнымъ его порокамъ, соблаговолите дѣтей отъ него взять и до совершеннаго возраста на воспитаніе мнѣ ихъ отдать, опредѣля изъ доходовъ нашихъ всѣмъ намъ содержаніе: также и по приложенному реэстру людей и женщинъ, для услуги мнѣ и дѣтямъ нашимъ, повелите отдать же. А если той милости не удостоюся получить, тогда, слезно припадая къ стопамъ Вашимъ, прошу послѣднюю милость сдѣлать съ бѣдною матерью, чтобъ я печалью сама себя не убила: повелите, великая Императрица, отдать только дѣтей моихъ мнѣ. Я хотя милостиною ихъ пропитаю; но все лучше будетъ имъ у меня, нежели у распутнаго отца, гдѣ совсѣмъ брошены безъ присмотра, а у меня по крайности будутъ въ призрѣніи и не сдѣлаются уродами и не займутся жизнію разныхъ пороковъ и непотребностей, отчего и по возрастѣ будутъ счастливѣе судьбою ихъ.

Краткое изъясненіе о вольности Французскаго дворянства и о пользѣ третьяго чина.

Французское дворянство всегда-ль имѣло вольность? Какимъ образомъ пользовалось оно своей вольностью? И что оному въ разсужденіи сего нынѣ остается?

Три сіи вопроса легко рѣшить можно; но о первомъ совѣмъ и слѣдовать не надлежитъ. Возможно-ль представить себѣ невольное дворянство? Оно и неволя вмѣстѣ состоять не могутъ; сіи двѣ противныя себѣ въ естествѣ и существенности вещи противорѣчатъ другъ другу, разрушаютъ другъ друга, подобно какъ здравіе и болѣзнь, жизнь и смерть, существенность и небытіе, кои никогда въ одной вещи вмѣстѣ быть не могутъ.

Французское дворянство не только всегда пользовалось вольностію, но оно было всегда причиною вольности, равно какъ и самодержавства. Слово *Франкъ.* оттуда происходитъ имя *Французи.* значитъ *благородно* или *свободно.* Въ Салическомъ законѣ, уставленномъ *Клодисомъ*, не упоминается нигдѣ имя *благородно*; но между тѣмъ учрежденіе помѣстьевъ доказываетъ, что оное падлежало совсѣмъ до дворянства; потому что, когда Кловисъ, предводительствуя Римскою арміею,

принять былъ Галлами какъ искусной политикъ и счастливой побѣдитель. то во всѣхъ различныхъ ихъ провинціяхъ были только Франки вольные, то есть, съ одной стороны. благородные, а съ другой, невольники.

Освбожденіе сихъ послѣднихъ произвело мѣщанство, третій чинъ, о которомъ говорено будетъ ниже. Слуга былъ освобождаемъ, а не производимъ въ дворяне; отъ того-то произошло сіе различіе, которое потомъ всегда было между благороднымъ и разночинцомъ. Сколь великое почтеніе должень имѣть сей послѣдній къ первому, которой нетолько пользовался драгоцѣннымъ даромъ вольности, но и могъ сообщать оную и, возвращая вольность человѣку, приводилъ его въ состояніе получать вышніе чины, естьли онъ ихъ заслуживалъ?

Такимъ образомъ вольность есть существенность Французскаго дворянства. И какъ тому быть иначе, когда избираетъ оно королей своихъ въ своей внутренности? И дѣйствительно, бываетъ то одна фамилія, одна кровь, коей поручаетъ оно самодержавство; но когда изъ сей славной фамиліи никто не остается, когда источникъ столь драгоцѣнной крови совсѣмъ изсохнетъ, то благородные Французы, лишася государя, вступаютъ во всѣ свои правы и могутъ снова избрать преимущественную фамилію изъ достойнѣйшихъ между собою, чтобъ впредъ имѣть отъ нея своихъ государей и начальниковъ.

Другое доказательство существенной вольности благородныхъ Французовъ есть злоупотребленіе оной, учиненное ими безъ наказанія во времена, когда ихъ насильственное завладѣніе учредило нечувствительно между ими господства верховно-начальныя, непосредственныя и ни отъ кого независимыя, кои, давая всякому вассаловъ, дѣлали оныхъ малыми государями. подданными дѣйствительно королю ихъ владѣю-

щему государю, отъ котораго зависѣли они разными ихъ помѣстьями; но между тѣмъ въ состояніи были ему противиться, такъ же и воевать противъ его своими вассалами въ случаѣ неправосудія съ его стороны. Всѣ сіи Французскіе помѣщики были дѣйствительно обязаны съ ихъ стороны присягать королю въ вѣрности и также служить во время войны: но сіе послѣднее было только съ начала, а потомъ обязаны они были къ тому въ случаѣ однихъ набѣговъ чужестранцовъ въ ихъ государство.

Способъ, коимъ короли пресѣкли злоупотребленіе вольности благородныхъ Французовъ, есть тому новымъ доказательствомъ: правы ихъ признаны были, хотя оныя и сокращали. Государь исключенъ былъ отъ присяги, которую вассалы давали о учиненіи помощи противъ всѣхъ непріятелей ихъ непосредственныхъ господъ, но чрезъ то признаны были ихъ помѣстья. Имъ даны были леры для рѣшенія ихъ споровъ съ ихъ вассалами, или между ими; но тѣмъ признано было ихъ начальство; имъ не дозволено было судиться между собою, но они принуждены были имѣть судей, и различныя ихъ степени вѣдомства подвергнуты были постепенной аппеляціи отъ независимаго до безпосредственнаго, отъ безпосредственнаго до верховноначальнаго, а отъ верховноначальнаго до самодержавнаго, до господствующаго, до короля, до парламента. Сіе есть лутчшее средство предостерегать, защищать и сохранять ненарушимыя правы самодержавства; но по оному не больше ли признаются въ благородныхъ ихъ помѣстья и три суда ихъ, вышній, средній и нижній, коими они столько ласкаются и коими они столько ласкаться должны.

Наконецъ, власть въ состояніи была вывести изъ употребленія между благородными всѣ роды партикулярныхъ сраженій, какъ напр. замокъ съ замкомъ, помѣстье съ помѣсть-

емъ, и человѣкъ съ человѣкомъ; но съ другой стороны, на войну идти ихъ не принуждали, развѣ во время позыва: въ протчія же войны, когда они приходили, принимали ихъ съ радостію. Не было нужды побуждать ихъ къ тому, чего собственное ихъ усердіе отъ нихъ гребовало.

Прежде сего во Франціи было только дворянство природное: но стараніе ихъ вступаться за государство и королей своихъ, по собственной своей охотѣ, причинило уронъ онаго чрезмѣрной величины. Въ награжденіе, сколько возможно, столь великаго урона произведены новые дворяне. Есть еще другое дворянство, которымъ жаловалъ государь чрезъ патенты, надлежащимъ образомъ въ протоколъ записанные.

Но есть еще третіе, которое называется дворянствомъ въ должности находящимся, то-есть кое пріобрѣтается тогда, кто въ продолженіи должности жизнь свою окончаетъ, или продолжаетъ оную за срокъ предписанной своего титуляретва, къ чему надлежитъ дворянство воинское жалованное въ 1750 году отъ Людовика Любимаго храбрымъ своимъ воинамъ.

Сіи три класса дворянства составляютъ одинъ только корпусъ, надъ которымъ начальствуютъ государственные перы. Сей знатной корпусъ имѣетъ совершенную власть чинить добродѣяніе, воленъ самъ въ себѣ, въ своихъ имѣніяхъ и въ дѣлахъ всякаго изъ своихъ членовъ: имъ не дозволено только было разрушать свое общество и поступать худо съ своими ваесалами. Сверхъ того могли они жить въ своихъ деревняхъ, или въ столицахъ, не дѣлая ничего, не служа государству, стараясь только о своей фамиліи и о своихъ увеселеніяхъ съ тѣмъ, чтобъ повиновались главнымъ законамъ, чтобъ исполняли всѣ надлежащіе до нихъ публичныя должности, и чтобъ не иначе поступали, какъ по привилегіямъ, первенствамъ и преимуществамъ своего государства; имъ

ничего не запрещалось: имъ дозволено было дѣлать все по своей волѣ: они могли, естьли заблагоразсудятъ, ѣхать въ другія государства путешествовать куда желаютъ, однимъ словомъ быть въ отлучкѣ, съ тѣмъ чтобъ не ходили только въ непріятельскія земли, и чтобъ не обвиняемы они были оскорбленіемъ государя своего или измѣною. Они вольны были возвращаться во Францію, когда пожелаютъ, и не переставали быть гражданами до тѣхъ поръ, какъ переселялись для вѣчнаго житья вић государства, то есть записываясь въ подданство или принимая на себя тѣ протчія должности, кои надлежатъ до подданства; такъ же въ такомъ случаѣ, когда имѣютъ они дѣтей гражданъ, то получаютъ въ наслѣдство послѣ отца своего тѣ имѣнія, кои оставили во Франціи, когда приходятъ въ совершенныя лѣта.

Но таковая перемѣна съ стороны Французскаго дворянства бываетъ столь рѣдка, какъ и безчестная праздность въ военное время: пріятность страны, плодоносіе земли, веселое мѣстоположеніе, изобиліе въ необходимыхъ вещахъ для своего содержанія, услужливость, политика, или по крайней мѣрѣ некрепность жителей, вкореняютъ въ нихъ навсегда любовь къ дражайшему отечеству; они всегда почтутъ себя изгнанными, когда находиться будутъ въ отсутствіи; и они дадутъ ему всегда преимущество предъ протчими странами во всемъ свѣтѣ. Что же надлежитъ до дѣйствія Французскихъ дворянъ во время войны, то слава своей націи, природное любочестіе, слава ихъ имени, честь, а особливо любовь къ государю, всѣ сіи сильныя причины повелѣваютъ имъ съ бо́льшимъ успѣхомъ, нежели принужденіе рабское, жертвовать охотно жизнію наималѣйшему повелѣнію самодержавнаго государя. И такъ Французскіе короли не имѣютъ сильнѣйшей помощи, вѣрнѣйшихъ подданныхъ и ревностнѣйшихъ воиновъ,

какъ достойное дворянство; они непобѣдимы, когда оными окружены бываютъ. Нѣтъ такой степени благоговѣнія, котораго бы сіи имъ не оказывали; имъ дозволено опредѣляться въ службу военную и придворную. Они туда принимаемы бываютъ безпрепятственно и находятъ тамъ правосудіе, преимущество по достоинству, и самую милость.

Дворянство во всякой провинціи, гдѣ бъ оно ни находилось, слѣдуетъ обычаямъ своихъ предковъ и имѣетъ удовольствіе жить, умирать и имѣть своихъ потомковъ, не премѣняя зря особливыхъ обычаевъ своей націи: они не обязаны оными жертвовать и повиноваться развѣ однимъ только указамъ, составлявшимъ общій законъ извѣстныхъ дѣлъ. Дворянство не можетъ иными быть судимо въ дѣлахъ гражданскихъ, кромѣ королевскихъ судей, а въ преступленіяхъ судится оно только всѣми собранными камерами королевскаго трибунала, какъ при поданіи перваго челобитья, такъ и въ случаѣ апеляціи: словомъ, оно пользуется всѣми древними своими привилегіями, кои могли имъ оставить власть самодержавства, освобожденіе слугъ и ненарушимое благоволеніе къ третьему чину, который заслуживаетъ совершеннаго покровительства и который тѣмъ полезнѣе бываетъ, чѣмъ болѣе пользуется покровительствомъ дворянства и защищеніемъ власти.

Разсужденіе о третьемъ чинѣ.

Власть и дворянство старается весьма во Франціи не презирать третьяго чина: онъ душа общества; онъ политическому корпусу есть то, что желудокъ человѣческому; онъ счастливое посредство, чрезъ которое вышняя часть сообщается, не унижаясь, нижней части, и чрезъ которую сія возвышается къ другой.

Благородные одарены геройскими добродѣтелями. Они служатъ государю, защищаютъ отечество, слабыхъ обороняютъ, имѣютъ деревни, стараются о земледѣльствѣ, почитаются богатыми, щедрыми и живутъ великолѣпно. Народъ земледѣльствомъ своимъ производитъ плоды, различныхъ сортовъ товары, первыя матеріи богатства. Но третій чинъ, составляя одно съ народомъ, отъ коего происходитъ самъ, и который онаго привлекаетъ, старается о мануфактурахъ, устанавливаетъ промѣны вещей, оцѣниваетъ товары, учреждаетъ оныхъ расходы. Словомъ, онъ дѣлаетъ комерціи и производитъ счастіе благородныхъ. Сіи низкія приношенія грубаго и непросвѣщеннаго народа не могутъ ласкать благороднымъ, но они весьма ласкаемы бываютъ со стороны честнаго и просвѣщеннаго мѣщанства: съ симъ третьимъ чиномъ и чрезъ оной пользуется дворянство своимъ преимуществомъ.

Есть нѣкоторые изъ благородныхъ, кои успѣли въ наукахъ, имѣвшихъ отъ нихъ покровительство; но третій сей чинъ есть убѣжище наукъ и освященное мѣсто человѣческаго познанія. Нѣтъ такого рода заслугъ и добродѣтели, которыхъ бы не производилъ третій чинъ.

Кольбертъ, Вобанъ, Розе, Корнейль, Расинъ, Мольеръ были всѣ отъ третьяго чина. Онъ произвелъ великихъ ораторовъ, великихъ стихотворцевъ и великихъ министровъ. Медики, хирурѓики, физики, нитуралисты, живописцы, рѣщики, гравировальщики, золотарики, словомъ, всѣ художники во всѣхъ родахъ имѣютъ свое происхожденіе отъ третьяго чина. Во внутренности онаго произошли тѣ славные банкиры, тѣ великіе купцы, кои повелѣваютъ торгомъ во всемъ свѣтѣ и кои бываютъ помощію великихъ государствъ.

Благородные имѣютъ безъ сомнѣнія похвальныя качества, но иногда не достаетъ имъ случая производить оныя въ дѣй-

ство. Напротивъ того, третій чинъ упражняется ежедневно въ благоразуміи, честности, изобильномъ вспомоществованіи, точности, постоянствѣ, терпѣніи и правосудіи.

Дворяне имѣютъ право производить судъ своимъ именемъ, но третій чинъ производитъ оной при первомъ поданіи челобитья, устанавливаетъ процесы, знаетъ форму, искусенъ въ юриспруденціи и произноситъ рѣшеніе. Изъ третьяго чина берутся въ различныя должности всѣхъ родовъ дѣлъ люди, служащіе безъ жалованья и несущіе всю тягость негоціаціи, а находящіеся въ должности отъ того себѣ честь получаютъ.

Всякая держава, въ коей не находится третьяго чина, есть несовершенна, сколь бы она ни сильна была: сіе весьма ясно видѣть можно. Рабской страхъ бываетъ тамъ вмѣсто ободренія; строгость, которую благородные производятъ, будучи ничѣмъ неисытимы, есть недѣйствительна, потому что нѣтъ иныхъ побудительныхъ причинъ. Чего остается требовать отъ народа, лишеннаго надежды и которой не можетъ имѣть любочестія? Но о той странѣ, гдѣ находится третій чинъ, сказать сего не можно: нѣтъ тамъ такого мѣста, котораго бы не могъ получить человѣкъ третьяго чина, естьли онъ только заслужилъ оное. Третій чинъ есть училище великихъ людей, въ немъ воспитываются добрые подданные во всѣхъ родахъ, коихъ государь находитъ при случаѣ со всѣми ихъ способностями.

Сей третій чинъ не трудно учредить и въ Россіи. Со временемъ можно будетъ оплатить долги государственные или партикулярные, смотря на состояніе всякаго отъ неволи освобожденнаго раба: надлежитъ только продавать освобожденіе всѣмъ знатнымъ купцамъ и славнымъ художникамъ: надлежитъ раздѣлить всѣ различныя художества по цехамъ: должно всякому члену доказать свое искусство и исправить то, что до него надлежать будетъ. Сверхъ того,

каждый цехъ долженъ купить освобожденіе всѣмъ своимъ членамъ, что всегда тѣмъ полезнѣе будетъ государству и знатнымъ господамъ, чѣмъ болѣе добрые художники въ состояніи будутъ въ цехъ записываться.

Равнымъ образомъ всѣ тѣ, кои, упражнясь съ успѣхомъ въ наукахъ, обучатся въ университетѣ вышнимъ наукамъ, какъ то юриспруденціи, философіи, математикѣ, медицинѣ, хирургіи, аптекарству и протчимъ полезнымъ знаніямъ, должны имѣть освобожденіе, по аттестатамъ, кои они получать будутъ. Когда всякой въ состояніи будетъ упражняться въ томъ, къ чему имѣетъ дарованіе, составятъ всѣ нечувствительно корпусъ третьяго чина съ протчими освобожденными, о коихъ выше упомянуто. Равнымъ образомъ должно быть сему и въ разсужденіи художествъ. Всѣ тѣ, кои въ оныхъ успѣютъ, должны имѣть освобожденіе. Что можетъ возбудить болѣе къ добрымъ дѣламъ, какъ надежда почти уже извѣстная получить вольность свою и найтить свое счастіе?

Сверхъ того, третій чинъ, однажды установленной, возвышенный освобожденіемъ и тѣмъ самимъ утвержденный въ своей комерціи или въ своемъ промыслу, придетъ болѣе въ состояніе платить государственныя подати, оставя оныя по прежнему, или перемѣня число оныхъ, какъ заблагоразсудится.

Въ разсужденіи мнимаго ущерба во всякой деревнѣ обыкновеннаго оброка освобожденнаго крестьянина думать надобно, что награжденъ оной будетъ другимъ какимъ-либо образомъ, когда всѣ знатные господа чувствовать будутъ пользу отъ третьяго чина, который въ короткое время учинитъ государство столь много цвѣтущимъ, сколь легко оное быть можетъ: а особливо, естьли продолжать будутъ привлекать къ тому чужестранцовъ, для нечувствительной перемѣны въ разсужденіи земледѣльства, лутчихъ къ оному способовъ и

пріобученія природныхъ жителей къ вольной службѣ весьма полезной и приносящей изобильные прибытки.

Словомъ, въ Россіи надлежитъ быть 1) дворянству совсѣмъ вольному, 2) третьему чину совершенно освобожденному. и 3) народу упражняющемуся въ земледѣльствѣ. хотя не совсѣмъ свободному, но по крайней мѣрѣ имѣющему надежду быть вольнымъ, когда будутъ они такими земледѣльцами или такими художниками, чтобъ со временемъ могли привести въ совершенство деревни или манифактуры господъ своихъ.

Записка подпорутчицы Веселовской объ увозѣ графомъ Каховскимъ дочери ея и причиненіи ей безчестія.

Увозъ дочери моей графомъ Каховскимъ и причиненное ей безчестіе навлекло поношеніе на цѣлое семейство, два года уже переносящее огорченіе и доискиваясь правосуднаго удовлетворенія, терпитъ раззореніе состоянія своего.

Дѣло сіе, долженствующее рѣшить участь несчастной дочери моей и оправдать безславіе, поступкомъ графа Каховскаго навлеченное на семейство, послѣдній шагъ имѣетъ къ своему окончанію въ общемъ Сената собраніи.

Увѣрена въ нелицепріятіи верховнаго сего судилища; но если теперь пріемлю смѣлость безпокоить особъ, правосудіе въ священномъ семъ мѣстѣ составляющихъ, то уповаю на одно великодушіе, что, предварительно рѣшительному окончанію дѣла, столь важное вліяніе на право жизни цѣлаго семейства имѣющаго, выслушана буду въ послѣдній разъ.

Не сумнѣваюсь я, чтобы правосудіе поставило въ равновѣсіе жребій обезчещенной дѣвицы съ жребіемъ обезчестившаго ее.

Существо дѣла сего, показывающаго якобы затруднительную развязку и тѣмъ самымъ дошедшаго до общаго Правительствующаго Сената собранія, заключаетъ въ себѣ пред-

метъ весьма въ краткихъ словахъ. 1-е) Обольститель, дѣлавшій сіе съ намѣреніемъ лишить дѣвицу добраго имени. 2-е) Обольщенная, требующая въ томъ правосудія. 3-е) Обида семейственная.

Не смотря на то, правосудіе встрѣтитъ дѣло сіе размноженное разными вымыслами графа Каховскаго и послабленіемъ ему въ томъ присутственныхъ мѣстъ.

Поелику во всякомъ дѣлѣ пріемлется основаніемъ начальная причина оному, то въ семъ дѣлѣ правосудіе увидитъ сію причину въ письмахъ графа Каховскаго, къ дочери писанныхъ, и что помѣщенныя въ нихъ выраженія не суть маловажны, каковыми приняты въ Смоленскомъ Уѣздномъ Судѣ и Уголовной Палатѣ.

Исчислены въ нихъ имъ графомъ Каховскимъ достоинства несчастной дочери, которыми показывалъ онъ такъ сильно плѣнившимся, и во удостовѣреніе того, призывая имя Божіе, заключалъ наконецъ, что жить безъ нея не можетъ.

Хотя послѣдствія дѣла доказали, что сіе имъ Каховскимъ писано въ единственное дочери обольщеніе, но долженъ ли онъ быть правъ въ таковомъ умышленіи? И могъ ли послѣ того исчисленія достоинствъ поносить ее самыми безчестнѣйшими порицаніями, которыя видны изъ дѣла?

Сколько средства употребленныя имъ Каховскимъ на обольщеніе сей несчастной оправдываютъ ея поведеніе! Ибо съ таковымъ качествомъ, какое угодно Каховскому нынѣ приписать, не было бы надобности употреблять ему оныхъ средствъ для уловленія ея. Не меньше того, сіи самыя обольстительныя слова не суть ли достаточные признаки даннаго имъ обѣщанія на женитьбу?

Прямыхъ и твердо выговоренныхъ словъ о данномъ обѣщаніи на женитьбу, хотя въ письмахъ его и нѣтъ, но право-

судіе замѣтить изъ намѣренія, хитростію его расположеннаго, могъ ли онъ писать о данномъ на словахъ обѣщаніи, когда стремился только уловить простосердечіе несчастной.

Въ одномъ изъ его писемъ, изъясняясь о неограниченной его любви и о достоинствахъ дочери, плѣнившихъ яко бы его, вынуждалъ онъ отвѣчать ему, присылать ли за нею карету; о чемъ, какъ видно, на словахъ уговаривалъ ее; и тутъ же пенять ей, что не отвѣчала. Не доказываетъ ли сіе, что она, какъ видно, имѣвши къ обольщеніямъ его склонность, колебалась еще дать письменное на то согласіе?

Потомъ, когда на сіе письмо отвѣчала ему, то сей самой отвѣтъ представивши онъ къ дѣлу, употребляетъ противу ея же орудіемъ, говоря, что на присылку кареты одно ея желаніе было.

Вымыслилъ онъ графъ Каховскій написать отъ имени ея подписку, показавъ въ ней ее отрицающеюся отъ брака: потомъ, желая показать ее въ виду правосудія въ самомъ подломъ видѣ и потому недостойною той защиты, о которой просить нынѣ семейство ея у правосудія, вымыслилъ клевету и сослался на генерала-маіора Пассека, склонившагося въ единомысліе съ нимъ, что оная несчастная дѣвица яко бы прежде знакома была и ему Пассеку въ безчестномъ видѣ. Но сіи два пункта его Каховскаго умышленій сами собою въ дѣлѣ обнаружились несправедливыми: ибо подписка найдена Сената 1-мъ Департаментомъ беззаконною, и клевета ссылкою на Пассека недоказанною.

Да благоволитъ правосудіе взять въ примѣчаніе первое письмо, писанное бывшимъ г. генераломъ-прокуроромъ Беклешовымъ къ военному губернатору князю Гикѣ, каковы его мысли и тонъ были даны началу дѣла сего.

Князь Гика, отсылая слѣдствіе дѣла сего въ Смоленскій Уѣздный Судъ, не отослалъ онаго письма: не отослалъ и другаго его-жъ генерала-прокурора, въ которомъ объявлено ему высочайшее повелѣніе судить графа Каховскаго; не объявилъ сего высочайшаго повелѣнія Уѣздному Суду, и по двухкратнымъ письменнымъ моимъ о семъ къ нему прошеніямъ не хотѣлъ сего сдѣлать. Для чего же сіе дѣлалъ князь Гика? Правосудіе можетъ дать справедливую причину по обстоятельствамъ дѣла.

Князь Гика и предводитель Шагаровъ принимали въ самомъ началѣ дѣла сего мѣры, чтобы оставила я претензію на графа Каховскаго, тѣмъ, что первый стращалъ, а другой полагалъ цѣну для удовлетворенія причиненнаго семейству моему поношенія: но въ объясненіяхъ, взятыхъ о семъ, давая видъ, прикрывающій ихъ въ дѣлѣ семъ пристрастіе, предводитель Шагаровъ показалъ, что отъ имени Каховскаго предложилъ мнѣ пять тысячъ рублей.

Правосудіе да положитъ тому цѣну, чѣмъ дѣвица обольщенная, увезенная изъ благороднаго дому и обезчещенная вѣчно, должна удовлетвориться? И чѣмъ удовлетворится благородная фамилія, приведенная тѣмъ въ поношеніе?

Законъ чистой и ясной Воинскаго Устава артикула 168-го: «кто честную жену, вдову или дѣвицу тайно увезетъ и изнасильничаетъ, хотя въ томъ и позволила, онаго казнить смертію, отсѣча голову», а въ толкованіи на сей артикулъ: «Сіе обыкновенное наказаніе силы не имѣетъ, ежели увезенная уводчикова была невѣста заручная, а отеческой ниже душеприкащиковой волѣ подвержена не была».

Несчастная дочь моя не моей ли воли подвержена была, и несчастіе ей причиненное не сопряжено-ль съ семейнымъ оскорбленіемъ и поношеніемъ? Въ томъ же, что она увезена

графомъ Каховскимъ, и самъ онъ не запирается; для чего жъ Правительствующаго Сената 4-й Департаментъ не призналъ основаніемъ сего закона, по всей справедливости соразмѣрное преступленію Каховскаго наказаніе опредѣляющаго? Онъ у дочери моей отнялъ честь и доброе имя, увезя ее и лишивъ ея дѣвства; почему же законъ не долженъ у него равномѣрно отнять честь и оставить ему жизнь съ таковою поносностію, съ каковой оставилъ онъ несчастной его жертвѣ?

Сенатъ другимъ закономъ руководствовался, и именно того Воинскаго Устава артикуломъ 176-мъ, который служитъ совѣмъ не на увезенныхъ и въ другомъ смыслѣ; да и на сей артикулъ, между прочимъ, въ толкованіи узаконено тако: «Такожъ, когда доказательства и признаки, что онъ обѣщалъ жениться, велики и сильны суть, а опасаются нарушенія присяги, то болѣе надлежитъ онаго къ супружеству принуждать, нежели присягою поступать».

Копія съ письма къ вице-канцлеру графу Остерману отъ князя Долгорукова изъ Берлина отъ 20 Апрѣля (1 Мая) 1784 года.

Я узналъ чрезъ господина Лебрехта, которой во время своего здѣсь пребыванія имѣлъ случай познакомиться со многими здѣшними купцами христіанской вѣры и съ Жидами, что, не смотря на подтверждаемое всегда наикрѣпчайшимъ образомъ у насъ запрещеніе о вывозѣ изъ государства золотыхъ и серебреныхъ денегъ, оныя изъ Россіи въ великомъ множествѣ вывозятся; что одинъ здѣшній купеческой домъ получаетъ оныхъ до двухъ сотъ тысячъ рублей; что сей торгъ производится въ Лейпцигѣ на ярмонкахъ, я думаю, чрезъ Украйну или Бѣлоруссію, и хотя рубли наши не стоятъ уже здѣшняго талера золотомъ, однакоже, переплавливая здѣсь оные, получаютъ за нихъ около полутора талера.

Какъ г-нъ Лебрехтъ поѣхалъ вчера отъ сюда въ Лейпцигъ, и онъ сіе провѣдалъ, то я поручилъ прилежно стараться съ наивозможною предосторожностію о семъ точно провѣдать и увѣдомить обстоятельно князя Бѣлосельскаго по пріѣздѣ въ Дрезденъ о всемъ, что удастся ему еще касательно сего свѣдать и можно будетъ, въ разсужденіи великаго знакомства съ сими купцами. Я же князю Бѣлосельскому писалъ о всемъ

вышеписанномъ, и онъ, будучи въ той землѣ, изъискать можетъ тому причину, и гораздо скорѣе нежели я здѣсь, гдѣ всевозможныя употребляютъ предосторожности, чтобъ никто здѣсь не имѣлъ никакого сообщенія не только съ нами, но и съ находящимися при насъ. И онъ можетъ по полученіи надлежащихъ на его доношенія повелѣній, употреблять надлежащія мѣры, для пресѣченія сего злоупотребленія, которое болѣе умножиться можетъ заводимою въ Херсонисо-Таврическомъ портѣ торговлею.

Письмо отъ пріятеля къ пріятелю о томъ съ какимъ варварствомъ Турки иностранныхъ министровъ часто трактуютъ.

Вы не одни, государь мои, говорите, что мы во время заключенія нашего въ Едикулѣ, потомъ будучи возимы къ походы съ Турецкой арміей, а напослѣдокъ находясь въ ссылкѣ въ Демотикѣ, напрасно боялись отъ Турокъ умерщвлены быть, каковыхъ-де примѣровъ еще не бывало. чтобъ Турки иностранныхъ министровъ умерщвляли, окромѣ-де, что будучи въ такомъ положеніи, натурально много нужды претерпѣть могли.

Но какъ вы желаете, чтобъ я показалъ вамъ хотя одинъ тому примѣръ, гдѣ-бы Турки поступили съ иностраннымъ министромъ противно народнымъ правамъ, и для того намѣренъ я здѣсь вамъ предложить не токмо одинъ, но и многіе примѣры и ясно доказать то, что въ Турецкихъ рукахъ столько же опасно быть для иностраннаго министра. какъ и для всякаго военноплѣннаго генерала, офицера и солдата, коихъ всѣхъ жизнь равно всечасной смерти подвержена.

Вопервыхъ, надлежитъ вамъ сказать, что Турки не только не знаютъ народныхъ правъ, но и никакова объ нихъ понятія не имѣютъ, правъ, кои одни только и дѣлаютъ ино-

страннаго министра безопаснымъ. Сверхъ же того, Турки иностраннаго министра еще и своимъ аманатомъ почитаютъ; слѣдовательно они, за ненаблюденіе его государемъ трактата или за недодержаніе слова, могутъ ихъ наказывать, смотря по важности дѣла. Каковымъ ихъ правиламъ слѣдуя, не только что они многихъ христіанскихъ министровъ всячески безчестили и мучили, но нѣкоторыхъ и умертвили, какъ то ниже сего будетъ показано.

Се уже обыкновенно, какъ скоро Порта объявитъ войну какой либо христіанской державѣ, такъ скоро повелѣваетъ арестовать оной державы посла или министра. Такимъ образомъ, объявя войну Венеціанской республикѣ, посла ея Саранца взяли за арестъ и посадили въ замкѣ, лежащемъ на Босфорѣ, гдѣ принужденъ онъ былъ терпѣть долгое и весьма грудное заключеніе. А первой его переводчикъ былъ удавленъ за то, что служилъ вѣрно своей республикѣ. Турки не любятъ тѣхъ переводчиковъ и министровъ, которые вѣрно служатъ своему государю; имъ надобны такіе, кои бы во всемъ имъ благоугождали и рабствовали, что часто нѣкоторые изъ нихъ и дѣлаютъ.

Такожъ Французской посолъ господинъ Десанно посаженъ былъ подъ карауль по одному только подозрѣнію, думая, что онъ вспомоществовалъ уйтить Польскому генералу именуемому Конецпольскій, взятому на войнѣ при Хотинѣ, 1621-го году, и посланному въ заточеніе въ одну Босфорскую крѣпость или замокъ, о которомъ уже выше упомянуто было, изъ которой свободился нижеслѣдующимъ образомъ. Прислана къ нему была шелковая вервь, запеченная въ пирогѣ, и пилы, которыми онъ могъ перепилить въ окнахъ своей тюрьмы желѣзныя рѣшетки и, упоя допьяна своихъ караульныхъ, ночью спустился по оной веревкѣ въ низъ

изъ башни, гдѣ былъ содержанъ и, сѣдши на пріуготовленную для него тамъ лошадь, уѣхалъ въ Польшу. Турки, подозрѣвая быть въ томъ онаго Французскаго посла хитростямъ и происканъ, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія посадили его въ Едикуль, гдѣ онъ содержанъ былъ четыре мѣсяца и неиначе оттуда высвободился, какъ посредствомъ денегъ и усильнаго о томъ старанія Французскаго короля.

Съ другимъ Французскимъ посломъ Гайсомъ поступили еще и того суровѣе. Верховной визирь былъ въ Адріанополѣ, мирная негоціація между Портою и Венеціанскою республикою ведена была посредствомъ онаго Французскаго посла; въ самое то время принесено было къ Порть письмо, адресованное въ Венецію, писанное цифрами, и сказано визирю, что оное выдано было изъ дому Французскаго посла. Тотъ часъ посланъ былъ указъ въ Константинополь къ послу, чтобъ немедленно пріѣхалъ въ Адріанополь; но какъ онъ былъ старъ и боленъ каменною болѣзнію и подагрою, то послалъ своего сына съ наставленіемъ отвѣтствовать на все, о чемъ его спросятъ касательно означеннаго письма, надѣясь чрезъ то избавиться отъ зимняго и безпокойнаго пути.

По прибытіи въ Адріанополь тотъ часъ представленъ былъ визирю называемому Куперли, которой приказалъ ему оное письмо истолковать; но, видя его въ томъ отговорки и мужественное супротивленіе, пришелъ въ великое сердце и приказалъ Капиджи-башѣ ударить его въ щеку, которой, будучи человѣкъ сильной, исполнилъ сіе повелѣніе съ такой точностію и притомъ внутреннею злостію, что, ударя его по щекѣ кулакомъ, вышибъ воинъ два зуба съ кровію; потомъ бросили его въ такое скверное и смрадное мѣсто, гдѣ часто дурные вапоры загашали свѣчу. Тоже бы учинено было и послу, естьли-бы онь самъ на то время быть случился.

Въ сей запыльчивости тотъ часъ посланъ былъ отъ визиря въ Константинополь указъ, чтобъ привесть самого посла Французскаго, котораго какъ скоро привезли въ Адріанополь, такъ скоро посадили въ тюрьму, но уже не съ такой жестокостію какъ поступлено было съ его сыномъ, потому что запыльчивость визирская уже имѣла время нѣсколько утолитися. Однакожъ содержанъ онъ былъ въ тюрьмѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, изъ которой не иначе освободился съ своимъ сыномъ какъ силой золота: но едва успѣлъ пріѣхать въ Константинополь какъ вторично посадили его въ Едикуль по причинѣ, что одинъ Французской корабль, нагруженной Турецкими товарами, ушелъ съ оными, изъ которой тюрьмы также насилу вырвался посредствомъ немалой суммы денегъ.

Въ 1763 году въ Адріанополѣ также посадили въ тюрьму Голандскаго резидента по причинѣ взятія одного Голандскаго корабля Мальтійцами, на которомъ находились многія вещи, принадлежащія султану и другимъ знатнымъ Туркамъ, изъ которой онъ не высвободился прежде какъ давъ обязательство въ четыре мѣсяца заплатить за оные товары деньгами, а именно девяносто тысячъ рублей.

Съ Цесарскими министрами еще жесточае прочихъ поступаемо бывало: и когда случалась между Портою и Вѣнскимъ дворомъ война, министры ея завсегда саживаны бывали сперва подъ строгой арестъ въ тюрьму, а потомъ возимы или лучше сказать, таскиваны бывали за армію, гдѣ они весьма много нужды претерпѣвать долженствовали, угрожаемы безпрестанно смертнымъ страхомъ.

Жеромъ Ласки, посолъ Венгерской, желалъ учинить миръ между Портою и Фердинандомъ Австрійскимъ, которой тогда имѣлъ право на королевство Венгерское: но, дабы удобнѣе къ тому преклонить султана Солимана, представилъ ему наи-

краснорѣчивѣйшимъ образомъ храбрость и могущество императора Карла Пятаго, брата Фердинандова, которой намѣренъ ему вспомоществовать. Солиманъ вздумалъ тѣмъ быть обезчещенъ, что хвалятъ при немъ другаго государя, приказалъ тотчасъ бросить Ласкія въ тюрьму, гдѣ онъ весьма много претерпѣлъ, пока особливымъ трактатомъ былъ изъ оной освобожденъ. Амурадъ, наслѣдникъ Солимановъ, еще большее учинилъ варварство, приказавъ умертвить Фредерика Кренобина, посла императора Максимиліана Втораго, и всю его свиту, безо всякой иной причины какъ разсердясь только за то, что его государь дѣлалъ сильное сопротивленіе войскамъ его въ Кроаціи.

Россійской посолъ господинъ Толстой въ одинъ годъ трижды сажанъ былъ въ Едикуль, не упоминая о вице-канцлерѣ Шафировѣ и генералѣ Шереметевѣ, сынѣ фельдмаршала Шереметева, которые были, яко аманаты, послѣ Прутскаго несчастливаго приключенія.

Такожъ въ 1709 году не получилъ ли всякое поруганіе и увѣчіе Цесарской интернонсъ господинъ Бруннеръ купно съ его женою, дочерьми и всею свитою, хотя и отъ народа, но Порта не учинила никакой почти сатисфакціи. Французской переводчикъ господинъ Раболій взятъ и посаженъ на каторжномъ дворѣ съ прочими всякаго званія содержашными тамъ невольниками, гдѣ и умеръ въ желѣзахъ, не возмогши перенести толь тѣснаго и жестокаго заключенія. Нѣкоторые сказываютъ, что султанъ приказалъ было ему отсѣчь голову: но визирь, для избѣжанія толь насильственнаго и безчестнаго поступка въ разсужденіи цѣлой Французской націи, приказалъ отправить его на тотъ свѣтъ посредствомъ яда.

Турки въ прежнія съ Цесарцами и съ Венеціянами войны военноплѣнным генераламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и

рядовымъ почти сплошь головы рубили, и вдругъ въ толикомъ множествѣ, что часто изъ нихъ около шатра Лелека высокія пирамиды складывали, во увеселеніе зрителей сего варварскаго и кровожаждущаго народа. По взятіи приступомъ въ Венгріи крѣпости Петерварадина коменданта оныя генерала Грекера, бивши сперва палками, потомъ замуравили въ стѣну, оставя только маленькое окошко для подаванія ему туда хлѣба и воды, и то въ толь маломъ количествѣ, чтобъ только онъ съ голоду не умеръ, дабы чрезъ то продолжить его мученіе, гдѣ онъ приковань былъ къ стѣнѣ такимъ образомъ, что ему ни сидѣть, ни лежать, ни прямо стоять было не можно; потомъ водили его скованнаго повсюду съ ихъ арміею пѣшкомъ, и наконецъ, послѣ потерянной противъ Цесарцевъ баталіи, отсѣкли ему голову. Съ Венеціянскихъ же разнаго чина военно-плѣнныхъ, какъ въ Кипрѣ, такъ и въ Морећ часто съ живыхъ кожи содирали, и другими различными тяжкими муками до смерти замучивали. Да и въ прошлую нашу съ ними войну со многими нашими военно-плѣнными тоже бы быть могло, если бы по счастію нашему не случилось, что прежде ихъ разнаго чина люди къ намъ въ полонъ попались, а не наши къ нимъ. Однакожъ, при всемъ томъ, при началѣ первой ихъ кампаніи, когда мы еще по ту сторону Дуная въ Исакчѣ находились, визирь пяти человѣкамъ нашимъ, плѣннымъ драгунамъ, приказалъ головы отсѣчь предъ его палаткою безъ всякой другой причины, какъ только потѣшить зрителей своей націи; а шестому изъ нихъ, часа за два прежде, также голова была отрублена на Исакчинскомъ мосту топоромъ по приказу того командира, которой ихъ велѣлъ для того, что онъ, будучи отягченъ ранами, не могъ поспѣвать и идтить за своими товарищами.

Видя таковые предъ глазами нашими варварскіе примѣры не имѣли ль мы справедливой причины повсечасно опасаться смерти, будучи въ ихъ рукахъ. чѣмъ они намъ часто и угрожали? Да и по всему казалось, что они насъ изъ своихъ рукъ живыхъ выпустить не намѣрены были. Первое, посадили насъ въ Едикулѣ въ такую тюрьму. въ которой, по сказанію нашихъ караульныхъ, напредъ сего многимъ знатнымъ Туркамъ и нѣкоторымъ Молдавскимъ господамъ головы были отрублены; однакожъ они, намъ о томъ разсказывая. насъ жаловали и утѣшали, говоря, что авось-либо съ нами того не случится, для того-де. что вы нашему султану никакой измѣны не показали; развѣ-де за то прогнѣвается, что вашъ государь миръ нарушилъ и много городовъ у него въ расплохъ взялъ.

Во время, когда взяли насъ изъ Едикуля и повезли въ визирской лагерь, стоящій тогда при Константинополѣ, поступаемо съ нами было также съ немалымъ варварствомъ. какъ о томъ въ моемъ журналѣ уже довольно описано: а именно посадили насъ на лошадей самыхъ негодныхъ, измученныхъ, оборванныхъ и осѣдланныхъ самыми дурными Турецкими сѣдлами. а у многихъ и стремянъ не было. И все то дѣлалось для наибольшаго поруганія министерскому характеру и для показанія народу ихъ къ христіянскимъ державамъ презрѣнія. Везли же насъ за городъ какъ осужденныхъ на смерть; со всѣхъ сторонъ окружены мы были Янычарами приставленной къ намъ орты съ ихъ офицерами, которые, подлѣ насъ идучи, городомъ безпрестанно изъ ружей стрѣляли пулями вверхъ: народу же на той улицѣ, по которой насъ везли. находилось превеликое множество по большой части Турки, мущины и женщины, изъ которыхъ одни насъ подчи-

вали самою напгрубѣйшею бранью, а другіе проклинали, прося Бога, чтобъ намъ ни пути, ни дороги не было; а нѣкоторые кричали, что насъ всѣхъ въ пути изрубить надлежало. Однакожъ мы принуждены тогда были притвориться, какъ будто ничего того не слышимъ и не разумѣемъ. Въ такомъ нашемъ жалостномъ состояніи видя насъ, многіе христіяне отъ слезъ удержаться не могли.

Потомъ привезли насъ въ лагерь и, не доѣзжая за нѣсколько до визирской большой палатки, гдѣ обыкновенно диванъ собирался, остановили насъ противъ шатра, называемаго Лелекъ, подъ которымъ рубятъ головы. Нашъ чорбаджи послалъ донесть визирю, что онъ насъ туда привезъ; между тѣмъ принуждены мы были немалое время, какъ осужденные къ смерти, стоять противу вышепомянутаго эшафота и дожидаться о себѣ рѣшенія, будучи всѣ въ томъ мнѣніи, что намъ хотятъ рубить головы; да и сами Турки многіе тожъ думали, и для того со всѣхъ сторонъ толпами бѣжали къ шатру Лелеку на зрѣніе нашей смерти. Когдажъ велѣно было насъ вести къ тому мѣсту, которое подлѣ визирской ставки для насъ было назначено, Турки, сбѣжавшіеся на зрѣніе нашей смерти, пошли домой съ крайнимъ сожалѣніемъ, что оной имъ тогда видѣть не удалось. Но какъ палатки для насъ еще не были поставлены, и такъ мы принуждены были тогда стоять подъ дождемъ и дожидаться, покуда палатки совсѣмъ изготовлены были. Между тѣмъ приближалась ночь, а оставшія наши въ Едикулѣ постели и другія вещи хотя и обѣщали вскорѣ за нами привезть, но точію того не исполнили. И такъ многіе изъ насъ на грязи цѣлую тогда ночь безъ сна просидѣть принуждены были. Все же оное умышленно было дѣ-

лано для наибольшаго нашего мученія по имянному султанскому повелѣнію, а по наущенію злаго муфтія Османа.

Въ бытность нашу при Адріанополѣ въ лагерѣ, многихъ людей нашихъ, которые были наемные, вдругъ взяли подъ карауль, и одному изъ нихъ предъ визирскою ставкою, почти у насъ въ виду, отѣкли голову, а прочихъ посадили въ тюрьму. Потомъ прислалъ къ намъ былъ отъ визиря Музурь-Аги писарь съ двумя палачами, которой, сѣдши у нашего чорбаджея въ палаткѣ, велѣлъ всѣхъ насъ къ себѣ призвать, окромѣ резидента, и бранилъ наигрубѣйшими словами и, кричавши во весь голосъ, укорялъ всю нашу націю и объявлялъ, будто бы Россійской дворъ подослалъ въ ихъ армію доктуровъ, чтобъ отравить всѣхъ Янычаръ, и что мы съ оными докторами въ сообщеніи находимся, что̀ слыша народъ, особливо Янычары, начали было между собою переглядываться, и конечно бы на томъ же мѣстѣ въ куски насъ разорвали, естьли бы нашей орты Янычары и офицеры, будучи нами довольно задобрены, не заговорили почти всѣ вдругъ и очень громко, что отъ насъ такова злодѣянія конечно быть не можетъ, потому что они насъ довольно знаютъ всѣхъ, что мы люди добрые и съ ними почти за всегда вмѣстѣ пьемъ и ѣдимъ, а никто изъ нихъ еще не умеръ, а когда-де такіе подосланные доктура въ лагерѣ находятся, таковыхъ пускай визирь и накажетъ, чему они достойны. Такимъ образомъ сіе страшное для насъ тогда явленіе кончилось, а писарь, сѣдши на лошадь и безпрестанно насъ браня, обратно къ визирю поѣхалъ, сожалѣя, что не могъ противу насъ народа возмутить.

Будучи въ лагерѣ при Бендерахъ, пришелъ туда возвратившійся отъ Польской границы съ партіею своею одинъ беглербей, гдѣ сказывали намъ, что онъ много Россіянъ побилъ

и въ полонъ взялъ, въ самомъ же дѣлѣ привезъ съ собою только тринадцать головъ человѣческихъ, воткнутыхъ на копіяхъ, кои и представлены были визирю, отъ котораго получа нѣкоторое награжденіе, означенная партія нарочно по приказу визирскому мимо насъ ѣхала, и помянутыя головы на копіяхъ везла въ самое то время, когда мы обѣдали, и потомъ въ недальномъ же разстояніи предъ нашими глазами остановилась и повтыкала копія въ землю съ торчащими на оныхъ уже почернѣлыми и засмердѣлыми головами, кои отъ полудни до самаго захожденія солнца предъ нами стояли. И чтобъ зрѣлище сіе болѣе учинить для насъ чувствительнѣйшимъ и оскорбительнѣшимъ, нарочно Турки сказывали намъ, что оныя головы были нашихъ земляковъ, хотя по обритымъ ихъ волосамъ мы ихъ почли за Поляковъ или за Молдавцовъ, какъ то и въ самомъ дѣлѣ открылось.

Спуста послѣ сего трагедическаго зрѣлища дни чрезъ десять, сдѣлался было въ Янычарскомъ лагерѣ бунтъ, и хотѣли самаго верховнаго визиря убить; но онъ, увѣдавъ о томъ, тою-же ночью уѣхалъ изъ лагеря въ Бендеры и тамъ заперся, но по счастію нашему оной при самомъ его началѣ былъ успокоенъ умерщвленіемъ нѣсколькихъ главныхъ того заводчиковъ.

Нашъ чорбаджи и всѣ нашей орты Янычары сами намъ признавались, что жизнь наша была бы въ крайней опасности, естьли-бы означенной бунтъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и что имъ спасти насъ весьма-бы было трудно.

Всѣ торжествуемыя въ лагерѣ Турецкомъ мнимыя ихъ надъ Россіянами побѣды, также немалой намъ страхъ и опасность причиняли, потому что, какъ скоро только у визирской стаьки, въ знакъ о побѣдѣ радости, заиграетъ музыка.

и начнутъ изъ пушекъ стрѣлять, въ тожъ самое время всѣ находящіеся въ лагерѣ люди, имѣющіе заряженныя ружья или пистолеты, также выбѣжавъ изъ палатокъ, стрѣлять начинаютъ и сіе продолжаютъ во все то время, покуды у визирской ставки пушечная пальба происходитъ. И весьма часто случалось, что при такихъ случаяхъ многіе въ ихъ лагерѣ раненые или до смерти убитые бывали отъ стрѣляющихъ пулями безъ разбору, каковыя пули нерѣдко и мимо нашихъ ушей съ весьма непріятнымъ свистомъ летали, а раза съ два и палатки наши отъ пыжей ихъ загорались. Изъ сего заключить должно, что нѣкоторые изъ злостныхъ Турокъ умышленно въ насъ пулями стрѣляли, какъ то и случилось, что въ бывшую съ Цесарцами войну одинъ иностраннаго министра находящійся въ ихъ лагерѣ переводчикъ въ ночное время, при выходѣ изъ палатки, былъ до смерти застрѣленъ, котораго убійцъ и никакъ послѣ сыскать не могли.

Всего же для насъ страшнѣе и опаснѣе былъ тотъ день, въ которой Молдаванджи-визирь, послѣ потерянія нѣсколькихъ баталій, и съ ними города Хотина, принужденъ былъ со всею оставшеюся при немъ Турецкою арміею ретироваться за Дунай, какъ о томъ въ журналѣ моемъ пространнѣе описано, и для того я здѣсь сокращенно объявлю только то, что собственно съ нами случилось; а именно, означенной визирь, будучи Россіянами толь часто побѣжденъ, вздумалъ всю свою злость изліять противу насъ, и не только что не отпустилъ насъ по обѣщанію въ наше отечество, а потащилъ обратно съ собою за Дунай; но сверхъ того, въ день нашего изъ Хантепеси съ арміею похода, прислалъ къ намъ вдругъ Хасасъ-башу съ тридцатью палачами, а должность онаго Хасасъ-баши при арміи состоитъ въ томъ, чтобъ со-

держать у себя подъ карауломъ всѣхъ людей осужденныхъ на смерть, и по приказанію визирскому кого надлежитъ казнить и вѣшаетъ. Которые, пріѣхавъ къ намъ въ самое то время, когда мы на лошадей хотѣли садиться и по обыкновенію ѣхать за визиремъ, вдругъ насъ со всѣхъ сторонъ окружили. Увидя ихъ таковымъ образомъ около насъ стоящихъ верхами, казалось намъ, что они дожидались одного только сигнала, чтобъ насъ тутъ же на мѣстѣ порубить или переколоть копіями, которыя у многихъ у нихъ въ рукахъ имѣлись, называемыя по ихъ мизраки. Вскорѣ потомъ услышали мы, что у визиря заиграла музыка, и онъ, сѣдши на лошадь, въ путь свой отправился и, поровнявшись противу того мѣста, гдѣ мы стояли, оборотилъ къ намъ свое суровое лицо и сѣдую бороду, однакожъ, ничего не сказавъ Хасасъ-башѣ, проѣхалъ мимо насъ. Тогда нашъ чорбаджи, будучи неменѣе нашего объятъ страхомъ (потому что его подозрѣвали быть весьма преданнымъ къ намъ) сказалъ намъ, чтобъ и мы садились на лошадей. И такъ мы по обыкновенію въ слѣдъ за визиремъ поѣхали; но Хасасъ-баша, присоединясь съ его командою къ нашей ортѣ, вмѣстѣ съ нашимъ чорбаджіемъ предъ нами поѣхалъ, а палачи его, одни на переди, а другіе позади насъ ѣдучи, до самаго вечера насъ провожали.

И какъ мы послѣ уже свѣдали, что означенной Хасасъ-баша дѣйствительно имѣлъ отъ визиря повелѣніе, чтобъ, въ случаѣ есть-ли бы въ тотъ день наши войска на нихъ нападеніе учинили, всячески старался насъ увести въ Исакчу, а ежели того учинить будетъ не можно, то бы всѣхъ прирубить, а не допустить нашимъ войскамъ насъ у нихъ живыхъ отбить.

Сколько же и другихъ случаевъ бывало въ бытность нашу какъ въ ихъ лагерѣ, такъ и въ Демотикѣ, которые неменѣе

сего нашу жизнь смертію угрожали; но я объ оныхъ здѣсь умалчиваю, уповая, что вы, государь мой, изъ вышеписанныхъ примѣровъ довольно уже усмотрѣли, что опасеніе наше отъ Турокъ въ разсужденіи нашей жизни было не безъ основанія.

А что мы всѣ живы остались, оное болѣе надлежитъ почитать за особливое чудо, потому что Турки конечно нимало о соблюденіи здоровья нашего не пеклись, какъ то всѣ ихъ съ нами поступки доказываютъ, напротивъ того всячески старались разными образами насъ изнурять и мучить.

Письма князя Потемкина къ великому Суворову *).

1.

Писано 9-го Октября 1789.

Объявленіе Грекамъ, служащимъ на флотѣ.

Что я будущую кампанію самъ предводительствовать ими буду на морѣ, то и ожидаю отъ нихъ усердія и храбрости, что они подадутъ мнѣ случаи свидѣтельствовать предъ Ея Величествомъ ихъ неустрашимые подвиги.

Подполковнику Константину Чапони, чтобы прислалъ ко мнѣ вѣдомость, сколько ихъ можетъ быть будущую кампанію на флотѣ, которымъ самъ намѣренъ предводительствовать.

Строится въ Херсонѣ Навархія, легкое судно сорока-пушечное, гдѣ я присутствовать буду; на оное отобрать самыхъ лучшихъ и исправныхъ воиновъ.

Къ Войновичу ордеръ.

О присылкѣ рапортовъ вѣрныхъ о числѣ Грековъ, служащихъ во всѣхъ мѣстахъ, какъ объ офицерахъ, такъ и о рядовыхъ.

---

*) На конвертѣ съ этими письмами надпись фельдмаршала князя Воронцова: „Оригинальныя письма князя Потемкина-Таврическаго къ графу Суворову, подаренныя мнѣ Иваномъ Онуфріевичемъ Курисомъ".

2.

24 Октября.

Губернатору.

Чтобы ѣхалъ въ Херсонъ для слѣдующихъ исправленій:

1) Чтобы заготовить сѣна на супротивномъ берегу для конныхъ полковъ, отобравъ отъ Александра Васильевича, гдѣ онъ полагаетъ; доставить и овса.

2) Мнѣ нужно будетъ зимою подкрѣпить иногда Кинбурнъ: то отъ мѣста до мѣста заготовить сѣна.

3) Карантинный домъ, также и другія строенія и лѣсъ, естьли сыщется у партикулярныхъ, купить и раздѣлить для строенія замляновъ на Збурцевской сторонѣ и на устьѣ Пигула, что и перевозить немедленно.

4) О провіантѣ стараться снабдить Херсонъ, а паче Кинбурнъ, да изъясниться съ адмиралтействомъ что имъ потребно.

3.

8 Генваря.

Радъ я, мой любезный графъ Александръ Васильевичъ, спасенію Мегметъ-аги. Желая спасти и прочихъ, посылаю теперь маіора Іогновича остеречь мухафиза Бендерскаго. Хорошо, естьли догонитъ.

Подайте способы въ случаѣ нужномъ.

Вашего сіятельства вѣрный другъ и покорнѣйшій слуга

Князь Потемкинъ-Таврическій.

4.

25 Генваря 1790.

Я слышалъ, что одинъ еще изъ Бендерскихъ вышелъ и къ вамъ, мой любезный другъ, явился; ежели это Ходжи-байрактаръ, былъ бы я крайне радъ; поспѣшите его присылкою ко мнѣ. За симъ я дамъ вамъ знать, какія я получилъ письма отъ визиря. Во всю жизнь

Вашего сіятельства вѣрнѣйшій другъ и покорнѣйшій слуга

Князь Потемкинъ-Таврическій.

5.

21 Февраля 1790. Ясы.

Мы лишились нашего союзника. Такъ Богу угодно! Великій князь Тоскапскій теперь уже долженъ быть въ Вѣнѣ. Уповаю, что онъ отъ насъ не отстанетъ. Онъ человѣкъ твердый и болѣе систематичный: вотъ все, что могу вамъ, любезный и милостивой другъ, сказать.

Прилагаю списокъ произведеннымъ для вашего свѣдѣнія.

6.

9 Марта 1790.

Я немогу, мой милостивой другъ; и хотя уже полегче, но слабость день отъ дня умножается. Прикажи препроводить эфендія, отправленнаго къ визирю. Прилагаю извѣстія Польскія и есмь съ непремѣннымъ почитаніемъ на всегда вѣрнѣйшій другъ и пр.

Произвожденіе по вашимъ рекомендаціямъ на сихъ дняхъ пришлю.

7.

Христосъ Воскресе!

Поздравляю васъ, мой милостивой другъ, съ торжествомъ христіянства. Посылаю нѣкоторыя бездѣлки и прошу кушать на здоровье.

Увѣдомьте меня, показывается ли кормъ полевой. У насъ холодъ чрезвычайной остановилъ траву. Сія необыкновенность была предшествіемъ землетрасенія, которое вчера было сильное: мой домъ чуть не разсыпался. Мы чувствовали четыре удара. По моему пребыванію въ Фокшанахъ, а паче въ Бобовѣ бывало сильнѣй другихъ мѣстъ. Скоро дамъ вамъ свѣдѣніе о непріателѣ и о моихъ предположеніяхъ.

27 Марта 1790
Ясы.

8.

Планы дѣйствіямъ на Лиманѣ каждому порознь со описаніемъ.

Планъ стоящему нашему и Турецкому флоту, также и флотиліямъ.

Сраженія и хожденія флота Севастопольскаго, тоже и противу его Турецкаго съ планомъ баталіи.

Стихи на Екатерининскія учрежденія.

Ежели гдѣ государевъ намѣстникъ
Будетъ на взятки прелестникъ:
То и Губерское Правленіе.
Возметъ на то стремленіе,
Сыщетъ и Казенная Палата.
Отъ чего будетъ богата;
Такъ же и Уголовная
Не будетъ въ томъ прекословная;
Гражданская и Магистратъ Губерской
Не погнушается сей страсти мерзкой;
Суды надворны
За деньги будутъ сговорны;
Верхнія и Нижнія Расправы
Постараются для своей исправы;
Верхніе и Нижніе суды
Не оставятъ тщетно свои труды;
Разбирать будетъ Совѣстной Судъ,
Кто на дачу хорошъ и кто худъ;
Да и Приказъ Общаго Призрѣнія
Не будетъ имѣть въ томъ зазрѣнія;
А паче всѣхъ Управа Благочинія

Имѣетъ всѣ способы своего безчинія.
Генерально всѣхъ тѣхъ мѣстъ.
Коимъ и числа здѣсь нѣсть,
Предсѣдатели и засѣдатели
Только человѣческой плоти объѣдатели,
Такіе же воры
Стряпчіе и прокуроры,
Уѣздные градоначальники
И капитаны-исправники,
Секретари, давнишніе алтынники,
И подъячіе, неописанные шильники,
А у квартальныхъ хотя темлякъ на военной спицѣ.
Но рука всегда на поясницѣ;
При томъ стараются по ночамъ ходить
И думаютъ навсегда пьяныхъ купцовъ ловить.
А тѣмъ они какъ себѣ, такъ и частному приставу
Приносятъ прибыль на общую исправу.

Копія съ письма Екатерины Великой къ графу Самойлову.

Царское Село, 23-го Іюня 1791 г.

Александръ Николаевичъ! Препровождаемъ при семъ къ вамъ прошеніе, поданное намъ отъ генералъ-маіора Сергѣя и жены его Катерины Львовыхъ, содержащее жалобу на дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Воейкова, что онъ, подъ личиною дружбы, воспользуясь простодушіемъ и легковѣрностію Львовой, выманилъ у нея на многія тысячи безденежныхъ векселей, въ разныя руки генерь переданныхъ и частію уже предъявленныхъ ко взысканію съ векселедавицы. Сколь наглый обманъ, въ столицѣ нашей произведенный, если подлинно онъ существовалъ, не можетъ остаться безъ строгаго изысканія, и виновные тому безъ должнаго по законамъ наказанія. Сего ради соизволяемъ, чтобъ вы, со всею точностію и подробностію, а при томъ самыми кратчайшими путями, изслѣдовали помянутое происшествіе, доходя до истиннаго познанія: когда, какимъ образомъ и при комъ даваны были отъ генералъ-маіорши Львовой означенному Воейкову векселя, сколько числомъ, на какіе сроки и въ коликой суммѣ, такожъ на чьи имена оные писаны, и тѣ люди давали-ль ей, Львовой, написанныя въ векселяхъ деньги и имѣютъ ли на

то свидѣтелей или иныя какія-либо доказательства, вѣроятія заслуживающія. Наконецъ, сколько таковыхъ векселей вступило ко взысканію, отъ кого и какимъ образомъ оные дошли въ ихъ руки, и въ чьихъ остальные находятся? Словомъ, не оставьте ни малѣйшаго обстоятельства безъ вниманія и уваженія и старайтесь всѣми возможными образы достигнуть прямаго существа сего дѣла. А между тѣмъ, остановя взысканіе по вступившимъ уже векселямъ до надлежащаго изслѣдованія объ оныхъ, истребуйте всѣ оные къ вашему разсмотрѣнію, назнача для представленія ихъ срокъ, съ тѣмъ, что если не будутъ представлены въ назначенное отъ васъ время, таковые послѣ того никакой уже законной силы и дѣйствія имѣть не могутъ. По окончаніи же всего того слѣдствія, внесите оное въ Сенатъ для рѣшенія тутъ по законамъ, такъ какъ и сей указъ предложите Сенату, дабы и со стороны его, въ чемъ надобность востребуетъ, подано было вамъ пособіе къ скорѣйшему исполненію вышеизображенной воли нашей. Пребываемъ въ прочемъ вамъ благосклонны.

Екатерина.

Петербургское приключеніе прошлаго вѣка.

Въ танцовальномъ клубѣ, нашего банковаго правленія совѣтникъ господинъ Дубянскій разговаривалъ съ подполковникомъ Миллеромъ объ одной танцовщицѣ придворнаго театра, называемой Анпушкѣ, той самой, которая по его словамъ была знакома съ Валеріяномъ Александровичемъ Зубовымъ. Содержаніе же сего разговора, безъ сумнѣнія, сей госпожѣ не дѣлало великой чести и было пересказано слово отъ слова; а какъ сія госпожа имѣла у себя жениха армейскаго полку капитана, по прозванію Харачокъ и по случаю онъ въ сей день находился въ томъ же клубѣ, то ему также пересказалъ тотъ же Миллеръ, что̀ было говорено Дубянскимъ въ честь обожаемой имъ нимфы. Капитанъ, будучи храбръ, разсудилъ, что честь его тѣмъ повредится, когда онъ не накажетъ того, кто столько былъ дерзокъ, что дерзнулъ безеславить то божество, коему онъ въ жертву себя приноситъ. Вслѣдствіе сего опредѣленія, отозвавши Дубянскаго въ особый покой, спрашивалъ, правда-ль все то, что̀ ему разсказывалъ Миллеръ, въ чемъ Дубянскій предъ нимъ и не запирался и готовъ былъ подтвердить все то, что̀ онъ уже слышалъ, когда онъ того отъ него потребуетъ. Послѣ сего помянутый капитанъ отвѣтствовалъ ему доброю оплеушиною, за коей слѣдовала другая;

а какъ храброй капитанъ служилъ въ арміи и знаетъ совершенно какъ производится огонь батальный, то и успѣлъ влѣпить третью пощечину, прежде пока бригадиръ, который о непріятелѣ не имѣлъ никакого понятія, и не успѣлъ приготовиться къ оборонѣ; а какъ послѣ сей послѣдній упалъ на полъ, и народъ сбѣжался, то и капитанъ былъ задержанъ и отвезенъ къ оберъ-полицеймейстеру.

На другой день послѣдовала резолюція. Какъ я слышалъ. Государыня пишетъ къ господину Архарову въ своей запискѣ:

«Мужикъ, въ мужичьемъ платьѣ, въ мужичьемъ обществѣ, «судится по-мужически: а понеже сіе случилось въ обществѣ «мѣщанскомъ, и Дубянскій былъ во фракѣ, имѣя при томъ «круглую шляпу: то и судится по-мѣщански».

Однако же далѣе ничего не послѣдовало. Дубянскому отказано право ходить за кавалергарда, коимъ пользовался онъ по камерпажеству; а капитану, исправя порученныя ему комиссіи, ѣхать въ полкъ.

Капитанъ сей оставленъ за комиссіями отъ Валеріяна Зубова и считался при канцеляріи Платона Александровича. Отличной, сказываютъ, храбрости противъ непріятеля, чему имѣетъ доказательствомъ многія раны и у одной руки поврежденные пальцы.

Подлинныя донесенія графа Захара Григорьевича Чернышова Екатеринѣ Великой объ открытіи Московской губерніи.

1.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Во исполненіе высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа отъ 25 Маія сего года о внесеніи въ Московскую губернію высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества учрежденій для управленія губерній въ нынѣшнемъ Октябрѣ мѣсяцѣ, имѣю счастіе всеподданнѣйше донести, что, по учиненному предварительно объ оном объявленію, дворянство Московской губерніи собралось сюда 3-го числа сего мѣсяца, почему вчера на всѣхъ площадяхъ и обнародовано, что съ нынѣшняго дня начнется исполненіе онаго высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа. Въ слѣдствіе того поутру сего дня собрались какъ опредѣленные въ губернію чины, такъ и все дворянство и изъ Московскаго купечества въ Грановитую Палату, гдѣ я имѣлъ честь объявить всему собранію высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, дарующее древней столицѣ и губерніи Московской участіе въ томъ благоденствіи, коимъ наслаждаются прочія въ имперіи губерніи, управляемыя

на основаніи учрежденій. Изъ Грановитой Палаты всѣ слѣдовали повелѣннымъ въ учрежденіяхъ порядкомъ въ большой Успенской Соборъ, въ коемъ, по совершеніи Божественной литургіи, прочтены высочайшій манифестъ и указъ объ открытіи губерніи; а по прочтеніи оныхъ, преосвященный Платонъ, архіепископъ Московскій и Калужскій, сказывалъ поученіе, приличное настоящему происшествію. Потомъ всѣ мы принесли теплыя къ Царю Царей молитвы о долголѣтномъ здравіи Вашего Императорскаго Величества, яко всемилостивѣйшей Виновницы всеобщаго нашего благоденствія. На послѣдокъ учинили присягу: опредѣленные чины на свои должности, а дворянство на выборъ предводителей и судей.

Изъ Собора слѣдовалъ я съ господиномъ губернаторомъ, приглася и преосвященнаго архіепископа Платона, въ устроенный для Губернскаго Правленія домъ, въ коемъ преосвященный по обряду церковному окропилъ священною водою покои; а послѣ того я вручилъ книгу высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества учрежденій господину губернатору и всему Губернскому Правленію для исполненія и, прочтя изъ оныхъ главу о должности Губернскаго Правленія, открылъ оное на основаніи высочайшихъ учрежденій.

Я не могу осмѣлиться обременить освященнѣйшую особу Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшимъ моимъ донесеніемъ въ подробности о томъ, съ коликимъ усердіемъ дворянство приступаетъ къ предлежащему дѣлу и коликое стеченіе народа было какъ къ Успенскому Собору, такъ наипаче къ устроенному для губернскихъ присутственныхъ мѣстъ дому; но кратко заключу, что вся Москва подвигнулась радостнымъ восторгомъ къ принятію спасительныхъ Вашего Императорскаго Величества учрежденій и къ тор-

жествованію при семъ первоначальномъ открытіи правленія по образу, въ оныхъ предписанному.

Завтра будетъ вторичное собраніе дворянства въ Грановитой Палатѣ для слушанія чтенія высочайшихъ учрежденій, а въ слѣдующіе потомъ дни повелѣнные выборы производиться будутъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
графъ Захаръ Чернышовъ.

Въ Москвѣ
Октября 5 д. 1782 г.

2.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Послѣ отправленнаго всеподданнѣйшаго Вашему Императорскому Величеству донесенія моего отъ 5-го числа сего мѣсяца объ открытіи Московскаго Губернскаго Правленія, дворянство 6-го числа имѣло собраніе въ Грановитой Палатѣ для слушанія чтенія высочайшихъ учрежденій; 7-го, раздѣлясь по уѣздамъ, въ разныхъ покояхъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, выбрало новыхъ уѣздныхъ предводителей, коимъ и списокъ у сего всеподданнѣйше подношу; 8-го въ общемъ всего дворянства въ Грановитой Палатѣ собраніи выбранъ въ губернскіе предводители графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ; 9-го, въ Воскресенье, дворянство не имѣло собранія; а сегодня, собрався въ разныхъ покояхъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, выбрало уѣздныхъ судей, земскихъ капитановъ и засѣдателей Уѣзднаго и Нижняго Земскаго Судовъ. Я за долгъ себѣ поставляю присовокупить здѣсь всеподданнѣйшее засвидѣтельствованіе о томъ усердіи и радостномъ восхищеніи, съ коимъ дворянство при всѣхъ сихъ выборахъ въ собраніяхъ себя

оказывало, исполняя съ веселіемъ требуемое отъ него при семъ происшествіи.

Равномѣрно выбраны уже повѣренными отъ Московскаго купечества и мѣщанства городской глава, бургомистры, ратманы и засѣдатели въ Совѣстный Судъ и въ Губернскій Магистратъ; такъ какъ и отъ поселянъ повѣренные выбрали засѣдателей въ Нижнія Расправы и въ прочія мѣста по высочайшимъ учрежденіямъ.

Утрешняго числа предлежитъ дворянству выбрать засѣдателей въ Совѣстной Судъ и въ Верхній Земскій Судъ; а 12-го уповаю открыть засѣданіе въ палатахъ и во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ.

Въ прочемъ какъ здѣсь, такъ и во всей губерніи Московской на прошедшей недѣлѣ все въ надлежащей тишинѣ и спокойствіи происходило.

Вашего Императорскаго Величества
Всеподданнѣйшій рабъ
Графъ Захаръ Чернышовъ.

Въ Москвѣ,
Октября 10-го дня
1782 года.

Списокъ выбранныхъ въ уѣздные предводители.

Въ Московской уѣздъ -дѣйствительный камергеръ Алексѣй Нарышкинъ.

Въ Воскресенской—тайный-совѣтникъ и кавалеръ графъ Иванъ Воронцовъ.

Въ Богородской—генералъ-поручикъ Сергѣй Всеволожской.

Въ Бронницкой— генералъ-поручикъ и кавалеръ Николай Расловлевъ.

Въ Коломенской—гвардіи секундъ-ротмистръ Яковъ Татищевъ.

Въ Серпуховской—надворный совѣтникъ Петръ Нащокинъ.

Въ Никитской—тайный совѣтникъ графъ Дмитрій Матюшкинъ.

Въ Подольской—дѣйствительный камеръ-геръ Александръ Васильчиковъ.

Въ Звенигородской—генералъ-маіоръ и кавалеръ Алексѣй Сухотинъ.

Въ Рузской—маіоръ князь Иванъ Кольцовъ-Мосальскій.

Въ Можайской—секундъ-ротмистръ Николай Савеловъ.

Въ Волоколамской—гвардіи подпорутчикъ Иванъ Стрешневъ.

Въ Клинской—примеръ-маіоръ Платонъ Орловъ.

Въ Дмитровской—генералъ-маіоръ и кавалеръ князь Иванъ Голицынъ.

Въ Верейской — гвардіи секундъ - маіоръ Александръ Гурьевъ.

Графъ З. Чернышовъ.

3

Всемилостивѣйшая Государыня!

Отъ 10-го сего мѣсяца имѣлъ я счастіе всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству донести о происхожденіи выборовъ дворянскихъ; а 11-го числа дворянство, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, графа Петра Борисовича Шереметева, въ Грановитой Палатѣ, выбрало засѣдателей въ Совѣстной Судъ и въ Верхній Земской Судъ, и тѣмъ всѣ выборы на основаніи высочайшихъ Вашего Императорскаго Величества учрежденій кончены 12-го числа. Всѣ, какъ нововыбранные, такъ и губернскіе чины и дворянство,

слушали въ Успенскомъ Соборѣ божественной литургіи, которую отправлялъ преосвященный Платонъ архіепископъ Московскій и Калужскій съ духовнымъ соборомъ и по совершеніи оной сказывалъ поученіе о должности судейской: а наконецъ, гласомъ всего собранія принесъ благодарственное Богу моленіе о долголѣтномъ здравіи Вашего Императорскаго Величества. По окончаніи онаго всѣ пововыбранные учинили присягу на свои должности, и потомъ все собраніе слѣдовало повелѣннымъ въ высочайшихъ учрежденіяхъ порядкомъ чрезъ Кремль до Спасскихъ воротъ при колокольномъ звонѣ и играніи музыки отъ постановленной воинской команды, а оттуда по Красной площади въ домъ для присутственныхъ мѣстъ устроенный, куда и преосвященный архіепископъ Платонъ приглашенъ былъ и по обряду церковному окропилъ священною водою покои Уголовной, Гражданской и Казенной Палатъ, Верхняго Земскаго и Верхняго Надворнаго Судовъ, въ коихъ я потомъ имѣлъ честь засѣданіе открыть. Въ сіеже время господинъ губернаторъ и вице-губернаторъ, приглася для окропленія священною водою по церковному обряду двухъ архимандритовъ, открыли засѣданіе, первый въ Губернскомъ Магистратѣ въ Верхней Расправѣ, въ Московскомъ Уѣздномъ Судѣ, въ Уѣздномъ Казначействѣ, въ Дворянской Опекѣ и въ Нижнемъ Земскомъ Судѣ: а второй въ Нижнемъ Надворномъ Судѣ, въ Московскомъ Городскомъ Магистратѣ, въ Сиротскомъ Судѣ и въ Нижней Расправѣ.

Сегодня по утру, получа отъ судебныхъ мѣстъ представленія почти единогласныя о назначеніи въ совѣстные судьи изъ здѣшняго дворянства тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Михайла Михайловича Салтыкова, согласился я на оное по силѣ высочайшихъ учрежденій, и потомъ засѣданіе въ Совѣстномъ Судѣ открыто. Сего жъ утра вступилъ въ

исправленіе своей должности Приказъ Общественнаго Призрѣнія.

Между тѣмъ дворянство, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, имѣло собраніе въ губернской залѣ общаго собранія и положило единогласно принесть всеподданнѣйшее Вашему Императорскому Величеству благодареніе за всемилостивѣйшее дарованіе столицѣ Вашей и губерніи Московской высочайшихъ учрежденій и о томъ чрезъ губернскаго предводителя мнѣ представило. Имѣя счастіе равно съ дворянствомъ, яко дворянинъ Московской губерніи, ощущать всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества благоволеніе о всеобщемъ нашемъ благоденствіи, тѣмъ съ вящшею горячностію соотвѣтствовалъ я желанію дворянства: по поелику всѣ другъ предъ другомъ усердствовали поспѣшеніемъ къ высочайшему Вашего Императорскаго Величества двору, чего однако всѣмъ учинить невозможно, то назначены къ тому депутаты, коимъ у се о списокъ всеподданнѣйше подношу и кои вскорѣ и отправятся пасть къ престолу Вашего Императорскаго Величества съ искреннѣйшею жертвою благодарныхъ сердецъ нашихъ.

Напослѣдокъ, поелику всѣ уже выборы кончены, объявлено дворянству, что могутъ они возвратиться въ свои домы; а уѣзднымъ предводителямъ, судьямъ, земскимъ капитанамъ и засѣдателямъ дано знать, чтобъ они слѣдовали въ свои уѣздные города, куда и предсѣдатели палатъ и Верхняго Земскаго и Верхняго Надворнаго судовъ отъ Губернскаго Правленія имѣютъ отправиться 15-го числа съ тѣмъ, чтобъ во всѣхъ оныхъ городахъ присутственныя мѣста не позже 25-го числа сего мѣсяца открыты были.

Въ заключеніе пріемлю смѣлость повергнуть къ монаршимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ всепод-

данѣйшее мое засвидѣтельствованіе объ усердіи, признательности и благоговеніи къ освященнѣйшей особѣ Вашего Императорскаго Величества здѣшняго дворянства, купечества и всего города, въ неописанную радость пришедшаго отъ внесенія въ здѣшнюю столицу высочайшихъ учрежденій. Сіе истинно доказало дворянство и купечество при всѣхъ бывшихъ выборахъ, а народъ открытымъ веселіемъ во всѣ прошедшіе дни бывшаго торжества, наипаче же вчера несмѣтнымъ стеченіемъ разнаго состоянія, возраста и пола, едва вмѣщаясь въ Кремлѣ и въ Китаѣ на всѣхъ зданіяхъ и площадяхъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
графъ Захаръ Чернышовъ.

Въ Москвѣ
Октября 13-го дня
1782 года.

Списокъ назначеннымъ въ депутаты.

Губернской предводитель графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ.

Уѣздные предводители:

Московской—дѣйствительный камергеръ Алексѣй Нарышкинъ.

Воскресенской—тайный совѣтникъ и кавалеръ графъ Иванъ Воронцовъ.

Богородской – генералъ-поручикъ Сергѣи Всеволожской.

Коломенской —гвардіи секундъ-ротмистръ Яковъ Тагищевъ.

Можайской—секундъ-ротмистръ Николай Савеловъ.

Дмитровской—генералъ-маіоръ и кавалеръ князь Иванъ Голицынъ.

Серпуховской—надворный совѣтникъ Петръ Пащокинъ.

Изъ дворянъ Московской губерніи графъ Николай Шереметевъ.

Бригадиръ Михайло Матюшкинъ.

Бригадиръ Иванъ Козловъ.

Графъ З. Чернышовъ.

4.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Имѣя счастіе получить всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества начертаніе отъ 21-го Октября, не примину я повторить благородному обществу здѣшнему, что раболѣпная ихъ признательность благоугодна Вашему Императорскому Величеству, и что назначаемыя ими депутаціи съ особливымъ высочайшимъ благоволеніемъ пріемлются. Возвѣщеніе толь милосердаго Вашего Императорскаго Величества снисхожденія къ здѣшнему дворянству привело ихъ въ неописанную радость и неизреченное возбудило въ нихъ благодарное чувствованіе, о коихъ получая теперь отъ дворянскихъ предводителей засвидѣтельствованія, пріемлю смѣлость повергнуть оныя купно съ моимъ глубочайшимъ благоговѣніемъ къ монаршимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, яко чистую жертву благодарныхъ нашихъ сердецъ.

Въ Москвѣ
Октября 31 дня
1782 года.

5.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе отъ 21-го Октября съ запискою деньгамъ, всемилостивѣйше пожалованнымъ Приказу Общественнаго Призрѣнія Московской губерніи, я удостоился принять и немедленно предложилъ оному Приказу о должномъ по силѣ высочайшаго повелѣнія исполненіи, сообща при томъ и Московскому Дворянскому Банку, такъ какъ и Казенной Палатѣ объ отпускѣ въ вѣдомство реченнаго Приказа хранящихся у нихъ денегъ, въ помянутой запискѣ показанныхъ.

Въ прочемъ въ столицѣ Вашего Императорскаго Величества и во всей губерніи Московской все въ надлежащей тишинѣ и спокойствіи на прошедшей недѣлѣ происходило и нынѣ благополучно состоитъ.

Въ Москвѣ
Октября 31 дня
1782 года.

Письмо архіепископа Казанскаго Амвросія къ графу А. Р. Воронцову.

1787.

Сіятельнѣйшій графъ!

Милостивый государь мой!

Уже имѣлъ я честь писать къ вашему сіятельству въ Саратовъ, изъявляя чувствительнѣйшую мою благодарность за оказанную мнѣ благосклонность; нынѣ, тожъ повторяя, всеусердно поздравляю ваше сіятельство съ возвращеніемъ въ Санктъ-Петербургъ. Объ извѣстныхъ вашему сіятельству *новокрещенскихъ школахъ* писано ко мнѣ, чтобъ я представилъ отъ себя Всемилостивѣйшей Государынѣ чрезъ графа Александра Андреевича Безбородку, что̀ мною на сей же почтѣ и отправлено. Съ прошенія, по дозволенію вашего сіятельства, пріобщаю при семъ копію и прошу всепокорно употребить милостиваго старанія. Несумнѣнно надѣюсь, что изъ сего выдти можетъ со временемъ польза, соотвѣтственная матернему попеченію премудрой нашей Монархини о насажденіи просвѣщенія. Ваше же сіятельство, яко побудителя на сіе и моего покровителя, вознаградитъ Самъ Отецъ Свѣтовъ. Коего благость всегда призывать на особу вашу обязаннымъ

себя почитаю. Въ упованіи таковой милости, при совершенномъ моемъ высокопочитаніи и неизмѣняемой преданности, честь имѣю быть всегда

Вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорный слуга и богомолецъ

Амвросій архіепископъ Казанскій.

Августа 23-го дня
1787 года.
Въ Казанѣ.

Котія.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По имянному блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветъ Петровны высочайшему указу въ Казанской епархіи учреждены 1742 года школы, именуемыя новокрещенскія, въ коихъ обучаются дѣти изъ язычихъ, принявшихъ христіанскую вѣру народовъ Россійскому чтенію, пѣнію, письму, закону и уставу церковному въ надежду производства въ церковнослужители и высшія степени священства, къ удобнѣйшему просвѣщенію и утвержденію въ вѣрѣ христіанской новокрещенныхъ народовъ. И хотя какъ то по надлежащему исполняется, такъ и предположенная польза довольно ощутительна; но какъ въ благословенное царствованіе Вашего Императорскаго Величества изо всѣхъ таковыхъ заведеній иныя приведены, иныя приводятся въ цвѣтущее состояніе, то дабы и оное новокрещенскихъ школъ заведеніе могло по возможности распространить пользу, сходственную съ матернимъ попеченіемъ Вашего Величества о просвѣщеніи народа своего, за приличное признаю оныхъ новокрещенскимъ дѣтямъ

обучаться и въ Семинаріи наукамъ въ оной преподаваемымъ, дабы чрезъ сіе они: 1) будучи священниками, въ своихъ селеніяхъ могли говорить поученія на природныхъ языкахъ, что̀ весьма нужно при незнаніи Россійскаго; 2) обучась въ Семинаріи по введенному въ оной нормальному методу, сверхъ священнической должности, могли бы споспѣшествовать къ заведенію въ тѣхъ же селеніяхъ народныхъ училищъ: и 3) окончивъ науки, успѣшнѣйшіе могли бы также достаточны быть на учительскія званія не токмо въ народныхъ тѣхъ селеній училищахъ, но и въ Семинаріи, что̀ весьма лестно будетъ для самыхъ тѣхъ народовъ. Изъ сего безъ сомнѣнія для церкви и отечества можетъ послѣдовать польза несравненно бо́льшая. Для опыта на сей конецъ по назначенію моему чрезъ годъ уже 15 человѣкъ изъ тѣхъ учениковъ и обучались въ Семинаріи, гдѣ, оказавъ довольную склонность и успѣхи, произвели ревность къ тому же и въ прочей своей собратіи.

Сего ради не благоугодно ли будетъ, всемилостивѣйшая Государыня, повелѣть оныя школы съ Семинаріею и суммы, на нихъ положенныя, соединить, дабы чрезъ одинаковое ихъ съ семинаристами содержаніе и чрезъ одинъ присмотръ удобнѣе было достигнуть желаемыхъ успѣховъ. Суммы на оныя школы со всѣми чинами, кромѣ строенія, въ помянутомъ 742 году положено 2,912 р. 20 к., да на лѣкаря съ ученикомъ по указу 763 года 187 р. 70 к.: всего 3,099 р. 90 к. въ годъ. Хотя же по возвысившимся отъ того времени цѣнамъ и выдается нынѣ на припасы, по силѣ указовъ, по справочнымъ цѣнамъ, на наличное число учениковъ, а потому на каждаго ученика и выходитъ больше положеннаго: то какъ положенное по штату число учениковъ рѣдко полное бываетъ, то

при добромъ хозяйствѣ и довольно будетъ положенной въ 1742 году каждогодно выдаваемой съ семинаристами 2000 р., что вообще составлять будетъ 5,099 р. 90 к. Впрочемъ все сіе предаю въ собственное Вашего Императорскаго Величества благоразсмотрѣніе.

Всемилостивѣйшая Государыня
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій и богомолецъ
Амвросій архіепископъ Казанскій.

Августа дня
1787 года.
Въ Казанѣ.

Письмо неизвѣстнаго Француза къ графу А. Р. Воронцову.

Paris, 2 janvier 1781.

Monsieur le comte.

Je ne sais si vous avez jamais reçu une lettre que m-r de Boutourline s'était chargé de vous faire passer. Si elle ne vous est point parvenue, je suis chargé à votre égard de toutes les apparences du plus grand tort: car vous pourriez m'accuser de n'avoir pas répondu aux plusieurs lettres de vous, remplies de votre ancienne bonté et amitié pour moi. Je n'ai jamais cessé de mériter ces sentimens de votre part, puisque ni le temps ni l'absence ne sauraient jamais affaiblir ceux de l'attachement le plus tendre que je vous ai voués pour la vie.

Je saisis avec empressement l'occasion que m-r Khotinsky veut bien me fournir de vous en renouveler aujourd'hui les sincères assurances. Voici la 23-me année qui commence depuis l'époque où j'ai eu l'honneur de vous connaître. Que d'évènements se sont passés depuis, et combien de fois j'ai été occupé, même dans la Bastille, à rêver sur tous ceux qui pouvaient vous intéresser. Voilà m-r de Cobentzel qui

vous quitte bientôt, dit-on, pour aller aux Pays-Bas occuper la place de son père (le plus grand ministre et le plus aimable que j'aie connu). J'aime à croire que tôt ou tard vous remplirez celle de m-r votre oncle: je vois peu de Russes et bien rarement; mais dans tous ceux que j'ai déjà vus depuis longtems, je n'ai trouvé aucun qui, à mon gré, en fût plus capable. La jalousie même et l'injustice de quelques-uns à votre égard confirment cette vérité. Chez vous, comme chez nous, ce ne sont pas les sots et les ignorants qui ont *des ennemis*; au contraire, chacun les favorise, parce que personne ne craint de les rencontrer dans son chemin. On y est souvent attrappé, car ils arrivent à leur but et laissent derrière ceux qui les avaient mis en avant, comme des gens sans conséquence. Nous en avons icy plus d'un exemple. Il y en a de récents. Je ne connais pas assez votre cour pour savoir si la nullité y est aussi un moyen de faire son chemin. Les grandes lumières de votre Souveraine me font du moins douter que cette route y soit aussi sûre et aussi fréquentée; mais je n'en suis pas moins convaincu que les talents et le génie y trouvent souvent des obstacles, même aux yeux d'une Impératrice qui possède ces qualités et qui est si capable de les apprécier. Partout il y a des intrigues et des entours (nulle part autant qu'à Versailles).

Je ne serai pourtant jamais d'avis que dans votre position vous vous laissiez rebuter par aucun de ces obstacles. Et il y a longtems (vous vous en souvenez) que je vous ai prêché la constance et la persévérance, que j'ai combattu ces bouffées de la philosophie, ces rêves de retraite et de solitude dans lesquels vous croyez quelquefois entrevoir le bonheur. Il n'est fait

pour personne, que tout au plus pour les êtres insensibles et non-pensants. Cette classe n'est pas nombreuse. Tout le reste est malheureux, ou physiquement, ou moralement, ou métaphysiquement. Il n'y a point à ces maux de remède spécifique, mais seulement deux palliatifs: l'occupation et la dissipation. Ce n'est que par une alternative bien ménagée de toutes deux qu'on peut supporter patiemment le fardeau de la vie, et cette alternative ne peut pas exister dans la retraite et la solitude pour quelqu'un dont l'esprit actif et ardent a toujours été rempli de grands objets. Les imbéciles croyent s'occuper quand ils se livrent à des amusemens puériles auxquels ils donnent l'importance du travail; mais vous, ni moi ne savons ni tourner, ni barbouiller du papier ou de la toile à copier des tableaux ou des dessins. Nous ne nous piquons pas non plus de faire de la musique ou d'en être amateurs: au bout d'une demi-heure au plus, le plus beau concert nous ennuye. Nous serions bientôt las d'un cabinet d'histoire naturelle ou de physique expérimentale. Quand on a parcouru tout cela, qu'on en sait la nomenclature et la pratique, un être pensant, qui n'a pas la petite vanité de montrer ses coquilles et de faire parler de sa collection dans les journaux, se trouve bien seul et l'esprit bien vide vis-à-vis de toutes ces bagatelles. La lecture alors est son unique ressource, mais on ne peut pas toujours lire, et quand on a autant lu et d'aussi bonne heure, on ne trouve plus guère rien de nouveau dans les livres nouveaux: on finit par les laisser-là. Que devenir donc quand on a été occupé, pour ainsi dire, des l'enfance de grandes et importantes affaires? Il n'y a qu'une ressource—c'est de s'en occuper encore et de remplir

les intervalles d'un travail noble et utile par les agrémens de la société et par la variété des dissipations, qu'un homme du grand monde et de la bonne compagnie, qui a passé sa vie dans les cours, ne peut trouver à son gré que dans le tourbillon d'une capitale. C'est s'étourdir—me direz-vous—plutôt que s'amuser. Soit, mais comme je disais à un certain ministre sombre et songe-creux qui me reprochait d'aimer le plaisir: moins on est heureux, plus il est nécessaire. Le plaisir est aux honnêtes gens ce que le verre d'au de vie est aux soldats et aux crocheteurs, un besoin physique et non pas un vice. Sans ce moyen de s'étourdir les uns se pendraient, les autres se brûleraient la cervelle.

Restez donc à Pétersbourg, monsieur le comte. Vous y êtes toujours, à ce qu'on m'a dit, président du Collège de Commerce. C'est un beau poste et où vous pouvez faire beaucoup de bien. Vous êtes jeune, et par le cours naturel et ordinaire des choses et des évènements, vous ne pourrez avec le tems qu'arriver au plus haut degré dans l'administration. Surtout n'allez pas prendre le change, et que la manie de la législation ne vous fasse pas demander un gouvernement de province: c'est un honnête exil, et si vous vous éloignez, vous vous ferez bientôt oublier. Il faut se tenir au courant et dans une sphère d'activité le plus près du soleil, si l'on veut être à portée d'en recevoir les rayons bienfaisants. Les nuages passent, l'horizon s'éclaircit, et la prospérité vient. Elle s'affermit sans retour, lorsqu'elle est soutenue des talents, du zèle et de l'utilité. Si vous me croyez, voilà votre horoscope.

Le mien depuis longtemps est accompli. Je ne suis rien: j'ai peu d'amis; j'en perds tous les ans par le cours ordinaire de la nature, et à mon âge on ne se soucie point d'en faire de nouveaux. On n'en a pas même les moyens, parce qu'on n'est plus aimable. J'aurais fort désiré du moins de continuer à me rendre utile. J'ai été applaudi et encouragé par des suffrages stériles; mais la preuve qu'au fond on ne goûtait pas mes idées, ou qu'on ne se sentait pas assez fort pour les adopter et les mettre en pratique, c'est qu'on a fait tout le contraire. Ce qu'on a fait n'a pas merveilleusement réussi, mais l'amour-propre a été blessé de la justesse de mes prédictions. Ici, comme à Jérusalem, on lapide les prophètes, et je n'ai gagné à tout cela que l'air d'être dans l'opposition, quoique à dire vrai, je ne suis assez important pour être d'aucun parti. Je dirai plus: dans tous les changements et les révolutions du ministère qui ont déjà commencé et dans le retour à la tête des affaires d'une cabale qu'on croyait abattue sans ressource, j'aurais beaucoup plus à craindre qu'à espérer (le baron, qui m'a tant persécuté, serait sûrement ministre des affaires étrangères). Et si le parti contraire l'emportait sur celui-là, ce serait bien pis: le duc, qui m'a fait mettre à la Bastille et qui comptait bien m'y faire périr, deviendra premier ministre. J'ai donc tout lieu de désirer, malgré les préventions qu'il a données contre moi à m-r de Maurepas, que ce vieux Mentor, honnête homme et point malfaisant, point tyran, au contraire d'un caractère doux et d'un esprit aimable, vive et reste toujours en place. S'il ne me fait jamais de bien, si, à cause de lui on n'ose point m'en faire, je suis trop sûr de sa justice, de son équité, de son humanité pour craindre qu'il me

fasse jamais du mal. Et m-r de Vergennes est pour moi (comme citoyen autant qu'individu) celui, dont je souhaite le plus sincèrement la stabilité: car il est sage, habile, expérimenté et aussi ferme dans les bons principes, que sa position orageuse et isolée peut le lui permettre. Je craindrais, si le vent continue à souffler du même côté, qu'il ne fût obligé de s'en écarter pour conserver sa place, ou qu'il ne succombe aux efforts de la cabale prépondérante. Je suis sûr que vous m'entendez sans que j'en dise davantage. Toutes ces craintes rendent ma situation assez pénible: car je suis malheureusement trop connu pour un apôtre et un martyr de l'ancien système renversé en 1746 par le cardinal de Bernis, détruit entièrement depuis par m-r de Choiseul, rétabli à peu près par m-r de Vergennes lors de la succession de Bavière, et nouvellement ébranlé depuis celle des Coadjutorerie de Cologne et de Munster. S'il arrivait à cet égard une révolution complète, qui remît les affaires au point où elle étaient il y a vingt ans, je ne sais ce que je deviendrais. On me chercherait peut-être une querelle d'Allemand pour m'ôter ma pension de 2000 écus, et par conséquent mon unique subsistance (que je tiens du feu roi directement sans l'intervention d'aucun ministre et même à l'insçu de tous ceux d'alors et que le roi régnant a daigné me confirmer). Heureux si je n'éprouvais pas quelque chose de pire, c'est à dire encore une captivité, qui cette fois et à mon âge ne finirait qu'avec ma vie. Le dois donc désirer autant pour moi que pour l'état que le système d'union et de la bonne harmonie entre votre cour et le roi de Prusse d'un côté, et la France de l'autre, puisse se soutenir et se fortifier contre les atteintes qu'il paraît qu'on lui porte. Nous sommes

dans la crise, et il est impossible, attendu la chaleur et la précipitation d'un certain parti, que les choses restent longtems dans cet état d'incertitude.

Vous avez donc à présent le D'avaux de la Hollande, le baron de Staremberg, et le résultat de sa mission, est la déclaration de guerre de ces fiers insulaires à ces pauvres Bataves, ces heavy Dutch, *) comme on les appelle en Angleterre. Je vous fais mon compliment, monsieur le président du commerce, si vous héritez de leur cabotage. Je vous y exhorte. Voilà une belle occasion de former enfin une marine marchande. Que du moins, sous votre pavillon, les Anglais respectent la neutralité armée, que vous veniez échanger nos denrées et nos marchandises, et nous apportiez des munitions navales. On vous les payera bien, et nous ferons ensemble de bonnes affaires.

Je finis, car je ne veux point sonder le secret de votre politique. S'il est tel que je l'imagine, le plan est sage, raisonné, calculé, digne des grandes vues et du génie supérieur de votre souveraine. C'est à nous à sentir le prix de son amitié (combinée surtout avec celle du roi de Prusse) et à nous défendre de toute démarche qui pourrait la refroidir.

Pour moi, comme citoyen, je serais alors très satisfait de voir réaliser ce qu'on a regardé longtems comme un beau rêve et qui pourtant était indiqué par la nature des choses, c'est à dire d'union intime de deux puissances, qui par leur situation topographique ne peuvent jamais se faire directement le mal, n'ont aucun intérêt à s'en faire indirectement et qui, au contraire, peuvent et doivent se faire réciproquement beaucoup de bien.

---

*) Тяжелые Голландцы.

Je finis encore une fois, sans compliment et sans signature, car vous savez trop bien qui je suis et ce que je vous suis, monsieur le comte, pour la vie.

N. B. Je vous supplie de vouloir bien m'accuser la réception de cette lettre par m-r Khotinsky, et quand vous voudrez me donner de vos nouvelles, de vous servir de la même voie: il sait mon adresse et me fera passer vos lettres, et voudra bien se charger des miennes, quand il aura des occasions.

Надпись: A son excellence monsieur le comte Alexandre Romanowitcz de Woronzoff etc. etc. etc. à Pétersbourg.

Копія съ рапорта Ея Императорскому Величеству отъ генерала аншефа Гудовича изъ крѣпости Георгіевской, отъ 7-го Ноября 1791 года.

Исполняя высочайшее повелѣніе Вашего Императорскаго Величества, всеподданнѣйше доношу. При отправленіи моемъ изъ арміи къ командованію въ здѣшнемъ краю надъ корпусами Кубанскимъ и Кавказскимъ и Каспійскою флотиліею, покойный генералъ-фельдмаршалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій, касательно Персидскихъ дѣлъ далъ мнѣ наставленіе, состоящее въ томъ, «что флотилія, находящаяся въ Астрахани, должна покровительствовать нашу «коммерцію и содержать въ обузданности хановъ, коихъ владѣнія лежатъ на берегу Каспійскаго моря; что ханъ Дер«бентской и Муртаза-Кулиханъ, владѣющій въ Зензеляхъ «изъявляютъ намъ свою преданность, также и шамхалъ Тар«ковской; что надобно и къ нимъ оказывать опыты благорасположенія; что изъ канцеляріи предмѣстниковъ моихъ усмотрю «я поведенія и прочихъ владѣльцовъ; чтобъ и постарался «узнать ихъ точнѣе и, вошедши со всѣми въ сношеніе, обра«тить ихъ на пользу Россіи». По пріѣздѣ моемъ на мѣсто, текущаго года, въ исходѣ Генваря мѣсяца, я писалъ письма къ ханамъ Дербентскому и шемхалу Тарковскому, извѣщая

ихъ о препорученіи мнѣ здѣсь команды и что, если они пребудутъ непоколебимы въ вѣрности и усердіи своемъ къ высочайшему престолу Вашего Императорскаго Величества, то могутъ надѣяться на милостивое и надежное имъ покровительство. Писалъ въ тоже время къ командовавшему тогда Каспійскою флотиліею, флота капитану генералъ-маіорскаго ранга Шишкину, дабы онъ, согласно данному мнѣ предписанію отъ покойнаго генерала-фельдмаршала, оказывалъ помянутымъ владѣльцамъ опыты благорасположенія, стараясь обратить ихъ на пользу Россіи и увѣдомя меня, какія имѣлъ онъ съ ними сношенія и въ какомъ расположеніи прочіе владѣльцы и народы, по берегу Каспійскаго моря обитающіе. Изъ канцеляріи предмѣстниковъ моихъ я никакого дальнѣйшаго свѣдѣнія о дѣлахъ Персидскихъ почерпнуть не могъ, а старался самъ узнавать всѣ тамошнія обстоятельства, а особливо отъ находящагося давно здѣсь свѣдущаго и надежнаго человѣка генерала-маіора Савельева, и о всемъ томъ тогда же репортовалъ покойному генералъ-фельдмаршалу. Послѣ того, получа въ Февралѣ мѣсяцѣ отъ Астраханскаго губернатора генералъ-маіора Брянчанинова письмо Муртазы-Кулихана съ приложеніемъ его просьбы на имя покойнаго генерала-фельдмаршала о принятіи его въ подданство Вашего Императорскаго Величества, и пунктовъ, на которыхъ онъ входитъ въ оное, представилъ я о томъ покойному генералу-фельдмаршалу, а къ Муртазѣ-Кулихану въ одинакихъ благорасположенныхъ выраженіяхъ, какъ и къ прочимъ помянутымъ ханамъ, писалъ письмо. Приготовляясь тогда и имѣя весьма краткое время къ ранней кампаніи на поискъ крѣпости Анапы, не могъ я въ такое малое время узнать обстоятельно о расположеніи и силѣ всѣхъ Персидскихъ владѣльцовъ и войти со всѣми ими въ сношеніе, а отдаляясь со-

всѣмъ въ другую сторону къ Черному морю, писалъ я передъ выступленіемъ моимъ въ походъ командовавшему Каспійскою флотиліею, флота капитану генералъ-маіорскаго ранга Шишкину, при отправленіи судовъ въ Персію для покровительствованія Россійской торговлѣ и въ томъ числѣ въ портъ Зензелянской, (какъ важнѣйшее для оной мѣсто, бывшее тогда во владѣніи Муртазы-Кулихана, просившаго въ то время о пособіи ему противъ его противниковъ), чтобъ начальникъ, посылаемый въ Зензели, оказывалъ сему хану по усердію его къ Россіи, сходно съ повелѣніемъ покойнаго генерала-фельдмаршала, въ возможныхъ случаяхъ опыты благорасположенія и виды вспомоществованія, по причинѣ, что торгующіе Россійскіе купцы находятся въ его владѣніи и особливой консулъ въ Зензелянскомъ портѣ пребывающій, не входя однакожъ съ противными ему ханами въ войну и драку; чтобъ затѣмъ дѣлать прилежныя примѣчанія на поведеніе и движенія прочихъ хановъ, коихъ владѣнія лежатъ по берегу Каспійскаго моря, и въ тоже самое время увѣдомлять о всемъ меня, дабы, примѣчая ихъ расположеніе, держать ихъ въ обузданности и тѣмъ больше покровительствовать Россійскую торговлю; что въ ономъ нужно наблюсти тонкую осторожность и политику, дабы, помогая показывающимъ къ Россіи опыты большаго усердія, не войти въ войну съ другими, почитая лучшею пользою, не входя въ предубѣжденіе и пристрастіе личное къ тамошнимъ влядѣльцамъ, ни въ ихъ собственныя интриги, усиливать тѣхъ только, которые, Россіи будучи преданы, могутъ быть больше полезны, и стараться чужими руками приводить въ безсиліе таковыхъ, которые и наклонности не показываютъ къ доброжелательству. Въ таковомъ расположеніи замѣчено было, чтобъ Ага-Маметъ-ханъ усилившійся чрезвычайно въ Персіи завоеваніемъ Испагана

съ многими провинціями, не оказывающій никакого знака усердія къ высочайшему престолу Вашего Императорскаго Величества, пришелъ въ безсиліе.

Послѣ того, по умертвіи въ Мартѣ мѣсяцѣ Дербентскаго Ахметъ-хана, преемникъ его Шыхъ-Али-хань Дербентской, вступившій во владѣніе и оказывающій, равно какъ и предмѣстникъ его, усердіе къ Россіи, прислалъ ко мнѣ въ исходе Іюня мѣсяца подъ Анапу письмо, прося помощи о возвращеніи ему города Баки отъ отложившагося въ оной, (по случаю смерти предмѣстника его Ахмедъ-хана, его брата), Мухамедъ Кули-хана, называя его своимъ подданнымъ наибомъ дабы при осадѣ имъ Баки сдѣлать изъ Россійскихъ судовъ при Бакѣ находившихся нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Я писалъ тогда къ командовавшему Каспійскою флотиліею флота капитану генералъ-маіорскаго ранга Шишкину, во уваженіе, что фамилія Шыхъ-Али-хана всегда была усердна къ Россіи, что самъ онъ дѣлаетъ убѣдительныя увѣренія о непремѣнной вѣрности и преданности своей къ Россія, и что онъ не съ ханомъ какимъ имѣетъ дѣло, а желаетъ только привести въ послушаніе отложившагося отъ него подданнаго, ежели дѣйствительно Мухамедъ-Кули-ханъ былъ опредѣленъ отъ Шыхъ-Али-хана токмо управителемъ въ Бакѣ, и владѣетъ теперь Бакою, употребивши во зло сдѣланную ему въ управленіи ея довѣренность, не имѣя на то правъ законнаго владѣльца (о чемъ я по отдаленности моей не могу знать подробно) то въ такомъ случаѣ просящему покровительства Дербентскому Шыхъ-Али-хану, показывающему особливую преданность къ Россіи и у котораго во владѣніи Россійская торговля происходитъ, дать просимое имъ пособіе произвожденіемъ нѣсколькихъ выстрѣловъ изъ судовъ Россійскихъ тамъ находившихся, и о томъ репортовалъ въ

тоже время покойнаго генералъ фельдмаршала. По прошествіи 14 дней получилъ я письмо отъ осаждаемаго тогда въ Бакѣ Мухамедъ-Кули-хана, въ которомъ онъ, называя себя законнымъ владѣтелемъ Баки, ища притомъ войти въ подданство Вашего Императорскаго Величества, просилъ о помощи противъ осаждающаго его Дербентскаго Шихъ-Али-хана, и приложилъ притомъ особое прошеніе къ Вашему Императорскому Величеству и письмо къ покойному генералъ фельдмаршалу. Я послалъ тотчасъ нарочнаго къ командовавшему Каспійскою флотиліею флота капитану генералъ-маіорскаго ранга Шишкину, чтобъ въ разсужденіи таковаго противорѣчія, что одинъ почитаетъ себя владѣльцемъ а другой называетъ его своимъ подданнымъ, по нахожденію его на мѣстѣ въ близи тамошнихъ мѣстъ, и потому имѣя лучшій способъ узнать, точно ли Мухамедъ-Кули-ханъ есть настоящій владѣлецъ, какъ онъ себя называетъ, или отложившійся подданной, какъ называетъ его Шихъ-Али-ханъ, и по достовѣрномъ изслѣдованіи поступать сообразно тому, какъ польза государственная требовать будетъ, не входя въ предубѣжденіе личное на счетъ сихъ хановъ, и о томъ репортовалъ тогда же съ нарочнымъ куріеромъ покойному генералъ фельдмаршалу отъ 7 Іюля, представя и присланныя ко мнѣ отъ Мухамедъ-Кули-хана прошеніе къ Вашему Величеству и письмо къ покойному генералу фельдмаршалу. Послѣ того въ Сентябрѣ мѣсяцѣ получилъ я увѣдомленіе отъ командовавшаго флотиліею флота капитана генералъ маіорскаго ранга Шишкина, что во время осады Шихъ-Али-ханомъ Дербентскимъ города Баки находившійся тамъ съ фрегатомъ и ботомъ для покровительствованія Россійской торговлѣ флота капитанъ, лейтенантъ Моллеръ, по упорству города Баки и по сдѣланнымъ выстрѣламъ на суда Россійскія, стрѣлялъ по городу

обще съ осадившимъ Баку Шихъ-Али-ханомъ, и что онъ Шишкинъ намѣренъ послать туда еще фрегатъ для усиленія осады. Почему я послалъ поспѣшно нарочнаго какъ къ нему Шишкину, такъ и къ пріѣхавшему уже тогда на смѣну его капитану флота Ахматову—фрегата еще къ Бакѣ отнюдь не посылать и въ войну и во драку не входить, удивляясь, что приступлено было къ формальной атакѣ города Баки, несогласно съ даннымъ отъ меня наставленіемъ, гдѣ сказано было сдѣлать только нѣсколько выстрѣловъ изъ Россійскихъ судовъ въ пособіе Шихъ-Али-хана,да и то въ такомъ только случаѣ, ежели дѣйствительно Мухамедъ-Кули-ханъ не есть владѣлецъ, а отложившійся подданной. Но между тѣмъ дѣло сіе окончено. Бакинской Мухамедъ-Кули-ханъ, устрашась россійскаго покровительства судовъ Россійскихъ, помирился съ Шихъ-Али-ханомъ на условіяхъ давать ему нѣкоторую дань, и теперь уже все тамъ успокоено. Извѣстясь потомъ, что шемхаль Тарковской, усердствующій Россіи, находится въ нѣкоторой связи съ Бакинскимъ Мухамедъ-Кули-ханомъ, бывшимъ въ осадѣ, и принимаетъ въ немъ участіе, дабы не возбудить ненависть противъ торгующихъ въ Бакѣ Россіянъ, я далъ коммиссію словесно внушить шемхалу Тарковскому чрезъ конфидентовъ, сторонимъ образомъ, что стрѣляніе по Бакѣ было произведено ошибкою офицера находившагося съ судами при семъ городѣ.

О всѣхъ происходившихъ дѣлахъ въ Персіи и всѣхъ извѣстіяхъ оттуда ко мнѣ доходившихъ я всегда въ свое время репортовалъ покойному генералу фельдмаршалу, но на то рѣшенія и особливыхъ никакихъ наставленій, кромѣ данныхъ мнѣ при отправленіи моемъ, больше не получалъ.

По послѣднимъ, сколько можно узнать, вѣрнѣйшимъ извѣстіямъ Персидскія дѣла въ состояніи ниже сего всеподданнѣйше

доносимомъ. Ближайшій изъ хановъ къ границамъ Россійскимъ шемхалъ Тарковской, котораго владѣніе начинается противъ Кизляра за Терекомъ, позади народа называемаго Кумыкъ, поддаиныхъ Вашего Императорскаго Величества, за Терекомъ противъ Кизляра обитающихъ. Сей ханъ, живущій въ городѣ Таркахъ и владѣющій Дагестаномъ по берегу Каспійскаго моря, оказывая всегда усердіе свое къ высочайшему престолу Вашего Императорскаго Величества, находится со мною въ сношеніи, и въ послѣднемъ ко мнѣ письмѣ недавно полученномъ дѣлаетъ многія увѣренія о вѣрности и преданности своей къ Вашему Императорскому Величеству. Онъ просилъ между прочимъ о возвращеніи его племянника уѣхавшаго съ генералъ-маіоромъ Горичемъ, о чемъ я представляль покойному генералу фельдмаршалу въ прошедшемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ. Сей ханъ въ большомъ уваженіи у многихъ малыхъ Персидскихъ владѣльцовъ его окружающихъ, хана Шемахинскаго и другихъ держитъ спокойныхъ, давая перевѣсъ своимъ пособіемъ и, сколько я могъ примѣтить, самъ спокойнаго расположенія.

За нимъ Дербентской Шыхъ-Али-ханъ, находящійся тоже въ сношеніи со мною, о которомъ я выше доносилъ, присылалъ прошедшимъ лѣтомъ своего посланника для отправленія къ высочайшему двору Вашего Императорскаго Величества; но онъ, будучи боленъ обыкновенною болѣзнію, умеръ въ Георгіевской крѣпости во время нахожденія моего подъ Анапою. О семъ посланникѣ репортовалъ я въ свое время покойнаго генерала фельдмаршала. Теперь сей ханъ писалъ недавно ко мнѣ письмо, извѣстя меня, что онъ вновь хочетъ послать своего посланника для отправленія къ высочайшему двору Вашего Императорскаго Величества, на что я не писалъ къ

нему еще отвѣта, и тутъ же увѣдомляя о настоящихъ обстоятельствахъ Персидскихъ, показывая несклонность свою къ Агѣ-Маметъ-хану, предлагаетъ свои услуги, только бы удостоенъ былъ высочайшаго Вашего Императорскаго Величества покровительства и милости. Наконецъ, пишетъ онъ, что Турки какъ до сего прашивали у него помощи, такъ и нынѣ оной просятъ же; но онъ не намѣренъ служить никому кромѣ Вашего Императорскаго Величества. Во владѣніи сего хана Дербентъ и городъ Куба. Городъ Бака тоже была прежде въ полномъ его владѣніи, но теперь только въ зависимости. Владѣющій оною помирившійся съ нимъ Мухамедъ-Кули-ханъ, дающій ему нѣкоторую дань. Въ семъ городѣ Россіяне производятъ большіе торги и особливо шелковые.

Во владѣніи хана Дербентскаго находятся Сальяны при впаденіи рѣки Куры въ Каспійское море, гдѣ Россійскіе купцы берутъ на откупъ знатныя рыбныя ловли. За симъ владѣніемъ городъ Рящь и портъ Зензелянской, въ которомъ консулъ Россійской находится, бывшіе во владѣніи до прошедшаго Марта мѣсяца нынѣшняго года Муртазы-Кулихана, ищущаго подданства и покровительства Вашего Императорскаго Величества. Городъ Рящь два раза прошедшею зимою самъ Муртаза-Кули-ханъ съ помощію нѣкоторыхъ другихъ хановъ отбивалъ у брата своего роднаго сильнѣйшаго изъ всѣхъ Персидскихъ хановъ Аги-Маметъ-хана; но оной наконецъ прошедшее лѣто, собравши большое число войскъ, выгналъ Муртазу-Кули-хана изъ Зензелей и Рящи, которой теперь находится въ Талышахъ, а Рящь и портъ Зензелянской остались во владѣніи Аги-Маметъ-хана. При семъ изгнаніи Муртаза-Кули-ханъ приносилъ большія жалобы на командовавшаго Каспійскою флотиліею флота капитана генералъ-маіорскаго ранга Шишкина, будто бы Ага-Маметъ-ханъ осмѣ-

лился изгонять его наиболѣе по внушенію тамъ находящихся морскихъ Россійскихъ офицеровъ, что Муртаза-Кули-ханъ лишенъ покровительства Россійскаго и будто противникамъ его дана была тайная отъ нихъ помощь. Ага-Маметъ-ханъ преслѣдовалъ его и въ самые Талаши чрезъ посылку 12.000 войска; но Муртаза-Кули-ханъ съ помощію Талышскаго Мустафы-хана далъ ему сильной отпоръ, по которому и принужденъ былъ Ага Маметъ-ханъ отступать въ Адыръ-бежанъ. Сей Ага-Маметъ-ханъ большой братъ Муртазы-Кули-хана, которой одному изъ братьевъ своихъ глаза выкололъ, а другаго убилъ, самой тотъ, что генерала-маіора бывшаго на Каспійской флотиліи капитаномъ графа Войновича держалъ подъ стражею, сильнѣйшій изъ всѣхъ Персидскихъ хановъ, владѣетъ Испаганомъ и многими провинціями, по примѣчаніямъ намѣреніе и виды имѣетъ завладѣть всею Персіею. Впаденія сего Аги-Маметъ-хана и царь Карталинскій и Кахетинскій опасался въ свои владѣнія. Прежде доходили извѣстія, что сей Ага-Маметъ-ханъ и съ Портою Оттоманскою былъ въ сношеніи всегда, о чемъ покойному генералу фельдмаршалу я репортовалъ. Я не имѣю сношенія съ симъ ханомъ, и оной ко мнѣ ни съ чѣмъ не адресовался. Торгующимъ въ Зензеляхъ Вашего Императорскаго Величества подданнымъ до сихъ поръ никакого не дѣлаетъ притѣсненія. Я, преходя съ нимъ въ молчаніи, не оказываю ему ни благорасположенія, ни неудовольствія, дабы не привесть въ ненависть Россіянъ, торгующихъ въ Зензелинскомъ портѣ, находящемся теперь въ его владѣніи, хотя безпрестанно Муртаза-Кули-ханъ, братъ его, проситъ противъ его помощи и по послѣднему его письму самъ сбирается идти выгнать его изъ Рящи съ помощію своихъ пріятелей. Сей Муртаза-Кули-ханъ довольно смѣлой и предпріимчивой человѣкъ, но

безспльной, показывающій великое усердіе къ Россіи, а потому и осмѣливаюсь донести Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее мое мнѣніе, что для Россійской торговли полезнѣе, ежели бы Муртаза-Кули-ханъ, будучи безсиленъ, имѣя необходимость въ покровительствѣ Россійскомъ для уменьшенія силъ Аги-Маметъ-хана, желающаго сдѣлаться общимъ владѣльцомъ въ Персіи, удѣлилъ бы власть своего брата, и чрезъ то сдѣлались оба слабы. Персія останется въ равномъ расположеніи, раздѣлена на мелкія владѣнія и принуждена будетъ уважать тѣмъ больше покровительство судовъ Россійскихъ. Карабацкой и Шушинской Ибрагимъ-ханъ потомъ еще довольно силенъ, и какъ сей, такъ тоже Лютвъ-алиханъ и Риза-Кули-ханъ, владѣющіе въ Тигранахъ, меньшіе братья онаго сильнаго Али-Маметъ-хана и въ несогласіи съ нимъ находящіеся, но доброжелатели брата ихъ Муртазы-Кули-хана, намѣрены были съ помощію Аварскаго хана, владѣтеля Лезгинскаго, сдѣлать нападеніе на Испаганъ, то Ага-Маметъ-ханъ, опасаясь сего нападенія, по послѣднимъ извѣстіямъ долженъ былъ оставить Адыръ-Бежанъ и обратиться къ сторонѣ Испагана.

Сосѣдніе народы въ здѣшней сторонѣ, прилегающіе къ границамъ Имперіи Вашего Императорскаго Величества, начиная отъ Чернаго моря.

Часть Большой Абазы, горской народъ прозываемой Натухажцы, больше числомъ всѣхъ прочихъ, котораго земли начинаются въ 20 верстахъ по Черному морю, далѣ Суджукъ-Кале въ горахъ, и простираются въ верхъ по Кубани до ста верстъ. Сей народъ по взятіи Анапы входилъ въ подданство Вашего Императорскаго Величества и давалъ аманатовъ. Живущій небольшой народъ около самой Анапы, прозываемой Шегачи, на земляхъ котораго и Анапа была построена, мало

значущій; но владѣлецъ онаго прозываемой Мухаметъ-Гирей-Зановъ, одинъ изъ важнѣйшихъ и значущихъ, уважаемой прежде отмѣнно Портою Оттоманскою, бывшій во время осады крѣпости Анапы въ оной, имѣвшій особливую отъ султана грамоту, которая и представлена была отъ меня покойному генералъ-фельдмаршалу, взятъ былъ раненой въ плѣнъ, присягалъ на вѣрность Вашему Императорскому Величеству и потомъ отпущенъ съ прочими аманатами восвояси. Къ Натухайцамъ сосѣдній народъ, прозываемой Шапсыхи, живущій въ горахъ и подъ горами, довольно сильной, присягавшій тоже на подданство Вашему Императорскому Величеству по взятіи Анапы. Къ народу Натухайскому, по берегу рѣки Кубани, прилегаетъ народъ, называемой Зановцы, бывшій въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества по взятьѣ Анапы, котораго часть была прежде поселена по правой сторонѣ Кубани, но ушедшая прежде прошедшей войны съ прочими Татарами за Кубань; владѣлецъ сего народа Мисостъ-Зановскій оказывалъ больше прочихъ усердія къ Россіи и просилъ о переселеніи его опять на правую сторону рѣки Кубани. Потомъ вверхъ по Кубани народъ, называемой Атукайцы, имѣющій свои земли къ горамъ и по берегу Кубани. Сей народъ покорёнъ былъ тоже въ подданство Вашего Императорскаго Величества и по взятіи Анапы давалъ аманатовъ. Между Атукайскимъ народомъ живетъ отъ поколѣнія Крымскихъ хановъ султанъ Шагинъ-Гирей-Бахты-Гирей, отлично ими уважаемой, по своему роду имѣющій самое малое владѣніе и присягавшій тоже на вѣрность Вашему Императорскому Величеству. Къ Атукайскому народу прилегаетъ народъ, называемой Бжедухи, вверхъ по рѣкѣ Кубани, котораго часть во время похода войскъ подъ Анапу присягала на подданство Вашему Императорскому Величеству, а и до-

стальная честь по взятіи Анапы присылала, ища придти въ подданство, но по заключеніи перемирія съ Портою Оттоманскою дѣло остановлено было. Между Бжедуховскимъ народомъ также живетъ отъ рода Крымскихъ хановъ султанъ Макоютъ-Гирей-Чобанкере, весьма въ бѣдномъ состояніи, но уважаемой по своему роду; онъ во время похода подъ Анапу присягалъ на подданство Вашему Императорскому Величеству. Къ Бжедухамъ прилегаетъ народъ, называемой Тимиргойцы, котораго часть присягала во время нынѣшняго похода подъ Анапу, часть присягала прошлаго года въ прошедшій походъ генерала порутчика барона Розена, и послѣдняя часть прислала искать о принятіи въ подданство, но перемиріе съ Портою Оттоманскою то остановило. Сей народъ живетъ на большой рѣкѣ, называемой Лабѣ, вытекающей изъ горъ и впадающей въ Кубань. По правую сторону рѣки Лабы жили прежде Татары, прозываемые Наврузовцы, которые прошедшаго года всѣ почти перешли на правую сторону Кубани и кочуютъ теперь на линіи. Въ семъ мѣстѣ по правую сторону рѣки Лабы, горы отдаляются отъ рѣки Кубани и оставляютъ пространную плоскость до 60 верстъ, и потому тутъ горскіе народы теперь жилья своего не имѣютъ. За Темиргойцами къ горамъ живетъ горскій народъ, называемой Мукоши, которые присылали прошедшее лѣто по взятіи Анапы къ оставленному мною на линіи начальнику генералу маіору Савельеву, прося о принятіи ихъ въ подданство Вашего Императорскаго Величества, но перемиріе съ Портою то остановило. Подлѣ сего народа живутъ Баракап, народъ малой, ничего не значущій, на вершинѣ рѣки Емансу, не входившій въ подданство. Подлѣ ихъ народъ горской Бесленейцы, которые по взятіи Анапы, по дальнему моему отъ нихъ съ войсками пребыванію, присылали къ

оставленному мною на линіи начальнику генералу маіору Савельеву, ища войти въ подданство Вашего Императорскаго Величества и присягали, но тоже съ прочими Закубанскими народами отъ подданства уволены, и аманаты ихъ отпущены во свояси, о чемъ я предъ симъ имѣлъ счастіе всеподданнѣйше доносить Вашему Императорскому Величеству. Подлѣ сихъ на вершинѣ рѣки Урупа, вытекающей изъ горъ и впадающей въ Кубань къ горамъ, Закубанской народъ, называемой Бишлебей, не входившій въ подданство.

Всѣ сіи народы, по большой части мало упражняясь въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ, имѣя и хорошія земли и разныя другія выгоды, не знающіе никакого другаго торгу кромѣ продажи краденыхъ людей, ни ремесла другаго кромѣ дѣланія употребляемаго ими оружія, живущіе въ самыхъ дурныхъ хижинахъ и шалашахъ, прозываемыхъ аулами, изъ которыхъ нѣкоторые переносятся съ мѣста на мѣсто, не имѣютъ ни чиноначальства и никакого понятія о нравахъ, почитая и самое воровство какъ людей, такъ и прочаго за удалые подвиги и за добродѣтель, а отъ того и всѣ въ бѣдномъ состояніи. Я старался пріѣзжавшимъ ко мнѣ вошедшимъ въ подданство внушать о хозяйствѣ и добронравіи, могущемъ составить ихъ благосостояніе собственное, внушалъ имъ при отпускѣ ихъ аманатовъ, сколько они чувствовать должны милость Вашего Императорскаго Величества, не потерпѣвши въ нынѣшній послѣдній походъ нималѣйшаго въ жилищахъ своихъ раззоренія, заслуживая довольно наказанія за сдѣланные ими прежде набѣги; подтвердилъ имъ письменно и внушалъ словесно, чтобъ они впредъ отъ всякаго хищничества и воровства воздержались, дабы не подвергнуть себя гнѣву Вашего Императорскаго Величества и наказанію. Со всѣмъ тѣмъ, по причинѣ безпорядочной ихъ жизни, вѣтрено-

сти и безначалія, нельзя положиться, чтобъ они не продолжали хищничества и воровства на правую сторону Кубани въ границы Россійскія, тѣмъ болѣе, что отъ устья Кубани вверхъ по оной до укрѣпленія называемаго Григоріополисъ, на оной рѣкѣ лежащаго, на пространствѣ болѣе трехъ сотъ верстъ со стороны Россійской никакого жилья нѣтъ, а потому никакихъ тамъ постовъ непремѣнныхъ держать не можно: то могутъ оные, переходя безпрепятственно чрезъ Кубань и прокрадываясь во внутрь земли малыми партіями, дѣлать обыкновенныя ихъ воровства; крѣпости же на линіи находящіяся, Донская, Московская, Ставрополь, Сѣверная, Георгіевская, тоже редуты по дорогѣ до Черкаска поставленные, отдалены отъ Кубани.

Рѣка Кубань, отъ укрѣпленія Григоріополиса на оной лежащаго, послѣдняго на правомъ флангѣ линіи, до устья рѣки Лабы, отъ горъ въ рѣку Кубань впадающей и за оною еще 30 верстъ, имѣетъ правой берегъ Россійской высокой, и мѣста весьма выгодныя, осажена будучи по обѣ стороны довольнымъ числомъ лѣса и вся теперь необитаемая. Внутри земли, на всемъ семъ пространствѣ, начиная отъ урочища на Кубани, называемаго Темижбека, гдѣ Кубань дѣлаетъ поворотъ къ Черному морю, лѣсу никакого нѣтъ, и хорошихъ водъ весьма мало. Рѣка Кубань наводненія свои дѣлаетъ весьма непостоянно, и нѣсколько разъ въ лѣто оныхъ бываетъ. Отъ Григоріополиса вверхъ по Кубани до урочища Пещанаго Брода называемаго, гдѣ Кубань отдаляется отъ линіи къ вершинѣ своей круто въ горы, на берегу оной первое укрѣпленіе Прочной Окопъ называемое, а потомъ нѣсколько редутовъ; въ оныхъ и между оными передовые посты отъ регулярныхъ и нерегулярныхъ войскъ поставлены, о которыхъ я предъ симъ всеподданнѣйше доносилъ. Вверху рѣки

Кубани по обѣимъ сторонамъ оной, начиная отъ урочища Пещанаго Брода къ вершинѣ рѣки Кубани, жилъ прежде Татарской народъ Алты-кизеки или Малая Абаза, изъ которыхъ по правой сторонѣ Кубани живущіе между оною и рѣками Кумою и Малкою всѣ въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества съ прошлаго и другихъ лѣтъ, подъ названіемъ разныхъ ордъ Татаръ, и кочуютъ теперь въ разныхъ мѣстахъ впереди линіи у горъ, называемыхъ Бештовыхъ, отдѣленныхъ отъ горъ Кавказскихъ въ 30-ти верстахъ впереди Георгіевской крѣпости. Сіи Татары не были прежде во всѣхъ мѣстахъ закрыты передовыми нашими постами, а кочевали впереди оныхъ; но нынѣ поставлены мною впереди ихъ посты, изъ которыхъ важнѣйшіе по вѣдомости, Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше отъ меня представленной, показаны у Воровскаго Лѣсу и на Пещаномъ Броду. Изъ ушедшихъ прежде изъ сего народа въ горы, жившихъ по лѣвой сторонѣ Кубани и бывшихъ даже подлѣ самой Анапы, прошедшимъ лѣтомъ, послѣ взятья Анапы, пришли оттуда въ Россійскія границы по правую сторону Кубани 350 семей, которыя и кочуютъ теперь съ прочими прежде вышедшими.

На самой вершинѣ рѣки Кубани, близъ самой большой горы, прозываемой Ельбрусъ, куда Кавказскія горы угломъ небольшую плоскость между собою составляютъ, живетъ народъ, прозываемый Карачаевцы, которой прежде зависѣлъ отъ Большой Кабарды и былъ всегда ею угнетаемъ; добронравнѣе другихъ горскихъ народовъ. Противу сего мѣста между рѣки Кубани и Малки живой границы никакой нѣтъ, а находятся передовые посты на рѣкахъ Золкѣ и Етокѣ называемыхъ, а позади оныхъ, впереди Георгіевской крѣпости, лежащей прямо противъ сего мѣста на Кумѣ, редутъ назы-

ваемой Покорившійся, занятой постомъ пѣхоты, и укрѣпленіе Константиногорскъ, лежащее у Бештовыхъ горъ, гдѣ поставленъ первой баталіонъ Кавказскаго егерскаго корпуса на зимовыя квартиры. Между рѣкою Малкою, выходящею изъ Кавказскихъ горъ и дѣлающею крутое колѣно ко впаденію своему въ рѣку Терекъ и оною рѣкою Терекомъ, которая тоже выходя изъ Кавказскихъ горъ, дѣлаетъ у крѣпости Екатериноградской крутой поворотъ, продолжая потомъ почти прямое теченіе до Каспійскаго моря и дѣлая живую границу,—Большая Кабарда, народъ находившійся съ давняго времени въ подданствѣ высочайшаго престола Вашего Императорскаго Величества, колебавшійся въ вѣрности своей нѣсколько разъ, изъ котораго и въ послѣднюю войну съ Портою Оттоманскою нѣкоторые вѣтренные люди были въ сношеніи. Сей народъ не имѣетъ тоже ни прямаго чинопачальства, ни внутренняго порядка, имѣя остатокъ нравовъ прочихъ Закубанскихъ горскихъ народовъ. Оной раздѣленъ между собою на четыре рода подъ названіемъ владѣльцовъ или князей ихъ. Образъ жизни ихъ до сихъ поръ безпорядочной, и хотя по данной ими въ послѣдній разъ Вашему Императорскому Величеству подданнической присягѣ должны они во всемъ зависѣть отъ начальника здѣсь поставленнаго; но они, привыкши къ прежнимъ своимъ обыкновеніямъ, не имѣя между собою никакого суда, ни чинопачальника, почитаютъ важные пороки и самое убивство за малые проступки, дѣлая за оное только междуособное мщеніе и грабежъ. Дерзаю при семъ Вашему Императорскому Величеству донести всеподданнѣйшее мое мнѣніе, что ежели въ семъ народѣ не учинить суда и порядка, то оной будетъ государству Вашего Императорскаго Величества безполезенъ и самому себѣ во вредъ и раззореніе.—Позади Большой Кабарды Осетинцы въ

горахъ живущіе, изъ которыхъ часть есть христіанъ, давшіе присягу въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества, отъ которыхъ есть и аманаты.—Подлѣ Большой Кабарды, по правую сторону рѣки Терека, начиная отъ подошвы Черныхъ горъ противъ Екатериноградской крѣпости и до Моздока, Малая Кабарда, народъ, состоящій съ давнихъ лѣтъ въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества, сходной съ Большою Кабардою, но меньше колебавшійся въ своей вѣрности и мягче въ своихъ нравахъ и поведеніяхъ, раздѣляющійся на два рода. Большая Кабарда часто имѣла виды къ притѣсненію сего народа. Оной народъ тоже требуетъ особливаго чиноначальства и расправы.—Подлѣ Малой Кабарды къ Чорнымъ горамъ, при вершинѣ рѣки Сунжи, народъ горской, прозываемой Карабулаки, вошедшіе прежде въ подданство Вашего Императорскаго Величества, отъ которыхъ и аманаты находятся.—Позади Малой Кабарды Ингушевцы, въ числѣ которыхъ часть есть христіанъ, народъ чорный не имѣющій ни владѣльцовъ, ни князей, въ безпрестанномъ почти несогласіи съ Большою Кабардою находящійся, добродѣтельнѣе другихъ горскихъ народовъ и особливо со стороны воровства, и упражняющійся больше другихъ въ хлѣбопашествѣ и трудахъ. Оной народъ въ подданствѣ, Вашего Императорскаго Величества.—Подлѣ Карабулаковъ, внизъ по Тереку и по рѣкѣ Сунжѣ, начиная отъ Моздока, противъ Наура и до станицъ Гребенскихъ казаковъ, живутъ Чеченцы, народъ злой, дикой, къ хищничеству и воровству болѣе всѣхъ горскихъ народовъ склонной; онаго немного и не больше какъ тысячъ до пяти. Изъ сего народа нѣсколько деревень вошли въ подданство Вашего Императорскаго Величества и дали аманатовъ, которые однакожъ не обнадеживаютъ въ ихъ добронравіи.—Подлѣ Чеченцовъ внизъ по рѣкѣ

Тереку, при подошвѣ Черныхъ горъ Кавказскихъ, Кумыки, которые простираются до Каспійскаго моря. Подъ симъ именемъ разумѣются четыре народа: Брагунцы, Аксайцы, Андреевцы и Костюковцы. Всѣ они магометанскаго закона и состоятъ въ подданствѣ Вашего Императорскаго Величества съ давнихъ временъ, народы довольно спокойные.

Противъ сихъ народовъ, начиная изъ средины линіи, отъ крутаго колѣна рѣки Малки, расположены, какъ передовые посты, такъ и зимовыя квартиры для полковъ и командъ лѣваго фланга Кавказскаго корпуса. На рѣкѣ Малкѣ, начиная противъ Большой Кабарды, у Солянаго Брода, поставленъ постъ изъ пѣхоты и казаковъ. Въ Екатериноградской крѣпости, на устьѣ рѣки Малки, впадающей въ рѣку Терекъ, полкъ мушкатерской Кавказской; въ крѣпости Моздокской егерской баталіонъ и сверхъ того баталіонъ гарнизонной; въ крѣпости Наурѣ три эскадрона легіонныхъ и часть Моздокскаго казачьяго полку. Между Моздокомъ и Науромъ станицы и селенія полку Моздокскаго казачьяго. Отъ Наура до Кизляра, внизъ по Тереку, станицы Гребенскихъ казаковъ и Терскихъ семейныхъ казаковъ, и въ сихъ станицахъ поставлены полкъ мушкатерской Кабардинской и баталіонъ Московскаго мушкатерскаго полку. Въ Кизлярѣ другой баталіонъ Московскаго мушкатерскаго полку, Терское Кизлярское войско въ маломъ числѣ и два баталіона гарнизона. Предъ Кизляромъ за Терекомъ по правой сторонѣ, по дорогѣ къ Дагестану, сдѣланъ редутъ и въ немъ пѣхотной полкъ съ двумя пушками. Между Кизляромъ и Каспійскимъ моремъ постъ пѣхотной тогожъ Московскаго мушкатерскаго полку, и посты отъ казачьихъ поселенныхъ полковъ. Городъ Кизляръ, лежащій на рѣкѣ Терекѣ, стоялъ прежде на лѣвомъ берегу оной, но прорывомъ сдѣланнаго въ 1765 мъ году отъ Терека ка-

нала для напоенія полей, обратился Терекъ на лѣвую сторону Кизляра, а впереди Кизляра осталось малое теченіе онаго, такъ что теперь можно полагать Кизляръ больше на правой сторонѣ Терека, нежели на лѣвой.

Съ лѣваго фланга граница гораздо покойнѣе и надежнѣе, хотя сосѣди тутъ самые склоннѣйшіе къ хищенію и воровствамъ Чеченцы, потому что тутъ расположены Моздокской казачій полкъ, легіонная команда, Гребенскіе и Терскіе семейные казаки, защищающіе собственныя свои селенія, изъ которыхъ Гребенскіе казаки отмѣнно храбрые, хорошо стрѣлять умѣющіе и для здѣшняго горнаго края полезные. Можно оныхъ почесть конными егерями. Они и въ прошедшій походъ подъ Анапой вездѣ себя особливо отличали. Начальникъ сего лѣваго фланга генералъ-маіоръ Савельевъ, давно въ семъ краю живущій, объ оном совершенно свѣдущій, уважаемой въ сосѣднихъ народахъ, которой не токмо всѣ сіи войски содержитъ въ должномъ порядкѣ, наблюдая цѣлость и строгую стражу границъ, но и научаетъ тамъ поселенныя войски въ собственномъ хозяйствѣ и безнужномъ прожитіи. Изъ особливой къ нему надежды, по время моего похода подъ Анапу, оставлялъ я его начальникомъ линіи для обезпеченія границъ. Онъ не токмо все здѣсь сохранилъ въ лучшемъ порядкѣ, не допустя нигдѣ границамъ сдѣлать ни малѣйшаго безпокойства, но и дѣлалъ мнѣ отмѣнную помощь въ отправленіи къ войскамъ въ походѣ находившимся какъ провіанта изъ магазейновъ, такъ и прочаго нужнаго. Я дерзаю объ отличіи сего достойнаго и усерднаго офицера всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству. Спокойнѣе бы сей край былъ, ежелибъ вся граница по Кубани была такими же обезпечена войсками, защищающими собственные свои дома, какъ и по рѣкѣ Тереку.

Вышедшіе въ прошедшихъ годахъ и въ нынѣшнемъ году изъ за Кубани и изъ Малой Абазы разныхъ ордъ Татары ра сположены впереди линіи тѣсно и не у мѣста, и большая часть между Кубанью и рѣкою Подкумкомъ называемою, закрыты теперь, какъ я уже всеподданнѣйше доносилъ, передовыми постами. Число ихъ простирается вообще до 6.600 домовъ. Покойной генералъ-фельдмаршалъ хотѣлъ изъ нихъ Едисанскую и Джамбулуцкую орды переселить за Донъ на Молочныя Воды и поручилъ сіе переселеніе и начальство надъ остающимися здѣсь ордами надворному совѣтнику Халиль-агѣ. Сей Халиль-ага, безъ пріуготовленія оныхъ къ сему переселенію, хотѣлъ прошедшею весною въ Маѣ мѣсяцѣ оное начать, требуя къ тому крайняго принужденія и команды, почему изъ нихъ нѣкоторые бѣжали, а другіе изготовились къ побѣгу, будучи имъ недовольны и не имѣя довѣренности къ сему своему начальнику, которой круто съ ними поступать началъ. Старѣйшіе изъ сихъ народовъ приходили ко мнѣ и просили моей помощи, чтобъ имъ не дѣлать вдругъ раззоренія, принуждены будучи въ то время оставить посѣянной хлѣбъ и прочее хозяйство. Я, видя въ томъ крайнее неудобство, по причинѣ отдаленія тогда знатнаго числа войскъ на поискъ Анапы и стараясь, чтобы между тѣмъ спокойны были границы, и сіи Татары, упредили, не умножили еще числа горскихъ народовъ, по большей части тогда Россіи противныхъ, не настоялъ въ скоромъ ихъ переселеніи, а сказалъ имъ впередъ изготовиться, вразумляя ихъ, что сіе послужитъ къ собственному ихъ добру и спокойствію. Теперь нѣкоторые изъ нихъ сами уже желаютъ и изготовились къ переселенію. Дерзаю представить о сихъ Татарахъ мое всеподданнѣйшее мнѣніе. Полезно бы было часть сихъ Татаръ присовокупить къ Трухменцамъ и Нагайцамъ, кочующимъ внутри земли по-

зади Наура и Кизляра, по берегу Каспійскаго моря, къ сторонѣ Астрахани, которые приносятъ пользу казнѣ Вашего Императорскаго Величества, перевозя съ пристаней Каспійскаго моря за малую постановленную поверстную цѣну провіантъ въ магазейны для войскъ лѣваго фланга линіи, гдѣ бы безъ того доставлять оной весьма трудно и неудобно было. По таковомъ переселеніи ихъ вступятъ они въ правленіе Кавказскаго намѣстничества, въ которомъ находятся помянутые кочующіе Нагайцы и Трухменцы.

Случаи изъ службы генералъ-фельдмаршала Ласси, въ изложеніи графа Ю. Ю. Броуна.

1.

Милостивый государь мой, графъ Александръ Романовичъ!

По поводу требованія Петромъ Дмитріевичемъ Еропкинымъ отъ меня портрета покойнаго генерала фельдмаршала Ласси увѣдомился я, что ваше сіятельство въ прошломъ годѣ также искать онаго изволили, почему, не сомнѣваясь, что его получить изволили, почелъ я не излишнимъ снабдить васъ, милостиваго государя моего, равнымъ образомъ для любопытства малою исторіею въ службѣ, съ генераломъ-фельдмаршаломъ случившеюся, кою я нынѣ отправилъ къ Петру Дмитріевичу, и для того оную, яко истинную и мною изустно отъ него самаго слышанную, на особливомъ листѣ написанную къ вашему сіятельству при семъ препровождаю, пребывая и пр.

Г. Броунъ.

Въ Ригѣ, 23 Марта 1790.

Описаніе службы генерала-фельдмаршала Ласси.

Во время бывшей войны между Россіею и Швеціею, когда Россіяне, по неудачномъ приступѣ къ городу Нарвѣ, ретировались къ Пскову, генералъ-фельдмаршалъ Ласси былъ капитаномъ и слѣдовалъ туда съ войскомъ вмѣстѣ. Въ одну ночь, при лунномъ свѣтѣ, въ разсужденіи короткаго на немъ платья, отъ солдатъ почтенъ онъ былъ за Шведа и потому лишился бы конечно жизни, еслибы не показалъ онъ имѣвшагося на немъ креста, по которому признанъ бывши христіаниномъ оставленъ безъ малѣйшаго вреда. Генералъ-фельдмаршалъ графъ Шереметевъ, командовавшій тогда арміею, примѣтилъ капитана Ласси, въ жестокую стужу, на другой день Богоявленія Господня случившуюся равно прочимъ сносившаго и спросивъ его: «что, Нѣмчинъ, не студено-ли?» Получилъ въ отвѣтъ: «нѣтъ». По сему капитана Ласси отзыву, графъ Шереметевъ сдѣлалъ объ немъ собственное замѣчаніе и приказалъ на завтра прійти къ себѣ. Хотя по сему приказанію Ласси и не оставилъ сдѣлать должнаго исполненія, но по причинѣ невыхода графа Шереметева изъ комнатъ, видѣть его не могъ, и для того въ полдень уже возвратился на свою квартиру; при обѣденномъ столѣ графъ, вспомнивъ о семъ приказаніи своемъ, спросилъ домашнихъ: не былъ ли у него одинъ Нѣмчинъ, и какъ получилъ въ отвѣтъ о бытности его, то приказалъ позвать его къ себѣ послѣ полудня; говорилъ съ нимъ тогда наединѣ много, а при разставаніи назначилъ его паки къ себѣ на другой день. По прибытіи же его по повелѣнію объявилъ ему графъ Шереметевъ, что Его Величество Государь изволилъ повелѣть ему, графу Шереметеву, изъ Псковскаго дворянства устроить двѣ роты кадетъ, къ чему онъ за разными по тогдашнимъ обстоятельствамъ дѣлами приступить удобности не имѣлъ, и для того, пожало-

вавъ Ласси маіоромъ, препоручилъ оное произвесть въ дѣйство ему и отправилъ для собиранія дворянъ. По исполненіи сего уполномочилъ графъ Шереметевъ его набрать изъ Псковской и Новгородской губерній шесть полковъ и назначить въ оныхъ всѣхъ чиновъ до самыхъ полковниковъ, что Ласси, съ надлежащимъ порядкомъ и должною исправностію исполнивъ, представилъ къ графу Шереметеву. Таковою службою и усердными поступками Ласси привлекъ къ себѣ отъ многихъ особъ уваженіе, такъ что свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, позавидовавъ учрежденіямъ графа Шереметева и познавъ сего офицера способность и искусство, перевелъ его въ свой полкъ и пожаловалъ подполковникомъ, а такимъ образомъ пріобрѣлъ къ себѣ отъ знатныхъ любовь, кои наперерывъ старались ему во всемъ пособствовать, и достигъ онъ скоро высшихъ чиновъ, и былъ на Полтавской баталіи уже бригадиромъ. Будучи въ готовности къ бою, въ первой линіи, на кою Шведы вели свою атаку и дѣлали нападенія, бригадиръ Ласси, доложивъ присутствовавшему тутъ Государю: начинать огонь, или ждать онаго отъ непріятеля, получилъ повелѣніе оный принять и потомъ хорошенько попотчивать. Въ семъ сраженіи оказалъ довольно мужества и хотя былъ раненъ, но не сошелъ съ лошади прежде, пока непріятеля не сбили съ поля и баталія была выиграна съ извѣстною славою. Отсюда отправился онъ съ графомъ Шереметевымъ для взятія города Риги, съ которою онъ, по прибытіи, сдѣлавъ капитуляцію, опредѣленъ былъ первымъ комендантомъ въ Рижской цитадели. Сколько же впрочемъ генералъ-фельдмаршалъ Ласси причинилъ Шведамъ вреда и убытка и сколько уничижилъ ихъ во все время той Шведской войны до самаго заключенія въ Абовѣ мира, о томъ не только въ Россійской имперіи, но и всему свѣту извѣстно.

2.

Милостивый государь мой,

графъ Александръ Романовичъ!

Видѣвъ изъ почтеннѣйшаго письма вашего сіятельства о полученіи анекдота о случаяхъ въ службѣ покойнаго фельдмаршала Ласси, съ нимъ встрѣтившихся, удовольствіе вашего сіятельства, почелъ я нужнымъ въ дополненіе къ тому донести вамъ, милостивый государь мой, что помянутой фельдмаршалъ пожалованъ былъ первый кавалеромъ ордена святаго Александра Невскаго, почитавшагося тогда военнымъ, и оный по волѣ блаженной памяти Государя Императора Петра Великаго, возложивъ на себя самъ по причинѣ коронованія Государыни Императрицы Екатерины I-й, бросалъ въ народъ деньги по повелѣнію Его-жъ Величества.

покорнѣйшій слуга

Г. Броунъ.

Въ Смильтенѣ, 24 Мая 1790.

1790 годъ.

ПЕРЕПИСКА

САКСОНСКАГО РЕЗИДЕНТА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ГЕЛЬБИГА СЪ ЛОССОМЪ.

Печатается по современному переводу. П. Б.

1.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 12 (23) Іюля 1790.

По отправленіи послѣдней депеши вашего превосходительства получено безъ сомнѣнія вами мое нѣкоторымъ образомъ обстоятельное извѣстіе о случившемся между герцогомъ Сюдерманландскимъ и адмираломъ Крузомъ, но для обѣихъ сторонъ маловажномъ морскомъ сраженіи. Поелику я прежде не могъ ничего узнать достовѣрнаго, то и удержался сообщить на послѣдней почтѣ извѣстія, которыя бы потомъ надлежало, можетъ быть, опровергнуть. Кажется, что 8-го числа Іюня доставилъ графъ Гольцъ двору своему подробныя извѣстія, что̀ ему и легко было исполнить, поелику онъ въ оба дня сраженія находился съ Витфортомъ и Сидпеемъ въ Оранienбаумѣ для полученія скорѣйшихъ свѣдѣній. Сардинскій посланникъ предложилъ мнѣ туда же отправиться; но сіе показалось мнѣ нѣсколько пристрастнымъ, чтобы съ толикою поспѣшностію домогаться извѣстій о семъ сраженіи, въ такое время, когда весь Петербургъ былъ въ смятеніи, и когда уже 500 лошадей было въ готовности для отвезенія двора въ Москву: поелику вообще думали, что Шведы побѣдятъ.

Хотя я получилъ извѣстія нѣсколько позже, однакожъ мнѣ послѣ было весьма пріятно, что уклонился отъ предложенія г-на барона дела Тюрби, потому что поступокъ Прусскаго и Англинскаго посланниковъ при семъ случаѣ очень Императрицѣ не понравился.

Мнимая недѣятельность князя Потемкина, по полученнымъ достовѣрнымъ извѣстіямъ, все еще продолжается: но къ сему присовокупляютъ, что онъ такъ поступаетъ изъ политики: поелику извѣстно, что походы Турковъ бываютъ непродолжительны. Въ сіе время пребываетъ князь спокоенъ, да и рѣдко имѣетъ страшиться чего либо важнаго, въ разсужденіи того, что Турки слишкомъ запутаны, чтобы рѣшились напасть на Россіянъ. А по наступленіи осени преслѣдуетъ онъ ихъ напильнѣйшимъ образомъ; а какъ они въ то время поспѣшаютъ въ свои зимнія квартиры, то и одерживаетъ князь обыкновенно великія надъ ними выгоды.

Между тѣмъ, какъ мои извѣстія, такъ и полученныя отъ вашего превосходительства, подтверждаютъ, что князь, при наружной своей недѣятельности, занимается весьма прилежно переговорами, коихъ цѣли, не взирая на союзъ Пруссіи съ Портою, онъ бы конечно давно достигнулъ, еслибы требованія его не были столько непомѣрны, что купить оныхъ, какъ нѣкоторые увѣряютъ, не могутъ даже и Россійскія деньги.

Что впрочемъ Россіяне, какъ я недавно говорилъ, нѣкоторую понесли потерю противъ Турковъ, сіе не подтверждается. Можетъ быть, стараются сіе сокрывать. Напротивъ того, говорятъ гораздо болѣе о неудачѣ Россіянъ въ Крыму. Подробныя свѣдѣнія о случающихся въ тѣхъ странахъ происшествіяхъ получать весьма трудно, или же получаются оныя въ то время, когда уже не важны.

Что касается до отношеній Австріи, то я ничего не могу присоединить къ тому, что̀ доселѣ говорилъ вашему превосходительству. Мы всѣ здѣсь думаемъ, какъ то вы усмотрѣли изъ послѣднихъ моихъ донесеній, что оба двора въ весьма тѣсной нынѣ связи; по крайней мѣрѣ продолжаетъ здѣшній дворъ оказывать королю Венгерскому особенное дружество. А что въ Вѣнѣ, по денешѣ вашего превосходительства и по многимъ другимъ, весьма недовольны Россіею, сіе происходитъ отъ личнаго неудовольствія князя Кауница къ князю Потемкину, что въ будущее время можетъ на совокупность связи Австріи съ Россіею имѣть важныя послѣдствія, а особливо поелику Вѣнскій дворъ усмотрѣть можетъ, что ему не надежно полагаться на Россійское вспоможеніе противу Пруссіи.

По поводу полученныхъ здѣшнимъ дворомъ изъ Гаги извѣстій ласкаются, что дѣла между Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворами кончатся полюбовнымъ образомъ; къ сему присовокупляютъ, что король Венгерскій побужденъ недавно къ тому поведеніемъ Венгерцовъ, которые представили своему государю чтобы онъ призналъ, что Венгерскою короною обязанъ онъ не праву наслѣдства, но общему ихъ на то согласію.

2.

Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена отъ 24 Іюля 1790.

Хотя по распространившимся въ С.-Петербургѣ извѣстіямъ Шведскій флотъ нѣсколько дней въ крайне-сумнительномъ положеніи находился, однакожъ отъ короля Шведскаго получены 19-го Іюня въ Стокгольмѣ письма, въ которыхъ онъ ни малѣйшаго о семъ опасенія не изъявляетъ, а намѣревается предпринять нападеніе на Выборгъ. Хотя послѣднее и должно почитать дѣломъ подлежащимъ великой опасности, но въ разсужденіи флота кажется, что страхъ уже миновалъ, если полученное изъ Копенгагена отъ 13-го числа сего мѣсяца извѣстіе справедливо, что именно помянутый флотъ, при благополучномъ вѣтрѣ, вышелъ подъ парусами и прибылъ въ Швеаборгъ, при которомъ случаѣ однакожъ Шведскій галерный флотъ потерялъ 30 судовъ.

Что касается до начавшихся между Россіею и Швеціею переговоровъ, то письма изъ Стокгольма увѣдомляютъ, что король Шведскій еще 25-го числа отправилъ въ Выборгъ парламентарное судно съ депешами къ шевалье Гальвесу, которыя, какъ думаютъ, содержали въ себѣ отвѣтъ его на Россійскія мирныя предложенія. Другіе, напротивъ того, утвер-

ждаютъ, что таковые переговоры не имѣли дальнѣйшаго успѣха, поелику король Шведскій съ того времени подкрѣпленъ отъ союзныхъ державъ знатнымъ денежнымъ вспоможеніемъ.

Не взирая на отвѣтъ, данный Витфортомъ графу Остерману, на запросъ его въ разсужденіи слуха о назначеніи въ Балтійское море флота (какъ вы въ депешѣ вашей отъ прошлаго мѣсяца упоминаете), намѣреніе сіе еще до нынѣ подтверждается письмами изъ Лондона. Посему вѣроятно, что Витфорту не доставлены никакія предварительныя о семъ извѣстія, съ тѣмъ чтобы онъ извинялся невѣдѣніемъ. Но какъ сей флотъ совокупно съ Голландскимъ не прежде выступитъ въ море, какъ по объявленіи войны между Австріею и Пруссіею, то назначеніе онаго на нынѣшнее время не могло бы быть весьма полезно для короля Шведскаго, и потому большое бы счастіе было для Шведскаго флота, еслибы оный самъ выпутался изъ опаснаго своего положенія.

Впрочемъ, въ разсужденіи отзывовъ Витфорта о четвертномъ союзѣ между Австріею, Россіею, Франціею и Испаніею, нѣтъ еще до нынѣ ни малѣйшаго слѣда, по которому бы можно было догадываться, что оными занимаются. Въ отношеніи къ переговорамъ Россіи съ Швеціею примѣчаю я токмо то, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ первая изъ сихъ державъ не уклоняется отъ оныхъ; послѣдняя же соглашается на миръ съ тѣмъ токмо условіемъ, чтобы оной уступлена была крѣпость Нейшлотъ съ принадлежащею къ тому окружностію. Сіе не очень вѣроятно, а особливо въ нынѣшнее время; но какъ бы то ни было, я ожидаю отъ васъ подробныхъ извѣстій о положеніи дѣлъ между Россіею и Швеціею.

Со времени отправленія послѣдней моей депеши, переговоры въ Рейхенбахѣ весьма перемѣнились; ибо когда отправленный

изъ Вѣны 13-го числа сего мѣсяца курьеръ назадъ возвратился, и когда Австрійскіе министры дали знать, что король ихъ не токмо требуетъ возстановленія Австрійскихъ границъ по Пассаровицкому трактату, но и настоитъ въ распространеніи оныя въ замѣну малой части Галиціи, которую хочетъ уступить Польшѣ: то король Прусскій велѣлъ 15-го числа отвѣтствовать, что онъ по причинѣ встрѣтившихся затрудненій, принужденнымъ себя находитъ совсѣмъ отъ сего отступиться и возвратиться на точный status quo до войны, на что онъ до 25 го числа ожидаетъ рѣшительнаго, окончательнаго отвѣта, съ тѣмъ присовокупленнымъ условіемъ, чтобы королю Венгерскому не предоставлена была свобода отдать Россіи что-либо изъ своихъ завоеваній; да и сей державѣ, буде бы оная рѣшилась продолжать войну съ Турками, никакого вспоможенія не дѣлать

Таковое обстоятельство рѣшитъ скоро миръ или войну. Вообще сокрывается подъ сношеніями Россіи съ Австріею нѣкая тайна. Съ одной стороны думаютъ, что Императрица приняті̀е предложеній въ разсужденіи Данцига и Торуна, такъ равно и въ разсужденіи Галиціи королю Венгерскому отсовѣтовала, а на случай войны обѣщала дѣятельное пособіе, на который конецъ князь Потемкинъ и собираетъ уже у береговъ Днѣстра корпусъ изъ 30 тысячъ человѣкъ Съ другой же стороны объявили Австрійскіе уполномоченные въ Рейхенбахѣ, что они безъ согласія Россіи ничего предпринять не могутъ; а многіе утверждаютъ, что сія держава продолжаетъ особенные переговоры съ Портою, и чрезъ кавалера Ензлея сдѣлала въ Константинополѣ внушеніе, что если тамъ согласятся на отдачу Очакова съ принадлежащею къ оному округою, то все свершится успѣшно.

Всѣ сіи свѣдѣнія сообщаю я вамъ подъ печатію молчанія съ тѣмъ, чтобы вы на пути вашихъ упражненій были внимательны. Говорятъ, что сдѣланное въ Вѣнѣ барономъ Гевтеномъ предложеніе о перемиріи въ Нидерландахъ отвержено. Въ Мадритѣ оказываютъ въ разсужденіи недоразумѣній съ Англіею нѣкоторое желаніе къ примиренію; въ Лондонѣ же поспѣшаютъ вооруженіемъ флота, потому что опасаются полагаться на расположеніе Испаніи.

ленокса въ Провенъ, откуда долженъ послать свой авангардъ въ Nangis. Генералъ Лангенау полагаетъ, что Наполеонъ съ 25-титысячнымъ корпусомъ дрался противъ Олсуфьева и Сакена, и что нынѣ отступаетъ къ сторонѣ Melun, въ слѣдствіе чего хотятъ держаться первому плану, то есть имѣть наши главныя силы на лѣвомъ берегу Сены, къ сторонѣ Фонтенебло»... Извлеч. изъ рапорта князю Волконскому генералъ-лейтенанта Толя, отъ 3-го февраля ст. ст., изъ Ножана (Журнала входящ. бумаг. № 239-й).

([49]) Составъ авангарда графа Палена: бригада полковника барона Розена; Ревельскій и 25-й егерскій полки.

([50]) Рапортъ графу Барклаю-де-Толли графа Платова, отъ 4-го февраля ст. ст., за № 87-мъ (Журн. вход. бум. №275-й).

([51]) Журнала входящ. бумаг. № 259-й.

([52]) Рапорты графу Барклаю-де-Толли генералъ-маіора Сеславина, отъ 31-го генваря и 7-го февраля ст. ст. (Журнала входящ. бумаг. №№ 240-й и 324-й.)

([53]) Koch. I. 298 et 300—302.

([54]) Извлечено изъ копіи съ рапорта графу Барклаю-де-Толли. генералъ-лейтенанта Дибича, отъ 2-го февраля ст. ст. (Журнала входящ. бумаг. № 236-й).

([55]) Извлечено изъ копіи съ рапорта графу Барклаю-де-Толли генералъ-лейтенанта Дибича, отъ 3-го февраля ст. ст. (Журнала входящ. бумаг. № 244-й).

([56]) Диспозиція, за подписью князя Шварценберга, отъ 3-го (15-го) февраля, въ полдень. (Копія диспозиціи приложена къ № 246-му Журнала входящ. бумаг.)

([57]) Извлечено изъ копіи съ рапорта графу Барклаю-де-Толли генерала Дибича, отъ 3-го февраля ст. ст. (Журнала входящ. бумаг. № 245-й). — По другимъ свѣденіямъ, извѣстіе о возвращеніи Наполеона отъ Этожа къ Монмиралю было доставлено въ главную квартиру присланнымъ отъ Блюхера прусскимъ генераломъ Ф. Гаакомъ (v. Haak). Plotho. III. 158.

([58]) Plotho. III. 158—159.

продолженіи ихъ разговора получилъ вице-канцлеръ записку Моркова такого содержанія: что Миллеръ прибылъ уже въ вечеру наканунѣ того дня въ С.-Петербургъ и болталъ въ одномъ обществѣ о мнимомъ содержаніи своихъ депешъ. Тутъ внезапно, какъ легко себѣ представить можно, перемѣнился тонъ министра къ Миллеру, и вмѣсто обѣщаннаго награжденія говорено было объ отрѣшеніи его отъ должности. Если бы пріятныя сіи извѣстія имѣли отношенія на военныя происшествія, то бы отправлены оныя были не чрезъ статскаго человѣка, а чрезъ офицера, который бы прямо поѣхалъ въ Царское Село, и все бы уже было извѣстно. Между тѣмъ, пріятное сіе извѣстіе должно быть весьма важно: но хранятъ оное еще въ тайнѣ. Посему можетъ ли сіе заключать въ себѣ что-либо другое какъ не мирные переговоры, а можетъ быть и податливыя предложенія короля Шведскаго? Если справедливо, что оное касается до обмѣна плѣнныхъ, то къ чему тутъ нуженъ таинственный образъ, съ каковымъ поступаютъ въ семъ дѣлѣ, и жестокость, съ каковою угрожаютъ наказать Миллера за его болтливость, которая можетъ быть уже и наказана?

Въ подтвержденіе мнѣнія, что нынѣ миръ уже съ Швеціею приближается, присовокупляются и тѣ обстоятельства, что адмиралъ Чичаговъ съ одною частію большаго флота возвратился въ Ревель, что одна часть онаго вошла въ Кронштатъ и что адмиралъ Крузе съ одною малою ескадрою находится у Швеаборга. Далѣе подтверждается вышепомянутая догадка и тѣмъ, что повелѣніе построить къ половинѣ Августа мѣсяца 60 плюпокъ для принца Нассау оставлено уже безъ дѣйствія. И недостатокъ въ деньгахъ въ Швеціи можетъ быть уклонилъ короля Шведскаго къ податливости: изъ Голландіи не получитъ онъ ничего болѣе, и кредитъ его тамъ столь малъ,

что бумаги его тамъ продаются публично 10 ю процентами ниже цѣны. Къ тому же болѣе нежели достовѣрно, что стараются подкупать деньгами тѣхъ, кои короля окружаютъ: ибо я точно знаю, что графъ Стадіонъ въ Стокгольмѣ получилъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ отъ Россіи кредитъ на 30 тысячъ рублей. Величайшимъ доказательствомъ сему, не взирая что оное почерпнуто изъ частныхъ извѣстій, можетъ послужить и то, что я третьяго дня читалъ собственноручное письмо барона Нолькена, въ которомъ проситъ одного своего здѣшняго друга пріискать ему домъ; поелику онъ ласкается, что скорый миръ доставитъ ему удовольствіе пріѣхать сюда еще до зимы.

Вотъ доказательства благопріятствующія миру. Теперь приступаю я къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя сему противорѣчатъ. Въ числѣ сихъ главнѣйшее есть надменныя слова короля Шведскаго, произнесенныя къ Россіянамъ, которымъ онъ далъ свободу, а именно: «Скажите Императрицѣ, что, не взирая на выгодное мое положеніе я готовъ заключить миръ, лишь бы условія отвѣтствовали славѣ моихъ оружій». Да сіе обстоятельство по истинѣ и важно, потому что нынѣшнее положеніе короля очень выгодно. Послѣднее его сраженіе было рѣшительное; если же Императрица еще горда, то не прежде приступятъ къ переговорамъ какъ по нанесеніи ему столь же сильнаго удара. Также думаю я, что король Шведскій безъ согласія Пруссіи въ переговоры вступить не смѣетъ: поелику отъ Пруссіи и Англіи получаетъ онъ токмо денегъ, такъ какъ ему и недавно отъ первой державы доставлены въ залогъ Померанія два милліона: а по достовѣрнымъ извѣстіямъ не получитъ король Шведскій согласія оной на таковый шагъ.

Теперь доканчиваю я мои доводы, подтверждающіе и опровергающіе мнѣнія о мирныхъ переговорахъ между Россіею и Швеціею. Буде же оные дѣйствительно существуютъ, то сіи не суть продолженіе переговоровъ г. Коррала и Гальвеса, а снова начатые. Послѣдній сказывалъ мнѣ съ откровенностію, на которую я совершенно полагаюсь, что домогательства его прекѣлились: поелику какъ Императрица, такъ и король Шведскій не оказывали истиннаго желанія: къ тому же увѣрилъ онъ, что нынѣ графъ Горкъ все дѣло испортилъ.

На будущей почтѣ можно мнѣ будетъ говорить о дѣлахъ Турецкихъ. Чрезъ три дни получимъ мы достовѣрное извѣстіе, будетъ ли война между Пруссіею и Австріею или нѣтъ: между тѣмъ слышимъ мы, что 18 тысячъ Прусской арміи идутъ въ Силезію. На конгресъ въ Рейхенбахъ отправится, по публичнымъ извѣстіямъ, графъ Разумовскій, Россійскій посланникъ въ Вѣнѣ.

4.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 19 (30) Іюля 1790.

Дѣла между Россіею и Швеціею еще не довольно ясны; однакожъ догадка дѣлается болѣе и болѣе вѣроятною, что между обоими дворами переговоры дѣйствительно существуютъ и по отправленію послѣдняго моего донесенія увѣряли меня даже, что графу Стадіону въ Стокгольмѣ дана отъ Императрицы полная моча для мирныхъ переговоровъ. Между тѣмъ извѣстно, что если оные точно производятся, то еще недавно начались, а всѣ слухи со времени предложеній г. Корраса и Гальвеса вымышлены. Однакожъ симъ паипаче стараются доказать, что обѣ державы въ семъ случаѣ не имѣли столь важныхъ сраженій, и не столь сильно разорились. Но какъ бы то ни было, то по крайней мѣрѣ достовѣрно, что письмо короля Шведскаго къ графу Остерману касалось единственно до обмѣна плѣнныхъ,—поступокъ, на который король Шведскій, какъ кажется, рѣшился изъ уваженія къ своему брату, коего побочный сынъ взятъ Россіянами въ полонъ. При семъ случаѣ далъ король Шведскій (какъ я недавно упоминалъ) нѣкоторымъ Россіянамъ свободу.

На сей поступокъ отвѣтствовала Императрица съ равною милостію: освободила сына герцога и нѣкоторыхъ другихъ Шведовъ, но на обмѣнъ многихъ плѣнныхъ не согласилась.

Плѣнные Россіяне не могутъ довольно хвалить поступка короля Шведскаго съ ними. Какъ скоро они попали въ плѣнъ, то онъ имъ сказалъ, что они имѣютъ свободу писать ко всѣмъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, и онъ взялъ на себя доставлять письма надлежащимъ образомъ. А какъ они имѣли, можетъ быть, банковыя ассигнаціи, которыя у него не имѣютъ цѣны, то онъ имъ велѣлъ на первый случай выдать нѣсколько ходячей монеты, каждому офицеру по 10-ти, а штабъ-офицеру по 15 и болѣе червонныхъ. Одинъ Англичанинъ, бывшій только зрителемъ на Шведскомъ флотѣ, писалъ объ обоихъ сраженіяхъ къ Витфорту. Онъ говоритъ между прочимъ: потеря Шведовъ при первомъ сраженіи была весьма велика, но она бы была менѣе, если бы герцогъ Сюдерманландскій не поступалъ столь горячо. Потеря Россіянъ при сраженіи галернаго флота была гораздо больше. На первомъ сраженіи раненъ помянутый герцогъ довольно тяжело. За день до того получилъ онъ, какъ сказываютъ, отъ короля 25 тысячъ талеровъ. Вообще подарилъ ему король въ продолженіи кампаніи, дабы удержать его въ добромъ расположеніи, болѣе 200 тысячъ талеровъ. На другой день послѣ сраженія писалъ принцъ Нассау къ Императрицѣ, жаловался на худое выполненіе своихъ приказаній и просилъ нарядить надъ собою военный судъ. Императрица отвѣтствовала ему въ милостивѣйшихъ выраженіяхъ и сказала: сраженія теряли и величайшіе полководцы. А потому и не ставитъ она сіе ему въ вину; что же касается до военнаго суда, то она оный отвергаетъ и проситъ его при другихъ случаяхъ быть ей и ея государству полезнымъ своими знаніями.

По отправленіи сего отвѣта полученъ рапортъ генерала Нумсена, стоявшаго недалеко отъ мѣста сраженія, вмѣстѣ съ письмомъ его къ генералу Николаю Ивановичу Салтыкову. Оба оные были безъ сумнѣнія весьма различны отъ содержанія донесенія принца Нассау: ибо примѣчается, что Императрица на послѣдняго крайне огорчается.

Къ Австрійскому послу прибылъ четыре дня назадъ курьеръ съ извѣстіемъ о кончинѣ фельдмаршала Лаудона. Я думаю, что извѣстіе сіе произвело при здѣшнемъ дворѣ удовольствіе: поелику извѣстно, что сей фельдмаршалъ былъ издревле противникомъ Россіи. Между тѣмъ, должно думать, что сей курьеръ привезъ и другія пріятныя извѣстія, что̀ можно было замѣтить изъ удовольствія графа Остермана на послѣдней конференціи.

Наборъ вольнаго корпуса, о которомъ я говорилъ на концѣ донесенія моего подъ № 40, произвелъ здѣсь великое неудовольствіе. Оберъ-полицмейстеръ предпринялъ сіе дѣло самопроизвольно и набралъ уже около 2500 человѣкъ. Многіе здѣшніе знатные, у которыхъ сбѣжали крѣпостные ихъ люди, жаловались на него, и тогда еще и болѣе усугубили сіе зло, давъ повелѣніе возвращать сихъ людей. Послѣ сего возмутились рекруты, предусматривая худой пріемъ отъ своихъ господъ; нѣкоторые убивали себя, другіе угрожали бунтомъ, и такимъ образомъ навлекло на себя правительство паки ненависть народа и знатныхъ.

5.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 30 Іюля (10 Августа) 1790.

Въ разсужденіи упомянутыхъ мною недавно мнимыхъ мирныхъ переговоровъ Россіи со Швеціею долженъ я еще присоединить слѣдующее.

Еще продолжаютъ думать, что оные производятся; но изъ получаемыхъ мною извѣстій знаю я также и то, что король самъ противится симъ тайнымъ переговорамъ и Прусскому государю, когда сей у него требовалъ яснаго изъясненія на разные слухи о мирныхъ переговорахъ Россіи и Швеціи, отвѣтствовалъ, чтобы онъ ни мало не безпокоился; поелику онъ король Шведскій лучше пожелаетъ заключить миръ съ ручательствомъ Пруссіи и Англіи нежели безъ онаго, что бы могло его ввергнуть чрезъ нѣсколько лѣтъ въ точно такое же замѣшательство. Симъ успокоился король Прусскій совершенно.

Что принадлежитъ до сношеній Россіи съ Портою, то въ существѣ дѣла, исключая нѣкоторыхъ отмѣненій въ побочныхъ обстоятельствахъ, совершенно согласны извѣстія мои съ сказаннымъ вашимъ превосходительствомъ.

Прусскій министръ пять дней назадъ получилъ не въ шифрахъ писанную депешу изъ Рейхенбаха, которая слѣдующаго содержанія. Король Прусскій ничего болѣе не требуетъ какъ токмо возвращенія Польшѣ части Галиціи, притомъ настоитъ на status quo до войны и желаетъ, чтобы король Венгерскій уговорилъ и своихъ союзниковъ къ принятію сего же послѣдняго условія. Сіе во всемъ сообразно отсюда сдѣланнымъ отзывамъ о возвращеніи завоеванныхъ крѣпостей; но какъ таковое предложеніе сдѣлано со стороны Пруссіи, то и кажется оно здѣсь неудобопріемлемымъ. По поводу полученныхъ изъ Рейхенбаха депешъ былъ здѣсь чрезвычайный Совѣтъ, но не въ присутствіи Императрицы. Теперь должно ожидать, на что здѣшній дворъ рѣшится.

Отвѣтъ короля Венгерскаго на присланныя отъ барона Шпильмана съ курьеромъ депеши; который обнаружитъ, будетъ ли война или нѣтъ, и о которомъ я поминалъ въ депешѣ моей подъ № 12, здѣсь еще неизвѣстенъ. Также не знаемъ мы, послѣдовала ли обмѣна ратификаціи союза между Пруссіею и Портою; а говорятъ, что Турки весьма безпокоются отъѣздомъ Дица, и Кнобельсдорфъ долженъ былъ весьма много ихъ уговаривать и даже увѣрять, что ратификація союзнаго трактата непремѣнно получится. Сообщенныя мною вашему превосходительству извѣстія о разговорѣ графа Остермана съ г. Витфортомъ и о возобновленіи трактата между Россіею и Австріею справедливы; токмо служитъ первое доказательствомъ, что здѣсь совсѣмъ иначе поступаютъ, нежели говорятъ, а особливо съ такимъ враждебнымъ министромъ каковъ Витфортъ. Если же, можетъ быть, не выполнятся трактатъ въ полной его силѣ, то тому причиною Россія. А какъ здѣшній дворъ пріемлетъ столь худыя мѣры въ Бѣлоруссіи и Лифляндіи, то и нельзя обвинить короля Венгерскаго, если онъ, не уважая

обѣщанія Россіи, старается раздѣлаться съ Пруссіею какимъ бы то ни было образомъ и безъ согласія сей своей союзницы. Сіи-то могутъ быть непріятныя извѣстія, о которыхъ я говорилъ и думалъ, что привезены съ курьеромъ графа Кобенцля.

Послѣ прошедшей моей депеши прибылъ также курьеръ и отъ князя Голицына, но духъ Россійскаго министерства съ того времени не перемѣнился. Также примѣчаю я въ графѣ Кобенцлѣ и баронѣ Седлерѣ нѣкоторое неудовольствіе,—обстоятельство, доказывающее ясньѣе привязанность сихъ обоихъ министровъ къ Россійскому двору.

Въ слѣдствіе полученныхъ изъ Голландіи писемъ производятся въ Англіи военныя приготовленія съ поспѣшностію; однакожъ думаютъ, что сіе дѣлается токмо для того, чтобы устрашить Испанію, а въ самомъ дѣлѣ стараются всѣми силами избѣгнуть войны. По тѣмъ же самымъ письмамъ старается Литтихскій епископъ по кредитиву, за своимъ и всего капителя подписаніемъ, занять одинъ милліонъ гульденовъ, но сего еще не получилъ. Токмо отъ вашего превосходительства извѣстился я, что Франція требовала выполненія фамильныхъ актовъ. Новѣйшія письма оттуда ничего о семъ не упоминаютъ. По поводу публичныхъ вѣдомостей и недостаточныхъ извѣстій говорятъ здѣсь токмо о ничтожествѣ союза князей, и что нашъ всемилостивѣйшій государь вступится за Австрію, буде бы дошло дѣло до войны между оною и Пруссіею.

6.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 2 (13) Августа 1790.

Третьяго дня въ вечеру прибылъ сюда отъ барона Аша курьеръ, отправленію коего, какъ говорятъ, послужило поводомъ слѣдующее. 2-го числа сего мѣсяца былъ въ Варшавѣ въ присутствіи короля тайный совѣтъ, въ которомъ читана депеша графа Потоцкаго изъ Константинополя и, судя по содержанію оной, союзъ между Портою и Польшею почти уже заключенъ. Я не могу рѣшительно сказать, справедливо ли взаимное обѣщаніе вспомоществовать другъ другу 30 ю тысячами войска. На другой день велѣлъ король, еще довлѣ приверженный къ Россіи, призвать къ себѣ барона Аша, который, по возвращеніи своемъ отъ него, рѣшился тотчасъ отправить курьера, и онъ былъ побужденъ къ сему и тѣмъ, что 4-го Августа прибыли двѣ штафеты отъ короля Прусскаго, депеши коего имѣли безъ сумнѣнія отношеніе на заключеніе Рейхенбахской конвенціи, и которыя короля весьма опечалили.

Да и при здѣшнемъ дворѣ получены отъ короля Прусскаго непріятныя депеши, которыя однакожъ для другихъ тѣмъ

пріятіе. Получено именно извѣстіе, что Австрійскіе уполномоченные 25-го Іюля обратились на status quo, что король Венгерскій обязался не давать Россіи вспомогательныхъ войскъ, что однакожъ Хотинъ останется у Австрійцевъ, покуда миръ между Россіею и Портою свершится. Къ сему присовокупляютъ, что король Прусскій вопреки сему обѣщался не только возвратить подъ Австрійскую державу Нидерланды, но и склонить къ выбору короля Венгерскаго въ императоры всѣ голоса курфирстовъ Бранденбургскаго и Ганноверскаго. Подтвержденія короля Венгерскаго ожидали чрезъ 14 дней послѣ того. Ваше превосходительство легко себѣ представить можете, какое впечатлѣніе произвело сіе при здѣшнемъ дворѣ. Весьма огорчаются на Пруссію и Австрію и никогда столько не желали, чтобы покойный императоръ былъ живъ, какъ нынѣ.

Поелику король Шведскій столь хорошо поступаетъ съ Россійскими плѣнными, то и Императрица приказала, чтобы Шведскихъ плѣнныхъ также хорошо здѣсь содержать, и въ семъ намѣреніи взялъ графъ Остерманъ Шведскаго адмирала Лешнкера даже къ себѣ въ домъ. Но сколь худо напротивъ того имъ здѣсь! Въ Ораніенбаумѣ трое Шведскихъ матрозовъ умерли съ голоду; часто не получаютъ они два и три дни ни одного куска хлѣба. 300 Шведовъ, которые равнымъ образомъ не получали пищи и провождаемы были 30-ю гусарами, дошли до отчаянія, убили 28 гусаръ, ограбили ихъ и ушли на ихъ лошадяхъ. А какъ опасались объявить о семъ въ надлежащемъ мѣстѣ, то чрезъ сіе выиграли сіи несчастные время донынѣ избѣгнуть преслѣдованія. Теперь неизвѣстно, куда они ушли, и надобно думать, что они въ разсужденіи дальности границъ отъисканы будутъ.

Принцъ Нассау получилъ повелѣніе чрезъ нѣсколько дней выступить со своимъ флотомъ изъ Фридрихсгама и напалъ

на Шведовъ. Сей флотъ состоитъ дѣйствительно, какъ увѣряютъ, изъ 200 судовъ наилучшаго строенія. Все собрано, что̀ токмо возможно было. Вашему превосходительству памятно, что ласкались надеждою достигнуть своей цѣли чрезъ негоціяціи, а потому и были остановлены приготовленія; но когда въ семъ не было успѣха, то со всевозможною поспѣшностію передѣлали суда всякого роду въ мелкіе военные корабли; а какъ во многомъ, а особливо въ людяхъ, былъ великій недостатокъ, то многіе корабли изъ большаго флота, учиненные негодными, совсѣмъ разоружены, и съ оныхъ взяты всѣ нужныя вещи для скорѣйшаго произведенія въ готовость галернаго флота.

За недѣлю назадъ прибылъ изъ Финляндіи курьеръ съ отвѣтомъ короля Шведскаго, что онъ ни въ какіе переговоры съ Россіею вступить не соглашается, а завтра отправится курьеръ къ князю Голицыну въ Вѣну. На депешу вашего превосходительства буду я имѣть честь отвѣтствовать въ будущій разъ.

7.

Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена. отъ 14-го Августа 1790.

Случившіяся между Шведскимъ и Россійскимъ флотами важныя происшествія, при которыхъ взаимныя выгоды были довольно равновѣсны, возбуждаютъ во мнѣ любопытство узнать, на какомъ основаніи находятся мирные переговоры между королями Шведскимъ и Императрицею, и поколику могутъ оные быть успѣшны. Можетъ быть, получила разрѣшеніе неизвѣстность, въ которой оные были во время отправленія послѣдняго вашего донесенія. На всѣ случаи кажется, что миръ на Сѣверѣ не иначе можетъ быть совершенъ, какъ при посредничествѣ трехъ союзныхъ дворовъ; ибо хотя письма изъ Лондона и подтверждаютъ, что ни малѣйшаго нѣтъ признака къ отправленію въ Балтійское море флотовъ Аглинскаго и Голландскаго, которое и безъ того назначено только было для извѣстнаго условія, однакоже весьма вѣроятно, что тѣ державы будутъ стараться поддержать свое вліяніе на переговоры, съ тѣмъ чтобы король Шведскій ничего безъ нихъ не рѣшилъ, а особливо поелику онъ безъ ихъ подкрѣпленія не можетъ выпутаться изъ игры, и на то имѣетъ нынѣ болѣе

свободы. Въ Петербургѣ, по полученіи сего письма моего, будетъ уже безъ сумнѣнія извѣстно, что 27-го прошлаго мѣсяца подписаны въ Рейхенбахѣ нѣкоторые прелиминарные артикулы, а размѣна ратификацій оныхъ послѣдовала 5-го числа нынѣшняго мѣсяца. Съ того времени войска обѣихъ сторонъ отступили отъ границъ, и часть Прусской арміи подалась паки къ Марку. Сіи артикулы, сколько еще донынѣ объ оныхъ извѣстно, состоятъ въ слѣдующихъ: 1-ii) Король Венгерскій соглашается на statis quo въ точномъ смыслѣ, хочетъ немедленно заключить съ Турками перемиріе и трактовать съ ними о мирѣ, который имѣетъ заключенъ быть съ посредничествомъ трехъ союзныхъ державъ и при ихъ гарантіи. 2-ii) Буде король Венгерскій для обезпеченія своихъ границъ захочетъ воспользоваться кускомъ земли, то въ замѣну сего должно также уступить и королю Прусскому. 3-ii) До заключенія мира между Портою и Россіею долженъ Хотинъ остаться у Австріійцевъ нейтральнымъ мѣстомъ, но послѣ того будетъ онъ возвращенъ Туркамъ. 4-ii) Въ случаѣ продолженія войны съ Турками не хочетъ король Венгерскій вспомоществовать Императрицѣ ни посредственно, ни непосредственно. 5-ii) Король Прусскій изъясняется, что онъ съ Нидерландами никакого сношенія не имѣетъ и хочетъ купно съ Англіею и Голландіею способствовать примиренію съ оными на основаніи прежняго ихъ образа правленія, съ тѣми однакожъ ограниченіями, каковыя морскія державы признаютъ нужными. Съ одной стороны условія сіи таковаго существа, что оныя (какъ и въ Вѣнѣ утверждаютъ) не были бы приняты, если бы внутреннія обстоятельства Австрійскаго государства, а особливо во многихъ частяхъ онаго, и именно въ Венгріи, умножающія возмущенія, не содѣлали сего необходимостію; съ другой стороны, кажется странно, что чет-

вертый артикулъ Россію совсѣмъ удаляетъ и сіе бы могло имѣть вредное дѣйствіе на отношеніе оной къ Австріи, если бы сіи обѣ державы, какъ утверждаютъ, не согласились напередъ о семъ пунктѣ.

По какъ бы то ни было, тотчасъ по отправленіи изъ Вѣны ратификаціи, а именно 3-го числа сего мѣсяца, поѣхалъ находившійся тамъ графъ Лузи, снабденный Австрійскими паспортами, въ армію верховнаго визиря для постановленія именемъ королей Прусскаго и Венгерскаго перемирія и мѣста конгрессу. По достовѣрнымъ извѣстіямъ сдѣланы, между тѣмъ, еще до окончанія дѣла въ Рейхенбахѣ графу Нессельроду отзывы, клонящіеся къ тому, что король Прусскій хотя въ случаѣ примиренія съ королемъ Венгерскимъ и почитаетъ интересъ Россіи отдѣленнымъ отъ Австрійскаго, притомъ однакоже думаетъ, что миръ съ Портою съ Россійской стороны можетъ заключенъ быть равнымъ же образомъ на основаніи status quo; буде же война продолжится, то онъ принужденнымъ себя найдетъ вспомоществовать своему союзнику. Сказываютъ, что Россійскій министръ отправилъ немедленно сіе изъясненіе со стафетою въ С.-Петербургъ, и потому должно ожидать вскорѣ отвѣта. Вообще будутъ теперь переговоры между Россіею и Пруссіею производиться съ большею поспѣшностію: ибо хотя письма изъ Константинополя и подтверждаютъ, что Потемкинъ предложилъ возвращеніе всѣхъ завоеваній, пріобрѣтенныхъ въ нынѣшнюю войну, съ тѣмъ условіемъ, чтобы Очаковъ уничтожить, да и Порта признала сіе удобопріемлемымъ и хочетъ только дождаться окончанія переговоровъ въ Рейхенбахѣ; однакожъ, обезпечена будучи со стороны Австріи чрезъ подкрѣпленіе Пруссіи, весьма невѣроятно, чтобы она безъ согласія сей державы и ея союзниковъ согласилась на заключеніе мира съ Россіею.

Итакъ вы имѣете усугубить ваше вниманіе на производство сихъ дѣлъ, дабы извѣститься о всемъ сколько возможно ранѣе и подробнѣе.

Распри между Англіею и Испаніею также близки къ своему рѣшенію, поелику Англія постановила Испанскому двору 13-е число нынѣшняго мѣсяца срокомъ для опредѣлительнаго и удовлетворительнаго изъясненія на свои требованія. Между тѣмъ, всѣ думаютъ, что поелику вспоможеніе Франціи весьма ненадежно, то и не дойдетъ дѣло до разрыва.

8.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга. отъ 6 (17) Августа 1790.

Условія мира съ королемъ Шведскимъ весьма умѣренны: главнѣйшія изъ оныхъ суть status quo до войны и оставленіе старинныхъ трактатовъ въ прежней силѣ. Хотя извѣстно, что король Шведскій еще 8 или 10 дней отказался отъ дальнѣйшихъ переговоровъ съ Россіею; однакожъ сіе здѣсь не устрашило, и Императрица сама непосредственно, а особливо по полученіи извѣстія о заключенной въ Рейхенбахѣ конвенціи. усугубила свои старанія, чтобы склонить на свою сторону короля Шведскаго. Хотя здѣсь и говорятъ, что онъ склонился къ тому появившимися въ Стокгольмѣ и Далекарліи безпокойствіями и страхомъ неизвѣстнаго успѣха въ сраженіи съ принцомъ Нассау; но о безпокойствіяхъ говорено здѣсь часто, и оныя никогда не подтверждались, а принца Нассау не опасался король и въ то время, когда онъ при себѣ имѣлъ всю силу вкупѣ. Я, напротивъ того, думаю, что продолжавшіяся донынѣ подкупленія знатно умножены, дабы обольстить тѣхъ, кто особу короля окружаютъ, и что уговариваніемъ и ложными представленіями сей государь склонился на миръ, который ничто иное есть какъ дѣло внезапности.

Теперь должно ожидать, какія отъ того съ одной стороны будутъ послѣдствія для Швеціи. Мнѣ кажется, что король рѣшился на сіе безъ совѣта Пруссіи; по крайней мѣрѣ было изумленіе графа Гольца при полученіи сего извѣстія чрезмѣрно велико. Сказываютъ, что пріѣхавшій съ симъ курьеръ привезъ также депешу къ Гейденстаму, которая еще вчера ввечеру вмѣстѣ съ извѣстіемъ о мирѣ отправлена къ князю Потемкину. Со времени извѣстія о Рейхенбахской конвенціи, о которой, говоря мимоходомъ, графъ Кобенцль еще формальнымъ образомъ здѣшняго министерства не извѣстилъ, посылаемы были къ князю Потемкину многіе курьеры, дабы у Порты вынудить какимъ либо образомъ миръ, хотя бы и на основаніи status quo, покуда не послѣдуютъ въ Константинополѣ внушенія Пруссіи.

9.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 9 (20) Августа 1790.

Я удерживаюсь отвѣтствовать на нѣкоторые пункты депеши вашего превосходительства въ разсужденіи послѣдовавшаго съ Швеціею мира и прехожу съ молчаніемъ все касающееся до Швеціи. Что принадлежитъ до отношеній между Россіею и Австріею, то оныя, кажется, ослабѣваютъ. О семъ изъяснилася Императрица графу Кобенцлю, объ отзывѣ коего начинаютъ уже говорить. Она, какъ увѣряютъ, сказала о королѣ Венгерскомъ: ce n'est pas une tête comme celle de feu son frère. Впрочемъ если на Рейхенбахскомъ конгрессѣ ничего не было упомянуто объ интересѣ Россіи, то сіе происходило отъ того, что здѣшній дворъ отказался отправить туда министра. Надежда Императрицы заключить вскорѣ миръ и съ Турками, еще и допынѣ продолжается и основывается на дѣйствіи, которое великія подкупленія и тайныя пожертвованія въ семъ непостоянномъ народѣ произвести могутъ. Думаютъ даже, что извѣстія о мирѣ съ сей стороны получатся уже въ половинѣ будущаго мѣсяца; но какимъ образомъ могъ запутаться въ сіи переговоры шевалье Ешлій, сіе есть за-

гадка, или же служитъ оное новымъ доказательствомъ обыкновенной его неосновательности. Если онъ дѣйствительно способствуетъ сему дѣлу, то я себѣ не инако все сіе могу представить, какъ слѣдующимъ образомъ. Императрица точно, какъ ваше превосходительство говорите, велѣла внушить что либо подобное въ Лондонѣ; Англія отреклась быть на таковомъ основаніи участницею въ семъ дѣлѣ, отписала однакожъ о томъ, но безъ всякаго порученія, къ Енгліо, а сей частію по личной ненависти къ Прусскому посланнику, частію же чтобы сдѣлаться важнымъ, былъ вѣроятно столько безразсуденъ, что поступилъ въ противность предписаніямъ двора своего. Во время Дица споры съ Енгліемъ были безпрерывны; оба упрекали въ небреженіи своихъ обязанностей другъ друга, а въ самомъ дѣлѣ одинъ дѣлалъ столько же ошибокъ, сколько и другой.

Третьяго дня прибылъ къ Прусскому министру курьеръ, чрезъ котораго извѣстились, что ему поручено представить рѣшеніе Рейхенбахскихъ переговоровъ и просить Императрицу, чтобы и она подобно Австріи приняла status quo до войны основаніемъ мира съ Портою, для достиженія чего предлагаетъ король Прусскій паки свои добрыя услуги. Тотчасъ по начатіи переговоровъ Швеціи съ Россіею, отправилъ король курьера въ Рейхенбахъ съ извѣстіемъ, что ему предложенъ миръ съ условіемъ status quo, но онъ заключилъ оный еще до полученія отвѣта изъ Рейхенбаха.

10.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 13 (24) Августа 1790.

Третьяго дня въ вечеру получена здѣсь ратификація мира между Россіею и Швеціею. Ея Императорскому Величеству угодно было отправить къ генераламъ Игельстрому и Армфелду знаки ордена Святаго Андрея. Англинскій министръ получилъ отъ своего товарища въ Берлинѣ порученіе подкрѣплять напсильнѣйшимъ образомъ доставленныя графу Гольцу чрезъ курьера предложенія Пруссіи. Витфортъ исполнилъ сіе въ тотъ самый день, когда графъ Гольцъ сообщилъ вице-канцлеру полученныя порученія, но онъ учинилъ сіе съ слишкомъ великимъ усиліемъ; по крайней мѣрѣ примѣтилъ сіе графъ Остерманъ: ибо нѣсколько времени спустя послѣ конференціи, безъ сумнѣнія переговоря прежде съ Морковымъ, сказалъ онъ Витфорту, что онъ ему мнѣніе свое сообщилъ слишкомъ кратко и слишкомъ сильно, да и гораздо сильнѣе нежели Прусскій министръ; что для иностраннаго министра гораздо лучше, если онъ старается возбудить довѣренность и не показываетъ личнаго раздраженія. Витфортъ отвѣтствовалъ, что касательно краткости, то въ меморіалѣ изъ четырехъ листовъ состоящемъ ограничивается существенное содержаніе онаго

токмо тѣмъ малымъ, что онъ сказалъ; что же принадлежитъ до личнаго его поведенія, то онъ всегда старался пріобрѣсти благоволеніе Императрицы и ея министерства; если же изъясненія его двора здѣсь имѣютъ несчастіе не правиться, и сіе къ нему относится, то въ такомъ случаѣ долженъ онъ изыскивать средства къ своему утѣшенію. Прусскій и Англинскій министры не получили еще никакого отвѣта, и сумнительно, чтобы оный и завтра послѣдовалъ; между тѣмъ, однакоже, хочетъ графъ Гольцъ, не дождавшись онаго, отправить послѣ завтра обратно своего курьера. Кажется, что Императрица хочетъ графа Сергѣя Румянцова, прежде бывшаго министра въ Берлинѣ, назначить нынѣ въ Стокгольмъ, что не служитъ доказательствомъ продолжительности мира; нѣкоторые увѣряютъ даже, что онъ посылается туда, дабы произвести подъ рукою революцію. Сіе не будетъ подлежать великимъ затрудненіямъ, поелику король Шведскій сдѣлалъ ошибку, что согласился на условіе совершеннаго умолчанія о старинныхъ условіяхъ, чѣмъ враги его для достиженія своихъ намѣреній не упустятъ воспользоваться. Но еще должно рѣшить сей вопросъ, совершится ли сія революція по желанію, поелику сказываютъ, что одно токмо дворянство объявитъ себя противу короля. Но каковы бы слѣдствія войны для короля ни были, безпристрастные люди въ томъ согласны, что сей государь заключеніемъ тайнаго мира оказалъ себя столько же неблагодарнымъ къ другимъ сколько вредынъ самому себѣ; поелику Англія и Пруссія были единыя державы, кои вспомоществовали ему деньгами и обѣщались гарантировать ему продолжительный миръ. Сверхъ того должно ему было знать о рѣшеніи Рейхенбахскихъ переговоровъ, если бы курьеръ, какъ прежде случилось съ отправленнымъ изъ Стокгольма въ Финляндію, не потерялъ своихъ депешъ. При заключе-

нiи таковаго мира будутъ также проведены границы между Швецiею и Россiею на мѣстахъ бывшихъ сраженiй, что̀ паки посѣетъ новое сѣмя раздора. Думаютъ, что̀ для увѣнчанiя сего дѣла пріѣдетъ сюда самъ король Шведскiй, и безъ сумнѣнiя по прежнему, дабы получить деньги. Путешествiе таковое, сколь оное ни странно, весьма свойственно характеру обоихъ государей. Императрица заставитъ думать глупую часть публики, что король Шведскiй пріѣхалъ для испрошенiя у ней прощенiя; а король будетъ, напротивъ того, воображать себѣ, яко бы думаютъ, что пріѣхалъ осмѣять Императрицу, а въ самомъ дѣлѣ потеряетъ токмо онъ уваженiе въ глазахъ свѣта; впрочемъ кому извѣстно, совершится ли еще сiе путешествiе? Въ прошедшiй разъ забылъ я примѣтить, что главный начальникъ Финляндской арміи отсюда извѣстился, что трактатъ мира подписанъ въ Верелѣ, а не въ Ловалѣ.

11.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 16 (27) Августа 1790.

Меня увѣряли, что король Венгерскій, для показанія Императрицѣ своей наклонности къ исполненію другимъ образомъ своихъ обязанностей, обѣщался доставить къ ней знатную сумму денегъ, поелику онъ по своему условію не можетъ въ продолженіи войны съ Портою способствовать войсками. Къ мирнымъ переговорамъ съ Швеціею принадлежатъ также, какъ я слышу, слѣдующія статьи. Первое, амнистія; второе, границы, не пріемля во уваженіе прежнихъ трактатовъ, остаются на таковомъ же основаніи какъ и прежде. Третіе, черта границы, которая нынѣ нѣкоторымъ образомъ спорна, будетъ проведена Россійскими и Шведскими комисарами. Четвертое, совершенное умолчаніе всѣхъ старинныхъ трактатовъ по заключенію мира съ Швеціею, что особливо произвелъ г. Армфельдъ, любимецъ короля, котораго подкупили. Теперь ни о чемъ болѣе ни говорятъ, какъ токмо о войнѣ съ Пруссіею. Основательно ли сіе предпріятіе или нѣтъ, то по крайней мѣрѣ извѣстно, что поводомъ къ тому послужили не токмо отзывы Императрицы, крайне огорченной противъ короля Прусскаго, но и

то обстоятельство, что многимъ войскамъ дано повелѣніе отправиться изъ Финляндіи въ Лифляндію. Къ сему присовокупляютъ и то, что часть оныхъ для скорости посылается туда на судахъ, а аммуниція на почтовыхъ коляскахъ. Все сіе по моему мнѣнію не можетъ служить доказательствомъ, что война съ Пруссіею должна неминуемо послѣдовать. Императрица во все время моего здѣсь пребыванія никогда хорошо о Пруссіи не отзывалась, а не смотря на то дѣла шли по прежнему. Если бы война между Пруссіею и Австріею началась, а Россія заключила съ Швеціею миръ, то я бы сему прежде повѣрилъ, что Россіяне учинятъ нападеніе на Пруссію. Но теперь сіе невѣроятно: поелику Россія въ продолженіе войны съ Турками не могла побѣдить Швеціи, то едва ли по заключеніи даже мира съ Портою, а не токмо нынѣ, рѣшится она напасть на несравненно бо́льшую силу Пруссіи. Впрочемъ походъ войскъ изъ Финляндіи въ Лифляндію ничего не значитъ. Въ Финляндіи не можно никакъ прокормить войска, а Лифляндія можетъ и въ мирное время прокормить по крайней мѣрѣ 14 тысячъ войскъ, хотя на бумагѣ назначено можетъ быть оныхъ и 27 тысячъ. Итакъ если сіи 14 тысячъ отправляются въ Лифляндію, то сіе производитъ великое сумнѣніе; но въ самомъ дѣлѣ составляютъ они только принадлежащій къ сей провинціи гарнизонъ. Да и транспортъ на судахъ войскъ и амуниціи на почтовыхъ коляскахъ ничего не означаетъ особеннаго. Безъ сумнѣнія хотятъ показать королю Прусскому, что его не боятся. При всемъ томъ не могу я здѣсь ни за что̀ ручаться. Бездѣлки, также личныя обстоятельства, весьма удобны здѣсь подать предлогъ къ войнѣ. Да сверхъ того могутъ между Россіею и Австріею существовать постановленія намъ неизвѣстныя. Здѣсь все еще ласкаются получить вскорѣ извѣстіе о мирѣ съ Турками: но если оный не заключится нынѣ,

то будетъ, можетъ быть, подлежать великимъ затрудненіямъ: поелику Пруссія употребитъ все свое стараніе, чтобы не быть обманутою съ той стороны какъ съ здѣшней. По письмамъ изъ Лондона, не можно ожидать войны съ Испаніею, однакожъ Англія намѣрена остаться вооруженною для поддержанія равновѣсія Европы. Я думаю, что въ назначеніи сюда Голландскимъ посланникомъ г-на Гоера или лучше сказать въ отзывѣ Голландскаго резидента Сварта находится Прусская интрига. Со времени насильственнаго участія Пруссіи въ возстановленіи спокойствія Голландіи, не могъ Свартъ скрывать своего неудовольствія къ Пруссіи. Графу Гольцу, преданному политикѣ противной Свартъ и сказавшему ему нѣкогда: «если бы Прусаки не пришли, то бы Голландія донынѣ не была спокойна, а теперь сія послѣдняя неблагодарна, не говоря здѣсь столь сильно какъ Пруссія и Англія», отвѣтствовалъ онъ: «никто не спрашивалъ Прусаковъ, они бы могли остаться, гдѣ были; что же принадлежитъ до моего тона, то оный сообразенъ моимъ предписаніямъ. Мы должны щадить Россію, потому что она намъ нужна на будущее время». Все сіе можетъ быть узнали въ Берлинѣ и произвели въ дѣйство таковый отзывъ. Ибо въ противномъ случаѣ была бы республика безъ сумнѣнія столько справедлива, что удостоила бы качества министра резидента, который около 40 лѣтъ оказывалъ болѣе пользы, нежели всѣ ея послы и посланники. Прусскій и Англійскій посланники еще и третьяго дня, какъ я извѣщаюсь, не получили отвѣтовъ. Первый однакожъ перемѣнилъ свое намѣреніе и оставляетъ еще здѣсь своего курьера.

12.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 23 Августа (3 Сентября) 1790.

Я осмѣливаюсь вмѣсто отвѣта на первую часть послѣдней депеши вашего превосходительства, который имѣ по причинѣ мира между Россіею и Швеціею оставляю, донести о слѣдующемъ. Теперь разсказываютъ, что король Шведскій изъявилъ желаніе ознаменовать настоящую достопамятную эпоху замиренія съ Россіею посольствомъ, предложеніе, на которое, какъ сказываютъ, и Императрица согласилась. Со времени сего слуха ничего болѣе не говорятъ о назначеніи графа Румянцова посланникомъ въ Швецію, а вмѣсто его опредѣляютъ туда посломъ графа Стакельберга. Но справедливъ ли впрочемъ слухъ о союзѣ Швеціи съ Россіею, сіе узнаю я не прежде какъ въ будущій разъ. Можетъ быть, король и рѣшился бы по своему легкомыслію на таковый шагъ; но я думаю, что здѣсь, гдѣ и безъ того мало довѣренности къ нему имѣютъ, будутъ поступать осторожнѣе, а особливо, если слѣдующія обстоятельства подтвердятся. Я со времени отправленія послѣдняго моего донесенія достовѣрно извѣстился, что къ мирнымъ условіямъ принадлежатъ еще два слѣдующія:

Швеція отрекается отъ союза съ Портою, а Россія гарантируетъ всѣ Шведскія владѣнія и именно Шведскую Померанію. Если сіе дѣйствительно справедливо, то со стороны Швеціи въ разсужденіи перваго условія поступлено столько же неблагородно противу Турокъ, сколько въ разсужденіи послѣдняго неполитически противу самой себя; потому что Турки были первые вспомоществователи и друзья короля, а гарантія державы, превышающей силами, съ которою лишь только что кончена война, всегда опасна. Если же Императрица намѣрена заключить съ королемъ Шведскимъ союзъ, то по моимъ мыслямъ должно бы было ей устраниться онаго въ разсужденіи легкости, съ каковою можно было уклонить его отъ союза съ Турками. А что она приняла гарантію Шведскихъ владѣній, сіе вѣроятно, и хотя оное показывается нарушеніемъ правъ Германіи, однакожъ сіе бы было очень недурно, для удержанія нѣкоторымъ образомъ самопроизвольныхъ поступокъ Пруссіи, если бы именно упомянуто было о Помераніи. Хотя и трудно получить о семъ обстоятельствѣ свѣдѣнія, однакожъ я не упущу употребить всѣ возможныя старанія. Можетъ быть, имѣете ваше превосходительство случаи извѣститься о томъ подробно въ Нѣмецкой землѣ. Что принадлежитъ до дѣлъ Турецкихъ, то Императрица, для воспрепятствованія третьей державѣ вмѣшиваться, приказала князю Потемкину возвратить все и даже Очаковъ, по разрушеніи онаго, съ его округою. Третьяго дня прибылъ отъ князя Потемкина курьеръ: имѣютъ ли его извѣстія отношенія къ воинскимъ дѣйствіямъ или же къ мирнымъ предложеніямъ, однако мнѣ кажется, что оныя были непріятны и что княземъ даже недовольны. Можетъ быть, сіи извѣстія суть дѣйствія Рейхенбахскихъ переговоровъ, о которыхъ въ половинѣ прошлаго мѣсяца можно уже было знать въ Константинополѣ. За двѣ-

надцать дней назадъ прибылъ также курьеръ отъ князя Потемкина, который привезъ надежду къ миру. Говорятъ даже, что князь уже и тогда бы заключилъ миръ, если бы не хотѣлъ выпудить у Турокъ собственно для себя знатной суммы денегъ. Курьеръ графа Гольца еще донынѣ находится здѣсь. Безъ сумнѣнія стараются выиграть время, дабы обольстить Пруссію; однакожъ графъ Остерманъ обѣщалъ ему еще на нынѣшней недѣлѣ отвѣтъ.

13.

Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена, отъ 4-го Сентября 1790.

Депеши ваши по 17 № получены исправно. Извѣстіе объ окончаніи мирныхъ переговоровъ между Швеціею и Россіею было совсѣмъ неожидаемо, и было таковымъ во всѣхъ мѣстахъ и по тому, что́ вы упоминаете о положеніи оныхъ, и по представленію, которое должно себѣ сдѣлать въ политическомъ отношеніи. По сей причинѣ должно непремѣнно думать, что весьма важныя политическія причины заставили короля Шведскаго рѣшиться на таковое внезапное предпріятіе. Я не хочу того отвергнуть, что подкупленія тѣхъ особъ, къ которымъ король имѣетъ наибольшую довѣренность, много тому споспѣшествовали; но какъ извѣстно, что сей государь не подвергается слѣпо сужденію другихъ людей, то вліяніе сихъ состояло, можетъ быть, токмо въ искусномъ употребленіи другихъ содѣйствующихъ тому обстоятельствъ, которыя, какъ мнѣ кажется, могутъ быть слѣдующими. Совершенная невозможность продолжать войну собственными силами даже до окончанія нынѣшней кампаніи, внутреннее возмущеніе въ королевствѣ и, наконецъ, неполученіе вспоможенія. Первыя двѣ причины подтверждаются нѣкоторымъ образомъ повѣйшими

изъ Стокгольма извѣстіями, по которымъ существуетъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ весьма великій недостатокъ въ деньгахъ, совершенный упадокъ кредита и явное приращеніе неудовольствія къ королю. Можетъ быть, не имѣлъ онъ также 14-го числа Августа свѣдѣнія объ успѣхѣ Рейхенбахскихъ переговоровъ, потому что въ таковомъ случаѣ едва ли бы онъ рѣшился столь скоропостижно. Но какъ бы то ни было, теперь должно обратить наибольшее вниманіе на послѣдствія таковаго происшествія. Первое можетъ быть то, что Императрица употребитъ все стараніе, дабы заключить миръ и съ Портою безъ участія другихъ державъ. Если притомъ, какъ уже и графъ Нессельроде предварительно отозвался, принятъ будетъ основаніемъ status quo, то г. Лашкаревъ, находящійся нынѣ у верховнаго визиря, немного встрѣтитъ затрудненій для окончанія своихъ переговоровъ; развѣ предпочтетъ Порта, какъ то ожидать можно, миръ съ посредничествомъ и гарантіею союзныхъ державъ. Если же, напротивъ того, Россія будетъ домогаться какихъ-либо выгодъ и не изыщетъ средствъ, дабы скорыми и рѣшительными мѣрами вынудить особенный миръ, то не можно предусмотрѣть конца запутанности. Между тѣмъ Польская республика поручила своему посланнику въ Константинополѣ поспѣшить заключеніемъ союза съ Портою, а Пруссія объявила, что она готова приступить ко всѣмъ нужнымъ мѣрамъ противу Россіи въ случаѣ отказа отъ пристойнаго мира. На сей конецъ дано большей части Польскихъ войскъ, стоящихъ на границѣ Галиціи, повелѣніе укрѣпить корпусъ, при границѣ Россійской обрѣтающійся. Что касается до Англіи, то хотя меня и увѣряютъ, что сія держава въ переговорахъ съ Россіею поступаетъ съ Пруссіею единодушно, но еще неизвѣстно, поступитъ ли оная далѣе; потому что несогласія ея съ Испаніею еще въ сумнительномъ положеніи,

Хотя по изъясненіямъ, учиненнымъ въ Мадритѣ 24 Іюля, Испанія и обѣщаетъ сдѣлать требуемое удовлетвореніе, и другіе пункты къ примиренію отлагаетъ до дальнѣйшаго изслѣдованія, почему Мадритскій дворъ и думалъ, что разоруженіе можетъ быть обоюдное; однакоже Англія не хочетъ лишить себя выгодъ и старается многими убѣжденіями принудить Испанію соображаться ея намѣреніямъ и кончить поскорѣе сіе дѣло. Вотъ по крайней мѣрѣ вѣроятнѣйшая причина выхода Англинскаго флота, который 17 числа прошлаго мѣсяца снялся съ якоря и направилъ свое плаваніе къ Весту. Кажется, что между Пруссіею и Австріею на вынѣшнее время все рѣшено, поелику обѣ продолжаютъ удалять отъ границъ свои войска; токмо у Егера остается Австрійскій корпусъ, дабы въ случаѣ нужды подвинуться къ Нидерландамъ. Въ Петербургѣ, по словамъ вашимъ, весьма негодуютъ на Рейхенбахскую конвенцію; но какъ по отзыву Австріи постановленіе о временномъ удержаніи Хотина основано на предварительно учиненномъ условіи съ Россіею, то сношенія между сею державою и Австріею требуютъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія. Впрочемъ вамъ не трудно будетъ опровергнуть въ Петербургѣ слухъ о мнимомъ уничтоженіи княжескаго союза и о нейтралитетѣ Саксоніи.

11.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 27 Августа (7 Сентября) 1790.

Сего дня продолжаю я отвѣтствовать на послѣднюю депешу вашего превосходительства. Я не могъ столь подробно и обстоятельно извѣститься здѣсь о подписанныхъ въ Рейхенбахѣ артикулахъ, какъ то ваше превосходительство меня увѣдомили. Съ того времени сказывали мнѣ, что изъ Гаги получены письма съ извѣстіемъ, якобы Прусскій дворъ нынѣ учиненныхъ въ Рейхенбахѣ постановленій не признаетъ довольно удобоприемлемыми и что, можетъ быть, по тому послѣдуютъ на новомъ конгрессѣ дальнѣйшія изъясненія. Однакожъ таковый слухъ требуетъ большаго подтвержденія; да я и не предвижу причины сему неудовольствію Пруссіи, развѣ токмо надлежитъ принять за справедливо то, что́ говорятъ, а именно, якобы Поляки оказываютъ великое негодованіе за то, что король Прусскій не доставилъ имъ части Галиціи, и что потому уваженіе Прусскаго двора въ Польшѣ чрезмѣрно умеьшилось. Договорились ли впрочемъ Австрія и Россія въ разсужденіи 4-го артикула Рейхенбахской конвенціи, сіе мнѣ неизвѣстно; то токмо достовѣрно, что по заключеніи той конвен-

ціи были здѣсь весьма недовольны королемъ Венгерскимъ и изъявляли явно сію чувствительность. Теперь, кажется, обстоятельства перемѣнились, и хотя Императрица не очень благосклонно показываетъ себя графу Кобенцлю, однакоже сей министръ хранитъ тѣсную связь съ здѣшнимъ министерствомъ, изъ чего я могу справедливо догадываться, что союзъ между Россіею и Австріею еще все продолжается, и что король для удержанія сего дружества принесъ Россіи тайную жертву, какъ я то въ донесеніи моемъ подъ № 30 уже замѣтилъ. Что же касается до учиненныхъ Нессельроду отъ Прусскаго двора отзывовъ, то всѣ мною о семъ собранныя свѣдѣнія въ томъ согласны, что Россійскому министру никакого изъясненія, ниже какого-либо подобнаго сему отзыва, не сдѣлано: также долженъ я сказать, что таковыя изъясненія были бы гораздо сильнѣе тѣхъ, которыя получилъ графъ Гольцъ съ послѣднимъ курьеромъ, и по поводу которыхъ выполнилъ онъ свое порученіе при здѣшнемъ дворѣ, изъясненія, о коихъ я имѣлъ честь донести вашему превосходительству въ депешѣ моей подъ № 18 и за достовѣрность коихъ ручаюсь. Курьеръ графа Гольца еще здѣсь, поелику сей посланникъ на прошедшей недѣлѣ, какъ я тогчасъ думалъ, не получилъ еще отвѣта. Послѣдуютъ ли съ здѣшней стороны переговоры съ Прусciею, сіе весьма много зависѣть будетъ отъ поведенія Порты. То токмо извѣстно, что здѣсь тщательно оныхъ избѣгаютъ и продолжаютъ показывать, якобы ожидаютъ начатія войны съ Прусciею. О Россійской гарантіи въ разсужденіи владѣній Шведскихъ говорятъ здѣсь безпрестанно съ великою достовѣрностію. Что принадлежитъ до мнимаго союза Швеціи съ Россіею и до мирныхъ переговоровъ на сторонѣ Турецкой или же до военныхъ дѣйствій въ тѣхъ странахъ, о семъ можно мнѣ будетъ говорить въ слѣдующій разъ.

15.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга. отъ 30 Августа (19 Сентября) 1790.

Настоящее мое донесеніе начинаю я описаніемъ дѣлъ Шведскихъ. Теперь уже ничего болѣе не говорятъ о взаимныхъ уполномоченныхъ министрахъ, а тѣмъ болѣе разсказываютъ въ тайнѣ о письмѣ короля Шведскаго къ Императрицѣ, которое сочинено въ самыхъ уничижительныхъ выраженіяхъ. Онъ говоритъ, между прочимъ, въ ономъ объ ослѣпленіи, въ которое онъ ввергнулся своею безразсудностію и худыми совѣтами. Сіе письмо довольно, кажется, ясно показываетъ, что король долженъ былъ написать оное такимъ образомъ изъ благодарности: сія имѣетъ причиною деньги, коими Императрица принуждена была купить у него миръ, что̀ весьма оскорбительно для здѣшней гордости. Меня увѣряли, что сумма сія простирается до 2-хъ милліоновъ: но я думалъ, что великія должны встрѣтиться затрудненія въ размѣнѣ оныхъ на Голландскіе червонцы. Сколь ни велика впрочемъ сія сумма, если оная дѣйствительно доставлена, однакожъ она очень недостаточна, чтобы выпутать короля изъ его замѣшательства: ибо я точно знаю, что онъ до начатія войны имѣлъ собственныхъ долговъ 3 милліона талеровъ. Говорятъ о союзѣ между Россіею и Швеціею, но въ оной заключаютъ и Данію и Испанію.

Увѣряютъ, якобы король Испанскій сдѣлалъ такое предложеніе; что Данія и Швеція хотя и безъ затрудненій на то рѣшились, но Россію къ тому склонить было весьма трудно. Вѣроятно, что и Австрія къ оному приступитъ, частію поелику, съ одной стороны, сіе согласно съ желаніями и правилами короля Венгерскаго и князя Кауница; частію же, съ другой стороны, поелику безъ приступленія Австріи сей великимъ кажущійся союзъ не можетъ быть весьма полезнымъ ни для Россіи, ни для Испаніи: ибо положеніе Даніи и Швеціи не обѣщаетъ существеннаго вспоможенія своимъ друзьямъ. Но о всемъ вышеозначенномъ нѣтъ еще достовѣрныхъ извѣстій. Здѣсь думаютъ, что распри между Англіею и Испаніею пресѣкутся великими пожертвованіями со стороны короля Испанскаго. Я имѣлъ случай быть при разговорѣ между Испанскимъ министромъ и Французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, который кончился тѣмъ, что посланникъ сказалъ ему: «Теперь никакъ не можно болѣе вступать ни въ какіе трактаты, когда самые важные фамильные пакты остаются безъ выполненія». Женетъ отвѣтствовалъ: «Я думаю, что король Французскій не нарушилъ своего слова». «О! нѣтъ», говорилъ Гальвесъ, «онъ не могъ нарушить, потому что, предусмотря невозможность, не напоминали ему о сдержаніи онаго». Разговоръ сей привожу я для доказанія, что Испанія не требовала отъ Франціи выполненія фамильнаго договора. О мирныхъ переговорахъ на Турецкой сторонѣ хотя и говорятъ весьма много, но мало достовѣрнаго. Сказываютъ, что верховный визирь перешелъ чрезъ Дунай и что князь Потемкинъ отправилъ къ нему на встрѣчу генерала Репнина съ 40 тысячами человѣкъ: также что сей князь находится въ Бендерахъ, которыхъ укрѣпленія разрушаютъ.

16.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 3 (14) Сентября 1790.

Теперешнее донесеніе отправляю я къ вашему превосходительству единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы извѣстить васъ объ успѣхѣ переговоровъ Россіи и Пруссіи. 8 дней назадъ посланъ въ Берлинъ къ графу Нессельроду отвѣтъ на учиненное графомъ Гольцомъ здѣшнему двору изъясненіе. Два дни спустя былъ графъ Гольцъ на конференціи у вице-канцлера, введенъ въ конференціяльную комнату и по выходѣ своемъ изъ оной, когда всѣ глаза обращены были на него, умѣлъ онъ столь худо овладѣть чертами лица своего, что можно было на оныхъ видѣть замѣшательство и неудовольствіе. Я послѣ извѣстился, что графъ Остерманъ на конференціи поступалъ хотя по своему обыкновенію довольно учтиво, но при томъ очень холодно. Онъ прочиталъ графу Гольцу отправленную къ графу Нессельроду депешу, въ которой нѣкоторымъ образомъ заключается слѣдующее: поелику князь Потемкинъ уже вступилъ въ мирные переговоры, то Императрица и не почитаетъ нужнымъ начать на конгрессѣ новые. Она ничего болѣе отъ Порты не требуетъ, какъ токмо Очакова съ его

окружною. Буде король Прусскій хочеть употребить свои старанія для склоненія на таковыя условія Порты, то она ему будетъ за сіе обязана. Меня увѣряютъ, что болѣе ничего не было въ Россійскомъ отвѣтѣ. Если же я еще что либо въ отношеніи къ сему узнаю, то не умедлю увѣдомить ваше превосходительство. Курьеръ графа Гольца уѣхалъ 11-го числа. По причинѣ недостатка въ новостяхъ не могу я ничего присовокупить къ сей депешѣ.

17.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 6 (17) Сентября 1790.

Неоспоримо справедливо, что большимъ союзомъ, о которомъ я недавно говорилъ, нѣсколько занимались, ибо о семъ велѣлъ я вывѣдать у Датскаго резидента, который, какъ кажется, тому и не противорѣчилъ; однакожъ мнѣ сказываютъ, что союзъ между Швеціею и Россіею достовѣрнѣе, хотя о семъ тайно, однакоже довольно общественно, говорятъ. Также извѣщенъ я достовѣрно, что Императрица въ тайномъ артикулѣ своего мирнаго трактата съ королемъ Шведскимъ обязалась не требовать отъ Порты другаго уступленія какъ токмо Очакова съ его округою. Сверхъ того, что сіе извѣстіе, какъ я уже упомянулъ, достовѣрно, подтверждается оное и данным отсюда отвѣтомъ королю Прусскому. По случаю сего отвѣта долженъ я также присовокупить, что Императрица въ оном дала знать, что содѣйствіе короля Прусскаго, если бы онъ симъ заняться хотѣлъ, было бы для нея весьма пріятно, но что она впрочемъ желаетъ заключить миръ непосредственно. Нѣсколько дней назадъ возвратился отъ князя Потемкина курьеръ, посланный къ нему съ извѣстіемъ о заключеніи мира съ Шве-

ціею, чрезъ котораго извѣстно, что, не взирая на полученное въ Турецкой арміи свѣдѣніе о рѣшеніи Рейхенбахской конвенціи, переговоры верховнаго визиря съ княземъ Потемкинымъ чрезъ то не пресѣклись. Между тѣмъ утверждаютъ съ нѣкотораго времени, что никогда не были здѣсь столь удалены отъ мира какъ нынѣ. Сей слухъ распространился, можетъ быть, потому, что князь Потемкинъ по обыкновенной своей политикѣ начинаетъ токмо теперь военныя свои дѣйствія, дабы Турковъ благополучнымъ успѣхомъ покорить своей волѣ, обстоятельство, о которомъ я уже прежде говорилъ. Сей князь сформировалъ для умноженія арміи новый корпусъ гусаръ. Онъ составилъ оный изъ такъ называющихся денщиковъ, которые давались въ услуженіе офицерамъ. Для полковника оставленъ токмо одинъ, а прежде имѣлъ онъ таковыхъ пять человѣкъ.

18.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 13 (24) Сентября 1790.

Вашему превосходительству памятно, что Англинской министръ получилъ чрезъ своего товарища въ Берлинѣ изъ Лондона повелѣніе подкрѣплять здѣсь Прусскія предложенія. Онъ двѣ недѣли назадъ получилъ отъ двора своего непосредственно сіи самыя предложенія, которыя чрезъ нѣсколько дней и представилъ графу Остерману. Оныя суть слѣдующаго содержанія: король Англинской предоставляетъ здравой политикѣ Императрицы разсудить, не лучше ли бы было послѣдовать примѣру Австріи въ разсужденіи Порты. Впрочемъ если сія Государыня признаетъ за благо продолжать войну, тогда Великая Британія будетъ въ необходимости принять мѣры удобныя можетъ быть озаботить Императрицу.

19.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 17 (28) Сентября 1790.

Уже съ недѣлю назадъ носится слухъ, что Турки побили генерала Суворова; но какъ я доселѣ не имѣлъ достаточнаго сему подтвержденія, то и не осмѣлился о семъ упомянуть вашему превосходительству. Я онаго и теперь не имѣю и конечно бы умолчалъ еще, если бы побѣда Россіянъ не подала мнѣ для сего повода. Трудно рѣшить, будетъ ли сіе происшествіе способствовать миру. Если послѣ сего сраженія Императрица не возвыситъ своихъ требованій, а останется при Очаковѣ и его округѣ, то весьма вѣроятно, что сія побѣда совокупно съ продолжающимися негоціяціями князя Потемкина произведетъ въ дѣйство миръ, прежде нежели Пруссія успѣетъ противу сего принять мѣры; а особливо если справедливо то, что Лашкаревъ пишетъ, а именно, якобы верховный визирь весьма недоволенъ, что Порта не заключила лучшаго мира съ Россіею, а продолжала войну съ Австріею. Буде же Пруссія въ состояніи приступить еще къ мѣрамъ противу переговоровъ Россіи, то миръ по причинѣ великаго упорства Россіи еще и болѣе удалится, если не произойдутъ отъ того еще и большія затрудненія. Между тѣмъ, продол-

жаетъ еще Россія безпрерывно переводить войска въ Лифляндію: но я думаю, что сіе дѣлается безъ всякаго намѣренія къ нападенію. То по крайней мѣрѣ извѣстно, что береговыя стороны Лифляндіи остаются безъ прикрытія, а Прусскія и Польскія границы заставлены. Чтобы сія армія, какъ увѣряютъ, простиралась до 10 тысячъ человѣкъ, сіе невѣроятно, и если истину сказать, то сіе при настоящемъ положеніи дѣлъ съ Турками невозможно. Обыкновенно подавалъ г. Витфортъ, если онъ имѣлъ что-либо предложить, выписку изъ своей депеши вице-канцлеру, который нѣсколько разумѣетъ по-англински, но въ прошедшій разъ требовалъ сей статскій министръ переводъ на Французскій языкъ, о существенномъ содержаніи чего я уже ваше превосходительство увѣдомилъ. Я ручаюсь за справедливость сего извѣстія, которое также и другимъ изъ Испаніи подтверждается. Именно пишутъ изъ Мадрита, что г. Фицъ-Гербертъ объявилъ графу Флоридѣ Бланкѣ, что, не взирая на перемиріе, Англія остается вооруженною, но намѣреніе оной клонится къ возстановленію мира въ Европѣ, почему Испанія и не должна симъ безпокоиться или же подозрѣвать.

20.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 20 Сентября (1 Октября) 1790.

Я желалъ сообщить вашему превосходительству два примѣчанія на учиненныя недавно награжденія, которыя долженъ былъ выпустить изъ 37-го моего донесенія. Первое отлагаю я до секретнаго случая, а второе состоитъ въ томъ, что при сдѣланномъ графу Остерману награжденіи, которое и безъ того уже ничего не значитъ, ничего не сказано собранію, а въ разсужденіи другихъ истощены непомѣрныя похвалы. Графъ Остерманъ сдѣлался отъ того почти бѣшенымъ, и сіе-то и старались въ немъ произвести. Съ нѣкотораго времени говорятъ, что всѣми мѣрами стараются удалить вице-канцлера отъ дѣлъ, и что хотятъ ему дать титулъ великаго канцлера, но токмо одно названіе. Причиною же таковаго намѣренія полагаютъ слѣдующее, а именно, что вице-канцлеръ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ или по убѣжденію въ лучшемъ чемъ-либо, или же по недостатку въ знаніи, но всегда по честнымъ причинамъ противился хотѣнію князя Потемкина и перешелъ на сторону Зубова и графа Николая Салтыкова, который безъ сумнѣнія своимъ простодушіемъ, отчужденнымъ всякаго ума, склонилъ къ себѣ графа Остермана. Чрезъ то и другое на-

влекъ онъ конечно на себя неблаговоленіе князя Потемкина, которому противиться не можетъ. Безбородко при таковыхъ обстоятельствахъ поступилъ весьма благоразумно въ свою пользу; онъ сообразно желанію князя Потемкина старался замарать графа Остермана, но съ другой стороны согласовался съ Зубовымъ и Салтыковымъ столь хорошо, что они всѣ совокупными силами способствовали другъ другу доставить награжденія. Безбородко нынѣ съ княземъ Потемкинымъ въ столь тѣсной связи, что сей посылаетъ свои донесенія не къ правящему должность Военной Коллегіи президенту графу Николаю Салтыкову, но къ графу Безбородку. Стакельберга, который ежедневно бываетъ у Императрицы, употребляютъ орудіемъ для низверженія графа Остермана. Между тѣмъ извѣстно, что Стакельбергъ останется обманутымъ; ибо если и удастся удалить вице-канцлера отъ дѣлъ, то ни графъ Безбородко, ни князь Потемкинъ не допустятъ, чтобы человѣкъ столь надменный и столь заносчивый заступилъ такой важный постъ. Сказываютъ, что армія, собирающаяся въ Лифляндіи, простирается дѣйствительно до 36-ти тысячъ человѣкъ; притомъ достовѣрно утверждаютъ, что оная въ случаѣ нужды подкрѣпится знатнымъ корпусомъ арміи князя Потемкина. Начальство въ Лифляндіи будетъ имѣть генералъ Игельстромъ, а главное начальство надъ всѣми войсками, расположенными на границахъ Прусскихъ и Польскихъ,—князь Георгій Долгоруковъ. При всемъ томъ думаю я однакоже, что Россія не намѣрена напасть на Пруссію, а хочетъ токмо на всякій случай быть въ готовности. Генералу Палену, который вскорѣ отправится, дается небольшая канцелярія. Порученія его клонятся, какъ говорятъ, наипаче къ тому, чтобы начать предварительные переговоры о союзѣ между Россіею и Швеціею и о предварительномъ распоряженіи будущаго бракосочетанія

между великою княжною Александрою и Шведскимъ наслѣдникомъ престола. О первомъ предметѣ упоминалъ я уже прежде, а второй, кажется, не встрѣчаетъ также никакихъ затрудненій. Чрезъ таковый бракъ съ домомъ столь сильнымъ и съ государствомъ столь сосѣдственнымъ будетъ наслѣдникъ Шведскій въ разсужденіи своего рожденія, о которомъ клевета много говоритъ, признанъ нѣкоторымъ образомъ законнымъ, и владѣніе его Шведскимъ престоломъ утвердится: даже и законъ Греческій не сдѣлаетъ никакого тому препятствія. Можетъ быть, будутъ въ Швеціи столько равнодушны, что не потребуютъ перемѣненія закона; а если сіе и не послѣдуетъ, то Императрица слишкомъ разсудительна, чтобы захотѣла положить съ сей стороны преграду счастію своихъ внучатъ. При семъ случаѣ разсказывали мнѣ слѣдующій странный анекдотъ. Когда великая княгиня разрѣшилась отъ бремени младшею великою княжною, то плакала она и, разговаривая съ Императрицею, сказала ей: «Боже мой! Безпрестанно княжны, которымъ замужству будетъ препятствовать законъ» Императрица отвѣтствовала: «Къ чему сіе? Всегда сыщутся для нихъ мужья; я перемѣнила законъ, вы перемѣнили, также перемѣнятъ оный и княжны».

Сего дня ожидаю я токмо достовѣрныхъ извѣстій, дабы въ будущій разъ говорить нѣчто о Данцигѣ. Равнымъ образомъ буду я имѣть честь упомянуть объ одномъ важномъ анекдотѣ графа Герцберга.

21.

Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена отъ 2-го Октября 1790.

Депеши вашего превосходительства отъ № 18 по 33 здѣсь получены. Различно разсуждаютъ о мирѣ между Швеціею и Россіею. По 19-му донесенію кажется, что въ С.-Петербургѣ думаютъ, якобы король Шведскій сдѣлалъ ошибку, не возобновя прежнихъ мирныхъ трактатовъ, поелику чрезъ то получается полная свобода опровергнуть Шведскую конституцію, въ Стокгольмѣ же утверждаютъ, что чрезъ то пріобрѣтена великая выгода, ибо симъ образомъ отъемлется у Императрицы право вмѣшиваться въ дѣла Швеціи. Можетъ быть, въ обоихъ мѣстахъ судятъ справедливо. Гораздо важнѣе сей вопросъ: нѣтъ ли кромѣ обнародованнаго трактата еще какихъ-либо тайныхъ постановленій, а особливо въ разсужденіи союза на Сѣверѣ? Даже въ Стокгольмѣ и въ другихъ мѣстахъ не сумнѣваются о существованіи сепаратныхъ артикуловъ, и мнѣніе сіе въ самомъ дѣлѣ подтверждается неопредѣлительностію трактата, паипаче же 7-го артикула. Наиболѣе всего говорятъ о томъ, что Россія востребованный актъ безопасности гарантируетъ и королю Шведскому, обѣщала ежегодно производить на вспоможеніе денежную плату; Испанія же, чрезъ стараніе коей миръ произведенъ въ дѣйство, обязывается не токмо гарантировать оный, но и заплатить Швеціи въ замѣну военныхъ издержекъ знатную сумму денегъ; наконецъ, утвер-

ждаютъ, что сдѣланы дѣйствительно предварительныя условія о сближеніи трехъ сѣверныхъ дворовъ съ Испаніею. А какъ сіе отчасти согласно съ вашимъ извѣщеніемъ, то и поручаю я вамъ обращать на сіи предметы тѣмъ тщательнѣйшее вниманіе, дабы оные дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ довести до степени достовѣрности. Что принадлежитъ до Порты, то сказываютъ, что король настоялъ, чтобы условіе заключить съ оною миръ на основаніи status quo было присоединено къ трактату. Но какъ сіе было отвергнуто съ твердостію, то онъ и удовольствовался словесною до сего предмета касающеюся нотою, въ которой предположено уничтоженіе Очакова и Бендеръ и которую онъ принялъ за формальную декларацію. Сіе по видимому согласно съ данными князю Потемкину въ разсужденіи заключенія мира предписаніями, о которыхъ воспоминаете. По новѣйшимъ извѣстіямъ усматривается, что Россія не довольна условіемъ status quo; ибо до полученія послѣдней вашей депеши увѣдомился я изъ Берлина, что отвѣтъ Россійскаго двора на предложенія Пруссіи и Англіи о мирѣ съ Портою тамъ полученъ и въ учтивыхъ выраженіяхъ содержитъ напаче слѣдующее: Императрица нѣсколько времени назадъ сдѣлала Портѣ столь сходныя предложенія, что могла ожидать принятія оныхъ, а особливо когда она имѣетъ токмо предметомъ достаточную безопасность Россійскихъ границъ, которая, какъ къ тому присовокуплено, должна состоять въ отдѣленіи обѣихъ государствъ чрезъ Днѣстръ, и что она будетъ обязана королю Прусскому, если онъ по извѣстному его въ Константинополѣ вліянію будетъ способствовать таковому принятію. Поелику же такимъ образомъ формальное посредничество отлагается и о предложенномъ status quo не упоминается, а съ другой стороны верховный визирь отправилъ г. Лашкарева съ изъясненіемъ, что его предложенія неудобоприемлемы и что Порта

безъ посредничества своихъ друзей и союзниковъ на миръ не согласится. Да и султанъ, принявъ Рейхенбахскія предварительныя постановленія, велѣлъ обнародовать перемиріе и настоитъ на требованіи возвращенія всѣхъ завоеваній Россіи, включая въ оныя и Крымъ; развѣ одержанная адмираломъ Ушаковымъ надъ Турецкимъ флотомъ 28 и 29 чиселъ Августа побѣда и многія другія еще ожидаемыя произведутъ перемѣну въ расположеніяхъ Турковъ. По всѣмъ обстоятельствамъ удалены объ воюющія державы весьма далеко отъ примиренія въ таковомъ положеніи, и поелику въ Прусскомъ королевствѣ собирается армія 80-ти тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ генерала Меллендорфа, то дальнѣйшій оборотъ сихъ дѣлъ заслуживаетъ величайшаго бдѣнія, а особливо въ разсужденіи отношеній между Россіею и Австріею и мѣръ послѣдней изъ сихъ въ случаѣ разрыва Пруссіи съ первою, а особливо поелику вы упоминаете, что король Венгерскій своей союзницѣ обѣщалъ знатную сумму денегъ, буде война продолжится, и хочетъ сдѣлать большія жертвы,—обстоятельство, коего подробное изслѣдованіе отъ васъ ожидается. Поелику Англія хочетъ или можетъ подкрѣплять Прусскія демонстраціи или военныя дѣйствія, сіе будетъ зависѣть отъ рѣшенія дѣлъ съ Испаніею и Франціею, которыя, какъ кажется, наклоняются къ разрыву. Вѣроятно, что Испанскій министръ въ С.-Петербургѣ мало имѣетъ свѣдѣнія о сихъ обстоятельствахъ; ибо достаточно извѣстно, сколь усильно Испанія требуетъ выполненія фамильныхъ пактовъ, и какія рѣшенія Народное Собраніе по сему учинило. Послѣднія произвели въ Англіи сильное впечатлѣніе и подали поводъ къ разнымъ изъясненіямъ съ Франціею, такъ что въ Лондонѣ даже думаютъ, что, можетъ быть, первое нападеніе учинятъ на сію державу.

22.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 24 Сентября (5 Октября) 1790.

Слѣдующее могу я сообщить вашему превосходительству яко достовѣрное извѣстіе. Король Шведскій заключилъ 31 Іюля съ Пруссіею, Англіею и Голландіею трактатъ, касающійся до вспоможенія и обѣщалъ симъ тремъ державамъ безъ ихъ посредничества не соглашаться на миръ, также въ тотъ самый день принялъ отъ нихъ 600 тысячъ червонныхъ. Нѣсколько дней послѣ того вступилъ сей государь въ переговоры съ Россіею и по прошествіи двухъ недѣль заключилъ онъ даже миръ. Если сообразить сіи поступки, то и не можно удивляться тому, что король Прусскій пишетъ къ графу Гольцу: «поведеніе Густава III въ разсужденіи меня есть непостижимо». При всемъ томъ однакоже продолжаетъ король Шведскій обольщать сіи три державы. Такимъ образомъ, скоро по возвращеніи своемъ въ Стокгольмъ, что точно достовѣрно, сказалъ онъ г. Листону и графу Борку, якобы существуетъ секретный артикулъ мирнаго трактата съ Россіею, чтобы Императрица при заключеніи мира съ Портою наблюдала status quo и возвратила Крымъ Туркамъ. Здѣсь отправляютъ

отъ времени до времени деньги въ Швецію. Я знаю, что за мѣсяцъ назадъ графъ Безбородко взялъ вексель на десять тысячъ червонныхъ для заплаты предъявителю, который пересланъ въ Стокгольмъ. Недавно случившееся въ Данцигѣ происшествіе, безъ сомнѣнія уже извѣстно вашему превосходительству, однакожъ я почитаю за долгъ увѣдомить о томъ что я секретно узналъ. Поляки, производящіе съ королемъ Прусскимъ переговоры въ разсужденіи торговаго трактата, имѣвъ намѣреніе предложить сему государю, чтобы плата пошлинъ за всѣ ввозимые и вывозимые водою и сухимъ путемъ товары состояла въ двухъ процентахъ, а городъ Данцигъ платилъ бы какъ и прежде по 12 процентовъ, произвели, когда сей проектъ извѣстенъ сталъ въ Данцигѣ, общее негодованіе посреди гражданства, поелику такимъ образомъ паденіе города Данцига было бы неминуемо. Мѣщанство требовало по сей причинѣ отъ Ратуши, чтобы оная употребила свои домогательства у короля Польскаго и у Республики, дабы всѣ пошлины были уравнены и дабы жителямъ Данцига было возвращено все то, что у нихъ король Прусскій при раздѣлѣ Польши отнялъ. Если сіе не случится, то городъ покорится другой державѣ. А какъ Ратуша не могла на сіе дать удовлетворительной отповѣди, то мѣщанство собственными издержками отправило съ таковыми предложеніями одного депутата въ Варшаву. Агентъ города Данцига имѣлъ для сей причины конференцію у графа Остермана, который обѣщался донести о семъ высочайшему мѣсту. Говоря теперь о Польшѣ долженъ я упомянуть о томъ, что здѣсь разсказываютъ. Поляки издали декретъ, въ силу котораго хотятъ предупредить всякому будущему раздробленію ихъ государства, и король въ весьма чувствительной рѣчи просилъ свой народъ, чтобы еще при жизни его дать ему наслѣдника, дабы послѣ своей кончины,

которой онъ по причинѣ слабаго здоровья вскорѣ ожидаетъ, избѣгнуть всякихъ распрей и всякой войны въ Польшѣ и сосѣдственныхъ государствахъ; послѣ того предложилъ онъ, чтобы просить его курфиршескую свѣтлость о принятіи наслѣдія престола.

Гольцъ получилъ, пять дней назадъ, штафету, которая 18-го Сентября отправлена изъ Бреславля. Содержаніе оной состоитъ въ томъ, что по письмамъ графа Лузи отъ 5-го числа сего мѣсяца Турки приняли перемиріе, но притомъ желали, чтобы мирный конгрессъ былъ въ Турецкомъ городѣ.

23.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 24 Сентября (8 Октября) 1790.

Объ артикулахъ мира Россіи съ Швеціею узнаютъ здѣсь мало по малу болѣе. Недавно сказывали мнѣ за достовѣрно, что Императрица въ одномъ изъ оныхъ обѣщала королю Шведскому по заключеніи союзнаго трактата платить ему ежегодно по 300 тысячъ рублей. Россійскій дворъ старался сперва уменьшить сію сумму; но король увѣрилъ, что за меньшую не можетъ онъ Императрицѣ быть полезнымъ, и потому назначена ему наконецъ оная Употребитъ ли впрочемъ король Шведскій сіе подкрѣпленіе единственно по волѣ Императрицы на содержаніе и умноженіе арміи и флота, въ томъ здѣсь даже сумнѣваются, и кажется, что Императрица на выдачу сихъ денегъ для того согласилась, чтобы на будущее время обезпечить себя отъ сего непостояннаго монарха. Если могу вѣрить одному довольно надежному мнѣ сообщенному извѣстію, то король Шведскій, находящійся по причинѣ своихъ долговъ въ невѣроятномъ замѣшательствѣ, склонилъ государственныхъ чиновъ къ тому, чтобы признать его личные долги за государственные, поелику его доходы несоразмѣрны съ его из-

держками и недостаточны для уплаты процентовъ долговъ его въ Польшѣ. Сказываютъ, объявилъ король Шведскій: что онъ достигнулъ своего намѣренія и потому заключилъ миръ, что Императрица оказываетъ къ Туркамъ великую умѣренность, и по сей причинѣ не будутъ они совсемъ угнетены; а онъ въ существѣ дѣла выполнилъ свою волю и сдѣлался вольнымъ. Если таковая декларація точно учинена, то всякому страннымъ покажется, что сей государь, дабы содѣлаться самодержавнымъ, почелъ за нужно начать изъ собственнаго побужденія съ своею сосѣдкою войну и ввергнуть свое государство въ крайнее положеніе. Я говорю, изъ собственнаго побужденія; ибо извѣстно, что Англія и Пруссія не были первыми, которыя его поощрили, а въ послѣдствіи былъ король Шведскій подкрѣпляемъ отъ нихъ и совѣтомъ и дѣломъ. Здѣсь утверждаютъ, что извѣстіе о заключеніи на Сѣверѣ мира не непріятно было Англіи, токмо недовольны тамъ были образомъ каковымъ заключенъ оный; да сіе и естественно.

24.

Отъ Лосса къ Гельбигу изъ Дрездена, отъ 14 Октября 1790.

Упомянутая мною въ послѣдней моей депешѣ словесная нота, по которой Императрица обѣщала королю Шведскому принять при замиреніи съ Портою основаніемъ status quo, имѣетъ совсѣмъ другой оборотъ; ибо по новѣйшимъ надежнымъ извѣстіямъ усматривается токмо то, что графъ Остерманъ въ письмѣ къ королю Шведскому увѣрилъ, якобы Императрица готова примириться съ Портою на выгодныхъ для оной условіяхъ, къ чему генералъ Игельстромъ въ письмѣ къ барону Армфельду присовокупилъ, что по принесеннымъ уже Портѣ жертвамъ можно миръ съ оною почесть почти заключеннымъ. Что же касается до слуховъ о союзѣ между Россіею и Швеціею, если еще не условленномъ, то по крайней мѣрѣ предложенномъ, то оные еще продолжаются. Хотя по отзывамъ Шведскаго министра въ Варшавѣ и должно бы было думать, что король дальнѣйшія по сему мѣры остановилъ и сперва изъискать хочетъ, гдѣ ему болѣе выгоды получить можно: но какъ вы упоминаете о равномъ же мнѣніи въ разсужденіи таковой связи, и какъ прежде столь усильно производившіеся переговоры о союзъ между Швеціею и Польшею по заклю-

ченіи мира съ Россіею совсѣмъ пресѣклись, то изслѣдованіе истины заслуживаетъ вашихъ продолжительныхъ стараній тѣмъ болѣе, что положеніе дѣлъ между Россіею и Пруссіею содѣлывается повидимому болѣе критическимъ; ибо съ одной стороны увѣдомляютъ меня, что г. Лашкаревъ возвратился въ лагерь верховнаго визиря и предложилъ ему при перемиріи выгодньйшія прежнихъ условія, съ тѣмъ однакожъ предположеніемъ, чтобы миръ заключенъ былъ безъ всякаго посредничества, и съ тѣмъ примѣчаніемъ, что по возстановленіи мира съ Швеціею гораздо бы полезнѣе было для Порты принять таковое предложеніе; но верховный визирь, какъ говорятъ, отвѣтствовалъ, что ему подъ опасеніемъ лишенія головы запрещено вступать въ какіе либо переговоры безъ содѣйствія Пруссіи, и потому тѣмъ менѣе можетъ онъ выслушивать Россійскія предложенія, поелику султанъ требуетъ возвращенія Крыма. Съ другой стороны увѣряютъ, что князь Потемкинъ требуетъ отъ принца Кобургскаго, чтобы Валахію по выходѣ изъ оной Австрійскихъ войскъ отдать Россійской арміи. Наконецъ, не токмо изъ содержащихся въ депешахъ вашихъ извѣстій, но и изъ многихъ другихъ и именно нижеслѣдующихъ обстоятельствъ явствуетъ, что Россія еще не имѣетъ причину полагаться на подкрѣпленіе Австріи. Прусскій дворъ по полученіи отъ Россіи отвѣта на послѣднія мирныя предложенія велѣлъ спросить въ Вѣнѣ, какимъ образомъ тамъ поступить думаютъ, если бы Пруссія принужденною нашлась подать Портѣ дѣятельное вспоможеніе. На сіе отвѣтствовалъ князь Кауницъ, что въ таковомъ случаѣ король Венгерскій не откажется дать Императрицѣ пособія въ силу трактатовъ, не взирая на заключенныя въ Рейхенбахѣ постановленія, которыя относятся токмо къ войнѣ съ Турками, а не на случай, буде бы на Россію учинено было нападеніе отъ другой державы.

По сему неожидаемому отзыву, который однакоже князь Кауницъ выдалъ за свое собственное мнѣніе, король Прусскій съ одной стороны поручилъ графу Герцу въ Франкфуртѣ на Мейнѣ потребовать по прибытіи туда императора отъ находящихся при немъ министровъ яснаго изъясненія, съ другой же стороны приказалъ, чтобы исключая назначенныхъ въ Пруссіи войскъ всѣ прочія къ войнѣ готовыя оставались на сей ногѣ и чтобы полковыхъ лошадей не продавать. Въ ожиданіи отвѣта отъ императора все еще ласкаются, что сей государь не захочетъ учинить чего либо болѣе въ пользу Россіи, нежели для собственнаго своего интереса; а какъ впрочемъ думаютъ, что въ случаѣ разрыва съ Россіею растроенные доходы Швеціи и Даніи не позволятъ симъ державамъ вступиться дѣятельно за которую либо сторону, то и полагаются тѣмъ болѣе на сильное вспоможеніе Англіи. Въ самомъ дѣлѣ кажется, что содержащійся въ послѣдней депешѣ вашей твердый отзывъ Витфорта подтверждаетъ сіе мнѣніе; а какъ по послѣднимъ моимъ извѣстіямъ изъ Мадрита тамошній дворъ въ разсужденіи недостатка въ нужныхъ для войны деньгахъ и безсилія Франціи особенно наклоненъ къ примиренію, да и Англія сама свои требованія умепьшила: то послѣдняя сія держава при удержаніи мира съ тоі стороны будетъ тѣмъ болѣе въ состояніи вспомоществовать Пруссіи сильнымъ образомъ.

Послѣдствіе времени однакоже должно болѣе все сіе обнаружить. Главное упражненіе ваше должно имѣть предметомъ оборотъ сихъ дѣлъ, напаче же должны вы обращать ваше вниманіе на бо́льшую или меньшую связь, существующую между обоими императорскими дворами. Между тѣмъ перемиріе между Портою и Австріею подписано 19-го числа прошлаго мѣсяца, и маркизъ Лукезини прибылъ уже изъ Варшавы въ Вѣну. О мѣстѣ для конгресса еще ничего не рѣшено, потому

что Турки требуютъ, чтобы оный былъ въ ихъ предѣлахъ и потому предлагаютъ Рущукъ или Папчову; Австрійцы же напротивъ того Краіову или Бухарестъ.

P. S. То, что на сеймѣ въ Варшавѣ предложено было въ разсужденіи учиненія Польской короны наслѣдственною и вручения оной по кончинѣ нынѣ царствующаго короля нашему всемилостивѣйшему государю и его потомству мужескаго полу, вамъ безъ сумнѣнія уже не безъизвѣстно. По принятымъ его свѣтлостію правиламъ не могъ онъ имѣть въ томъ ни малѣйшаго участія, а довольствовался токмо быть зрителемъ всего происходившаго. Но когда главнѣйшіе члены конституціонной коммисіи усильно приступили къ г-ну Есену, дабы извѣститься въ разсужденіи сего о расположеніи курфирста, то сему резиденту сдѣлано слѣдующее предписаніе. Его курфирстская свѣтлость чувствительнѣйше поражен опытами довѣренности, которые ему изъявила знатнѣйшая часть государственныхъ чиновъ; онъ не можетъ лучше обнаружить предъ лицемъ свѣта сего расположенія и участія, которое пріемлетъ въ благосостояніи республики, какъ токмо отвѣчать таковой довѣренности откровеннымъ изъясненіемъ, поколику именно пріобрѣтеніе Польской короны кажется ему сообразнымъ съ правосудіемъ, съ благомъ республики и съ благоденствіемъ и спокойствіемъ наслѣдственнаго его государства. Предварительно воспрятствуютъ его правила какъ вступленію его на престолъ, буде оный не сдѣлается порожнимъ законнымъ образомъ, такъ и назначенію его въ будущіе наслѣдники безъ полнаго согласія нынѣ владѣющаго короля. При томъ не можетъ его свѣтлость скрыть тѣхъ затрудненій, которыя тотолѣ встрѣчаться будутъ выполненію обязанностей его въ разсужденіи республики, доколѣ власть и уваженіе короля будутъ замыкаться въ единомъ представленіи лица его. Выро-

чемъ какъ по учиненному вообще для новой конституціи проекту, такъ и по 35-му артикулу онаго особенно, по силѣ котораго удаленіе его изъ королевства будетъ зависѣть отъ согласія трехъ кварталовъ собравшихся на сеймъ государственныхъ чиновъ, не можетъ онъ усмотрѣть, какимъ образомъ должно совокупить царствованіе въ Польшѣ его свѣтлости съ безпрестаннымъ его попеченіемъ о благосостояніи подвластнаго ему наслѣдственнаго государства. Да если всѣ сіи препятствія и уничтожатся, то его свѣтлость для блага республики и для своего собственнаго успокоенія почитаетъ согласіе трехъ сильныхъ сосѣдственныхъ державъ Польши на наслѣдственность короны необходимо-нужнымъ. Хотя онъ совершенно постигаетъ независимость республики, однакоже признаетъ таковую осторожность весьма важною частію для обезпеченія образа правленія Польши, частію же для своего собственнаго положенія, которое отсовѣтываетъ ему основать конституцію на опасеніи, чтобы не принимать участія въ войнѣ и тѣмъ не нанести вреда своему наслѣдственному государству и своей нейтральной системѣ. Хотя король Польскій и показываетъ желаніе отдать наслѣдственность короны нашему всемилостивѣйшему государю; однакожъ положеніе дѣлъ съ того времени по толику перемѣнилось, что дѣло о наслѣдственности престола подъ рукою оставлено; напротивъ того 30-го числа Сентября рѣшено единогласно государственными чинами предложить на сеймѣ собравшемуся народу наслѣдникомъ престола его свѣтлость. Изъ молчанія, которое вы по дѣламъ Польскимъ наблюдаете, долженъ я заключить, что въ С.-Петербургѣ оныя скрываютъ, а изъ вышеозначеннаго, которое я единственно для вашего руководства сообщаю, усмотрите вы, въ чемъ состоятъ расположенія курфирста, и въ сходственность сему должны вы отозваться о семъ токмо въ

нужныхъ случаяхъ и къ такимъ особамъ, съ которыми вы говорить обязаны; но притомъ должны вы тщательно избѣгать всего могущаго подать поводъ думать, якобы его свѣтлость домогается Польской короны или спрашиваетъ мнѣнія или совѣта у Россійскаго министерства. Сверхъ того должны сіи свѣдѣнія служить вамъ для наставленія, по которому имѣете вы благоразумно выведывать расположенія тамошняго двора о семъ предметѣ, а особливо когда изъ большой свиты, которую съ собою привезъ г. Булгаковъ въ Варшаву и изъ его уравненія въ жалованіи съ графомъ Стакельбергомъ, не взирая на различіе министерскаго характера, заключается, что дворъ его не отложилъ мысли возстановить прежнее вліяніе въ Польшѣ.

25.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 4 (15) Октября 1790.

Здѣсь назначенъ опять новый рекрутскій наборъ. Императрица въ изданномъ по случаю сего указѣ говоритъ, что, не взирая на мирныя свои расположенія и на часто сдѣланныя предложенія къ примиренію, она принуждена находится продолжать войну, а дабы сіе произвесть въ дѣйство съ благополучнымъ успѣхомъ, какъ то доселѣ было, приказала она учинить новый рекрутскій наборъ по 4 человѣка съ 500. Я догадываюсь, что сей рекрутскій наборъ послѣдовалъ болѣе для Пруссіи, нежели для Порты. Многіе думаютъ, что съ сею первою державою точно дойдетъ дѣло до войны. Также дѣлаются на Польской границѣ, а особливо въ Лифляндіи великія приготовленія; на прошедшей недѣлѣ отправлено туда 125 пушекъ, а войска, если соберутся вмѣстѣ, будутъ простираться до 80 тысячъ человѣкъ. Императрица назначила даже генераловъ, которые въ сей арміи начальствовать будутъ. Они суть слѣдующіе: генералы-аншефы князь Георгій Долгорукій, графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, баронъ Игельстромъ, а генералы поручики, графъ Михайло Румянцовъ, Михайло *Сонсузенъ*

и одинъ Россіянинъ, котораго имя мнѣ неизвѣстно. Если армія противъ Пруссіи и Польши будетъ дѣйствительно столь велика, или если опая, какъ увѣряютъ еще умножится, то для сего потребно по крайней мѣрѣ много времени. Рекрутъ конечно не можно отправить противу Прусаковъ, а надлежало бы ихъ послать къ Туркамъ, Потемкинскую же армію притянуть сюда, что̀ бы стоило много времени. Съ другой же стороны дѣлаетъ король Прусскій, по полученіи отъ сюда войну предзнаменующихъ извѣстій, столь же важныя приготовленія. Армія его состоитъ уже изъ 60-ти тысячъ человѣкъ; но еще неизвѣстно, герцогъ ли Брауншвейгскій или генералъ Узедомъ или же графъ Генкель командовать будетъ. Не смотря на всѣ таковыя распоряженія и на общую молву о войнѣ, я однакожъ по примѣчеппымъ расположеніямъ дворовъ С.-Петербургскаго и Берлинскаго могу утвердить, что войны не будетъ, развѣ сдѣланы какія либо тайныя между дворами С.-Петербургскимъ и Вѣнскимъ постановленія въ разсужденіи войны съ Пруссіею; мнѣ кажется, что здѣшній дворъ имѣетъ особую причину избѣгать войны, а опая состоитъ въ недостаткѣ денегъ. Находящіеся здѣсь матросы и солдаты при всѣхъ торжествахъ не получали жалованья. Первые числомъ около 3000 человѣкъ отправили за недѣлю назадъ 300 человѣкъ депутатовъ, которые подъ окошками Императрицы подняли великій шумъ, и получили въ зачетъ жалованья малую выдачу. Отъ князя Потемкина прибылъ за десять дней курьеръ; по извѣстіямъ его отправился князь въ Севастополь для приведенія флота, понесшаго нѣкоторый вредъ, въ готовное состояніе; ибо онъ намѣревается въ нынѣшнемъ году дать еще морское сраженіе Со стороны сухопутной арміи ожидаютъ также ежедневно извѣстія о сраженіи: а при всемъ томъ переговоры продолжаются. Испанскій министръ сказывалъ мнѣ,

что королева Португальская предложила разоруженіе флота. Если Англія не окажетъ себя къ тому наклонною; то Испанія объявитъ съ твердостію, что ничего болѣе не уступитъ. Гальвесъ говоритъ, что Испанія въ Европѣ и Америкѣ въ столь хорошемъ положеніи, что не имѣетъ ничего страшиться; буде же послѣдуетъ разрывъ, то она можетъ положиться на вспоможеніе Португаліи Сколь ни противенъ политикѣ таковый поступокъ Португаліи, однакожъ вспоможеніе сіе весьма маловажно. Генералъ Паленъ взялъ много наличныхъ денегъ, но токмо одинъ кредитивъ на 2000 червонныхъ. Графъ Разумовскій отправится токмо тогда въ Вѣну, когда получится достовѣрное извѣстіе объ отбытіи королевы Неаполитанской.

26.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 11 (22) Октября 1790.

Военныя пріуготовленія съ здѣшней стороны продолжаютъ безостановочно, хотя никто не знаетъ, будетъ ли война съ Пруссіею. Изъ рекрутскаго набора, по случаю котораго доставлены будутъ 84 тысячи человѣкъ, назначены противу Пруссіи 36 тысячъ, которые замѣнятся другими войсками; да и Башкиры, причинившіе въ Финляндіи столь много вреда, отправлены къ Прусскимъ границамъ. Также думаютъ, что Императрица приказала еще 10 тысячъ сихъ людей отослать туда же. На флотѣ противу союзниковъ Пруссіи дѣлаются важныя приготовленія. Число Россійскихъ линейныхъ кораблей простирается до 40, даже готовятся канонирскія шлюпки и иловучія батареи,—намѣреніе, направленное, какъ говорятъ, къ Прусскимъ берегамъ, чего я однакожъ не могу порядочно изъяснить. Съ нѣкотораго времени примѣчаю я, что доводы противу надежды къ сохраненію мира получаютъ большую силу; однакоже я не могу совершенно себя убѣдить, чтобы война между Россіею и Пруссіею была неминуема. Теперь занимаются здѣсь разсказываніемъ случившагося у Данцига

происшествія, которое бы удобно могло подать поводъ непріязненностямъ между Россіею и Пруссіею, если бы при изслѣдованіи не нашли, что оное имѣло причиною недоразумѣніе. Когда генералъ-порутчикъ Сиренгтпортенъ приблизился на своемъ суднѣ къ Данцигу, то онъ отправилъ своего адъютанта на шлюпкѣ въ городъ, но до прибытія его туда былъ онъ Прусаками задержанъ и долженъ былъ дожидаться 36 часовъ. Между тѣмъ началъ генералъ Сиренгтпортенъ очень безпокоиться, принесъ жалобу на таковый непристойный поступокъ въ мирное время и получилъ наконецъ своего адъютанта обратно; но разбирательствѣ того дѣла открылось, что неосмотрительность одного Прусскаго офицера была виною сего случая. Вчера ввечеру былъ у меня Польскій посланникъ и прочиталъ мнѣ въ шифрахъ письмо, полученное на вчерашней почтѣ изъ Варшавы; оное нѣкоторымъ образомъ слѣдующаго содержанія. Король Польскій и народъ для избѣжанія случая къ будущимъ распрямъ рѣшили избрать королю Польскому уже нынѣ наслѣдника престола; и какъ они при таковомъ предпріятіи намѣрены удалить всякія несогласія, то не примутъ никого кандидатами изъ тѣхъ государей, которые бы сами себя предложили; имѣя же при таковомъ назначеніи свое собственное благо предметомъ, они хотятъ обратить свое вниманіе на государя пріобрѣвшаго уже въ наукѣ правленія уваженіе всѣхъ народовъ. Въ слѣдствіе таковыхъ расположеній, побуждаемы будучи торжественнѣйшими желаніями Польскаго народа, хотятъ они предложить корону его курфиршеской Саксонской свѣтлости. Курьеръ князя Потемкина привезъ на сихъ дняхъ извѣстіе, что князь опять изъ Крыму возвратился. Ежедневно ожидаютъ извѣстія, что онъ дастъ большое сраженіе, къ которому онъ насъ приуготовилъ.

27.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга отъ 15 (26) Октября 1790.

Императрица, какъ говорятъ, съ нѣкотораго времени крайне огорчается. Думаютъ, что кромѣ огорченія къ королю Прусскому неудовольствіе ея усугубится еще и болѣе послѣднимъ письмомъ князя Потемкина; примѣчано, что при чтеніи того письма, когда дошла до половины, бросила она его съ величайшею досадою, вскричавъ: замыслы сего дурака нанесутъ мнѣ наконецъ еще и смерть; онъ сверхъ сего требуетъ опять три милліона, какъ будто бы мои деньги неизчерпаемы. Негодованіе однакоже къ королю Прусскому превышаетъ всякое понятіе, и сказываютъ, что Императрица позволяетъ употреблять самыя вѣскія выраженія противу сего государя и не находитъ причины щадить его, ласкаяся имѣть армію изъ 500 тысячъ человѣкъ. Несмотря на то, питаю я надежду къ сохраненію мира, и хотя дѣйствительно, какъ я три дня назадъ о семъ упоминалъ, доказательства противу сего усиливаются, однакоже я могу по крайней мѣрѣ то подтвердить, что Россія, не взирая на всѣ таковые отзывы, никогда не сдѣлаетъ нападенія; потому что, какъ я и прежде говорилъ и доказывалъ, состояніе доходовъ

и арміи Россійской въ сравненіи съ Пруссіею гораздо въ большемъ критическомъ положеніи, нежели съ Швеціею, и потому что великіе источники Россіи, сколько оные ни превозносятся, недостаточны даже были въ прошедшую Шведскую войну. Главнымъ доказательствомъ моему мнѣнію служитъ и то, что всѣ пріуготовленія дѣлаются токмо оборонительныя и что стараются между прочимъ особливо укрѣпить устье Двины, Юнгферфортъ и Крейсбургъ и учинить ихъ со стороны моря неприступными. Также говорилъ недавно вице-канцлеръ Прусскому посланнику, чтобы онъ изъ назначенія въ Финляндію войскъ не почерпалъ какого либо подозрѣнія, потому что сіе есть слѣдствіе мѣръ его государя, и что онъ надѣется вскорѣ имѣть съ нимъ о семъ предметъ продолжительную конференцію. Какъ скоро сія конференція послѣдуетъ и я что либо узнаю, то ваше превосходительство получите на будущей почтѣ о томъ извѣстіе. Между тѣмъ долженъ я присовокупить, что отзывы графа Остермана слабо доказываютъ мое мнѣніе; но сколь ни вѣроятно, что Россія на первое нападеніе не отважится, столько напротивъ того думать можно, что оное послѣдуетъ со стороны Пруссіи. Можетъ быть теперь, какъ я сіе пишу, учинено уже объявленіе войны; по крайней мѣрѣ достовѣрно то, что графъ Герцбергъ за двѣ недѣли сказалъ: если Императрица не пріиметъ status quo до войны, то король, кажется, рѣшился на войну съ Россіею. Прусская армія, по полученнымъ оттуда извѣстіямъ, состоитъ токмо изъ 50 тысячъ человѣкъ, но 12 тысячъ находящіяся въ Нецерскомъ округѣ получили повелѣніе быть въ готовности, дабы немедленно въ случаѣ нужды приближиться къ границамъ. И здѣсь говорятъ тоже, что̀ ваше превосходительство примѣтили, а именно, что генералъ Меллендорфъ по-

лучитъ нынѣ начальство; къ тому также присоединяютъ, что въ случаѣ войны будетъ командовать арміею герцогъ Брауншвейгскій. Гиттель отправится чрезъ мѣсяцъ Прусскимъ министромъ въ Митаву на одинъ годъ, или покуда настоящія дѣла продолжаться будутъ. Я о семъ извѣстился нечаянно, но назначеніе сіе должно столь тайно храниться, чтобы здѣшній дворъ не прежде о томъ узналъ, какъ когда Гиттель будетъ уже въ Митавѣ. Чтобы сіе могло случиться, весьма я сумнѣваюсь.

28.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга, отъ 22 Октября (2 Ноября) 1790.

Что ваше превосходительство о данномъ Россіею Пруссіи отвѣтѣ извѣстились прежде другимъ путемъ нежели чрезъ меня, сіе для меня весьма прискорбно. Между тѣмъ не могу я жаловаться на мои каналы; ибо и другіе министры не прежде меня о семъ извѣстились, а многіе и позже. Даже Витфортъ, посланникъ столь близкаго союзнаго двора, не прежде какъ по первой почтѣ послѣ отъѣзда Прусскаго курьера отправилъ тотъ отвѣтъ въ Лондонъ. А какъ всѣ извѣстія объ ономъ въ томъ согласны были, что содержаніе весьма сатирическое, то и старался я узнать, какія именно слова тамъ заключаются и увѣдомился, что въ заключеніи сказано такимъ образомъ: Императрица думаетъ, что еслибы король захотѣлъ употребить свои добрыя услуги, то бы ходатайство толико почтеннаго государя весьма удобно обратило Турокъ къ благоразумію. Король Шведскій въ разговорѣ съ Польскимъ посланникомъ, при дворѣ его находящимся, сдѣлалъ еще къ сему отвѣту Россіи прибавленіе, сказавъ, якобы Императрица требовала отъ короля Прусскаго, дабы онъ употребилъ свое вліяніе

въ Польшѣ для доставленія князю Потемкину владѣнія герцогствомъ Курляндскимъ, обстоятельство, о которомъ Императрица въ своемъ отвѣтѣ не помышляла, и которое давнобъ она, если бы хотѣла, могла произвести въ дѣйство своею собственною силою. Здѣсь говорятъ много о неудовольствіи Турокъ въ разсужденіи Рейхенбахской конвенціи; но извѣстія о семъ столь запутаны, и дѣло симъ столь затмѣно, что не можно ничего сказать съ достовѣрностію. Нѣкоторые утверждаютъ, якобы Турецкая армія не довольна, потому что желала лучше вести войну съ Австрійцами, нежели съ Россіянами; другія говорятъ, якобы Гейденстанъ, не имѣя извѣстія о заключенномъ въ Верелѣ мирѣ, поощрялъ Турокъ изъ опасенія, чтобы они не заключили мира съ Россіею безъ Швеціи; еще другіе увѣряютъ, яко бы Венгерцы негодуютъ на Рейхенбахскую конвенцію, и что если они въ семъ негодованіи пребудутъ, то Австрія намѣрена предоставить имъ одинмъ войну съ Турками, въ убѣжденіи, что они довольно сильны для выполненія таковаго намѣренія. Сіе можетъ быть есть дѣло князя Каунитца и имѣетъ можетъ быть отношеніе на декларацію его, о которой я упоминалъ въ послѣднемъ моемъ постскриптѣ и по поводу которой поручено графу Герцу въ Франкфуртѣ истребовать рѣшительной отповѣди. Наконецъ, удостовѣряютъ многіе, яко бы Турки препятствуютъ Австрійцамъ свободную торговлю по Черному морю, что противно Рейхенбахской конвенціи, по которой все основано на status quo. Словомъ сказать, дѣла сіи слишкомъ запутаны. Можетъ быть есть сіе дѣйствіе тайнаго участія какого либо интересующагося въ томъ двора. Я чрезъ третія руки на сихъ дняхъ извѣстился, что его курфирпеская свѣтлость совсѣмъ отказался отъ наслѣдства престола при жизни нынѣшняго Польскаго короля.

Россія домогается паки чрезъ посредство дома Гопне займа въ Голландіи трехъ милліоновъ, которые 1 Февраля будущаго года будутъ выплачены и останутся въ Голландіи для заплаты трехъ милліоновъ изъ 9-ти милліоновъ, которые досталъ баронъ Сметъ и которые въ приложенной къ 31-му моему донесенію таблицѣ назначены въ числѣ старинныхъ займовъ. Срокъ платежу остающихся 6-ти милліоновъ отложенъ еще на нѣкоторое время. Императрица подъ рукою приказала, чтобы въ продолженіи настоящихъ дѣлъ никакой Россіянинъ не ѣздилъ во Францію, для воспрепятствованія распространенію по Россіи духа возмущенія. Баронъ Фринъ, находившійся здѣсь десять лѣтъ съ половиною, отправится по прошествіи двухъ недѣль чрезъ Польшу въ Саксонію.

29.

Отъ Гельбига къ Лоссу изъ С.-Петербурга. отъ 25 Октября (5 Ноября) 1790.

На сихъ дняхъ получено здѣсь извѣстіе, что графъ Герцъ получилъ отъ императора весьма для Прусіи пріятный отвѣтъ, въ которомъ сей государь объявилъ, что князь Кауницъ сказалъ нѣчто такое, что̀ ему императору никогда и въ мысль не приходило: что онъ данное на Рейхенбахской конвенціи слово сохранитъ непарушимо и никогда о томъ не помыслитъ, чтобы для частныхъ выгодъ другой державы подвергнуть себя сумнительной войнѣ. когда внутреннія безпокойствія въ которыхъ его провинцій требуютъ величайшаго его вниманія и неутомимыхъ трудовъ о приведеніи оныхъ въ покорство. Притомъ велѣлъ онъ королю Прусскому сказать, что отзывъ князя Кауница должно признать слѣдствіемъ великой его старости, и потому какъ ради сего, такъ и ради великихъ услугъ, оказанныхъ симъ мужемъ Австрійскому дому, не можно отъ него въ разсужденіи сей ошибки потребовать отвѣта, а должно все сіе дѣло пройти молчаніемъ. Легко себѣ представить можно, сколь для здѣшняго двора неблагопріятенъ былъ сей отвѣтъ, котораго графъ Герцъ старается подъ рукою

разсѣвать. Я, кажется, примѣтилъ, что Императрица хочетъ изъявить свое неудовольствіе графу Кобенцлю. Уже сіе служитъ признакомъ ея неблаговоленія, что она въ прошедшій маскерадъ съ нимъ не играла въ карты, что доселѣ всегда дѣлывала. Кобенцль при семъ случаѣ не могъ нечего инаго учинить какъ токмо говорилъ, якобы думаетъ, что графъ Герцъ, истолковывая все Россіи противное образомъ неполезнымъ, (что въ самомъ дѣлѣ и справедливо) и нынѣ послѣдовалъ сему своему правилу и далъ изъясненію императора совсѣмъ непріязненный толкъ. Между тѣмъ продолжаются военныя пріуготовленія безпрерывно, и оныя или вовсе пресѣкутся или же еще и болѣе усилятся, поколику сего взаимный отвѣтъ Пруссіи на отвѣтъ Россіи востребуетъ: но я думаю, что Пруссія, Англія и Голландія сперва снесутся и потомъ общую учинятъ декларацію. Три дни назадъ прибылъ курьеръ отъ графа Воронцова; сей безъ сумнѣнія привезъ извѣстіе о дѣйствіи, которое произвелъ въ Лондонѣ отвѣтъ Россіи. Въ Тріестъ возвратился недѣлю назадъ курьеръ присланный сюда отъ Ланбро Качіонія для донесенія, что если получитъ токмо денегъ, то надѣется склонить на свою сторону всѣхъ Грековъ Архипелага. Отвѣтъ на сіе, какъ сказываютъ, былъ отлагательный.

Постскриптъ

Содержащіяся въ постскриптѣ вашего превосходительства извѣстія были для меня тѣмъ пріятнѣе, что я приведенъ теперь въ состояніе судить надлежащимъ образомъ о семъ дѣлѣ. Посланники Прусскій, Австрійскій и Польскій уже и прежде много мнѣ говорили объ отвѣтѣ его курфиршеской свѣтлости и просили, что если я что либо изъ Дрездена узнаю, то бы имъ сообщить. А какъ ваше превосходительство мнѣ сіе запрещаете, то я имъ токмо сказалъ, что все отъ васъ полученное подтверждаетъ токмо ими говоренное. Впрочемъ

могу я ваше превосходительство честію моею увѣрить, что я и мы всѣ не прежде что либо достовѣрное о семъ переговорѣ узнали, какъ 18 Октября, когда о томъ писано было къ г-ну Деболію. Сперва говорили токмо о томъ какъ о простомъ слухѣ, и тогда, какъ скоро извѣстился, не упуствлъ я упомянуть вашему превосходительству въ 60-мъ моемъ донесеніи, что мнѣ тогда же сказали, что Императрица поведеніе курфюрста въ семъ дѣлѣ весьма похвалила, но я о томъ умолчалъ, потому что таковая похвала не умножитъ достоинства рѣшенія его свѣтлости. Какъ скоро я между тѣмъ извѣщусь объ истинныхъ расположеніяхъ Императрицы по сему предмету, то не премину увѣдомить немедленно вашего превосходительства. Отъ г. Булгакова прибылъ три дня назадъ курьеръ, привезшій довольно пріятныя извѣстія; увѣряютъ даже, что оныя касаются неутралитета Польши въ случаѣ разрыва между Россіею и Пруссіею. Но таковый слухъ, противный союзу Польши и Пруссіи, требуетъ подтвержденія При семъ препровождается достовѣрное росписаніе суммамъ, назначеннымъ для миссіи Россійской въ Варшавѣ во время графа Стакельберга и нынѣ г-на Булгакова, росписаніе, могущее нѣкоторымъ образомъ объяснить нѣчто о переговорахъ Россіи въ Польшѣ.

Жалованіе графу Стакельбергу.	20.000 р.
Столовыхъ денегъ	24.000 »
За порто писемъ	800 »
На чрезвычайныя издержки	150.000 »
Жалованье г-ну Булгакову	10.000 »
Столовыхъ денегъ.	12.000 »
За порто писемъ.	800 »

N. B. При выѣздѣ отсюда данъ ему кредитивъ на 30 тысячъ рублей, адресованный на имя Теппера. Меня увѣдомятъ, если онъ получитъ другой.

ПО ДѢЛУ БАРОНА АРМФЕЛЬДА.

Réponse de la cour de Naples à la déclaration de la cour de Suède sur l'affaire du baron d'Armfeldt.

Il est parvenu au général Acton un pacquet de monsieur Lagersverd, chargé d'affaires de Suède résident à Gènes, qui contient une note datée du 18 du mois passé, laquelle note accompagne une déclaration de la cour de Suède à celle de Naples, sur l'affaire du baron d'Armfeldt, dont il demande une réponse prompte et satisfaisante.

Le général ne s'arrête pas à faire observer au sieur Lagersverd le ton indécent et les expressions, dont il fait usage dans la surdite communication, pour le satisfaire d'autant plus tôt en lui donnant la réponse qu'il demande.

Le général ne peut cependant pas s'empêcher de parler de l'étonnement, avec lequel il a lu, que l'on appelle étrange la conduite de S. M. Sicilienne envers S. M. Suèdoise, en accordant protection, bienveillance et soutien (telles sont les expressions de la déclaration) à un criminel d'état, tel que le baron d'Armfeldt, et en lui ménageant un asile sûr dans la capitale et dans la maison même d'un des officiers de sa cour.

De telles propositions avancées sans aucun réserve et aucun égard à la dignité de S. M. Sicilienne, sont aussi exagérées qu'elles sont éloignées de véritables circonstances de ce fait.

Si la cour de Suède avait mieux réfléchi aux termes de sa réquisition, et mieux considéré ceux de la réponse de S. M., elle se serait abstenue de blâmer la conduite de ce souverain, et elle aurait évitée l'offense à son caractère et à sa dignité, dont elle attend réparation.

La cour de Suède demanda de laisser saisir le baron d'Armfeldt, par le baron de Palmquist dépêché à cet effet. S. M. Sicilienne avec sa modération naturelle se contenta de répondre à une proposition aussi étrange et inouïe, que le crime imputé au baron d'Armfeldt certainement méritait le ressentiment universel; qu'elle était convaincue de la nécessité d'une démarche qui avait pour but le maintien de la tranquillité des états de S. M. Suèdoise; qu'elle n'aurait pas balancé un instant de concourir à ses vues et à sa réquisition, si les termes et la manière dont la cour de Suède avait personnellement chargé le baron Palmquist d'agir, ne compromettaient pas la dignité de S. M. et la tranquillité de ses propres sujets; qu'elle attendait toutefois que S. M. Suèdoise voulut lui suggérer les moyens de la satisfaire, sans manquer à ce qu'elle se devait à elle-même.

Le public non plus que le baron d'Armfeldt ne furent pas informés de la réquisition de la cour de Suède, dans l'espoir que les moyens qu'elle indiquerait à S. M. en réponse, la mettraient en état de la satisfaire; on ne doit donc pas s'étonner, si en attendant, on a vu le baron d'Armfeldt se promener dans la ville, et

fréquenter la société comme auparavant, puisqu'il ignorait les dispositions de sa cour.

Dans le tems cependant qu'on observait ce silence, le lendemain de l'apparition du baron de Palmquist, la cour de Naples reçut des avis de Rome, qu'il en était parti trois assassins, conduits par un certain Benedetto Mori, envoyés par un certain Piranesi, agent de Suède à Rome à l'objet d'avoir le baron d'Armfeldt mort ou vif. S. M. Sicilienne fut indignée de cette nouvelle, qui venait confirmer l'intention des agens de Suède de vouloir insulter son territoire au mépris de toutes les loix et du droit des gens et dès qu'elle eut connaissance de leur arrivée par les rapports de la police, donna des ordres pour leur arrestation. On en prit deux, puisque Mori, informé de la capture de ses compagnons, se sauva sur le bâtiment suédois du baron Palmquist, lequel, honteux et confondu de la découverte d'un si noir attentat, dans lequel lui-même (quoique décoré d'un uniforme) devait concourir et y avoir part, partit promptement la même nuit pour ramener Mori sur la plage romaine.

Ceci n'est pas une invention ni une étrange interprétation, comme on l'a avancé dans la déclaration de Suède apparemment pour deguiser les manèges indécens de ses agens, et pour avoir le courage de déclarer, que ce n'a été jamais son intention de violer le territoire de S. M. C'est un fait déduit dans les tribunaux de la capitale, le procès que l'on a fait aux dits assassins, qui sont convaincus et ont avoué d'avoir reçu l'ordre de Piranesi, de se saisir du baron d'Armfeldt, mort ou vif. Ce n'est pas non plus la première fois, que la cour de Naples en fait mention, puisqu'elle en fit prévenir le chargé d'affaires Lagers-

verd avec beaucoup de bonne foi en lui faisant dire, qu'aussitôt que le procès serait compilé, on l'enverrait à Stockholm, à fin que cette cour pût voir la manière d'agir de Piranesi, et pour demander contre le même la satisfaction, qu'elle était en droit de demander. L'arrestation à Rome de Mori, qui n'a pas encore été traduit devant les tribunaux de Naples, a rétardé l'expédition du procès (d'ailleurs déjà terminé) à la cour de Suède.

Qu'après qu'une commission aussi barbare et inhumaine s'était rendue publique, le baron d'Armfeldt ait cherché un asile pour sa sûreté personnelle au milieu de ses amis et de ses connaissances. Il n'est que trop naturel, puisque le désir de sa propre conservation est dicté par la nature, et la cour devait d'autant moins s'en mêler, que ces précautions garantissaient son territoire des insultes et des attentats, auxquels il se trouvait exposé.

La cour de Naples devait encore moins faire attention à la résidence du baron d'Armfeldt dans la capitale, ou à son depart, pour aller se cacher dans quelque province dans des circonstances aussi dangereuses et aussi critiques pour lui dans un tems, où le baron, étant destitué de son caractère de réprésentant de la cour de Suède, était reduit à la qualité de simple particulier, et que les expressions d'amitié et de bonne intelligence de la susdite cour avaient été si étrangement blessées et démenties par le commissionaire Piranesi, et par le départ soudain et nocturne du baron de Palmquist du port de Naples.

S. M. Sicilienne, ferme et constante dans ses principes comme dans ses detérminations, incapable de manquer à qui que ce soit, ne souffre que quelqu'un tente

de la blesser dans ses droits et dans ses prérogatives, comme elle ne souffre sans réparation, que la cour de Suède la taxe de partialité dans l'affaire du baron d'Armfeldt. S. M. a toujours tâché de vivre en bonne intélligence avec tous les souverains, et puisqu'il plait au roi de Suède d'interrompre avec elle toute communication, le roi des Siciles la déclare interrompue et ordonne à tous ses ministres, agens et consuls dans les cours étrangères de ne plus avoir aucun commerce ni communication avec ceux de Suède.

Déclaration de la cour de Suède à celle de Naples dans l'affaire du baron d'Armfeldt.

C'est au milieu des convulsions horribles, dont l'Europe à cette époque malheureusement se voit agitée, presque d'un bout à l'autre, c'est dans un moment où toutes les cours devraient paraître veiller à leurs communs intérêts plus religieusement encore que jamais, que celle de Suède se voit forcée à s'expliquer hautement et sans détour sur un événement tout aussi extraordinaire qu'offensant pour elle, mais qui cependant ne quadre que trop bien avec toutes les autres contradictions qui caractérisent nos jours et ce siècle aussi fécond en crimes qu'en lumières, et qui par là deviendra un énigme pour la postérité.

L'Europe, instruite déjà du funeste complot tramé par le baron d'Armfeldt, ci-devant ministre plénipotentiaire du roi près les cours d'Italie, ne doit pas ignorer l'étrange conduite qu'a tenue en cette occasion S. M. le roi des deux Siciles envers S. M. le roi de Suède, en accordant protection, bienveillance et soutien à un criminel d'état, tel que le baron d'Armfeldt, en

lui assurant asyle dans sa propre capitale, et dans le palais même du grand maître de sa maison, au mépris ouvert de tout ce que les souverains legitimes se doivent mutuellement en pareil cas, et des réclamations les plus justes et les plus amicales faites de la part de S. M. Suédoise pour obtenir l'extradition d'un traitre à la patrie, chargé des forfaits les plus atroces.

La cour de Suède croirait descendre de sa dignité, si elle s'étendait ici davantage sur les crimes trop constatés du baron d'Armfeldt: il suffit maintenant qu'elle en connaisse elle-même toute l'étendue. Les preuves irrécusables qu'elle a entre les mains, seront assez publiques, lorsqu'en peu de jours le nom de ce traitre sera placé d'une manière à ne pas beaucoup flatter ceux qui l'ont honoré de leur protection. L'on ignore, et l'on désire même de ne jamais pénétrer ce mystère, comment la cour de Naples a pu s'oublier au point à lui en accorder, ni comment ce Prothée moderne a pu réussir à fasciner de la sorte les yeux de cette cour, surtout à une époque aussi fertile que la présente en trahisons de tout genre, et lorsque la fuite même de ce baron, sans rappel, ni congé obtenu de son maître, déposait plus que suffisamment contre lui. Mais ce serait également à la dignité de la cour suédoise, qui depuis tant de siècles a sû se maintenir dans son antique indépendance et conserver la considération distinguée qu'aucune de ses égales n'a jamais impunément tenté de lui contester, que de dissimuler plus longtems son juste ressentiment contre une puissance, avec laquelle elle a tâché de cultiver toujours la plus parfaite amitié, et à qui pourtant en cette occasion elle s'est en vain adressée pour s'assurer de la personne d'un traitre, d'un sujet rébelle, qui avait juré

la perte de sa patrie et celle de l'administration légale, à laquelle il était assujetti.

S. A. R., monseigneur le duc-régent de Suède, s'étant saisi des preuves de la trahison du baron, et ayant fait arrêter à Stockholm ses complices, écrivit de sa propre main une lettre particulière et amicale à S. M. Sicilienne, et une autre pareille à son premier ministre le général Acton. Elle y donna connaisance du complot découvert, et demande à la cour de Naples avec confiance l'assistance, que les puissances européennes ne se sont jamais refusées jusqu'ici dans ces sortes de cas.

L'aide-de-camp général du roi, m-r le baron de Palmquist, chef commandant d'un vaisseau de guerre destiné à transporter le baron d'Armfeldt en Suède, fut chargé de remettre en personne ces deux lettres; il reçut à Gènes les ordres de se rendre en la plus grande diligence à Naples; il y vint; les lettres furent remises. L'effet qu'elles produisirent fut néammoins, que le baron d'Armfeldt continua à jouir paisiblement dans la capitale de S. M. Sicilienne d'une parfaite liberté, se montrant en public et fréquentant les sociétés, comme si la mission du baron de Palmquist ne l'eût nullement regardé. A la vérité, ce dernier ayant, ou par mauvaise volonté ou par une négligence inexcusable, mis trop de lenteur dans son depart de Gènes, il en a encouru le juste ressentiment de son maître, et se trouve actuellement au bord d'un vaisseau du roi pour être transporté en Suède, et puis jugé par un conseil de guerre. Cependant la réponse de S. M. Sicilienne s'est remise par le chargé d'affaires de la cour de Madrid, m-r le chevalier de Morens, à s. e. m-r le

grand-chancelier de Suède, le baron de Sparre, ainsi que celle du général Acton.

La cour de Stockholm ne pouvait s'attendre à rien moins qu'à trouver dans cette réponse, que S. M. Sicilienne, bien loin de se prêter à la juste réclamation du roi, ne voyait dans la démarche de S. A. R. monseigneur le duc-régent, qu'une violation du territoire intentée avec le dessein formé de faire enlever par surprise le baron d'Armfeldt, d'où S. M. inférait que la dignité de la couronne avait été compromise. Or, une interprétation aussi étrange que fausse de la démarche franche, amicale et directe de S. M. Suédoise ne pouvait que singulièrement affecter une cour, comme celle de Suède, aussi peu accoutumée à recevoir des affronts qu'à les souffrir et dissimuler.

La cour suédoise déclare donc ici publiquement, que son intention n'a jamais été, ni peut être de violer le territoire de S. M. Sicilienne, en faisant enlever par force ou par surprise le baron d'Armfeldt. L'un et l'autre de ces soupçons, si on se l'est permis en effet, ne sont que trop évidemment détruits par les lettres mêmes, dont mention vient d'être faite.

La cour de Suède croirait très-superflu de rien ajouter, s'il n'intéressait à sa gloire, comme à sa dignité, de relever encore dans cette affaire un trait bien plus marqué de la conduite peu amicale de la cour de Naples envers elle, et dont S. M. Suédoise ne peut se plaindre trop amèrement. Les soupçons les plus atroces ont été sourdement repandus à Naples sur la conduite innocente et directe de sieur Piranesi, ministre résident du roi à Rome. Animé du zèle, dont tout homme honnête et vértueux s'enflamme, quand il s'agit de grands intérêts de son maître, et redoublant

d'efforts, quand il voit en danger imminent le bonheur, l'indépendence et le répos du pays qu'il sert, le sieur Piranesi n'a jamais démenti un instant dans cette occurrence les nobles sentiments, qui l'ont rendu digne en tout tems de la confiance que S. M. Suédoise a daigné mettre en lui: il n'a eu d'autre intérêt, d'autre désir dans sa place, que ceux d'être utile à son roi et à la Suède. Il avait reçu les mêmes ordres que les autres ministres, agens et consuls de Suède en Italie, comme par tout ailleurs, relativement au complot découvert du baron d'Armfeldt. Ces ordres lui enjoignaient de remettre au dit baron l'acte de sommation du parlement de Stockholm, qui l'appelait à comparaître devant son tribunal avant la fin d'un terme prescrit, et de requérir en outre main forte pour la saisie de la personne de ce baron dans tous les lieux, où il viendrait de passer. Le sieur Piranesi apprenant en même tems, que m-r d'Armfeldt restait toujours tranquille à Naples, a eu recours à des voies très-permises en ces sortes d'occasions, celles d'y envoyer des personnes sûres, propres à lui donner les lumières nécessaires sur les démarches et desseins du dit baron. Mais à peine s'y apperçoit-on des précautions aussi naturellement prises vis-à-vis d'un traitre à la patrie par un ministre public légalement constitué tel par son roi dans un état voisin, qu'aussitôt un bruit à Naples est semé, que le baron se trouve entouré d'assassins, on arrête tous ceux qui avaient été munis de passeports du sieur Piranesi, on leur fait subir diverses sortes d'interrogatoires, on a recours à un misérable coureur, né sujet napolitain, qui venait de quitter le service du baron d'Armfeldt, et que l'on fait parler, selon usage, qu'on voulait faire des dépositions,

qu'on lui suggerait, et le bruit général se repand, que le baron d'Armfeldt avait couru le risque d'être assassiné par des gens gagés du ministre de Suède à Rome pour commettre ce fortait. L'on se permit même sans aucun égard pour le droit des gens partout ailleurs si reconnu, d'ouvrir les lettres de ce ministre, dans lesquelles cependant on ne trouve rien, qui justifie de pareils procédés, et pour connaître enfin, jusqu'à quel point la prévention se porte à Naples contre le sieur Piranesi, même dans les circonstances les plus legères, on observera ici en passant la censure, qu'un gentilhomme napolitain dut subir, pour avoir seulement, comme ami du sieur Piranesi, reçu sous son enveloppe une lettre très-indifférente de ce ministre adressée au sieur André, agent de Suède à Naples; et le général Acton put se permettre en parlant au chargé d'affaires de Suède en Italie, le sieur Lagersverd, l'inculpation contre le sieur Piranesi d'avoir compromis par là dans cette occasion le susdit gentilhomme napolitain.

La cour de Suède, très au-dessus de tant de manéges et forte de sa candeur, qui dans tous les tems a dirigé constamment ses démarches, sait parfaitement mépriser des soupçons destitués de fondement, lesquels retombent d'eux-mêmes, ainsi que toute autre calomnie injurieuse sur ceux, qui s'occupent et s'avilissent à les ourdir. L'innocence du sieur Piranesi doit être d'ailleurs d'autant moins suspecte dans cette affaire, que l'évidence même peut convaincre, que c'eût été rendre un très-mauvais service au roi, que de faire périr le baron d'Armfeldt en Italie, lorsqu'il importait essentiellement d'avoir sur les lieux mêmes les aveux de son crime, et de ceux de ses complices, les coupables jours du baron ne devant se trancher que sur

l'échaffaud, où le conduiront tôt ou tard des forfaits aussi énormes que les siens.

Au reste, la très-grande facilité pour ces sortes de crimes que présente le pays, où m-r d'Armfeldt se trouvait lors, est assez généralement connue, où des entreprises pareilles échouent bien rarement, si on peut s'avilir à les commander.

Enfin, le baron d'Armfeldt, après avoir été ouvertement protégé dans la propre capitale de S. M. Sicilienne, après y avoir eu par ordre du gouvernement même une sentinelle à sa porte pour veiller à la sûreté de sa personne, trouve à propos de renoncer à son asyle: il prend sa course et passe par Vienne. Il s'y arrête plusieurs jours, et d'après le bruit public il y est logé à l'hotel même de l'ambassadeur de la cour de Naples près la cour Impériale, Royale et Apostolique.

La partialité plus qu'inouïe, avec laquelle la cour de Naples a procédé dans ce que ci-dessus vis-à-vis de celle de Suède, ne peut que fortement indisposer et révolter cette dernière à son tour: ce n'était qu'un simple acte de justice, que la Suède réclamait de S. M. Sicilienne, que S. M. Suèdoise était bien en droit des requérir et d'obtenir de tout gouvernement policé, et que jamais les souverains, comme on l'a déjà dit, ne se sont refusés en cas semblable.

C'est donc la cour de Naples, qui a, par une conduite aussi inattendue que vraiment faite pour provoquer la Suède, renoncé gratuitement à l'entretien de l'amitié et à l'intimité avec S. M. Suèdoise; conséquemment aussi le roi déclare que toute communication désormais cessera entre les deux couronnes respectives jusqu'au moment où il plaira à S. M. Sicilienne

de donner à S. M. Suèdoise une réparation proportionnée à l'eclat de l'offense.

Le roi vient d'ordonner en attendant à tous ses ministres, agens et consuls de ne plus entretenir aucun commerce avec les ministres ou d'autres agens de Naples, partout où ils peuvent se trouver, jusqu'à l'époque où cette réparation sera donnée, et tout sujet du roi attaché au service de S. M. Sicilienne a ordre d'en sortir promptement sous peine de perte de tous ses droits dans la patrie.

La Providence au reste a mis assez de forces entre les mains du roi pour maintenir la gloire et l'honneur de la couronne, et pour se procurer à lui-même la juste satisfaction, qui lui est due; mais trop pénétré d'un sentiment d'humanité qui répugne à augmenter encore par de nouveaux malheurs ceux, sous lesquels l'Europe gémit déjà, S. M. Suedoise abandonne à S. M. Sicilienne d'aviser elle-même, si elle le juge à propos, aux moyens les plus sûrs pour réparer l'offense, et rappeler l'amitié et la bonne intelligence, qui ci-devant ont subsistées entre les deux cours. Le roi ne croit pas, que S. M. Sicilienne s'y refuse, surtout dans un moment où la forte vérité, „que quiconque protége les traitres, s'expose à périr soi-même victime de leurs attentats", doit être plus que jamais présente à ses yeux, et justifier pleinement les plaintes bien fondées, auxquelles dans toute cette affaire la cour de Naples n'a donné que trop de lieu à celle de Suède.

NOTICES SUR LES MARTINISTES

Presentées en 1811 par le c-te Rostopchine à la grande-duchesse Catherine.

Il est tout aussi difficile de fixer au juste l'époque du commencement de la secte des martinistes en Russie que de nommer ses instituteurs. Les francs-maçons ont fourni la plus grande partie de leurs membres pour être initiés dans les nouveaux mystères. Un Bavarois nommé *Schwartz* fut le fondateur de la nouvelle association. Il resta son chef, et après sa mort son buste fut placé dans la salle de l'assemblée comme un objet de vénération et d'un culte particulier. Il s'associa avec un certain *Vourikow*, homme de beaucoup d'esprit, hypocrite, pauvre, hardy, éloquent et connu comme éditeur d'un ouvrage périodique intitulé l'Ancienne Bibliothèque Russe, qui n'est rien autre chose qu'un recueil de plusieurs fragments d'histoire, d'actes et de cérémonies des anciens czars. On peut placer le commencement de la secte à l'année 1786; mais ses progrès furent si rapides et les fonds d'argent si considérables que l'an 1790 la société, qui prenait le titre magnifique de „bienfaisante", acheta une maison qu'elle arrangea avec luxe pour tenir ses assemblées et éta-

blir une imprimerie destinée à mettre au jour les traductions des livres mystiques, et de ses propres ouvrages.

La loge principale, présidée après la mort de Schwartz par *Novikow*, établit une correspondance directe avec toutes les loges-soeurs des pays étrangers. Elle envoya à ses frais des jeunes gens pour voyager, s'instruire dans les mystères, et acquérir des connaissances utiles à leur société: un certain *Кутузовъ*, homme d'esprit et fanatique, s'établit à Berlin, d'où il faisait des excursions à Hambourg, Brunsvick, Saxe, Gotha et Munich; c'était le ministre, ou l'homme accrédité des martinistes de Russie auprès de ceux des autres pays. Cet homme, après avoir vécu quelque tems dans l'opulence, finit par mourir de misère en prison à Berlin pour dettes, que la loge de Moscou, après sa dispersion l'année 1792, ne fut plus en état de payer.

La quantité de personnes de tout rang et de tout âge qui composaient cette association, leurs dépenses, le nombre des prosélytes qu'ils faisaient chaque jour, les dépenses énormes, les dérangements de fortunes entières, et surtout l'air de mystère qui présidait aux réunions, attirèrent l'attention du gouvernement et de l'impératrice Catherine, ce qui la poussa fortement à découvrir le but et l'esprit de cette société, par la certitude que son fils, l'héritier du trône, avait l'air de donner son approbation à cet établissement et d'accorder sa confiance à un certain *Плещеевъ*, placé auprès de lui comme secrétaire de la marine et zélé partisan de la nouvelle secte. La découverte des desseins pernicieux des illuminés, le procès de leur chef Weisshaupt, les rapports et les liaisons avec plusieurs moteurs de la révolution française, devenue l'épouvante des

souverains, décidérent l'imp. Catherine à s'élever contre la société de martinistes dans ses états. Le prince Prozorowsky, gouv.-gén. de Moscou, eut ordre de faire surveiller les actions et la correspondance des membres de la nouvelle loge et d'agir ouvertement contre eux si le cas l'exigeait. Il eut des dénonciations, dont la plus forte fut celle du p-ce Gabriel Gagarine, alors conseiller privé et 1-er procureur au Sénat de Moscou. Cet homme, grand-maître de la principale loge des francs-maçons à Moscou, decidé à se joindre aux martinistes, ayant eu avis de la persécution qui allait éclater contre eux, prit le parti de se mettre à couvert en se faisant un mérite de dévoiler les secrets qu'il possédait: la crainte seule le rendait traître, car il était un de ceux qui professaient beaucoup d'attachement pour le gr.-duc Paul et qui se permettaient de fronder le règne de Catherine. C'était un homme d'esprit, versé dans les affaires, mais lâche, intéressé, dépravé, ivrogne, abîmé de dettes et perdu de réputation.

Pendant que le *prince Prozorowsky* cherchait à découvrir les projets des martinistes et se procurer des preuves certaines, on intercepta une lettre des illuminés de Bavière, adressée à *Новикову*, écrite en style mystique et dont il ne voulut jamais donner l'explication claire. M-r *Окуфиев*, conseiller de la chambre criminelle du gouvernement de Moscou, fut envoyé à la campagne de m-r *Новикову* (où il résidait) pour l'arrêter et s'emparer de tous ses papiers. Il le trouva au milieu de la nuit occupé à écrire: il se soumit avec résignation aux ordres qui lui furent notifiés, sollicitant comme une grâce la permission de prendre congé de quelques jeunes gens, ses disciples. Ceux-là vinrent et donnèrent des marques évidentes d'un grand désespoir. Ho-

викова leur tint un discours, où il leur recommanda la sagesse, l'obéissance aveugle aux ordres suprêmes et le souvenir de ses actions; après il les bénit et partit pour Moscou. On emporta tous ses papiers, et on amena son médecin allemand, son ami, initié dans les mystères: mais celui-ci, le lendemain de son arrivée, se coupa la gorge, étant mal gardé. Parmi les papiers on trouva la liste des membres de la société des martinistes.

Новикова fut envoyé à Pétersbourg; on le mit d'abord à la forteresse, où il resta quelques semaines. Mais le p-ce Prozorowsky, ayant découvert par des traîtres de l'association qu'il y avait eu un souper où 30 personnes tirèrent au sort à qui poignarderait l'imp. Catherine et que le hasard désigna Лопухинъ, en fit part. On interrogea là-dessus Новиковъ qui se renferma dans les négations, et fut transporté à Schlusselbourg pour être enfermé dans une prison. Il fit beaucoup de farces en y entrant, se prosterna, remerciant le Ciel des châtiments qu'il lui infligeait, protesta de son innocence, assura qu'il supporterait tout pour l'amour du Sauveur etc.

Le prince Prozorowsky se donna beaucoup de peine pour connaître le but de la secte. Il découvrit ce qu'on découvre toujours dans les associations mystiques — quelques fripons adroits et des milliers de dupes. Ces pauvres esprits croyaient avoir des droits au royaume des cieux, où devaient les mener tout droit leurs directeurs, qui leur prêchaient le jeûne, la prière, l'aumône et l'humilité, en leur enlevant leurs fortunes pour épurer les âmes et les détacher plus facilement de la terre. Deux princes Трубецкой, deux frères Походяшинъ, un Татищевъ, un Щепотьевъ, un

Плещеевъ, furent victimes de leur crédulité; elle leur valut la perte d'une grande fortune et le repentir tardif d'avoir fait des sottises. Il parut un ordre de l'Impératrice, dicté comme tous les autres par la réflection et la magnanimité, qui ordonnait aux Трубецкой et à Татищевъ de vivre dans leurs terres, en accordant le pardon à Лопухинъ par égard pour l'âge avancé de son père, vieillard aveugle de 80 ans. On remarque que jusqu'à la fin du règne de Catherine elle n'employa et ne distingua dans le service aucun des initiés, à l'exception du prince Репнинъ, qui par ses bassesses auprès du prince Потемкинъ et des favoris sut se maintenir tant bien que mal.

L'impératrice Catherine gardait chez elle plusieurs papiers importants relatifs à la secte des martinistes, telles que leurs listes, la lettre des illuminés de Munich à Новиковъ, les interrogations des principaux membres de l'association, la déposition et les aveux de quelques-uns de ceux qui ont tiré au sort à qui l'assassinerait. Toutes ces pièces étaient enfermées dans un carton blanc qui restait dans son cabinet de travail de St.-Pétersbourg, avec l'étiquette dessus: дѣло о мартинистахъ.

L'emprisonnement du grand-maître Новиковъ, l'exil des principaux personnages de la société et la surveillance du gouvernement sur le reste frappèrent de terreur les plus enthousiastes; ils se dispersèrent et prirent le parti de remettre à un autre tems leurs réunions, leurs travaux et la confection de leur ouvrage. Les choses en restèrent là jusqu'à la mort de l'impératrice Catherine, qu'ils regardèrent comme leur mortelle ennemie, parce qu'elle traita avec clémence des sujets qui avaient conspiré contre son autorité.

A l'avènement au trône de l'empereur Paul, Плещеевъ, qui était resté constamment auprès de lui, parla de plusieurs de ses amis pour les employer comme des gens d'un mérite éminent et victimes de leur attachement pour l'Empereur. On fit venir Лопухинъ, qui eut la place de secrétaire d'état pour le civil. Кар-пѣевъ, vice-gouverneur d'Orel, destiné aux détails militaires, arriva un peu tard et se trouva fort heureux d obtenir la place de gouverneur de Minsk. Le curé de l'église de l'Ascension à Moscou, homme de mérite, destiné à être confesseur de la famille impériale, fut attaché à la chapelle de la cour. Плещеевъ fut chargé des aumônes; ce fut lui qui par son esprit de vengeance contre l'impératrice Catherine suggéra à son fils l'idée de déterrer le corps de Pierre III, de le couronner au cercueil, de le placer sur le même catafalque avec son épouse et de l'enterrer avec pompe pour la seconde fois. L'empereur Paul ne vit en cela qu'une réconciliation opérée par lui entre les auteurs de ses jours après leurs morts et ne fit aucune attention à l'effet que devait produire un spectacle, qui rappelait la mémoire d'un forfait injustement attribué à l'impératrice Catherine et qu'un règne glorieux de 34 ans avait presque fait oublier à l'Europe.—L'apparition de l'archange Michel à un soldat en faction au Palais d'Eté, qui lui ordonnait d'aller dire à l'Empereur qu'il devait bâtir une église dans cet endroit, des rêves expliqués, l'ordre envoyé au prince Prozorowsky d'aller sur ses terres, tous ces événements, qui se succédèrent dans l'espace de quelques semaines, et qui étaient autant de preuves de l'influence des martinistes, me firent prendre la résolution d'éclairer l'Empereur sur les suites qui pouvaient en résulter. Je saisis l'occasion d'une

promenade avec lui seul en voiture au Palais Taurique, lui ayant dit, sur son observation que Лопухинъ a été une bête, qu'il ne fut pas coquin comme ses compagnons de croyance; alors je m'étendis en observations: je lui fis part de la lettre de Munich, du souper où on tira au sort, de leurs mystères etc. Je vis avec plaisir que cette conversation porta un coup mortel aux martinistes, et fermenta dans l'esprit de Paul, jaloux à l'excès de son pouvoir et porté à voir des germes de révolution dans les moindres choses. Лопухинъ, après avoir écrit un seul oukase pour la pension d'une femme de chambre, fut renvoyé à Moscou, mais comme sénateur. Новиковъ, délivré tout de suite de la prison et que l'Impératrice eut la curiosité de voir, eut ordre de partir, et fut surveillé. Le prêtre s'en tint à la messe, et plusieurs perdirent leur crédit, devinrent nuls et l'objet des plaisanteries très-mordantes de l'Empereur. Il n'est pas étonnant qu'il changea d'opinion si vite: il y a une classe de gens et une espèce de services que les héritiers du trône aiment avant de régner, mais une fois souverains, ils éloignent et punissent même ceux qui s'étaient rendus nécessaires auparavant, et dont la récompense après doit être le mépris.

A l'avènement au trône de l'empereur Alexandre, les martinistes, sans être ni gênés ni persécutés, n'étaient pourtant pas réunis. Leur ancien grand-maître Новиковъ, avec deux ou trois amis intimes, végétaient dans un village non loin de Moscou; ils n'écrivaient rien, mettaient beaucoup de prudence dans leur conduite, et il venait rarement à Moscou, où il logeait chez Кошаревъ. Il paraît même que la catastrophe qu'ils avaient essuyée sous Catherine les rendaient craintifs et méfiants. Ce n'est que l'année 1806, à l'époque de la mi-

lice, que l'on vit cette secte lever la tête, reparaître et jouer un grand rôle dans les élections. Les p-ces Трубецкіе, Лопухинъ, Ключаревъ, le p-ce Gagarine, Кутузовъ et des centaines d'autres tinrent des conciliabules où ils s'occupèrent préalablement des affaires très-importantes. Ils arrêtèrent que l'amiral Мордвиновъ, leur ancien collègue, serait nommé chef de la milice du gouvernem. de Moscou, et il le fut d'une manière scandaleuse et indécente, à la grande surprise de tout le monde; car sans vouloir rien ôter au mérite de m-r Мордвиновъ, il n'a jamais servi dans l'armée et n'aurait formé aucun soldat, par conséquent tout autre militaire (et il y en avait tant) lui aurait été préférable dans une circonstance critique, où il fallait en même tems enrôler, exercer et envoyer à l'armée des paysans pour défendre le pays. Les martinistes, nôn contents de cela, firent courir des bruits fâcheux, vendirent à la poste un livre mystique: *Тоска объ отчизнѣ*, et s'oublièrent au point qu'ils firent germer quelques idées sur la nécessité de changer la forme de gouvernement et sur les droits de la nation de se donner un autre maître. La police, trop occupée, surveilla peu leurs démarches, et laissa tomber les soupçons sans avoir osé rechercher les auteurs de ces bruits séditieux.

Les martinistes, voyant qu'on ne voulait ou qu'on craignait de les inquiéter, se rallièrent bien vite. Тутолминъ, quoiqu'un homme d'esprit, était trop faible et coquin pour entreprendre quelque chose; il craignait pour lui et ne se faisait craindre de personne. Le m-l Goudowitch est trop vieux, trop imbécile et trop mal conseillé pour se pénétrer de la nécessité urgente de sévir contre une société dont le mystère seul suffit

pour attirer de nouveau l'attention du gouvernement et produire une nouvelle dispersion. Suivant toujours la même marche, les martinistes ont illustré et grossi leur secte par des personnages marquants et les ont fait parvenir aux places importantes; ils ont à Pétersbourg le *c-te Razoumowsky*, *Мордвиновъ*, *Картсевъ*, *Алексѣевъ*, *Дашуровъ*, et à Moscou *Лопухинъ*, *Ключаревъ*, *Кутузовъ*, *Руничъ*, *князь Козловскій* et *Поздѣевъ*. Ils sont tous dévoués plus ou moins à *Esperansky* *), qui, sans être dans l'âme d'aucune secte et peut-être même sans aucune religion, se sert d'eux pour les affaires et les tient dans sa dépendance. Ils se réunissent à Moscou chez Ключаревъ; mais l'homme qui dirige le tout est un certain Поздѣевъ, jadis directeur de la chancellerie du maréchal Чернышовъ, homme d'esprit, de moyens, affectant la pauvreté et l'humilité chrétiennes. Il a souvent des conférences avec Ключаревъ, personnage très-important de la secte, le coquin le plus impudent et le plus vil qu'il ait existé. Celui-ci était domestique du comte *Шереметевъ*. Placé dans la chancellerie de m-r Чернышовъ, il parvint au grade d'officier, fut nommé avocat du gouvernement de Moscou, chassé par une sentence pour avoir escamoté neuf procès et déclaré incapable à l'avenir d'occuper une place quelconque, oublié et méprisé à juste titre, il fut ensuite replacé au service comme maître de poste à Astrakhan par la protection de m-r Pestel, sous le règne de Paul. Là il fut impliqué dans une horrible histoire d'empoisonnement d'un cassier de la chambre du trésor. M-r Трощинской le fit passer de Тамбовъ à Moscou, où il

*) Сохраняемъ эту любопытно-Французскую форму имени знаменитаго Сперанскаго.

est directeur de la poste, faisant la contrebande, volant l'Empereur, ouvrant les lettres, maltraitant les employés et jouissant de la protection du maréchal qu'il trompe et d'Espéransky qu'il encense. Les autres membres distingués de la secte sont Лопухинъ, l'homme le plus immoral, ivrogne, livré à la crapule, révoltant la nature même par ses goûts, ayant 60.000 de rentes, et ruinant des familles entières qu'il ne paye pas après avoir emprunté leur argent: griffonant des livres mystiques, donnant l'aumône d'une main au pauvre et chassant de l'autre ses malheureux créanciers. Кутузовъ, espèce de la police sous Paul, bête, vil, ayant tous les vices du bas peuple, grand martiniste, endoctrinant les jeunes gens et malheureusement chef de l'université de Moscou. Outre ceux que je viens de nommer, la secte a possédé et possède encore une grande quantité des gens d'esprit, inconnus dans la société, qui se trouvent dans toutes les classes et s'occupent uniquement à propager leurs principes. Ils cachent leur dessein sous le voile de la religion, de la charité et de l'humilité. Ils boivent, mangent bien, sont adonnés au luxe et à la volupté, et cependant ne parlent que de continence, des privations et des prières. Par là ils font des dupes et de l'argent. Leurs livres promettent des rapports avec le Créateur à toute créature qui se dépouillera par la méditation des passions et des idées mondaines. La conscience se nomme chez eux église intérieure, et tout martiniste est censé la porter dans son sein. A en juger par le secret dévoilé des illuminés de Bavière et par ce qui s'est passé à Moscou, leur but est une révolution pour y jouer un rôle à l'instar des misérables qui ont perdu la France

et qui ont payé de leur mort les troubles qu'ils firent naître.

Les réflexons qui se présentent sur leur compte sont très-simples: s'ils sont chretiens, pourquoi prêcher de nouvelles doctrines, pourquoi substituer aux livres simples et éloquens de la religion divine des ouvrages mystiques que chacun explique à sa manière et qui égarent au lieu d'éclairer? S'ils ne sont que charitables, pourquoi le mystère? La modestie peut vouloir cacher les oeuvres de la bienfaisance, mais l'homme de bien ne prendra jamais le masque de l'hypocrisie. S'ils sont humbles, pourquoi faire parade de misérables aumônes, briguer des places, des distinctions etc.? S'ils sont sujets fidèles, quelle nécessité de faire naître le soupçon et d'attirer sur soi l'attention du gouvernement; pourquoi marcher tête baissée, parler à voix basse, et se défendre avec humeur de l'imputation d'être de la secte et avoir honte de lui appartenir, lorsque l'homme de bien jouit du droit de ne craindre rien ni pour ses actions, ni pour ses paroles, encore moins pour ses pensées? Je ne sais quels rapports ils peuvent avoir avec des autres pays: mais je suis persuadé que Napoléon, qui fait servir tout à ses desseins, les protége et tirera un jour un grand parti d'une association aussi méprisable que dangereuse. On verra, mais trop tard, que leurs projets sont non pas une chimère, mais une réalité, qu'au lieu d'être la fable du jour ils veulent jouer un rôle dans l'histoire et que cette secte est une ennemie perfide des gouvernements et des souverains.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Копія съ письма къ государственному канцлеру графу М. Л. Воронцову отъ генералъ-поручика Панина, изъ Стокгольма отъ 9 Іюля, полученнаго въ 20-й день Іюля же 1759 года.

Вчерашняго числа, отъ трехъ часовъ пополудни до третьяго часа сего утра, былъ здѣсь пожаръ съ жестокимъ вѣтромъ, и пламя пожрало большую и лучшую часть предмѣстья, называемаго Зюдъ, гдѣ я со всею Россійскою миссіею имѣлъ свои квартиры, церковь и лавки съ нашими товарами. Сначала пожара мой домъ сталъ быть въ опасности, а настоящаго лѣтняго времени отсутствіе изъ города всѣхъ повелителей, и недостаточные обряды съ худою дисциплиною при такихъ общихъ злоключеніяхъ, столько же и какъ вѣтръ, способствовали сему несчастію. Итакъ, претерпѣвая теперь совершенную растрощу и собственной убытокъ, имѣю однакожъ, къ утѣшенію моему счастіе и удовольствіе всенижайше донесть вашему высокографскому сіятельству, что находящіяся въ моихъ рукахъ дѣла съ архивою Ея Императорскаго Величества всѣ благополучно сохранены.

Къ моему несчастію и къ увеличиванію опасности моимъ бумагамъ, я самъ обѣдалъ за городомъ, а по возвращеніи нашелъ уже весь домъ въ конфузіи. такъ что ихъ спасеніе я долженъ единственно наивеличайшей ревности и попеченію господъ Стахіева и Мессмахера, кои, все свое предавъ жребію счастія, работали съ несказаннымъ трудомъ собственными руками о сохраненіи канцеляріи. Также, милостивой государь, я не могу умолчать о дружескихъ услугахъ мнѣ при семъ происшествіи оказанныхъ господами министрами Датскимъ и Польскимъ; они бъ истинно болѣе трудовъ и стараній приложить не могли въ приключеніи подобнаго несчастія своимъ собственнымъ домамъ. Другіе министры были всѣ за городомъ. Равно долженъ отдать я справедливость господину сенатору Генкину, которой хотя поздно возвратился съ генераломъ Ливеномъ изъ Дроттнингольма, однако же подалъ, и подавать по сей часъ продолжаетъ, всякую потребную въ моихъ обстоятельствахъ ассистенцію.

Что же касается, милостивой государь, до моихъ пожитковъ, они отъ огня спасены; но по несказанной скорости распространенія огня, я въ не состояніи сказать, какъ ихъ соберу изъ разныхъ мѣстъ, и въ какой цѣлости: ибо они развезены и растащены съ такою поспѣшностью, что многія вещи, вынесенныя на дворъ и на улицу, зажигались еще на мѣстѣ некрами.

Ваше высокографское сіятельство меня милостиво извинить изволите, что я съ сею почтою оставляю въ молчаніи другія обстоятельства сего несчастнаго приключенія здѣшней столицы. Вы, милостивый государь, изволите сыскать о томъ извѣстія въ письмахъ чужестранныхъ министровъ съ сею почтою; я же по сей часъ нахожусь еще въ крайней растроцѣ, не имѣвъ при себѣ ничего. Всѣ мнѣ принадлежащіе

въ разныхъ упражненіяхъ обращаются и пекутся о состояніи годовой моей провизіи въ погребахъ, вина, дровъ и сѣна, чего изъ дому вынесть было невозможно; а внутри его огонь еще и теперь горитъ. Посланникъ господинъ баронъ Поссе также претерпѣваетъ знатной убытокъ потерянiемъ своихъ оставшихъ мобилiй въ домѣ покойнаго сенатора Поссе, который совсѣмъ погорѣлъ. Меня взялъ подъ свою кровлю мой банкье, господинъ Финлей, что теперь мнѣ подаетъ большую отраду: ибо, милостивой государь, я гораздо нездоровъ, а теперь предъ двумя днями еще кровь такъ разгорячилась, что каждое утро и вечеръ сыпь имѣю по всему тѣлу.

Впрочемъ вторично всенижайше прошу милостиваго извиненія, что сіе письмо своею посѣщностью много оказываетъ то смятеніе, въ которомъ я нахожусь.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Аберкромбій 47.
Августъ III-й 57.
Авдѣева Екатерина 10.
Актонъ 485, 491, 492, 494.
Акчуринъ 257.
Александра Павловна великая княгиня 456.
Александръ I-й 503, 506.
Алексіановъ 259.
Алексѣевъ 505.
Али-бей 161.
Алфимовъ Дм. Ѳедор. 15.
Алханъ князь.
Альштримъ врачъ 61.
Амвросій архіеп. Казан. 365—368.
Амгерстъ 46.
Амело 213.
Амурадъ 336.
Ангальтъ Бернбург. принцъ 115.
Ангальтъ графъ 259.
Анрепъ 257.
Апрачсинъ 253.
Аргамаковъ 257.
Аржанталь (д') графъ 185, 188, 197, 202, 205.
Армфельдъ баронъ 65, 431, 434, 485—496.
Артуа (д') графъ 185, 199.
Архаровъ 257, 354.
Асебургъ баронъ 107.
Ахматовъ 382.
Ахметъ ханъ 380.
Ашъ баронъ 66, 420.

*

Бабинъ Ив. Мих. 18.
Бабурскій Мих. 7.
Бавыкинъ Василій 11.
Бакунинъ П. В. 9, 13, 32, 158, 161, 171, 223, 259.
Балашевъ 259.
Балкъ-Полева Марья Пав. 120.
Балле де Сенъ-Симонъ **124**, 125.
Бартъ 198.
Барятинскій князь 258.

Бахметевъ 27.
Бахметьевъ 258.
Беверкскій принцъ Іоаннъ 33.
Безбородко графъ А. А, 223, 257, 365, 455, 461.
Бекетовъ 255.
Беклешовъ 327.
Бергъ 96.
Бернесъ графъ 56.
Беркисъ кардиналъ 374.
Берхъ 258.
Боасъ банкиръ 168, 172.
Бово князь 185.
Богданова 257.
Бордъ (де ла) 216.
Борзовъ 110.
Боркъ графъ 413, 460.
Бражникова Мавра 13, 14.
Бражниковъ Ив. 13, 14.
Бранденбургскій курфюрстъ 421.
Браницкій 105.
Браницкій гетманъ 119.
Браницкій графъ 257.
Брауншвейгскій герцогъ 472, 478.
Бризаръ 191.
Бринкъ 110, 120, 163.
Бриль 107.
Броунъ графъ 25, 255.
Бруннеръ 336.
Брюсова графиня Праск. Александровна 255.
Брянчаниновъ 378.
Булатъ-Шахъ-ага 92.
Булгаковъ 470, 484.
Бутурлинъ 369.
Бутурлинъ 11.
Бухгольцъ Карлъ 25.
Бѣлоусовичъ Кирилла 11, 12.
Броунъ 397—400.

*

Ваньеръ 181—224.
Варавкинъ 92, 93,
Варикуръ 184.
Васильчиковъ Ал—дръ 359.
Вейсгауптъ 498.
Веревкинъ Илья Ив. 15.
Верженъ 374.
Веселицкій 81—83, 85, 87—89.
Веселовская 325—329.
Вестрисъ 191.
Вилларсо 203.
Вильвьель маркизъ 184, 185, 194, 195.
Вильетъ маркизъ 183 — 188, 192, 193, 196, 197, 199, 209, 214, 220, 222.
Виртембергскій принцъ 259.
Витфортъ 403, 407, 415, 418, 431, 453, 467, 479.
Вобанъ 321.
Воейкова 308—314.
Воейковъ Ив. 351.
Воейковъ Ѳедоръ Александровичъ 308—314.
Волковичъ графъ 258.
Волковъ 257.
Волконскій князь 160.
Волконскій князь 258.
Волконскій князь 258.
Волконскій князь Мих. Никит. 228, 229.
Волконскій князь Никол. 258.
Волынскій Артемій 58.
Вольтеръ 181—224.
Воронцова графиня Анна Мих. 61.
Воронцова графиня Марья Артемьева 58.
Воронцовъ графъ 257.
Воронцовъ графъ А. Р. 32, 166, 178, 182, 223, 225, 365—368, 369—376.
Воронцовъ графъ Ив. Лар. 58, 358, 362.
Воронцовъ графъ М. Л. 32, 45, 49, 51, 56—80, 509.
Воронцовъ князь М. С. 345.
Воронцовъ графъ С. Р. 483.
Воскобойниковъ Павелъ 11, 12.
Всеволожскій Сергѣй 358, 362.

Вяземскій князь А. А. 10, 14, 15, 18—19, 105, 255. 256.
Воронцовъ графъ А. Р. 397, 400.
Войновичъ графъ 385

Гавриловъ 102.
Гагаринъ князь Гавр. 499, 504.
Гайсъ 334.
Гальвесъ 406, 413, 414, 446, 473.
Гамильтонъ 45, 66.
Ганибалъ 259.
Ганноверскій курфирстъ 421.
Гактвигъ (фонъ) Карлъ Егор. 253.
Гаубгусъ 166.
Гевтенъ баронъ 409.
Гейденстамъ 428, 480.
Гельбигъ 401—484.
Генкель графъ 472.
Генрихъ принцъ 46, 158.
Гепкенъ баронъ 44, 65, 510.
Герасимовъ Ив 79.
Герцберсъ 456, 477.
Герцъ графъ 467, 480 482, 483.
Гика князь 327, 328.
Гиттель 478.
Глѣбовъ Дмитр. 257.
Глѣбовъ Петръ 257.
Глѣбовъ Ѳедоръ Ив. 258.
Голенищевъ-Кутузовъ 260.
Голицынъ князь 46, 47, 50, 53, 54, 55,
Голицынъ князь 111, 113, 116, 119, 120, 121.
Голицынъ князь 257.
Голицынъ князь 419, 422.
Голицынъ князь Ал—дръ Мих. 21—24, 179, 280, 287.
Голицынъ князь Дм. Мих. 144.
Голицынъ князь Ив. 359, 363.
Голицыны князья 20—23.
Головкинъ графъ 51.
Голохвастовъ 259.
Гольдернесъ графъ 47—49, 53, 54.
Гольцъ графъ 403, 428, 431, 432, 436, 439, 444, 447, 448, 460, 462.
Гоппе 481.
Гопъ 50.
Готье аббатъ 189, 191, 192, 194, 195, 198, 212, 213.
Гофренъ 156.
Грейгъ 124, 125, 259, 261—274.
Гренкеръ 337.
Григорьева Анна 15.
Григорьевъ Ив. Никифор. 15.
Гриммъ баронъ 223, 260.
Гроссъ 108, 122, 123, 126, 127, 130, 131, 168, 258.
Гудовичъ 377—397, 504.
Гульеръ (де ла) 214.
Гунингъ 137.
Гурьевъ Ал—дръ 359.
Густавъ III-й 410—412, 421, 460.

Даламберъ 198, 204.
Данауровъ 505.
Даниловскій 7.
Даниловскій Андр. 7.
Даниловскій Ефимъ 7.
Даунъ графъ 46, 54, 55.
Дашкова княгиня Ек. Р. 259.
Дашкова княгиня 259.
Дашковъ князь 259.
Дебальменъ графъ 260.
Деболи 484.
Девлетъ-Гирей-ханъ 139, 152.
Деденевъ Мих. Алексѣевичъ 255.
Делаландъ 204.
Делиль князь 258.
Дени г-жа 185, 187, 188, 193, 196, 197, 200—206, 208, 209, 211, 212, 214, 215, 217, 219—221, 223.
Дессано 333.

Дицъ 418, 430.
Докторовъ 257.
Долгоруковъ князь 115.
Долгоруковъ князь 330.
Долгоруковъ-Крымскій князь В. М. 81—98.
Долгоруковъ князь Георгій 455, 471.
Долгоруковъ князь Юр. Владим. 256.
Дорной 212, 214, 217—219.
Дрибергъ 129.
Дрябловъ 12.
Дубенскій 257.
Дубянскій 353, 354.
Дурновъ 257.
Дюканъ 123, 164.

*

Екатерина I-я 400.
Екатерина II-я 103, 179, 180, 182, 215, 222, 261—274, 351, 352, 354—364, 370, 481, 482, 484, 498—503.
Екатерина Павловна Великая княгиня 497—507.
Елагинъ Ив. Перфил. 256.
Елисавета Петровна императрица, 59, 366.
Еропкинъ Петръ Дм. 255, 397.
Ефимовичъ 258.

*

Ждановъ Ал—дръ 12.
Желѣзновъ Ив. 12.
Желѣзновъ Илья 12.
Женетъ 448.
Жоржъ принцъ 73.
Журавлевъ 257.

*

Заводовскій графъ Петръ Вас. 5—30, 127, 257, 309.
Золотухинъ 257.
Зоричъ Сем. Гавр. 258.
Зубовъ 454, 455.
Зубовъ Валер. Александр. 353, 354.
Зубовъ Плат. Александр. 354.
Зыбинъ Аѳанас. Никит. 16.
Зыбинъ Карпъ 16.
Зыбинъ Никита Клемент. 16.

*

Ибрагимъ Ханъ 386.
Игельштромъ 257, 431, 455, 465, 471.
Измайловъ Мих. Мих. 22, 23.
Измайловъ 256.
Исленьевъ Вас. 228, 229.

*

Іоанникій еписк. Воронежск. 13.
Іоаннъ Антоновичъ 33.
Іогновичъ 346.

*

Кадминъ 256.
Кайгородовъ Никифоръ 12.
Каль 129.
Кальцабиджи 77—79.
Каменскій 257.
Камынинъ Лукьянъ Ив. 256.
Капиджи Баша 334.
Карачинскій В. 25, 26.
Карлъ V-й 336.
Карнѣевъ 502, 505.
Кауницъ князь 111, 112, 121, 132, 144, 405, 446, 466, 480, 482.
Каховскій графъ 325—329.
Кашкинъ Аристархъ Петр. 258.
Кейзерлингъ графъ 56.
Кейнигъ Давыдъ 65.
Кейтъ 52, 53.
Керимъ Ханъ 145.
Ключаревъ 503—505.
Кнобельсдорфъ 418.
Кобенцль графъ 369, 419, 428, 429, 483.
Кобургскій принцъ 466.
Кодынецъ Ив. 12.

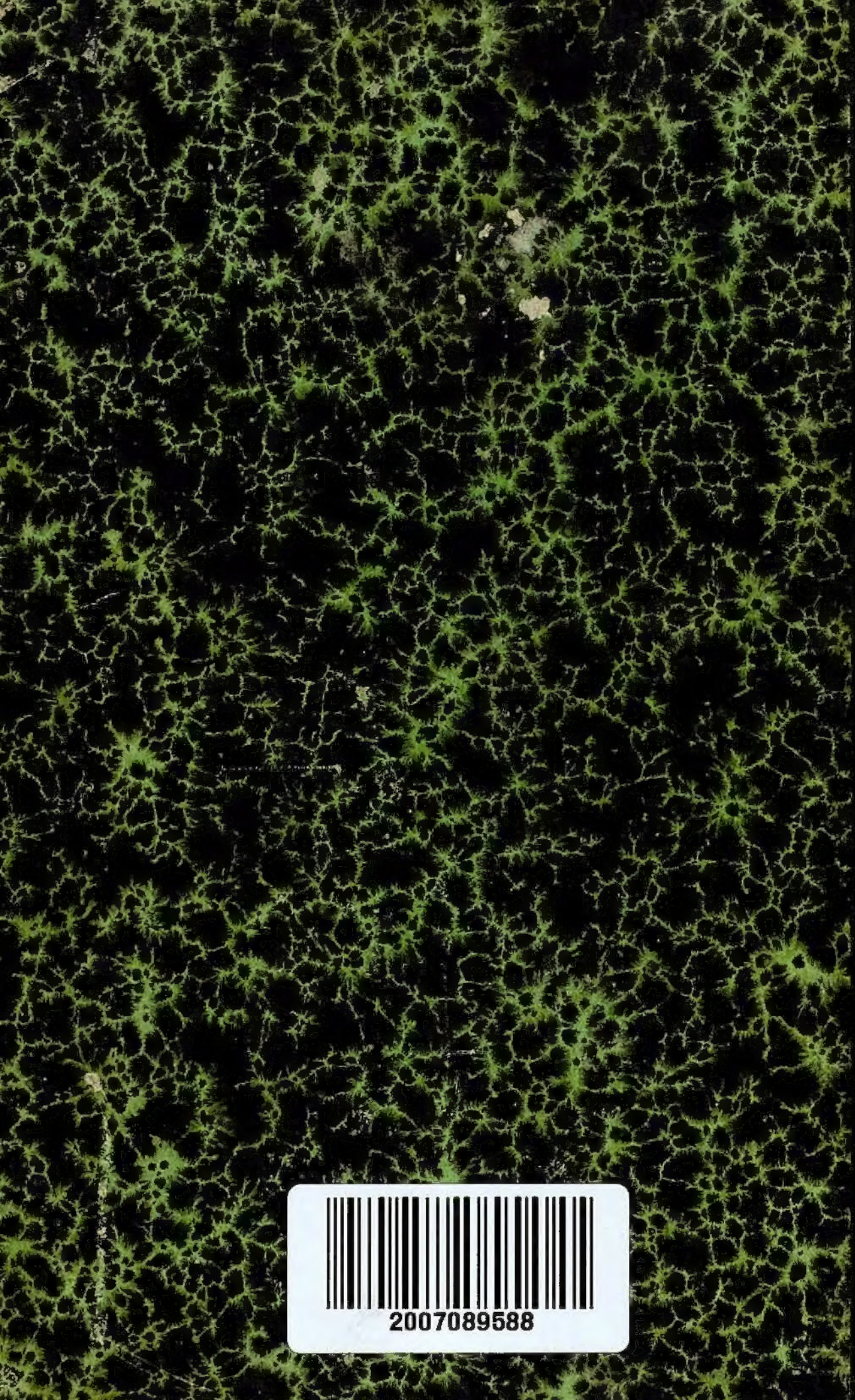
Козелкинъ Вас. 26.
Козловскій князь 505.
Козловъ 256, 257.
Козловъ Ив. 363.
Колокольцовъ Никифоръ 19.
Колокольцовъ 259.
Кольбергъ 321.
Кольцовъ-Мосальскій князь Ив. 359.
Конде принцъ 203.
Конецпольскій 333.
Корнейль 321.
Корралъ 413, 414.
Корфъ 34, 35.
Крамеръ Беллонъ г-жа 216.
Кренобинъ Фредерикъ 336.
Кристинъ 216, 222.
Кросновскій 129.
Крузъ адмиралъ 403, 411.
Крузъ Карлъ Ѳедор. 278, 279, 286, 287.
Кулиханъ 377, 382, 384—386.
Куперли 334.
Куракинъ князь 128.
Курисъ Ив. Онуфр. 345.
Кутузовъ Мих. 9, 498, 504—506.
Кушелевъ 259.
Кушникова Анна 20.

*

Лавернь 207.
Лагарнъ 187.
Лагерсвердъ 485, 487, 494.
Ладыженскій 257.
Ламбро Качіоній 483.
Ланской Вас. 258.
Лантинсгаузенъ 66.
Ласки Жеромъ 335, 336.
Ласси 397—400.
Лаудонъ 416.
Лаферміеръ 223.
Лашкаревъ 441, 452, 458, 466,
Лебрехтъ 330.
Левашовъ 256.
Левенштейнъ графиня 259.
Леконъ 185.
Леманкеръ адмир. 421.
Лентулусъ 164.
Ливенъ 510.
Листонъ 460.
Лобковичъ князь 107, 111, 112, 116, 121, 132,
Ломоносовъ 59,
Лопухинъ 258, 500—506.
Лори 193.
Лосовъ 129.
Лоссъ 401—484.
Лузи графъ 425, 462.
Лукезини маркизъ 467.
Людвигъ принцъ Виртембергскій 127.
Львова Екатерина 351,
Львовъ 223.
Львовъ Серг. 351.
Лютвъ-али-ханъ 386.

*

Мавринъ 259.
Макоютъ-Гире-Чо-банкери 388.
Максиміліанъ II-й 336.
Малиновскій 129.
Мальтицъ 257.
Мальцовъ 113.
Маметъ-ханъ 379, 384, 385, 386.
Мансуровъ 259.
Мардефельдъ 57.
Марія принцесса 57.
Марсёлетъ 306.
Мартевиль 52.
Мартъ аббатъ 190.
Маруцій 113.
Маршанъ 214.
Масловъ Никол. Ив. 10, 12, 15, 16, 18, 27, 256.
Матюшка графъ 116, 117.
Матюшкинъ графъ Дм. 359.
Матюшкинъ Мих. 363.
Мегмегъ-ага 346.
Мегметъ-Баки-Мурза-Ширинъ 99.


2007089588